

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

№ 5 (56) 2017

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: РИНЦ, Google scholar,
список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Главный редактор

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – Директор Службы внешней разведки Российской Федерации.

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – заместитель председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Редколлегия

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Меден Н.К. – редактор отдела научных изданий МГИМО МИД России.

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University,

Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Director of Foreign Intelligence Service (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Priklad'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Meden N.K. – editor of MGIMO-University.

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 30 усл. п.л. Заказ № 1343.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Политическое наследие Русской революции

- 7 Dunford M., Liu W. – A century of uneven and combined development: the erosion of United States hegemony and the rise of China
- 33 Вишняков Я.В. – Сербские добровольцы и Русская революция 1917 г.
- 60 Токарев А.А. – Отрицание, встраивание, постепенное забвение: государственные стратегии по отношению к советскому наследию в Грузии, Армении и Азербайджане

Европа и мир

- 81 Печалова А.И. – Трилатерализм и проблемы взаимоотношений США, Японии и Западной Европы
- 91 Жданова Ю.Д., Истомин И.А. – Реакция ЕС на экономическое возвышение КНР
- 114 Боровский Ю.В. – Международное соперничество в энергетике: на примере восточноевропейского рынка атомной энергии
- 130 Зимаков А. В. – Есть ли будущее для угольных ТЭС в Европе?
- 151 Ибрагимова К.А. – Научная дипломатия и рамочные программы ЕС как инструменты взаимодействия в области НТП и инноваций
- 169 Осколков П.В. – Сепаратизм в идеологии и практике фламандских правопопулистских партий

Ближний Восток

- 183 Хасан Джаббари Насир – Политический ислам, терроризм и безопасность на Ближнем Востоке

- 199 Kjurchiski N. – What drives the changes in the gulf oil monarchies?

Экономическая теория

- 209 Селиверстов Д.А. – Стратегическое предотвращение входа фирм на рынок: обзор моделей

РЕЦЕНЗИИ

- 233 Rastovic M. – A new generation draws the line: humanitarian intervention and the “responsibility to protect” today
- 237 Гусев Н.С. – По следам русской эмиграции в Софии

Table of Contents 5 • 2017

RESEARCH ARTICLES

The Legacy of the Russian Revolution

- 7 Dunford M., Liu W. – A Century of Uneven and Combined Development: The Erosion of United States Hegemony and The Rise of China
- 33 Vishniakov Ia. V. – Serbian Volunteers and the Russian Revolution of 1917
- 60 Tokarev A.A. - Negation, Inclusion, Gradual Oblivion: State Strategies on Soviet Heritage in Georgia, Armenia and Azerbaijan

Europe and the world

- 81 Pechalova A.I. – Trilateralism and issues of cooperation between the United States, Japan and Western Europe
- 91 Zhdanova Ju. D., Istomin I. A. – EU Reaction to China's Economic Rise
- 114 Borovsky Y.V. – International Rivalry in The Energy Sector: The Eastern European Market of Atomic Energy in Focus
- 130 Zimakov A. V. - Is There Any Future for Coal Power Plants in Europe?
- 151 Ibragimova K.A. – EU Science Diplomacy and Framework Programs As Instruments of STI Cooperation
- 169 Oskolkov P.V. - Separatism in Ideology and Activities of Flemish Right-Wing Populist Parties

Middle East

- 183 Hasan Jabbari Nasir – Political Islam, Terrorism and security in the Middle East

- 199 Kjurchiski N. – What drives the changes in the Gulf oil monarchies?

Economic theory

- 209 Seliverstov D.A. – Strategic Entry Deterrence Modeling: Literature Review

BOOK REVIEWS

- 233 Rastovic M. – A New Generation Draws the Line: Humanitarian Intervention And The "Responsibility To Protect" Today
- 237 Gusev N.S. – Following Russian Emigration to Sofia

A CENTURY OF UNEVEN AND COMBINED DEVELOPMENT: THE EROSION OF UNITED STATES HEGEMONY AND THE RISE OF CHINA

Michael Dunford, Liu Weidong

Institute of Geographical Sciences and Natural Resources Research, Chinese Academy of Sciences

The concept of uneven and combined development where the interconnectedness and interactions of different societies shape and combine with their internal structures to drive the evolution of comparative development and power is used to examine the drivers of successive phase of global development in the 100 years since 1917. This concept was coined by left-wing theorist and the Soviet Communist party leader Leo Trotsky with the aim of explaining peculiarities of imperial Russia's development. Currently it is applied for different cases of political and economic development on the global level. The concept of uneven and combined development allows taking into account both intra-state and extra-state factors, including political regimes evolution, international trade dynamics.

Most attention is paid to the drivers of secular economic decline in the United States and the Western world, the way it was tempered by a wave of productive and financial globalization that itself permitted the rise of a number of emerging economies with the economic, political and cultural capacity to exploit latecomer advantage and the way the rise of new powers is leading in the direction of a polycentric multi-civilizational world and a possibly more inclusive model of development. The article addresses political economy of global power shifts and their prospects.

Key words: uneven and combined development, the United States, China, real and financial globalization.

In the last 100 years several fundamental power shifts have occurred. Of these evolutions this article aims to deal with two: (1) the rise and especially the decline of United States (US) hegemony and of the unipolar world established after the collapse of Communism in Eastern Europe and the former Soviet Union; and (2) the current power shift to Eurasia and the global East (Russia, Brazil, South Africa, Indonesia, India, Iran and in particular China) and the re-emergence of a multipolar world respecting civilizational variety. These shifts have important inter-related cultural, political and military dimensions: the recent militarization of US foreign policy, erosion of US soft power and diplomatic authority and restoration of Russian military capability all play important roles. The aim of this article is however to identify domestic and external macro-economic mechanisms underlying these power shifts drawing on the Trotsky's concept of uneven and combined development.

More specifically the argument is that the erosion of US dominance resides in an ineffective and ultimately counter-productive response to the 1970s' economic crisis. Not only did this neo-liberal response fail to restore US economic growth but paradoxically it created conditions favoring the emergence of those contender states whose capacity to exploit latecomer advantage drove rapid economic growth and whose growth eroded the ability of the US to appropriate value from the rest of the world. At the same time it is argued that differential capacities of adaptation and adjustment arise from differences in social models and governance capacity. In this article attention is paid to three social models: the post-war western Golden Age, the post-1970s' neo-liberal Anglo-American model and the evolving Chinese social model.

These power shifts are an increasing focus of attention. In *The Rise and Fall of the Great Powers* Kennedy anticipated relative US decline due to uneven rates of growth and technological and organizational innovation [28]. More recently structural US decline and the rise of China was examined through the lens of world history. Amongst the most striking is Arrighi's *Adam Smith in Beijing* [5]. In this volume Arrighi draws inspiration from Frank's attempt in *ReOrient* [15] to overcome Eurocentrism through an examination of world history from 1400 to 1800, draws on Adam Smith, Karl Marx, Joseph Schumpeter, Fernand Braudel and Hannah Arendt, engages in debates with Harvey [22], Brenner [7] and others and relies on a world systems approach. Arrighi argues that the US and its associated capitalist model of development has undergone a transition from a signal to a terminal crisis of hegemony in the face of the rise of an alternative model of development that he calls, after Adam Smith, market society and suggests that this shift prefigures the arrival of a Commonwealth of civilizations. This optimistic scenario is one for which one must hope, while the idea that China is non-capitalist market society is one that contains significant elements of truth although it seriously underplays the results of the interaction of China with global capitalism.

Also from a world systems perspective Grinin and Korotayev [17] see the rise of the West and the current phase of convergence as one in a sequence of phases of convergence and divergence associated with innovation and inventiveness driven geographies of relative dynamism and stagnation. The main significance of this volume is the

account of the spread of technologies and the suggestion that the relative dynamism of Europe dates from the late fifteenth century and involved inter-regional interaction. The switch from divergence to convergence is said to coincide with the information technology revolution although latecomer catch-up started earlier. Although technology is a driver of change, this important evidence identifies something that has itself to be explained.

In this article the aim is to suggest an alternative approach that draws on theories of regulation [2; 11], the concept of varieties of capitalism and, especially, the concept of uneven and combined development (U&CD). The significance of U&CD is that, in a world in which a multiplicity of unequally developed states coexist, it combines internal (domestic or unit-level) and external (international, system-level or inter-societal) phenomena and drivers to provide an explanation of the actions and outcomes arising from these structures [45; 46; 51; 52]. Theories of regulation while examining cycles of economic growth and their punctuation by economic crises differs from for example the study of Kondratieff cycles [6; 18; 33] in that it involves analysis of the joint transformation of economic structures and institutional arrangements [3] and the political and economic drivers of capital accumulation. As Zhu [54] emphasizes, one of the important features of the current power shift is the end of the third wave of democracy [25] and the evident crisis of western multi-party representative politics. In this respect the study of varieties of capitalism [14; 19] moves in the direction of an analytical interpretation of societal variety and institutional performance.

As already indicated, the last one hundred years a series of dramatic restructurings involving uneven and combined processes of industrialization and urbanization and changes in political and military power saw a number of European countries and areas settled by Europeans first pull away from the rest of the world and then slowly lose their positions of dominance as other countries started to catch-up but at different speeds. One hundred years ago the US emerged from the First World War unscathed and in a particularly strong international position. In Russia the Bolshevik Revolution saw the establishment of socialism and the Soviet Union. The 1919 Treaty of Versailles agreed by the victorious powers imposed damaging reparations on Germany. As its hegemonic role declined, Great Britain sought to return to the status quo ex ante by tying the international exchange value of sterling to gold at the 1914 rate. This decision damaged British economic competitiveness [29]. The aim however was to stabilize conditions for international trade and investment, which had increased dramatically in the phase of industrialization, imperial rivalry and globalization up to the First World War (Figure 1), and preserve the role of sterling and Britain's imperial reach. In 1931 massive outflows of gold put downward pressure on Britain's exchange rate and forced the abandonment of the gold parity as the first of three major economic crises, which have punctuated the last 100 years of capitalist development, unfolded.

The crisis of economic liberalism that erupted in 1929 saw core country output and employment collapse, reinforcing protectionism and downturns in international trade and capital mobility. Three main ways forward emerged: a socialist planned

economy model of rapid catch-up industrialization in the Soviet Union; the mobilization of national cultural communities to regulate yet preserve private economic power in countries that turned to corporatism and Fascism; and social democracy with the rise of Keynesianism and New Deal politics in North America and Western Europe. The struggles between these three pathways and between new and old rising powers was settled with the defeat of Fascism and of Germany and Japan in the Second World War and the division of the world into a Socialist bloc centered on the Soviet Union and China, and a more economically advanced western bloc in which the US emerged as the new hegemonic power.

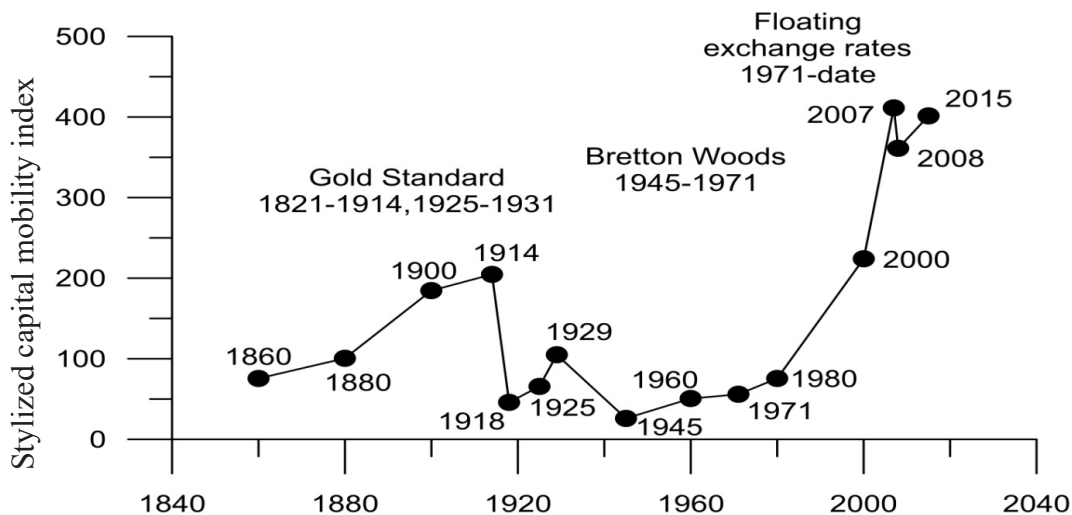

Fig. 1. Globalization ebbs and flows¹

At the end of the Second World War, the US accounted for nearly two-thirds of world industrial output [23, p. 258], and had the world's most productive industrial capacity and largest financial reserves, allowing it to set the agenda and determine the outcome of the July 1944 Bretton Woods Conference that established a new international financial and trade system. Although the US aim was a global open door policy granting US economic interests access to markets and resources on their terms throughout the world, a complex system of co-operation and rivalry nonetheless saw other countries draw on their relative strengths to map out roles in a US dominated western order. Great Britain for example continued to play a role as a major global financial centre despite the undermining of its system of imperial preference, the decline in the role of sterling and relative economic decline. At the same time domestic reform profoundly shaped by the challenge of Communism saw the establishment of mixed economies. Characterized by the establishment of the primacy of industrial over financial capital, a combination of mass production and mass consumption (Taylorism

¹ Based on Obstfeld and Taylor [42] as well as data from Bank for International Settlements // Bank for International Settlements, 2017. Locational banking. Bank for International Settlements. URL: <http://www.bis.org/statistics/bankstats.htm?m=6%7C31%7C69> (дата обращения: 01.10.2017).

and Fordism), significant public ownership, welfare states and Keynesian economic management, this 'great transformation' [43] opened the way to a thirty-year Golden Age of relatively rapid economic growth, full employment and declining inequality. At the same time the US came to occupy the centre of an open international system in which international trade and investment slowly increased (Figure 1) and in which the war-torn economies of Western Europe and Japan embarked on rapid catch-up industrialization. Although catch-up industrialization subsequently spread to the four Asian Tigers, in the 1970s this era came to an end, opening the way to the progressively slower growth of advanced capitalist economies.

Without the external assistance provided by the US to Western Europe and East Asia, the recovery of the devastated economies of socialist Eastern Europe was also remarkably rapid, while China initially with Soviet support started to lift itself from its position as the poorest economy in the world in 1949. As the growth of planned economies slowed, in 1989-91 the societies of Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union embarked on a series of transitions involving the replacement of the political rule by their Communist parties by representative democracies and their command economies by capitalist (and not simply market) economic systems. Associated with these domestic transitions was an integration of the former Communist world into a new international economic and political order characterized by the increasing influence of a number of global institutions, closely dependent on the USA, and a subdivision of the developed world into a small number of powerful, complementary yet competing economic blocs in North America, Europe and East Asia.

China however adopted a different path also involving the joint transformation of economic structures and public institutions. In 1978 the Third Plenary Session of the Eleventh Central Committee of the Communist Party of China (CPC) confirmed the decision to embark on reform and opening up (*gǎigé kāifàng*), reforming the planned economy and constructing a socialist market economy with Chinese characteristics. The aim was to make China a unified and modern economic power capable of catching up with and overtaking the western world, and of raising the living standards of the population, while preserving the integrity of the country and leading role of the CPC. Coinciding with years of economic crisis in the western world that saw globalization accelerate as industries were offshored to restore profitability by exploiting the cheap labor of emerging countries, China grew at an average of close to 10 per cent per year for nearly thirty years, emerging as the second largest economy in the world, the manufacturing workshop of the world and eventually a major capital exporter.

China's ascent was remarkably anticipated by Hobson [24] in his study of imperialism in which he wrote: "In our dealings with backward races capable of instruction in Western industrial methods there are three stages. First comes ordinary commerce ... Next, after Great Britain, or some other Western Power has acquired territory or invested capital in the foreign country with the aim of developing the resources, she enjoys a period of large export trade ... not necessarily balanced by the import trade since it really covers the process of investment. ... But a third stage remains, one

which in China at any rate may be reached at no distant period, when capital and organizing energy may be developed within the country ... Thus fully equipped for future internal development in all the necessary productive powers, such a nation may turn upon her civiliser, untrammelled by need of further industrial aid, undersell him in his own market, take away his other foreign markets and secure for herself what further developing work remains to be done in other undeveloped parts of the earth”.

Major subsequent geoeconomic and geopolitical trends indicate that Hobson's prediction showed remarkable foresight. However these trends also reflect the insights of other writers of that epoch including Trotsky's concept of U&CD. This concept will be discussed briefly in the next section [13], after which attention will be paid to the relative decline of the US and the rise of China. The final section will conclude.

Uneven and combined development

As just mentioned, the relative decline of western powers, the rise of emerging powers and the consequent re-emergence of a polycentric world can be understood in the light of Trotsky's theory of U&CD, while the possibility of China actually overtaking western countries was remarkably anticipated by Hobson [24].

The concept/law of U&CD was introduced by Trotsky [51; 52] to explain the ‘peculiarities’ of the economic, political and cultural development of Russia before the 1917 Bolshevik revolution. For Trotsky economic backwardness was an expression of the law of unevenness, which he later argued governed the whole history of mankind, explaining ‘the extreme diversity in the levels attained, and the extraordinary unevenness in the rate of development of the different sections of mankind during the various epochs’ [51].

Trotsky argued however that there is a related law of combined development. ‘Capitalism finds various sections of mankind at different stages of development, each with its profound internal contradictions. ... In contrast to the economic systems which preceded it, capitalism inherently and constantly aims at economic expansion ... and equalizes the economic and cultural levels of the most progressive and the most backward countries’. Backward countries were compelled to follow after advanced countries (‘the whip of external necessity’), but do not ‘take things in the same order. The privilege of historic backwardness ... compels the adoption of whatever is ready in advance of any specified date, skipping a whole series of intermediate stages’. The outcome of this dialectic of compulsion and privilege was ‘the drawing together of different stages of the journey, a combination of the separate steps, an amalgam of archaic with contemporary forms’ [51].

The most striking recent recovery of the concept of U&CD has occurred in the field of international relations where it serves to draw attention to the causal role of state actions and inter-state relations and counters the exaggerations of 1990s theories of globalization which suggested that increasing interconnectedness was leading to the replacement of the sovereign state system by a multi-layered, multilateral system of

'global governance'. In the words of Rosenberg: 'all societies coexist with and interact with others, and ... this [interaction] super-adds a lateral field of causality over and above the 'domestic' determinations arising from each and every one of the participant societies [9, p. 88]: the development of individual societies not in their internal structures and agents alone but also in their interconnectedness with other societies.

For Trotsky, combined 'grows out of the first [uneven development] and completes it' [10, p. 295]. In a world of unequally developed polities interactive relations with other developmentally differentiated societies are sources of constraint and creativity. Countries that are less developed are enmeshed in asymmetric webs of economic, political and military dependence that can impede/enhance their growth and development. At the same time depending on economic and cultural capacities of adaptation and assimilation, state domestic and international governance capacity, underlying social relationships/capabilities [1; 52] contender countries can also draw on the advantage of backwardness to appropriate what is relatively advanced (through investment, learning and acquisition), avoid steps on the path (through stage skipping investment), create combinations with a higher preponderance of modern elements and generate these effects quickly and strongly.

Material and non-material aspects of modernity derived from more advanced societies are grafted on and combined, in the absence of the social relations from which they emerged, with internal social relations to produce and reproduce in ever-changing forms 'amalgamated socio-political institutions, socio-economic systems, ideologies and material practices' [4, p. 45] which in turn react upon more developed societies [38]. The encounter of capitalism with pre-existing and non-capitalist forms of work and life gives rise a unique, heterogeneous and constantly reconfigured mixture of 'native' and 'foreign', 'advanced' and 'backward', 'new' and 'old', 'modern' and 'traditional' economic, political and cultural forms. As José Carlos Mariátegui indicated, the result is the rendition of contemporaneous non-contemporaneity or synchronous non-synchronicity 'into a palimpsest-like paradigm' of social change [21, p. 4]. These combinations make development outcomes interactive, multiple and contingent.

The decline of US hegemony

The theory of U&CD combines the analysis of the rise and decline of nations and the rise and decline of institutions [53] requiring an identification of the institutionally contingent economic mechanisms and the political structures and interactions that increase and reduce unevenness. Trotsky explicitly identified the culturally contingent role of latecomer advantage in eroding the lead of economically and politically advanced societies. The mirror image of the privilege of backwardness is the handicap of a head start. A head start is a source of economic and political advantages yet can also give rise to rigidities that impede progress if, for example, accumulation slows and the scrapping of old and investment in new assets are restricted.

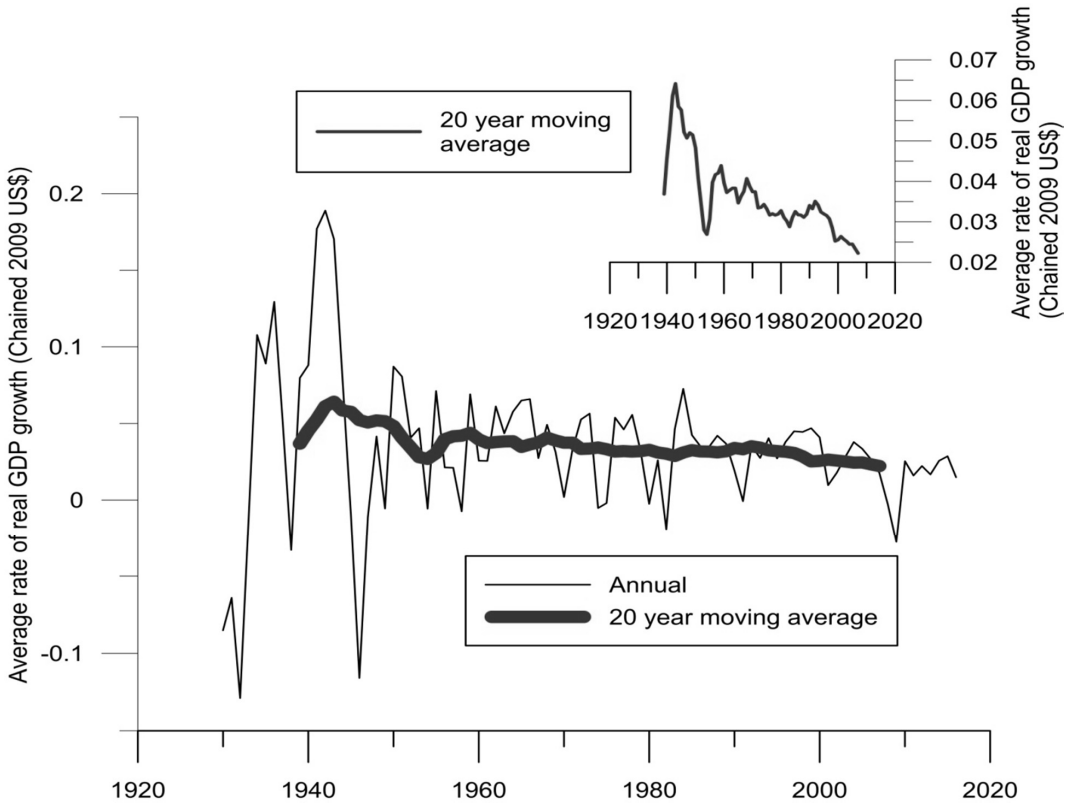

Fig. 2. US real GDP growth, 1929-2016²

All advanced economies have seen growth rates progressively decline and fall behind those of some emerging powers. In the case of the US, the peak values of 20-year moving average annual rates of Gross Domestic Product (GDP) growth declined from 6.4% in 1943 to 4.4% in 1958, 4.1% in 1968, 3.5% in 1992 and 2.6% in 2001. This slowdown is a result in part of declining productivity growth (except for a short surge in the second half of the 1990s) dating in the US case from 1970, although this problem plagues all G7 countries including latecomers such as Japan. Notwithstanding the development of artificial intelligence, robotics and genetic engineering, this slowdown is expected to continue. Gordon [16] for example argues that the economy-wide transformative impact of recent innovations is smaller than those of the late nineteenth and first three quarters of the twentieth century. The impact of digital technologies was much smaller, while the impact of current-day new technologies (genomics and genetic engineering, nanotechnologies, robotics and artificial intelligence) is restricted by four ‘headwinds’ (demography, education, inequality and debt) meaning that the US faces lower growth for the next 25 to 40 years. Compared, moreover, with countries which are not yet at the current technological frontier, and which can therefore adopt

² Based on data of Bureau of Economic Analysis // Bureau of Economic Analysis, U. D. o. C. 2017. US economic accounts. URL: <https://bea.gov/> (accessed: 01.10.2017).

existing technologies and skip steps along the path, the scope for growth in the US and other developed countries is much more limited.

What drives growth however is not so much innovation as capital accumulation and the replication of investments that lead to their diffusion. These waves of capital accumulation start with the emergence and initial diffusion of technologies and products and proceed, sometimes through crises of adaptation, to their maturity. Capital accumulation and the renewal of the capital stock depend however on investment and savings, which have declined as a share of GDP, and in a capitalist society on profitability, which has also declined.

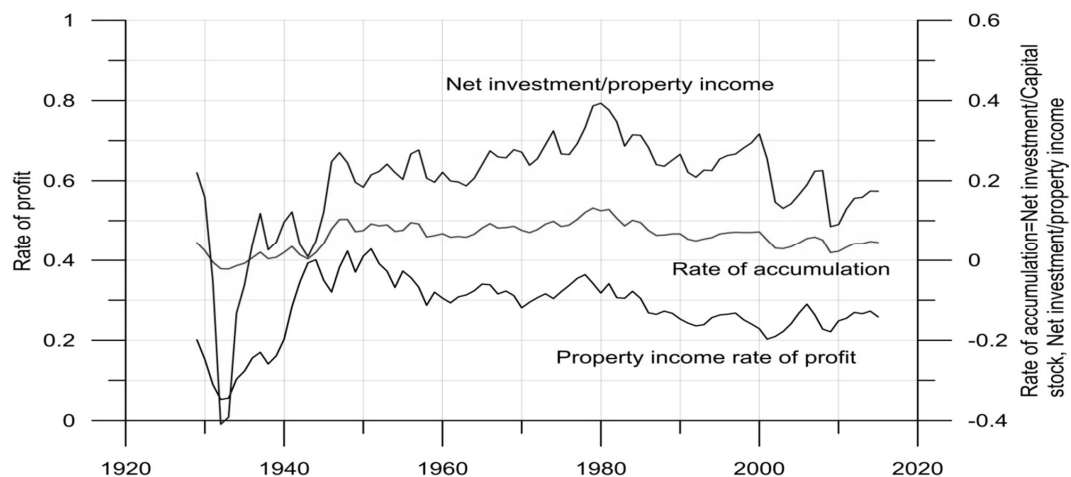

Fig. 3. US corporate profitability and investment, 1929-2016

As Figure 3 shows rates of profit in the US were high in the immediate postwar years. In the 1950s the consequence was high rates of investment in new technologies including electric-powered machine tools, assembly-line production, aviation, white goods, air-conditioning, inter-state highways, petro-chemicals, supermarkets and television sets employing an abundant supply of labour and using cheap raw materials in a context of Keynesian macro-economic management and industrial policy. These high rates of investment and capital accumulation drove rapid economic growth and a radical transformation of ways of life³.

This Golden Age did not last, as US financial and non-financial corporations eventually faced a declining rate of profit from the mid-1960s (Figure 3), entering a classic period of crisis from which it has essentially not recovered. In the 1980s declining profitability and growth were temporarily reversed as a result of an increase in the efficiency of capital, a change in corporate management and an increase in the share of financial sector, spurred by Anglo-American financial liberalization and deregulation. With the emergence in the 1980s of private equity in the shape of leveraged buy-outs, and with an increase in the equity holdings in listed companies in the hands of

³ This rate of profit is computed at historical cost [32]. The property income rate includes taxes and interest payments. The detailed trajectory of a rate of profit computed at current cost differs but the overall trend is downwards.

financial investors and wealthy individuals along with increased cross-shareholdings of non-financial companies, equity market value and shareholder value (instead of stakeholder value) emerged as the main measure of firm performance ‘decoupling financial yield and the economic return on capital, decoupling median wage growth and productivity gains, and decoupling after-tax and primary income’ [3]. As productive investment in developed countries remained unattractive, the share of the financial sector in US profits increased sharply (Figure 4)⁴, as did the gap between the market value for the ownership securities of US enterprises and the market value of the capital assets employed⁵. Once the decline in profitability set in again, exacerbated by high levels of outstanding debt, investment declined, and growth came to depend on the expansion of credit to support consumer demand and property and financial speculation. As Aglietta argued ‘the financial crisis has invalidated this particular logic of capitalism.’ In the absence of a destruction of capital values and deleveraging, it has, however, not led to a renewal of productive investment.

For Keynes, Kalecki and Minsky investment is a part of aggregate demand and investment drives profits rather than vice versa: investment increases output and producer and consumer income, while increased income enables the increase in output to be sold at prices that provide a markup on costs affording a return on the capital advanced [27; 31; 40]. According to Keynes [31] what mattered was that marginal efficiency of capital exceed the rate of interest: if the expected profitability associated with the purchase of additional capital exceeds the rate of interest, investment will go ahead. Keynes [30; 31] also argued that capital would eventually cease to be scarce and that interest rates would fall close to zero, leading to a situation in which investment and growth would depend solely on the marginal efficiency of capital. According to Minsky [40] the expected profits of indebted investors must also suffice to validate/recover the payment commitments arising from earlier investments.

For Kalecki [27, p. 78-79] in the case of the simplest of models it is capitalist’s aggregate ‘investment and consumption decisions which determine profits, and not vice-versa.’ Causality runs from investment and capitalist consumption to profit. The more capitalists spend as a class, the more profit they will make. According to Minsky [40, p. 184] causality ‘runs from investment and government spending to taxes and profits. On this view in recessions investment depends on profitability, but, as profits depend themselves on previous investment, it is investment that ultimately drives economic development.

⁴ In the productive sector profits derive from advancing one’s own and borrowed capital to provide goods and services. As the difficulty of making profits from productive activities increased, the attractiveness of making money via finance rose, especially in countries with major financial sectors. In the banking sector profitability derives from the volume of financial transactions and from the ability to create new revenue-earning financial assets through the creation of credit: as long as loans yield higher rates of interest than deposit liabilities or borrowing, expanding assets increases net income, provided that at the end of the day sufficient new income is created to enable repayment of loans. This problem of debt repayment plagues the global system today.

⁵ In these circumstances changes in corporate profits depend on changes in the value of fictitious capital (which depends on stock and bond market prices and interest rates). These valuations were often radically different from those deriving from the real earning on advanced capital.

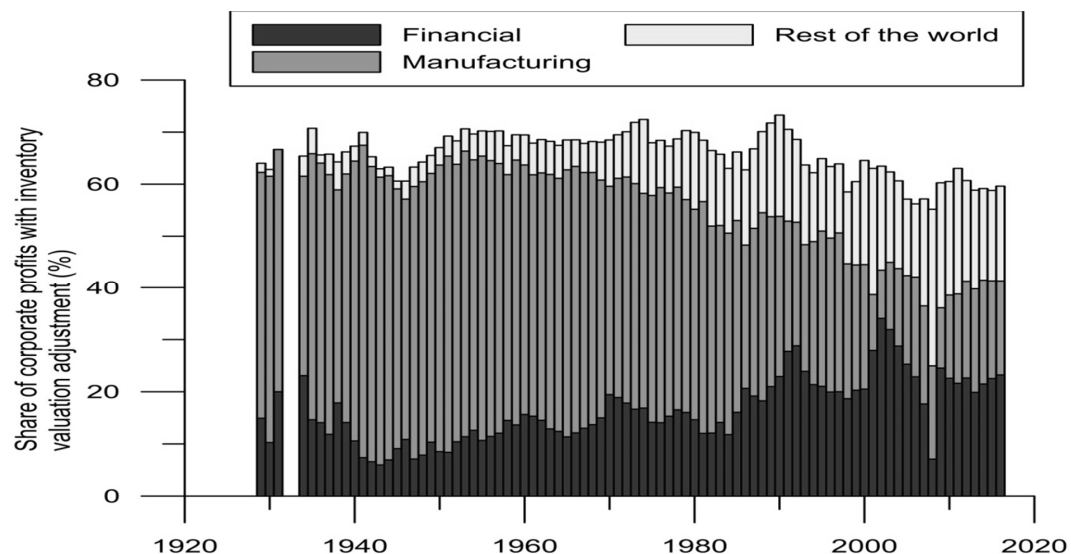

Fig. 4. Structure of US corporate profits, 1929-2016

In this light some Keynesian economists have identified a problem of secular stagnation [20; 34; 49]. The core claim is that recent interest rates are too high, and that capitalist economies can grow more rapidly only if investment and consumption increase as a result of further reductions in real interest rates through inflation and speculation. At present however nominal interest rates are near zero and subject to a permanent zero lower bound, making secular stagnation unavoidable. A multiplicity of other explanations of insufficient effective demand have been put forward including a decline in the share of wages in national income, greater inequality, and monopolistic mark ups on costs. Many of these arguments are less pessimistic than the secular stagnation thesis in the sense that they identify reforms that might raise investment.

And yet a clear implication of all of these arguments is also however that the marginal efficiency of productive investment is low and that there is therefore a dearth of profitable productive investment opportunities. In the US case moreover it is far from clear that investment drives profitability rather than vice-versa. In the US profits peaked several quarters before the recessions in 1974–75, 1980–82, 1990–92, 2001, and 2008–09, while investment peaked later, almost immediately before the recession. After the start of the recession, profits recovered before investment. This evidence suggests that it is low rates of return on productive investment that are driving stagnation [50]⁶.

From the 1970s there was also a massive offshoring of jobs from developed to emerging countries. As will be seen, the capacity of some emerging economies to take advantage of this global shift played an important role in relocating the world's cen-

⁶ Marx argued that the value of the means of production relative to the value of wages (for the system as a whole) has a propensity to increase over time tending to reduce the rate of profit. This decline can be offset by increases in the rate of surplus value or a reduction in capital costs possibly through a destruction of capital as occurred in the Second World War.

tre of economic gravity. At the same time relocation helped counter the decline in profitability of US corporations. First, US corporations replaced expensive domestic with cheaper foreign labor. Second, trade with emerging countries provided low cost finished and semi-finished goods, reducing domestic investment and affording large profits through their sale in rich country markets. Although domestic operations realized these profits, the source was cheap imports. Cheap imports also reduced the cost of living in the US and other industrialized countries, contributing to the decline in the cyclical volatility of GDP referred to as the Great Moderation (Figure 2). Third, the accumulation of foreign reserves and purchase of US securities by US trade partners to insure themselves against financial crises reduced nominal and inflation-adjusted interest rates and reduced yields. The consequence was an increase in the price of securities, increased financial sector activity and profits and a sharp increase in credit fueled demand. Simply speaking, after the financial crisis corporate profitability was supported by the decision of the US government and the Federal Reserve to rescue the private sector, and subsequently to purchase billions of dollars of US Treasury securities and private mortgage backed securities.

As the Stolper-Samuelson theorem shows however under competitive conditions, as long as imported good(s) continue to be produced domestically, at least one factor of production is rendered worse-off by trade liberalization [48]. In the US and Europe the losers from the offshoring of jobs were members of the manual working class. Increased trade led to job displacement and income losses as a result of competition with workers living in countries with different social norms and regulatory systems (reflecting the unevenness of development). At the same time immigration intensified domestic job market competition, eventually contributing to deep social and political cleavages in economically advanced countries.

In a sense therefore globalization offset the stagnation of advanced country growth at the expense of significantly reduced social cohesion, while contributing to the emergence of new rising powers. More important in many respects were however the ways in which a small number of countries were able to mitigate the difficulties they faced through their capacity to appropriate wealth created in the rest of the world. These countries usually had extensive past and present trade and investment activities and came to dominate global finance and commerce. Until the recent emergence of China, the main centers were the US and the UK with smaller centers in Japan, France and Germany, regional centers in Hong Kong and Singapore and fund management centers in Switzerland and Luxembourg and a host of offshore tax havens. As concentrations of the activities of unevenly developed financial markets, these centers not only generate significant revenues and capital gains but are also sources of power and control for the corporations, individuals and governments with privileged access to them.

The evolution of the shares of outstanding cross-border claims and liabilities of banks located in different countries. Claims are bank loans to other countries, while liabilities are deposits from other countries. Together these claims and liabilities are correlated with the economic power and influence and transactional revenues of these

countries from trading in foreign exchange, securities and derivatives. At the end of 1977 the US accounted for 12.6%, while the UK, which had developed as a centre for the Euromarkets and an intermediary meeting the financial needs of a growing internationalization of capital, accounted for 26.1%. At the start of 2017 the corresponding figures were 11.7% and 17.0%. Figure 5B records the same data by country of ownership of the banks rather than their geographical location. At the end of 1983 the US accounted for 25.3%. At the start of 2017 this figure had dropped to 12.4%.

Fig. 5. US balance of payments, 1929-2016

The US role in the international system derived from its role in setting the ground rules for the world monetary system established after the Bretton Woods agreements. The initially anticipated dollar shortage turned however into a glut. As the US used the dollar to pay for imports which started to exceed exports (Figure 5) and to finance net outward investment, overseas dollar holdings came to exceed US gold reserves at the official price of \$35 troy ounce. To deal with this problem, which derived in part from the cost of the Vietnam War and US social programmes and in part from a decline in US competitiveness, in 1971 the US severed the link with gold and ended the Bretton Woods fixed exchange rate regime.

At that stage however the US dollar remained central, as it accounted for 84.5% of foreign currency reserves, as most trade was denominated in dollars and as the US had the largest capital markets [41]. To preserve its dominance, in 1974, the US persuaded Saudi Arabia and subsequently other Middle Eastern OPEC states to denominate the price of oil in dollars and to use part of the trade surpluses generated by the 1973-74 and 1979-80 oil price hikes to purchase US Treasury securities. OPEC dollar surpluses

were also deposited in banks in the US and UK in particular, and were in some cases recycled as loans to developing countries, laying the ground for the debt crises of the 1980s. These crises in turn weakened the political position of the Global South and saw the morphing of the International Monetary Fund (IMF) into an instrument for crisis management and opening up enfeebled emerging economies. Other countries were forced to compete for and hold dollar stocks to service dollar-denominated payments and accumulate dollar reserves to sustain the exchange value of their own currencies and protect themselves against speculative attacks. As these stocks were not converted into other currencies, and as OPEC and other surplus countries purchased US securities, pressures on the US exchange rate were removed, enabling the US to embark on a national and global strategy of capital account liberalization and opening a new era of global financial markets (Figure 1).

The domination of global currency deals by the dollar generates a series of advantages for the US. First the US gains from international seigniorage: insofar as the fiat dollars used to purchase imports are not used to purchase US goods and services but instead go into circulation in other countries, the Federal Reserve can simply print dollars, appropriating wealth from the rest of the world, provided it does not destabilise the international monetary system.

Second the US has managed to finance large external trade deficits (and federal government deficits) by borrowing in its own currency at an extremely low cost. In the past surplus countries such as Saudi Arabia, Japan and China have purchased US Treasury securities and other dollar denominated assets. In 2014 to 2017 nearly two-thirds of official foreign exchange reserves were held as dollars. These holdings reduce US yields, compensate for the low savings rate in the US and underpin consumer and government borrowing. US saving declined as a share of GDP from peaks of 16% in 1942, 12.7 in 1965, 11.0 in 1973, 9.5 in 1978, 6.2 in 1999 to 3.3 in 2015.

Third the dollar share of the credit market is the largest in the world. Privileged access to this market, the avoidance of exchange rate risk and relatively low rates of interest are important US economic advantages. In particular the interest costs of US foreign borrowing are far smaller than the rates of return on US foreign investment, enabling the US to secure a positive net income position despite the fact that foreigners own more assets in the US than the US does in other countries⁷.

Fourth, as most trade and finance is denominated in US dollars, just about every country is subject to US commercial rules. Moreover the US can seriously damage other countries by cutting them off from the US banking system through which dollar transactions must normally pass and by exposing non-US banks to sanctions if they deal with a country the US wants to isolate.

As finally one of the centers for the world's major equity markets with access of world funds and with high equity valuations, the US and its corporations have finally

⁷ In 2016 US income from investments and trade in foreign equities and bonds amounted to \$844.3 billion. US payments to the rest of the world on its liabilities arising from foreign investments in the US stood at \$647.2 leaving a net income of \$197.1 billion (Figure 5).

considerable resources to deploy to assume control of global economic assets and the dividend streams they generate.

The stagnation of the US and other western powers is one aspect of U&CD. As this section has shown however the US and a number of other western countries continued to occupy a dominant position in the global system tempering economic decline through the continued appropriation of resources from the rest of the world⁸. These advantages were closely related to role of the dollar, control over oil and gas from petro-states and the willingness of countries with large trade surpluses to purchase US securities. These transfers could however not arrest structural decline. More importantly, this position of dominance was eroded as latecomers embarked on catch-up development, as their role in the international order increased and as US attempts to use its military capacity to maintain its position of dominance failed, creating instability and difficult to resolve security issues.

The rise of China

Until the eighteenth century China was not just a great civilization but also a world leader in science and technology. After 1840 internal drivers of decline were reinforced by the commercial penetration of foreign colonial powers and Japan's attempt at conquest. In 1949 the new China was the poorest country in the world. From that point in time however China embarked on catch-up industrialization and urbanization drawing on latecomer advantage to develop industries using some of the latest technologies, jumping steps and rapidly increasing labor productivity [36]. As already mentioned, the main source of productivity growth was not however innovation but capital accumulation and the replication of existing technologies. In this case output increases in proportion to inputs of capital, labour and land. The innovation of new technologies, products and organizational models does of course raise output per unit of input. The main driver was nevertheless the accumulation of capital and the mobilization of labour. Indeed, even in the US since 1947 'the great preponderance of economic growth ... involved the replication of existing technologies through investment in equipment, structures, and software and expansion of the labor force' [26, p. 1].

As a result in 1960 to 2016 China's share of world GDP at current exchange rates rose from 4.3% to 14.7%, making it the second largest economy in the world after the US (22.9%). In 2016 China was the world's largest exporter, supplying 13.1% of all exports, accounted for 12.6% of the stock of inward foreign direct investment and 4.5% of the stock of outward investment⁹. At the end of June 2017 Chinese foreign exchange reserves stood at US\$ 3.087 trillion stood having reached US\$ 3.993 in June 2014¹⁰.

⁸ In the aftermath of the financial crisis quantitative easing drove down interest rates and led to significant increases in dollar debt outside the US including in many emerging economies increasing vulnerability to rising dollar yields and dollar appreciation and creating a potential stream of revenue for the US.

⁹ United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). 2017. Statistics. URL: <http://unctad.org/en/Pages/Statistics.aspx> (accessed: 01.10.2017).

¹⁰ State Administration of Foreign Exchange (China). Forex reserves. URL: <http://www.safe.gov.cn/wps/portal/english/Data> (accessed: 01.10.2017).

The Chinese government has used these reserves to recapitalize its state-owned banks and finance overseas investment by State-Owned Enterprises and private companies in Africa, South America and the Pacific. According to IMF forecasts Chinese savings will reach \$7,374.1 billion in 2022 compared with \$4,615.2 billion in North America and \$4,345.9 billion in the EU. The assets of China's development banks outstrip those of the World Bank (Figure 6).

This remarkable transformation involved the joint transformation of economic structures and public institutions, designed to move the country forward economically, while dealing with the contradictions generated by earlier phases of development [12]. Up to 1978 these socio-economic transformations were driven by the establishment of a unified socialist state. In 1978 the Third Plenary Session of the Eleventh Central Committee of the Communist Party of China (CPC) confirmed the decision to embark on reform and opening up with a view to the preservation of the integrity of the country and the leading role of the CPC and the establishment of a socialist market economy with Chinese characteristics.

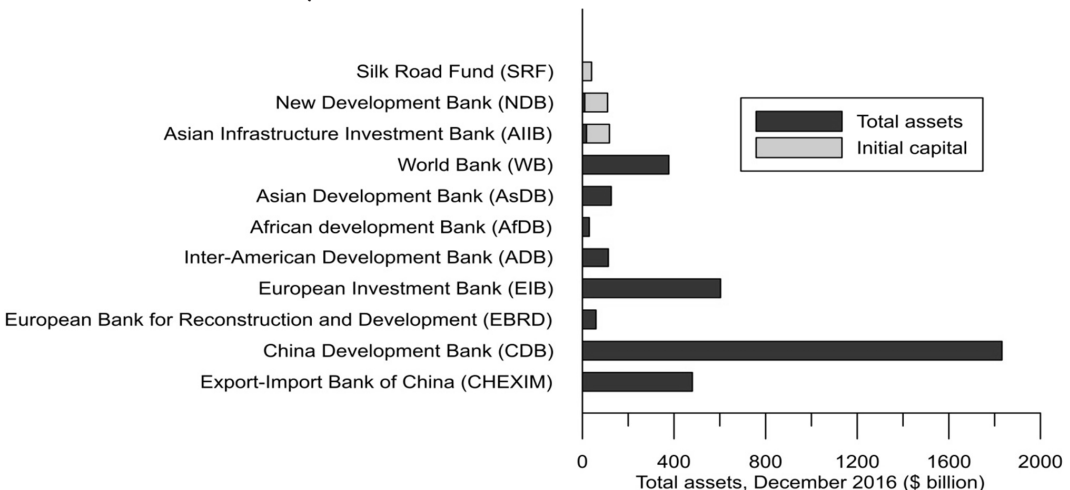

Fig. 6. Development finance: total assets and initial capital of international and Chinese development banks, 2016

Agricultural reform, the establishment of Township and Village Enterprises, the rationalization and/or sale of loss-making SOEs and the attraction of foreign investment into special zones to serve markets separate from those served by potentially vulnerable domestic producers saw a massive transfer of labour from agriculture to industry and services and from the countryside to the city. In 1978 82% of the population was rural and 71% were farmers accounting for just 28% of national output. By 2015 these figures stood at 47%, 34% and 10%. At the time of the 2010 Census 260 million mainly young rural people worked as floating workers in China's cities [13].

These transformations derived from exceptionally high rates of saving, investment and capital accumulation in urban and rural infrastructure, plant and equipment. In China since 1978 the share of investment in GDP increased. The lowest share was

32% in 1982 and 1983 and the highest was 48% in 2011. An exceptional high volume of investment in urban and rural infrastructure, plant and equipment was a characteristic of East Asian development and was a major driver of China's growth. China is characterized by state ownership of most of the banking system and the development of a very strong SOE sector. The existence of significant state assets generates revenue streams that provide the government with resources to fund economic and social infrastructure and services and reduce reliance on taxation and interest-incurring public debt, provided these assets are used efficiently [39]. In China public investment was and is a major driver of growth and productivity.

In the next 15 years the size of the urban population will increase by some 300 million people driving domestic growth through massive investments in new infrastructure, housing and commercial and industrial property, significant increases in urban employment and urban services, increased social protection and reduced cautionary savings [37].

Although the current degree of inequality is unacceptable and poverty remains a serious problem especially in remote mountain areas, China's growth has raised all boats but at different speeds. Almost all urban Chinese and the top two rural deciles were among the groups with the greatest increases in real income in the world in 1988 to 2008, although relative and especially absolute increases were greater for higher income groups (Figure 7). In China the average real income in poor rural counties also increased. Conversely people at the lower end of the income distribution in rich countries lost ground contributing to the decline in social cohesion noted earlier.

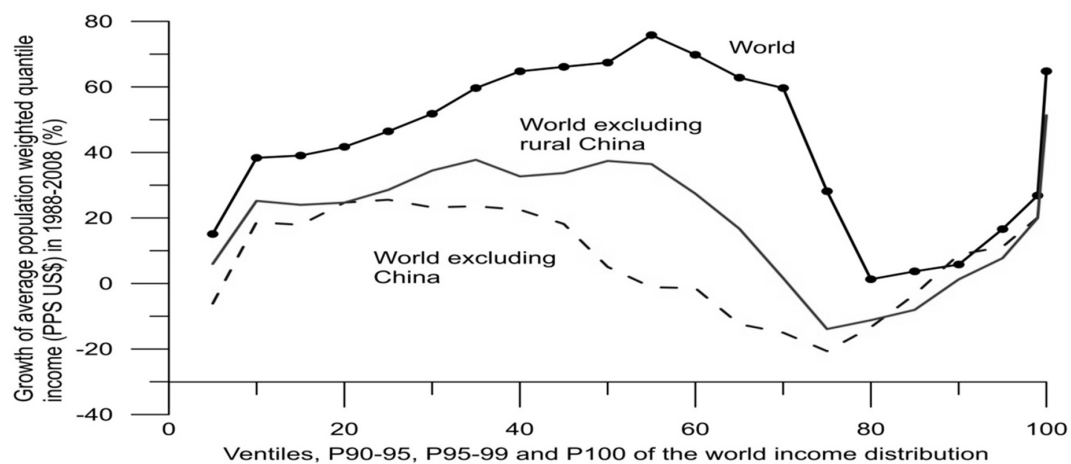

Fig. 7. Global growth incidence curves: relative increase in real income by percentile of the world income distribution, 1988-2008 [35; 47].

China managed to get close to the technology frontier often in clusters of industries in geographically fragmented value chains [8]. Catch-up depends critically, however, on governance, policy and economic and cultural capacities of adaptation and assimilation. Countries/regions that have established early domestic indus-

trial nodes find growing from their initial positions extremely difficult. As concepts of U&CD suggest, transnational corporations are very resistant to domestic content and technology transfer requirements and use their influence with international organizations and their domestic governments to unravel policy restrictions. A strong state, an attractive investment environment and an increasingly coveted domestic market provided China with the means to negotiate more equitable terms and conditions.

China's success owes no small amount to these circumstances and the capacity of the Chinese government to adopt an effective export-oriented growth model. The government delivered collective services, infrastructure and stability. China established control over its capital account enabling the Central Bank to accumulate reserves and the government to create a Sovereign Wealth Fund. The accumulation of reserves put downward pressure on China's exchange rate, reinforcing export competitiveness and enabled China to provide credit to developed countries importing its exports. China mobilized domestic savings alongside foreign direct investment (FDI) to finance investment. As China's development of an industrial policy combining effective protection with export promotion and some technology transfer showed, an ability to take advantage of globalization depends on state capacity, which was actually reduced in countries that adopted neo-liberal reform agendas in line with the open door interests of foreign capital. As concepts of U&CD imply, the exploitation of latecomer advantage depends critically on the grounding of economic models in supportive and capable institutional configurations.

The rise of China poses major challenges to US domination of world economy, of finance and of the World Bank and the IMF. A new balance of economic forces can change world trends. In 2009-16 China accounted for 69.7 to 92.9% of the US current account deficit. China provides an alternative source of funds for countries not favored by the World Bank and the IMF. In 2014 Brazil, Russia, China and India, South Africa established the New Development Bank. Mainly funded by China and headquartered in Shanghai, it will finance trade and investment contracts outside the Anglo-American system that do not use dollars. The same year saw the establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank which the US failed to prevent its allies from joining. China's authorities have secured the inclusion of the Renminbi in the IMF's Special Drawing Rights, making the renminbi global and a world reserve currency. At the same time international transactions priced in the Renminbi have increased. Although China is far from able to offer the global system an alternative to the dollar, it along with other emerging powers have challenged and started to erode the privileged and dominant position of the US.

In the last one hundred years there were a series of important turning points in global development of which the present is merely the latest. Amongst these recent changes is the end of the US and NATO dominated unipolar world system established

after the collapse of the Soviet Union and Communism in Eastern Europe. This change is a result of the relative decline of developed countries on the one hand and the rise of emerging powers on the other. These two trends are a result of internal drivers of change and of international interactions which both work to amplify and reduce disparities in economic development and power, and are associated with movements in the direction of a multi-polar multi-civilizational world system.

These recent trends in global development derive in part from a crisis of profitability and a wave of globalization that dates from the middle of the 1970s and the inability of neo-liberal economic strategies to restore western growth, although the development of global finance enabled some developed countries to mitigate the economic effects through the appropriation of income from the rest of the world. These gains however predominantly favored the rich and powerful. This neo-liberal strategy was closely associated with the drive in a unipolar world to extend western values, western political systems and open door measures to all parts of the globe with colour revolutions and in some cases war. These steps undermined the principles of sovereignty and balance of power that had underpinned the post-World War Two international order on the one hand and failed to deliver promises of generalized prosperity on the other generating increased global instability.

The rise in income in some developing countries reflects the way in which first Japan, the four Asian Tigers, and other developing countries including in particular China, India and a number of other Asian economies successively managed to exploit the advantage of backwardness, finally spurring demand for mineral exports from Africa and elsewhere.

The countries that grew were all countries that did not pursue the neo-liberal agenda of the World Bank and the IMF. Washington Consensus countries in Latin America, Africa and some transition economies were increasingly subjected to capitalist market logic. Transnational capital was granted increasing global economic and political power, and decision making was increasingly permeated by multinational companies, transnational media organizations, investment banks, hedge funds, credit rating agencies, accountancy firms, management consultancies and international organizations controlled by western powers and promoting western values.

Economic and financial globalization which, as already mentioned, was a response to a largely unresolved crisis of domestic profitability in the 1970s and did not arrest a secular slowdown in western economic growth, ended with an economic crisis that opened with the western financial crisis and was followed by subsequent crises of government debt and a Euro-zone crisis from which the countries involved have not yet recovered. Added to them recently were political crises reflecting deep social and political divisions in developed countries, a lack of secure and evenly distributed living standards and the deficiencies of the western political order and political establishment.

The stagnation of high income countries has depressed international trade and investment. The weakness of demand contributed to slower growth of many emerging

economies. Chinese growth on which world growth increasingly depended has also slowed in a world in which low growth and high levels of inequality dominate political agendas.

A response in some quarters is a move in the direction of de-globalization. Globalization involved not just increased economic interdependence but also increased ecological, political and social interdependence. Today many people and many things from diseases to dollars to news and greenhouse gases can reach almost anywhere in the world. As a result what happens in one place affects others, what one person does affects others requiring an operating system in which obligations to others are examined and negotiated. These interdependencies are not easily unraveled if at all. And yet moves are foot to reduce some of the vulnerabilities to which increased neo-liberal globalization led.

At a time however when the neo-liberal globalist agenda is under attack, other countries such as China along with other emerging powers are attempting to map out a new model of inclusive globalization that is capable of serving the needs of everyone, that benefits all countries and people, addresses inequality and poverty and manages global risks. China has suggested a morality/justice-interest (Yi and Li - 义 and 利) concept of international relations, and has established a number of new financial instruments (Figure 7). India's 2014 Project Mausam aims to re-establish maritime communications between countries of the Indian Ocean world, while a North-South International Transport Corridor from India via Iran, Azerbaijan, Russia and Europe is under development. Aimed at Eurasian integration China's Belt and Road Initiative is driving infrastructure (roads, railways, ports, airports, telecommunications networks, pipelines, development zones and cities) and economic development diversifying trade routes and reducing Chinese dependence on the Straits of Malacca. The US\$ 46 billion China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) connects relatively underdeveloped southern Xin Jiang and neighbouring landlocked countries in Central Asia along the Karakoram Highway through northern Gilgit-Baltistan to the megaport of Gwadar in the Arabian Sea on the Indian Ocean rimland. Other corridors will connect western China with Myanmar, Bangladesh, Sri Lanka, the Maldives and West Africa, while others will connect it westwards across Central Asia and Russia to the west of Eurasia and Africa. Should current trends in relative growth continue, and should these projects succeed, in 2050 the economic centre of gravity of the world will have moved from the mid-Atlantic in 1980 to somewhere between India and China [44] and along with it the map of economic development and interactivity.

References

1. Abramovitz M. Catching up, forging ahead, and falling behind. *Journal of Economic History*, 1986, 46(2), pp. 385-406.
2. Aglietta M. *Régulation et crises du capitalisme. L'expérience des États-Unis* [Regulation and crises of capitalism. The United States experience]. Paris: Calmann-Lévy, 1976. 334 p.
3. Aglietta M. America's slowdown. *New Left Review*, 2016, no. 100, pp. 119-129.
4. *Historical Sociology and World History. Uneven*

- and Combined Development over the Longue Durée*. Ed. by Anievas A., Matin K. London, Rowman & Littlefield International Publ., 2016. 318 p.
5. Arrighi G. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century*. London and New York, Verso Publ., 2007. 418 p.
6. Braudel F. *Civilisation matérielle, Économie, et Capitalisme, XVème-XVIIIème Siècle*. [Vol. I: Les Structures du Quotidien. Vol. 11: Les Jeux de l'Échange. Vol. 111: Le Temps du Monde]. Paris, Armand Colin, 1979. 736 p.
7. Brenner R. *The Economics of Global Turbulence: The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn, 1945-2005*. London, Verso Publ., 2006. 369 p.
8. Breznitz D., Murphree M. *Run of the Red Queen: Government, Innovation, Globalization, and Economic Growth in China*. New Haven and London, Yale University Press Publ., 2011. 298 p.
9. Callinicos A., Rosenberg J. Uneven and combined development: the social-relational substratum of 'the international'? An exchange of letters. *Cambridge Review of International Affairs*, 2008, no. 21(1), pp. 77-112.
10. Davidson N. *How Revolutionary Were the Bourgeois Revolutions?* Chicago, United States, Haymarket Books Publ., 2012. 840 p.
11. Dunford M. Theories of regulation. *Environment and Planning D-Society & Space*, 1990, 8(3), pp. 297-321.
12. Dunford M. Chinese economic development and its social and institutional foundations. Dunford M., Liu W.D. *The Geographical Transformation of China Preface and acknowledgements*. Vol. 133. Abingdon, Routledge Publ., 2014. 372 p.
13. Dunford M., Liu W.D. Uneven and combined development. *Regional Studies*, 2017, 51(1). pp. 69-85.
14. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge, Polity Press Publ., 1993. 260 p.
15. Frank A.G. *ReOrient. Global economy in the Asian age*. Berkeley, University of California Press Publ., 1998. 416 p.
16. Gordon R. J. *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War (The Princeton Economic History of the Western World)*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press Publ., 2016. 784 p.
17. Grinin L., Korotayev A. *Great Divergence and Great Convergence: a Global Perspective*. Switzerland, Springer Publ., 2015. 251 p.
18. Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Switzerland, Springer Publ., 2016. 265 p.
19. Hall P.A., Soskice D.W. *Varieties of Capitalism. The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2001. 560 p.
20. Hansen A.H. *Full recovery or stagnation*. New York, Norton Publ., 1938. 350 p.
21. Harootunian H. *Marx After Marx: History and Time in the Expansion of Capitalism*. New York, Columbia University Press Publ., 2015. 312 p.
22. Harvey D. *The new imperialism*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2003. 288 p.
23. Hobsbawm E. *The age of extremes. A history of the world, 1914-1991*. London, Michael Joseph Publ., 1994. 627 p.
24. Hobson J.A. *Imperialism, A study*. New York, James Pott & Company Publ., 1902. 412 p.
25. Huntingdon S.P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, Oklahoma, University of Oklahoma Press Publ., 1993. 284 p.
26. Jorgenson D.W., Ho M.S., Samuels J.D. *Long-term estimates of U.S. productivity and growth*. Paper presented at the Third World KLEMS Conference. Growth and Stagnation in the World Economy. Tokyo, 2014. Available at: http://www.worldklems.net/conferences/world-klems2014/worldklems2014_Ho.pdf (accessed: 01.10.2017).
27. Kalecki M. *Selected essays on the dynamics of the capitalist economy, 1933-70*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1971. 206 p.
28. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York, Vintage Books Publ., 1987. 704 p.
29. Keynes J.M. The economic consequences of Mr. Churchill (1925). *Essays in persuasion*. London, Macmillan & Company Publ., 1931. Pp. 207-230.
30. Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren (1930). *Essays in persuasion*. London, Macmillan & Company Publ., 1931. Pp. 321-332.
31. Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London, Macmillan Publ., 1936. 168 p.
32. Kliman A. *The failure of capitalist production. Underlying causes of the great recession*. London, Pluto Press Publ., 2012. 256 p.
33. Kondratieff N.D. Die langen Wellen der Konjunktur [The long waves of the economy]. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1926, no. 56(3), pp. 573-609.
34. Krugman P. Four observations on secular stagnation. *Secular stagnation: facts, causes and*

- cures. Ed. by C. Teulings & R. Baldwin. London, CEPR Press Publ., 2014. Pp. 61-68.
35. Lakner C., Milanovic B. Global Income Distribution: From the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession. *World Bank Economic Review*, 2016, no. 30(2), pp. 203-232.
 36. Lin J.Y. The rise of China and its implications for economics and other developing countries. *Area Development and Policy*, 2017, no. 2(2). pp. 110-119.
 37. Liu W., Dunford M., Song Z., Chen M. Urban-rural integration drives regional economic growth in Chongqing, Western China. *Area Development and Policy*, 2016, no. 1(1), pp. 132-154.
 38. Matin K. International relations in the making of political Islam: Interrogating khomeini's 'islamic government'. *Journal of International Relations and Development*, 2013, no. 16(4), pp. 455-482.
 39. Meade J.E. *Efficiency, equality, and the ownership of property*. London, Allen & Unwin Publ., 1964. 92 p.
 40. Minsky H.P. *Stabilizing an unstable economy* (1986). New York, McGraw-Hill Publ., 2008. 350 p.
 41. Norfield T. *The city. London and the global power of finance*. London, Verso Publ., 2016. 288 p.
 42. Obstfeld M., Taylor A.M. *Globalization and capital markets. Globalization in Historical Perspective*. Ed. by M.D. Bordo, A.M. a. Taylor, & J.G. Williamson. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2003. Pp. 121-187.
 43. Polanyi K. *The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time*. Boston, MA., Beacon Press Publ., 1944. 360 p.
 44. Quah D. The Global Economy's Shifting Centre of Gravity. *Global Policy*, 2011, no. 2(1), pp. 3-9.
 45. Rosenberg J. Kenneth Waltz and Leon Trotsky: Anarchy in the mirror of uneven and combined development. *International Politics*, 2013, no. 50(2), pp. 183-230.
 46. Rosenberg J. Uneven and combined Development: 'The International' in theory and history. *Historical Sociology and World History. Uneven and Combined Development over the Longue Durée*. Ed. by A. Anievas & K. Matin. London, Rowman & Littlefield International Publ., 2016. Pp. 17-30.
 47. Rosnick D. The Incredible Story of Developing Country Income Growth: Was it Just China? Available at: <http://cepr.net/blogs/cepr-blog/the-incredible-story-of-developing-country-income-growth-was-it-just-china> (Accessed: 01.10.2017).
 48. Stolper W.F., Samuelson P.A. Protection and real wages. *The Review of Economic Studies*, 1941, no. 9(1), pp. 58-73.
 49. Summers L.H. Reflections on the "new secular stagnation hypothesis. *Secular stagnation: facts, causes and cures*. Ed. by C. Teulings & R. Baldwin. London, CEPR Press Publ., 2014. Pp. 27-38.
 50. Tapia Granados J.A. Does Investment Call the Tune? Empirical Evidence and Endogenous Theories of the Business Cycle. *Contradictions: Finance, Greed, and Labor Unequally Paid*. Ed. by P. Zarembka. Bingley, UK, Emerald Group Publishing Limited Publ., 2013. Pp. 229-259.
 51. Trotsky L. *The Third International after Lenin*. Available at: <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1928/3rd/index.htm> (accessed: 01.10.2017).
 52. Trotsky L. *The history of the Russian Revolution*. Available at: <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1930/hrr/> (accessed: 01.10.2017).
 53. Van der Linden M. The 'law' of uneven and combined development: Some underdeveloped thoughts. *Historical Materialism-Research in Critical Marxist Theory*, 2007, no. 15(1), pp. 145-165.
 54. Zhu Y.-H. *Gao si zai yun. zhongguo xingqi quan-qiu zhixu chongxu* [Broad and far-sighted perspectives from the sky. The rise of China and reorganization of the global order]. Beijing, Beijing renmin daxue chubanshe [Beijing Renmin University Press], 2015. (in Chinese).

About the authors:

Michael Dunford – Emeritus Professor, School of Global Studies, University of Sussex; CAS Senior International Scientist, Institute of Geographical Sciences and Natural Resources Research, Chinese Academy of Sciences, 11A, Datun Road, Chaoyang District, Beijing, 100101, China. E-mail: M.F.Dunford@sussex.ac.uk.

Liu Weidong – Professor in Economic Geography, Deputy Head of the Department of Human Geography and Regional Development Institute of Geographical Sciences and Natural Resources Research, Chinese Academy of Sciences, 11A, Datun Road, Chaoyang District, Beijing, 100101, China. E-mail: liuwd@igsnrr.ac.cn.

СТОЛЕТИЕ СМЕШАННОГО НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ: ЭРОЗИЯ ГЕГЕМОНИИ США И ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ

Майкл Данфорд, Лю Вэйдун
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-7-32

Институт географических исследований и изучения природных ресурсов Китайской академии наук

Концепция смешанного неравномерного развития, в рамках которой взаимосвязи и взаимодействия разных обществ формируются и сочетаются со своими внутренними структурами, используется для изучения движущих сил текущей стадии глобального развития за 100 лет с 1917 г. Это понятие было придумано левым теоретиком и одним из лидеров ВКП(б) Львом Троцким с целью объяснения особенности развития имперской России. В настоящее время оно применяется для рассмотрения различных случаев политического и экономического развития на глобальном уровне. Концепция смешанного неравномерного развития позволяет учитывать как внутригосударственные, так и внегосударственные факторы, включая эволюцию политических режимов, динамику международной торговли.

В статье большое внимание уделяется движущим факторам мирного экономического спада в США и западном мире – как этот спад был смягчён волной производственной и финансовой глобализации, которая сама по себе способствовала росту ряда развивающихся экономик с экономическим, политическим и культурным потенциалом, а также подтолкнула их использовать полученные преимущества для продвижения полицентричного и многоцивилизационного мира и, возможно, более инклюзивной модели развития. Одной из таких стран является Китай, власти которого нашли способ совместить протекционизм в отношении внутреннего рынка с активным продвижением экспорта, заимствованием технологий и сохранением текущей модели управления. Авторы приходят к выводу, что ключевым фактором успеха КНР на этом направлении была постепенность политического развития, сохранение государственной состоятельности (state capacity) и сдержанное отношение к господствовавшим неолиберальным подходам к формулированию экономического курса.

Таким образом, в статье рассматривается политическая экономия глобальных сдвигов власти и их долгосрочные перспективы. Существующие тенденции глобальных рынков, по мнению авторов, благоприятны для КНР.

Ключевые слова: неравномерное и комбинированное развитие, Соединённые Штаты, Китай, реальная и финансовая глобализация.

Список литературы

1. Abramovitz M. Catching up, forging ahead, and falling behind // Journal of Economic History. 1986. No. 46(2). Pp. 385-406.
2. Aglietta M. Régulation et crises du capitalisme. L'expérience des États-Unis [Regulation and crises of capitalism. The United States experience]. Paris: Calmann-Lévy, 1976. 334 p.
3. Aglietta M. America's slowdown // New Left Review. 2016. No. 100. Pp. 119-129.
4. Anievas A., Matin K. (Eds.). Historical

- Sociology and World History. Uneven and Combined Development over the Longue Durée. London: Rowman & Littlefield International, 2016. 318 p.
5. Arrighi G. Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century. London and New York: Verso, 2007. 418 p.
 6. Braudel F. Civilisation matérielle, Économie, et Capitalisme, XVème-XVIIIème Siècle. [Vol. I: Les Structures du Quotidien. Vol. 11: Les Jeux de l'Échange. Vol. 111: Le Temps du Monde]. Paris: Armand Colin, 1979. 736 p.
 7. Brenner R. The Economics of Global Turbulence: The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn, 1945-2005. London: Verso, 2006. 369 p.
 8. Breznitz D., Murphree M. Run of the Red Queen: Government, Innovation, Globalization, and Economic Growth in China. New Haven and London: Yale University Press, 2011. 298 p.
 9. Callinicos A., Rosenberg J. Uneven and combined development: the social-relational substratum of 'the international'? An exchange of letters // Cambridge Review of International Affairs. 2008. No. 21(1). Pp. 77-112.
 10. Davidson N. How Revolutionary Were the Bourgeois Revolutions? Chicago, United States: Haymarket Books, 2012. 840 p.
 11. Dunford M. Theories of regulation // Environment and Planning D-Society & Space. 1990. No. 8(3). Pp. 297-321.
 12. Dunford M. Chinese economic development and its social and institutional foundations // Dunford M., Liu W.D. The Geographical Transformation of China Preface and acknowledgements. Vol. 133. Abingdon: Routledge, 2014. 372 p.
 13. Dunford M., Liu W. D. Uneven and combined development // Regional Studies. 2017. No. 51(1). Pp. 69-85.
 14. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1993. 260 p.
 15. Frank A.G. ReOrient. Global economy in the Asian age. Berkeley: University of California Press, 1998. 416 p.
 16. Gordon R. J. The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War (The Princeton Economic History of the Western World). Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2016. 784 p.
 17. Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence: a Global Perspective. Switzerland: Springer, 2015. 251 p.
 18. Grinin L., Korotayev A., Tausch A. Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. Switzerland: Springer, 2016. 265 p.
 19. Hall P.A., Soskice D.W. Varieties of Capitalism. The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001. 560 p.
 20. Hansen A.H. Full recovery or stagnation. New York: Norton, 1938. 350 p.
 21. Harootyan H. Marx After Marx: History and Time in the Expansion of Capitalism. New York: Columbia University Press, 2015. 312 p.
 22. Harvey D. The new imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003. 288 p.
 23. Hobsbawm E. The age of extremes. A history of the world, 1914-1991. London: Michael Joseph, 1994. 627 p.
 24. Hobson J.A. Imperialism, A study. New York: James Pott & Company, 1902. 412 p.
 25. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1993. 284 p.
 26. Jorgenson D.W., Ho M.S., Samuels J.D. Long-term estimates of U.S. productivity and growth. Paper presented at the Third World KLEMS Conference. Growth and Stagnation in the World Economy, Tokyo, 2014. URL: http://www.worldklems.net/conferences/worldklems2014/worldklems2014_Ho.pdf (дата обращения: 01.10.2017).
 27. Kalecki M. Selected essays on the dynamics of the capitalist economy, 1933-70. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 206 p.
 28. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Vintage Books, 1987. 704 p.
 29. Keynes J.M. The economic consequences

- of Mr. Churchill (1925) // *Essays in persuasion*. London: Macmillan & Company, 1931. Pp. 207-230.
30. Keynes J.M. *Economic Possibilities for our Grandchildren* (1930) // *Essays in persuasion*. London: Macmillan & Company, 1931. Pp. 321-332.
31. Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Macmillan, 1936. 168 p.
32. Kliman A. *The failure of capitalist production. Underlying causes of the great recession*. London: Pluto Press, 2012. 256 p.
33. Kondratieff N.D. *Die langen Wellen der Konjunktur* [The long waves of the economy] // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1926. No. 56(3). Pp. 573-609.
34. Krugman P. *Four observations on secular stagnation* // *Secular stagnation: facts, causes and cures*. Ed. by C. Teulings, R. Baldwin. London: CEPR Press, 2014. Pp. 61-68.
35. Lakner C., Milanovic B. *Global Income Distribution: From the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession* // *World Bank Economic Review*. 2016. No. 30(2). Pp. 203-232.
36. Lin J.Y. *The rise of China and its implications for economics and other developing countries* // *Area Development and Policy*. 2017. No. 2(2). Pp. 110-119.
37. Liu W., Dunford M., Song Z., Chen M. *Urban-rural integration drives regional economic growth in Chongqing, Western China* // *Area Development and Policy*. 2016. No. 1(1). Pp. 132-154.
38. Matin K. *International relations in the making of political Islam: Interrogating khomeini's 'islamic government'* // *Journal of International Relations and Development*. 2013. No. 16(4). Pp.455-482.
39. Meade J.E. *Efficiency, equality, and the ownership of property*. London: Allen & Unwin, 1964. 92 p.
40. Minsky H.P. *Stabilizing an unstable economy*. New York: McGraw-Hill, 2008. 350 p.
41. Norfield T. *The city. London and the global power of finance*. London: Verso, 2016. 288 p.
42. Obstfeld M., Taylor A.M. *Globalization and capital markets* // *Globalization in Historical Perspective*. Ed. by M. D. Bordo, A. M. a. Taylor, J.G. Williamson. Chicago: University of Chicago Press, 2003. Pp. 121-187.
43. Polanyi K. *The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time*. Boston, MA.: Beacon Press, 1944. 360 p.
44. Quah D. *The Global Economy's Shifting Centre of Gravity* // *Global Policy*. 2011. No. 2(1). Pp. 3-9.
45. Rosenberg J. *Kenneth Waltz and Leon Trotsky: Anarchy in the mirror of uneven and combined development* // *International Politics*. 2013. No. 50(2). Pp. 183-230.
46. Rosenberg J. *Uneven and combined Development: 'The International' in theory and history* // *Historical Sociology and World History. Uneven and Combined Development over the Longue Durée*. Ed. by A. Anievas, K. Matin. London: Rowman & Littlefield International, 2016. Pp. 17-30.
47. Rosnick D. *The Incredible Story of Developing Country Income Growth: Was it Just China?* URL: <http://cepr.net/blogs/cepr-blog/the-incredible-story-of-developing-country-income-growth-was-it-just-china> (дата обращения: 01.10.2017).
48. Stolper W.F., Samuelson P.A. *Protection and real wages* // *The Review of Economic Studies*. 1941. No. 9(1). Pp. 58-73.
49. Summers L.H. *Reflections on the "new secular stagnation hypothesis"* // *Secular stagnation: facts, causes and cures*. Ed. by C. Teulings R. Baldwin. London: CEPR Press, 2014. Pp. 27-38.
50. Tapia Granados J.A. *Does Investment Call the Tune? Empirical Evidence and Endogenous Theories of the Business Cycle* // *Contradictions: Finance, Greed, and Labor Unequally Paid*. Ed. by P. Zarembka. Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2013. Pp. 229-259.
51. Trotsky L. *The Third International after Lenin*. URL: <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1928/3rd/index.htm> (дата обращения: 01.10.2017).

52. Trotsky L. The history of the Russian Revolution. URL: <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1930/hrr/> (дата обращения: 01.10.2017).
53. van der Linden M. The 'law' of uneven and combined development: Some underdeveloped thoughts // Historical Materialism-Research in Critical Marxist Theory. 2007. No. 15(1). Pp. 145-165.
54. Zhu Y.-H. Gao si zai yun. zhongguo xingqi quanqiu zhixu chongxu [Broad and far-sighted perspectives from the sky. The rise of China and reorganization of the global order]. Beijing: Beijing renmin daxue chubanshe [Beijing Renmin University Press], 2015.

Об авторах:

Майкл Данфорд – профессор в отставке, Школа глобальных исследований Университета Сассекса; старший научный сотрудник Института географических исследований и изучения природных ресурсов Китайской академии наук, 100101, Пекин, округ Чаоянг, улица Датун, 11А. e-mail: M.F.Dunford@sussex.ac.uk.

Лю Вейдун – профессор экономической географии, заместитель заведующего отдела демографической географии и регионального развития Института географических исследований и изучения природных ресурсов Китайской академии наук, 100101, Пекин, округ Чаоянг, улица Датун, 11А. e-mail: liuwd@igsnr.ac.cn.

СЕРБСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

Я.В. Вишняков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

На основе документов фондов Российского государственного военно-исторического архива, многие из которых впервые вводятся в широкий научный оборот, автор раскрывает детали создания и деятельности Сербского добровольческого корпуса, сформированного в Одессе из пленных солдат и офицеров австро-венгерской армии в 1916 г. и летом-осенью того же года принявшего боевое крещение в Добрудже в составе отдельного корпуса русской армии под командованием генерала Зайончковского. Интерес исследователей к деятельности национальных и «интернациональных» воинских формирований связан прежде всего с вопросом о целесообразности, а главное – об эффективности использования таких частей против стороны, за которую они ещё не так давно проливали кровь. Автор, вопреки распространённому мнению сербских историков, показывает, что призыв вступать в ряды Первой сербской дивизии не вызывал массового энтузиазма среди военнопленных, как сербов, так и представителей других югославянских народов, что связано с обоснованным опасением за судьбу своих, проживающих на территории Двуетной монархии близких родственников, так и достаточно комфортным пребыванием в русском плену. Автор при этом подчёркивает, что данное воинское подразделение, командный состав которого составляли офицеры сербской регулярной армии, рассматривался политическим руководством Сербии, как основа будущих вооружённых сил нового государства – Югославия. Показано влияние событий Русской революции 1917 г. на дальнейшую судьбу этого воинского формирования, многие солдаты которого оказались по разные стороны баррикад в разгоравшейся в тот период в России Гражданской войне. Особое место уделяется рассмотрению вспыхнувшего в корпусе межнационального конфликта между сербами с одной стороны и хорватами и словенцами с другой. Автор вводит в научный оборот значительный корпус документов, показывающих нюансы отношений, сложившихся в корпусе между представителями различных югославянских народов. В статье подчёркивается, что взаимоотношения сербов, хорватов и словенцев внутри добровольческого корпуса стали прологом будущей трагической судьбы югославского государства и его армии, изначально обречённых на развал.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская революция, Добруджа, Сербия, Сербский добровольческий корпус, М. Живкович, А.М. Зайончковский.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 03.09.2017 г.

Принята к публикации 25.10.2017 г.

Участие югославянских добровольцев в боях держав Антанты и союзны им стран против четвертного союза во главе с Германией и Австро-Венгрией получило широкое освещение в трудах отечественных и зарубежных, прежде всего сербских, историков. В научный оборот вовлечён значительный корпус документов, освещающих их роль в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны¹.

С конца 1914 – начала 1915 гг. в России стали формироваться добровольческие формирования югославян, куда вступали главным образом пленные и дезертиры из австро-венгерской армии, преимущественно сербы [1, с. 8–9]². Изначально эти отряды предполагалось перебросить по Дунаю в Сербию для пополнения рядов её армии, но после поражения последней осенью 1915 г. формирование сербских добровольческих частей решено было продолжить для их отправки на Юго-Западный фронт. Интерес исследователей к деятельности «интернациональных» воинских формирований, составленных из бывших солдат и офицеров армии противника, связан прежде всего с вопросом о целесообразности, а главное – об эффективности использования таких частей против стороны, за которую они ещё не так давно проливали кровь.

По данным сербских историков, в течение 1916–1917 гг. через этот корпус прошло в общей сложности около 70 тыс. добровольцев, движимых как они отмечают, стремлением к национальному освобождению. Эти историки особо подчёркивали, что из-за плохой организации и различных проволочек при создании корпуса он изначально не смог принять всех добровольцев [2, с. 128; 3, с. 293].

Однако на наш взгляд, эти данные существенно завышены. Документы Российского военно-исторического архива показывают, что призыв вступать в ряды Первой сербской дивизии не вызывал массового энтузиазма среди военнопленных, как сербов, так и представителей других югославянских народов³. Например, Смоленский предводитель дворянства князь В.М. Урусов 10 октября 1916 г. писал начальнику штаба Верховному главнокомандующему М.В. Алексееву: «При об-

¹ См. например: Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954; Очак И.Д. Из историје учешћа југославјана у борби за победу советске власти у Русији 1917–1921 гг. // Октобарска револуција и зарубежни славијански народи. М., 1957. С. 271–327; Груловић Н. Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд 1962; Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980; Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд 1977; Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977; Учество југославјанских труђаких у Октобарској револуцији и грађанској војни у СССР. Сборник докумената и материјала. М.: Наука, 1976; Зеленин В.В. Под црвеним знаменем Октобра. Југославјански интернационалисти у Советској Русији 1917–1921. М.: Мисао 1977; Петровић И. Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001; Лобачёва Ю.В. Сербия, Југославјански комитет и сербо-хорватско-словенска емиграција у Америци у 1914–1916 гг. // Славјановедение. 2007, № 4. С. 12–28; она же. Југославјанско покретство у Америци у године Прве светске војне 1914–1918 гг. М.: СПб., 2014; Вишњак Ј.В. Тимофеев А.Ю. Милорадовић Г. Армија без државе. О сербског к југославјанског добровољачког корпуса у Русији во време Прве светске војне: сб. док. М., 2014; Мицић М. Незапамћена битка. Српски добровољци у Русији 1914–1918. Ново Милошево, 2016.

² Российский историк В.В. Зеленин отмечал, что «к сентябрю 1917 г. в России было около двух млн. военнопленных, из которых почти 80% – солдаты и офицеры австро-венгерской армии, в том числе более 300 тыс. югославян». [4. с. 8–9]

³ Имеющиеся в фондах РГВИА именные списки находящихся в лагерях Российской империи военнопленных-славян и статистические данные их опросов позволяют установить, что массового, повсеместного желания вступать в ряды Первой сербской дивизии не наблюдалось.

мене мнений на заседании Собрания г.г. Предводителей и Депутатов дворянства, имевшем место быть 8 октября 1916 г. выяснились некоторые обстоятельства, свидетельствующие о ненадёжности громадного большинства пленных, вызванных для формирования сербских контингентов, так, например, при опросе, произведённом в одном из уездов при посредстве лица, владеющего сербским языком, из 118 пленных югославян только четыре высказали своё желание сражаться за Сербию (два учителя и студента), остальные, даже после горячей речи, обращённой к ним названными лицами, категорически отказались, и, возражая убеждавшим их товарищам, говорили: «нас уже опрашивал сербский офицер в Дарницком лагере и мы тогда уже отказались, так как мы не можем сражаться против войск, в рядах которых находятся наши близкие, помимо сего, если будет обнаружено наше пребывание в рядах русских войск, нашим семьям на Родине не жить». Подобное же настроение наблюдалось и в других уездах, где поголовного опроса не производилось. Признавая всю важность этих обстоятельств, г.г. Предводители и Депутаты Дворянства сочли своим патриотическим долгом просить меня довести о сём до сведения Вашего Высокопревосходительства»⁴.

Многие из пленных не желали поступать в сербские полки из-за вполне понятного опасения за судьбу своих семей, проживавших на территории двуединой монархии. Вступление в корпус автоматически делало их предателями и дезертирами со всеми вытекающими отсюда последствиями как для них самих, так и для их ближайших родственников.

Отказ поступать в формируемый сербский корпус имел под собой и вполне прагматические основания. По сравнению с военнопленными австрийцами и немцами многие пленные югославы (прежде всего хорваты и словенцы) находились в более привилегированном положении, выполняя в глубоком тылу несложные сельскохозяйственные работы и имея весьма сносные условия существования. По словам генерала М.И. Эбелова, «будучи хорошо обставлены на полевых работах у сельских хозяев, которые, дорожа рабочей силой, не могли охотно пойти на лишение рабочих рук в страдную для хозяйства пору ликвидации урожая, военнопленные из югославян отказывались, за редкими исключениями, менять своё обеспеченное положение на тяготы военного похода» [4, с. 116]⁵. Имея в виду это обстоятельство, генерал Эбелов отдал ошибочное, как выяснилось впоследствии, распоряжение собрать всех, без различия национальностей, пленных югославян в Одессе, поскольку, как ему казалось, «здесь, среди добровольцев, уже согласившихся стать под сербское знамя, под влиянием патриотически настроенных коренных сербских офицеров, нужно было ожидать лучшего результата вербовки» [4, с. 116]. Все эти обстоятельства под влиянием революционных событий 1917 г. сыграли роковую роль в дальнейшей судьбе этого формирования.

⁴ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 483.

⁵ Эбелов Михаил Исаевич (1855–1919) – генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны занимал должность главного начальника Одесского военного округа. В 1919 г. расстрелян большевиками.

Первую сербскую дивизию было намечено сформировать в феврале 1916 г., специально прислав для её управления офицеров с острова Корфу. Как доносил представитель сербской армии при штабе верховного главнокомандующего полковник Б. Лонткевич, «зачислено на формирование сербских полков около 17000 нижних чинов и до 70 офицеров. Для замещения командных должностей выписаны офицеры из Сербии»⁶. Во главе её был поставлен полковник Стеван Хаджич, а начальником штаба стал подполковник Воин Максимович [5, с. 27]⁷. Прибывшие офицеры активно включились в формирование дивизии. В докладе штаба Одесского военного округа от 5 декабря 1916 г. подчёркивалось, что «быстрый рост этих частей и сбор добровольцев и боевая подготовка, главным образом легла на всех кадровых офицеров Сербского королевства»⁸.

Русское командование рассматривало Первую дивизию как самостоятельное воинское подразделение, признавая «необходимым придержаться сербской организации, несмотря на значительную особенность последней по сравнению с нашей»⁹. Таким образом, в основу комплектации были положены принципы, принятые в сербских вооружённых силах, при том что сама она, для удобства управления, была скомплектована по штатам дивизии, принятым в русской армии, а именно в составе четырёх полков, состоявших, в свою очередь, из трёх батальонов. Помимо этого, началось формирование и сербского запасного батальона. Первую дивизию предполагалось снабдить привычными для сербов австрийскими винтовками и пулемётами, также принятыми на вооружении в сербской армии, с чем, однако, возникли сложности. На начало января 1916 г., согласно рапорту начальника артиллерийского снабжения Юго-Западного фронта, «в запасах фронта» имелось всего лишь три исправных пулемёта и 9 000 000 патронов. «Последние, отмечалось в рапорте, могут расходоваться лишь по указанию Главнокомандующего»¹⁰. Отмечались трудности и при обеспечении дивизии лошадьми и артиллерией. При этом российское правительство выделило на обустройство штаба дивизии весьма значительную сумму: «На заведение необходимого, но не предусмотренного табелями имущества полагать бы отпустить из военного фонда управлению сербской пехотной дивизии 2000 руб. и сербскому запасному батальону 1200 руб., а всего 3.200 руб.»¹¹. В состав дивизии были включены и русские военные чины, прежде всего технический, медицинский и ветеринарный персонал и придана пулемётная команда. В середине мая 1916 г., во время визита в Россию, свежее подразделение осмотрел сербский премьер-министр Никола Пашич, а вскоре и сам российский император Николай II. Это говорит о политическом и военном значении, которое придавалось

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 20–20 (об).

⁷ Максимович Воин (1876–1942) впоследствии стал известным сербским генералом, профессором военной академии, редактором газеты «Воин».

⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 165.

⁹ Там же. Л. 18–20.

¹⁰ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 5.

¹¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 18–20.

новым сербским полкам, особенно после героического перехода сербской армии через горы Албании и Черногории с следовавшей затем эвакуацией её сильно поредевших частей на о. Корфу и переброской на Салоникский фронт. Сербский корпус рассматривался как единственный ресурс «в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где всё мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами»¹².

К середине лета 1916 г. комплектование было в основном завершено, и Первая сербская дивизия была расквартирована в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Несмотря на проведённые торжественные смотры, русское командование ставило под сомнение боеспособность сербов, причём не только по чисто военным характеристикам. В апреле 1916 г. штаб Юго-Западного фронта подчёркивал: «сербскую же дивизию, формируемую из военнопленных, принимать в расчёт пока нельзя, так как она может быть вполне пригодной к бою не по окончании её формирования и обучения, а по выяснении надёжности личного состава, как офицерского, так и нижних чинов, на что потребуется известное время»¹³. Но в условиях войны времени на выяснение «надёжности личного состава» не оказалось, и в первоначальные планы по использованию корпуса пришлось внести существенные коррективы. Сербским частям вскоре довелось принять боевое крещение в боях за Добруджу в составе отдельного 47-го корпуса русской армии под командованием генерала А.М. Зайончковского. На решение Ставки отправить Первую сербскую дивизию на фронт в Добруджу, видимо, повлияла успокоительная телеграмма генерала Н.А. Маркса¹⁴, горячего сторонника формирования сербской добровольческой дивизии: «Я близко интересовался составом сербской дивизии, бывал в лагере, собрании на учениях, приглашал к себе. Все полковые, батальонные и половина ротных – сербы с Корфу, остальные офицеры из военнопленных, большинство пошло по-видимому, чтобы улучшить своё положение и весть о походе не была принята с тем восторгом, с каким откликнулись коренные офицеры, однако вполне можно рассчитывать, что против болгар, за возможным случайным исключением, весь офицерский корпус пойдёт охотно. Я говорил перед уходом штаба дивизии с Хаджичем, он спокоен за состав вполне, но добавил, что в случае чего первому же колеблющемуся пойдёт пулю в лоб. Из дивизии Хаджичем было удалено три офицера, не подходивших по своим общеславянским идеям к роли сербского офицера. Эти лица, вследствие ходатайства сербского посланника, не возвращены в лагерь военнопленных, а переданы в распоряжение сербской миссии. Затем, перед самым отъездом было отчислено шесть офицеров, которые по обследованию оказались подозрительными, наконец, была обнаружена цензурой ненадёжность одного офицера, высказавшегося иронически о присяге в письме; он лишён звания и выслан в Пермь. Что касается нижних чинов, то сложившее-

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 82.

¹³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 342.

¹⁴ Маркс Никандр Александрович (1861–1921) – генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа.

ся в обществе недоверие едва ли имеет основание. Солдаты оживлённо приветствовали поход и командиры частей убеждены в их добросовестности. В дивизию шли лишь те, кто не боялся за семью и имущество, тоже убеждение вынес и наш артиллерийский полковник, формирующий пулемётные команды, где все офицеры – коренные сербы, а нижние чины – из бывших военнопленных. Случаи дезертирства: были за три месяца 83 человека; некоторые вернулись, объяснив, что ходили подработать. Единственное серьёзное нарушение дисциплины имело место в третьем полку. Солдаты заявили офицеру, что они не будут исполнять его требований, как незаконных. Офицер этот из военнопленных был слишком строг и пересаливал на учениях, задерживая дольше других. Солдаты преданы полковому. Дело ныне перешло, согласно утверждённой ставкой порядка, в Военно-Окружной суд. Виновные в тюрьме. Моё личное мнение, что при успешном движении вперёд русских сил, дивизия при отличном кадровом составе коренных офицеров втянется в боевую работу»¹⁵.

Тогда же, летом 1916 г., по ходатайству полковника С. Хаджича было принято решение о формировании Второй сербской добровольческой дивизии, и обе дивизии было решено свести в единый корпус под командованием генерала М. Живковича, назначенного на эту должность 29 июля 1916 г. Работа по формированию корпуса шла довольно активно, причём подготовительные мероприятия по формированию Второй дивизии начались ещё до прибытия в Россию Живковича и офицеров сербской армии. «Помощник начальника первой сербской дивизии генерального штаба полковник Кушакович, оставленный начальником названной дивизии в Одессе для формирования запасного Сербского батальона, сообщил, что с острова Корфу 31 июля и 2 августа выехали в Одессу согласно указанию королевского сербского военного министра для формирования корпусного штаба и второй сербской дивизии генерал Живкович и офицеры. Одновременно сербский военный министр приказал полковнику Кушаковичу, не выжидая прибытия офицеров, теперь же начать формирование временного штаба второй сербской дивизии», – говорилось в донесении штаба Юго-Западного фронта в августе 1916 г.¹⁶.

В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на подробном разборе добруджанских боёв. Отметим лишь, что общим обстоятельствам подготовки и хода этой операции посвящена обширная и весьма информативная работа российского историка В.Б. Каширина [5]. В современной отечественной историографии эта работа впервые раскрывает нюансы проведения операции и причины её неудачи. Автор справедливо отмечает, что история участия России в боях в Добрудже заслуживает написания отдельного монографического исследования [6]. В отличие от румын, в этих боях сербская дивизия показала пример мужества и героизма. В период с 25 августа по 16 октября 1916 г. из 19 000 человек списочного состава дивизия потеряла убитыми 35 офицеров, ранеными 195

¹⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 127–128.

¹⁶ Там же. Д. 425. Л. 175.

и одного без вести пропавшего. Нижних чинов было убито 684, ранено 6 048, пропавших без вести 2 264 человек [7]¹⁷. Такие высокие потери объясняются в том числе отсутствием своевременных подкреплений. К началу сентября в Добруджу на пополнение рядов Первой сербской дивизии было отправлено 2000 солдат и 16 офицеров. А.М. Зайончковский, подчёркивая в своих телеграммах, что «одними высокими качествами русско-сербских войск, без большого количества штыков, здесь ничего не поделаешь»¹⁸, требовал новых подкреплений, причём не только рядового, а главным образом офицерского состава высшего и среднего звена. В телеграмме от 6 сентября 1916 г. он писал: «Доблестная сербская дивизия, ведя непрерывные упорные бои, понесла огромные потери, особенно в кадровых офицерах. Дабы сохранить ту же силу и тот же доблестный дух дивизии, очень прошу экстренно прислать из кадровых сербских офицеров, прибывших с Корфу, одного командира бригады, одного командира полка, четырёх командиров батальонов, и двенадцать ротных командиров»¹⁹. Не имея возможности вывести сербскую дивизию в тыл, командир 47-го корпуса требовал немедленно прислать в сербскую дивизию ещё 4000 солдат за счёт добровольцев формируемой второй дивизии. 17 сентября 1916 г. Зайончковский послал в штаб Юго-Западного фронта короткую телеграмму: «Пока вторая дивизия будет сформирована, первая будет уже уничтожена»²⁰. В других телеграммах он писал: «Полагаю, что лучше иметь одну цельную дивизию, чем две, неспособных к бою, тем более, что Первая сербская дивизия уже имеет свою отличную боевую спайку»²¹. Однако штаб Юго-Западного фронта так и не прислал подкреплений, в том числе офицеров высшего и среднего звена. Русское командование приняло решение о продолжении скорейшего формирования Второй сербской дивизии. При этом Ставка и лично Николай II в начале сентября 1916 г. отдали особое распоряжение «принять энергичные и быстрые меры по формированию второй сербской дивизии. Дивизия эта формируется в Одессе из югославян именно сербов всех местностей и вероисповедований, хорватов и словенцев, показавших уже себя с самой лучшей стороны на Добруджанском фронте. Судя по поступившим уже в штаб дивизии письменным заявлениям имеется весьма значительное количество пленных югославян, желающих вступить в ряды сербской добровольческой дивизии, и наиболее верным способом осуществления Августейшей воли был бы по-видимому безотлагательный вызов всех военнопленных югославян указанных выше народностей, находящихся в различных предприятиях в распоряжении земских управ и частновладельческих экономиях, к местным уездным воинским начальникам и командирование в управление каждого из них офицера сербской дивизии для опроса желающих

¹⁷ Перечень убиты Первой Сербской дивизии с 25 августа по 16 октября 1916 г. // РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 299.

¹⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 218.

¹⁹ Там же. Л. 226.

²⁰ Там же. Л. 199.

²¹ Там же. Л. 233.

вступить в ряды дивизии и немедленного доставления их в Одессу, направляя офицеров-приёмщиков из Одессы в соответствующие окружные штабы для дальнейшего отправления по назначению распоряжением этих последних»²². В связи с просьбой Зайончковского в телеграмме, направленной 9 сентября 1916 г. на имя помощника начальника штаба Одесского округа, Д. Кушакович сообщал: «Действительные сербские офицеры, прибывающие с Корфу, назначены в состав II сербской добровольческой дивизии и таковых будет гораздо меньше, чем было в 1-ой Сербской добровольческой дивизии при её формировании, но всё-таки можно ставить в распоряжение начальника 1-ой добровольческой дивизии из действительных офицеров: одного полковника (командовавший пехотной бригады), одного полковника (кавалерии, командовавший кавалерийским полком и пехотным отрядом), одного пехотного подполковника и одного майора, которые придут на днях. На пополнение 1-й Сербской добровольческой дивизии отправлено из запасного батальона 1 сентября 16 запасных офицеров и 2000 нижних чинов. Прошу предписать начальнику 1-ой Сербской добровольческой дивизии рассчитывать только на это число нижних чинов и офицеров, которые теперь имеются в его распоряжении и вышепоименованных действительной службы, четырех штаб-офицеров, которые будут посланы начальнику 1-ой сербской добровольческой дивизии, тотчас по прибытии»²³.

Мужество сербских солдат не осталось незамеченным. Николай II и сербский монарх Пётр Карагеоргиевич передали через генерала Зайончковского особую благодарность и восхищение подвигом сербской дивизии [8, с. 72–73]. Командующий 47 корпусом ходатайствовал перед Ставкой о производстве её командира полковника С. Хаджича в генералы²⁴.

В конце сентября 1916 г. для поднятия боевого духа в Сербский добровольческий корпус из сербского подворья в Москве было передано знамя русских добровольцев, сражавшихся в сербо-турецкой войне 1876 г. под командованием генерала М.Г. Черняева. Популярный в те годы журнал «Искры», иллюстрированное приложение к газете «Русское слово», разместил на своих страницах фотографии этого события, снабдив их следующим комментарием: «После освободительной войны 1877 г. знамя русских добровольцев, сражавшихся в сербской армии, под предводительством генерала М. Г. Черняева, было привезено в Москву и в продолжение 40 лет хранилось в храме сербского подворья. Казалось, что оно исполнило свою роль, и как священная реликвия вечно останется в храме. Но судьбе угодно было, чтобы этот святой стяг, под сенью которого пали смертью героев за освобождение славян лучшие сыны России — Киреев, Раевский и др., чтобы это знамя снова заколыхалось, чтобы оно окрыляло тех же сербов, которые не раз с ним шли из боя в бой и которые остались верными сынами славянства. Увы, это знамя будет развеиваться как раз над Балканами, уже раз

²² РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 177.

²³ Там же. Л. 221–221 (об).

²⁴ РГВИА. Ф. 1837 Оп. 1. Д. 166. Л. 228.

освобожденными русскими, усеявшими их склоны бесчисленными могилами и залившими их потоками крови. Когда знамя осенит эти могилы, — а оно вскоре осенит их, — задрожат от радости кости героев, заколышется священный прах их, и могильная тишина их будет нарушена голосами братьев:

— Спите спокойно, родные. Около вас — свои.

26 сентября черняевское знамя при торжественной обстановке было отправлено в Одессу. Для принятия знамени в Москву приезжала специальная делегация сербских офицеров во главе с полк. Крестичем. От сербского подворья до Брянского вокзала знамя провожали войска с оркестрами музыки. В Кремле знамя склонили у подножья памятника Царю-Освободителю, где сербские офицеры возложили лавровый венок с надписью: «Благодарные сербы — великому Царю-Освободителю». По пути следования шествия везде толпился народ» [3]²⁵. Ныне это знамя – ценный экспонат сербского военного музея в Белграде.

Однако тогда же, в августе 1916 г., возникли первые трудности с вербовкой новых добровольцев во Вторую дивизию. К 31 августа 1916 г., когда Первая сербская дивизия уже вела активные боевые действия под Добруджей, «в запасном батальоне, и для пополнения возможных потерь 1-ой дивизии, и для формирования V-го и VI-го полков имелось всего 2706 человек, ещё не вполне испытанных, хотя и приведённых наспех к присяге сербскому королю»²⁶. Именно эти две тысячи человек, как мы упоминали выше, в начале сентября были отправлены на фронт для пополнения рядов Первой дивизии. Тогда же, в начале осени 1916 г., во Второй дивизии стали наблюдаться частые случаи нарушения воинской дисциплины. Как следует из рапорта её командира полковника Дмитриевича главному начальнику Одесского военного округа от 31 октября 1916 г., «некоторые скверные солдаты продают некоторые вещи своего солдатского снаряжения». И хотя, по его словам, «предпринято всё, чтобы это больше не повторялось», он настоятельно просил русские военные власти выдать специальное распоряжение, «чтобы не смело ни одно гражданское лицо покупать от солдат их солдатские вещи, их солдатское снаряжение ни под каким видом, и что всякое пойманное лицо со стороны властей будет самым строгим образом наказываться»²⁷. Кроме того, согласно справке по судному отделению Штаба Одесского военного округа, с 17 августа по 27 ноября 1916 г. из Второй дивизии самовольно отлучились 250 человек, из них 165 в ноябре, что, как мы увидим далее, было далеко не случайно²⁸.

²⁵ После Октябрьской революции значительная часть остатков корпуса оказалась на русском севере, в Мурманске, ставшем для них своеобразным «окном в Европу» – перевалочным пунктом перед отправкой на родину. На фоне распада корпуса, в августе 1917 г. знамя было передано сербскому запасному батальону, весной 1918 г. также переброшенному в Мурманск. Особо примечательно, что именно под этим знаменем сербские солдаты и офицеры приняли участие в антибольшевистской борьбе на русском Севере в 1918–1919 гг., покинув Мурманск только в октябре 1919 г. Черняевское знамя вместе батальонным архивом было передано военному министерству в пригороде Белграда Земуне 24 декабря 1919 г. См. подробнее [3].

²⁶ РГВИА. Ф. 2003. Д. 330. Л. 14 (об).

²⁷ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 286.

²⁸ Там же. Л. 317.

Первоначально Первая дивизия была отведена в Измаил на перекомплектование. 20 ноября 1916 г. в телеграмме на имя начальника штаба Одесского военного округа полковник Хаджич сообщал: «Некомплект оружия в сей дивизии следующий: винтовок 6969, карабинов 298, сабель 294, револьверов 494, пулемётов 29, сёдел 79, лошадей верховых 115 и обозных 126, повозок 5, патронных двуколок 6, кинжалов 276 и 2 кухни. В I сербском артиллерийском дивизионе некомплект 390 лошадей, вьючно артиллерийских 25, двуколок с упряжью 5»²⁹. К середине ноября 1916 г. в Измаиле в составе Первой сербской дивизии находилось 418 офицеров и 10 735 нижних чинов. В дивизии числилось 3 680 лошадей, 718 парных повозок, 628 двуколок, 13 орудий, 48 зарядных ящиков, один автомобиль, две мотоциклетки и 93 вола³⁰. К началу декабря 1916 г. Первая сербская дивизия была окончательно отведена в тыл и расквартирована в районе Одесса–Вознесенск–Березовка.

Поражение под Добруджей отрицательно сказалось на моральном состоянии рядовых солдат-участников боёв. «После разгрома 1-й дивизии, все те раненые добровольцы, у которых был такой прелестный дух, не только не выражали желания идти на фронт, но открыто говорили, что они поступили добровольцами, желая бороться на границах своего отечества, а не усеивать своими костями Добруджу», – говорилось в рапорте генерала Чистякова, назначенного в конце 1916 г. штабом Юго-Западного фронта проверить положение вещей в сербских полках [1, с. 173]. Рассказы об ужасах добруджанских боёв вызвали волнения среди вновь поступивших добровольцев Второй дивизии, прежде всего хорватов и словенцев, не желавших идти на фронт. Так, 22 октября 1916 г. в 4-ю роту V полка явились три беглых нижних чина Первой дивизии и стали рассказывать «об ужасах боёв и колоссальнейших потерях дивизии в Добрудже. Среди большинства людей 4-й роты (главным образом хорватов и словинцев) начались разговоры о том, что если должны погибнуть во что бы то ни стало, то лучше погибнуть здесь, в Одессе» [1]. В конце ноября 1916 г. командир второй дивизии полковник Димитриевич направил генералу Живковичу рапорт о попытке дезертирства солдат, в котором отражается паническое настроение, царившее в казармах сербских дивизий после добруджанских боёв, усугублявшееся самыми невероятными слухами. «В третьем батальоне 7. пех. полка между 8 и 9 ноября с.г. случилось совместное удаление из команды, сделанное 1 фельдфебелем, 4 младших унт. офицерами, 17 ефрейторами и 196 рядовыми, разных рот этого батальона. Удаление приготовлено агитацией с этим паролем:

- 1) Русские власти принимают дезертиров и возвращают их на прежние места, откуда и прибыли;
- 2) Существует приказ по сербскому корпусу, чтобы инвалидов, которые не имеют семейства в России, возвратить на позицию и там застрелить, чтобы дольше не мучились;

²⁹ Там же. Д. 458. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 7.

- 3) Германцы, без сомнения, победят;
- 4) Сербия и Румыния побеждены и не будут больше существовать как самостоятельные государства;
- 5) Китай объявил войну России и выставил против неё 5 мил. людей;
- 6) Семейства добровольцев будут уничтожены;
- 7) Большинство офицеров примкнет к беженцам.

Около 10 часов вечера, эти люди, хотя заблаговременно было известно об их намерении удалиться и приняты нужные меры, всё-таки успели выйти из деревни и направились к Одессе. Козаки, посланные за ними, настигнув их в поле, угрозой оружием, успели вернуть их в деревню, где их засадили под арест. Кроме этих собиралось уйти ещё два с половиной взвода, но им не удалось уйти. При этом один из беженцев ранил одного добровольца. Найдено также несколько патронов, неизвестно кому принадлежавших» [1, с. 197].

Чтобы исправить положение, командование корпуса прибегло к нестандартным мерам, учредив при корпусе особое учреждение – «Воспитательную команду». В рапорте начальнику штаба Одесского военного округа от 7 ноября 1916 г. необходимость её создания полковник Кушакович объяснил следующим образом: «Формирование II дивизии показало, что большой процент военнопленных югославян охотно вступают в ряды Сербского добровольческого корпуса после полного и всестороннего их осведомления о целях и задачах югославянского добровольческого движения. Но помещения и условия, в которых пришлось работать при формировании II дивизии, показали, что необходимо принимать прибывающих военнопленных в особом помещении, осведомлять их и после изъявления ими согласия передавать их в роты запасного батальона. В виду изложенного мною сделано распоряжение о переводе чинов запасного батальона, которые принимали прибывающие транспорты, в казармы пробочного завода – в воспитательную команду. Там военнопленные будут воспитываться в национальном духе от 8 до 30 дней, после чего упорствующие будут передаваться воинскому начальнику для возвращения их обратно в плен. Как видно, воспитательная команда не есть новая часть, а тот же самый запасной батальон, с одной лишь разницей, что он впредь будет продолжать свою работу по приниманию добровольцев в самостоятельном, отдельном помещении»³¹.

Однако до российских военных властей вскоре стали доходить сведения о том, каким именно образом добровольцы воспитывались в этом учреждении «в национальном духе». В январе 1917 г. Штаб Одесского военного округа получил из Петрограда телеграмму: «В штаб Верховного Главнокомандующего поступило заявление австрийских военнопленных хорватов и словенцев, состоящих в третьей роте шестого полка, которые жалуются на то, что они по принуждению должны были вступить в Сербские добровольческие части, причём указывают,

³¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 506.

что они не знают для какой цели там находятся, так как ещё в мирное время были злейшими врагами сербов, и заявляют, что они никогда не забудут дурного обращения с ними в Одессе; сербы их били прикладами и многих забили до смерти. Далее говорится что они поклялись воспользоваться правом просьбы о расследовании и помощи, путём отправления их на работы и указанием на то, что они были и будут австрийскими патриотами, а с сербами останутся навеки злейшими врагами»³².

Пик беспорядков пришёлся на 23 октября 1916 г., когда в казарме 1-го батальона 5-го пехотного полка 2-й сербской добровольческой дивизии в драке «между вновь прибывшими добровольцами разных юго-славянских народностей на почве религиозной розни и политических взглядов» пролилась кровь и была сделана неудачная попытка захватить оружие, во время которой «в происшедшей при этом свалке оказалось тринадцать человек убитых и задавленных и трое раненых». Резонанс этого события был настолько сильным, что Эбелов был вынужден сделать доклад о произошедшем лично для Николая II [1, с. 147]. Приведём составленный для командира Второй сербской дивизии судебным следователем капитаном Радуловичем рапорт, из которого явственно видны как истинные причины произошедшей в тот день трагедии, так и моральный климат, царивший в казармах Второй дивизии:

«В день 23 октября сего года около 10 часов дня командир 1-го батальона V полка подполковник Владимир Милошевич, делая свой недельный осмотр батальона, осмотрел 4 роту своего батальона, помещавшуюся в «Пробочном заводе» на Сл. Романовского, где помещается весть батальон.

При входе в помещение 4-ой роты поздоровался с солдатами «Здорово братцы» («Помози бог, войници»). На привет никто из солдат, которые в помещении были, не ответил.

Командир батальона сделал вид, что этого не замечает и продолжал осмотр, а дежурному офицеру по батальону, который как раз был взводный офицер этой роты, подпоручику добровольцу Божо Турини (хорват) приказал узнать позже, при удобном случае и хорошим способом, какие причины этому.

В полдень того же дня около 50 солдат этой же роты не хотели принять пищу (завтрак). Когда дежурный офицер, подпоручик Турина, пришёл в роту узнать причину, солдаты ему ответили, что они не желают сербского завтрака, а желают вернуться в плен. Это своё желание они поддержали криками «Да здравствует Австрия! Долой Сербия! Долой король Пётр!».

Дежурный офицер, связывая это с отказом ответа на приветствие сего дня, приказал сейчас «сбор» этой роты во дворе казармы. Таким образом он хотел найти и арестовать зачинщиков этого движения, а также и отделить их от ружей, так как ему казалось, что многие из солдат заняли угрожающее положение.

³² Там же. Л. 116.

На команду «сбор» никто из солдат не вышел во двор, а наоборот, они ещё демонстративно топтали ногами при вторичной команде «сбор», отданной дежурным офицером.

Тогда дежурный офицер пошёл в 1-ю роту того же батальона, взял девять вооружённых солдат для охранения пирамиды с ружьями 4-ой роты, чтобы ни один солдат этой роты не мог взять винтовки.

Когда дежурный офицер пришел в 4-ю роту с этими людьми и поставил часовых кругом оружия, бунтовщики закричали: «Скорее берите ружья» и побежали к пирамиде, чтобы взять винтовки.

Шесть человек бунтовщиков успели отнять у часовых ружья. Другие шесть человек из бунтовщиков вынули ружья заранее и спрятали под постелями. После этого все атаковали с оружием в руках и свалка началась. Гул и крики при этом слышны были далеко во всяком углу казармы и двора.

Услышав этот шум, фельдфебель 2-ой роты, которому дежурный офицер ещё раньше приказал на всякий случай иметь под рукой 25 вооружённых солдат своей роты, прибежал с этими людьми по собственной инициативе к месту борьбы, чтобы восстановить порядок. В этот же момент фельдфебель 1-ой роты пришёл со всей своей ротой. Он также по собственной инициативе, видя эту борьбу, приказал роте взять оружие и пришёл восстановить порядок. Не имея возможности дойти до места беспорядка по большой лестнице, которая была загромождена солдатами, фельдфебель взломал двое дверей и через мостик, соединяющий помещения его роты с помещением 4-ой роты, пришёл за спину бунтовщиков.

Всё это длилось около получаса (приблизительно между 13 1/2 и 14 часами дня), а стихло, когда больше ни одного из бунтовщиков не было в помещении 4-ой роты. Все они (оставшиеся живыми) удрали по большой лестнице или на крышу.

В течение этого времени, на большой лестнице (которая ведёт во двор) случилась катастрофа. На лестницу побежали как бунтовщики, так и другие невинные и перепуганные солдаты, которые хотели убежать с места свалки. На этой лестнице был хаос. Солдаты в общей суматохе толкали друг друга всё больше и переходили через упавших им под ноги. Под огромным давлением перила на лестнице сломались и многие полетели с высоты второго этажа на пол. Так как на полу было разбросано старое фабричное железо и строительные дрова, многие из упавших на месте падения остались мёртвыми. Кроме того, следующие при падении надавливали предшествующих упавших.

В этой катастрофе погибло 10 людей, задавленных и убитых при падении. Из этих пять человек бунтовщиков (хорват) и пять человек невиновных (четыре хорвата и один серб).

Легкораненых пять - один серб, четыре хорвата, которые вылечились и теперь несут службу. В самой свалке погибло трое - два хорвата бунтовщика и один серб. Двое тяжело ранены и оба хорваты. Все убиты и ранены холодным оружием.

Сейчас после этого, дежурный офицер арестовал 13 человек хорватов бунтовщиков, их по приказанию русских властей возвратили в плен.

В течение всего этого времени в казарме из офицеров был только подпоручик-доброволец Божо Турина, в качестве дежурного по батальону офицера. Остальные офицеры батальона ушли в город завтракать.

Полковой и батальонный командиры немедленно были уведомлены о происшедшем случае и прибыли из города на место происшествия около 3 1/2 часов дня, когда в казарме всё уже было кончено и порядок восстановлен.

Изложив самый ход события честь имею донести до сведения начальнику дивизии ещё об причинах, которые, по моему мнению, довели до этого:

1. Основное желание всех пленных сберечь свои жизни. Это и есть причина тому, что они покидают своё отечество и изменяют своей присяге и сдаются противнику. Это чувство руководило этими бунтовщиками, а огромные потери 1-ой дивизии задали им тон.

2. Достаточное и удобное житьё в плену. Они в качестве пленных жили довольно свободно и делали, что им было угодно. Зарабатывали они между тем, гораздо больше, чем получают добровольцы. Многие из них даже спаивались с хозяйками домов, где работали, так, что даже детей нажили.

3. Факт, что не желающие поступить в ряды добровольцев отосланы на прежние места, где их ждали любовницы и удобная жизнь. Чтобы это прекратить, было бы необходимо, согласно моему мнению, ходатайствовать перед русскими властями, чтобы все югославыне, которые изъявили нежелание поступить в ряды добровольцев, не отсылались бы на прежние места в плен, а в рудники на работу, чтобы почувствовали наказание и раскаялись за свой изменнический поступок по отношению к югославянской идее»³³.

Вопрос об избиениях и беспорядках во Второй дивизии получил общественный резонанс после того, как поручик 3-го полка Первой сербской дивизии словенец Гаспар Пекле поделился этими сведениями с редактором газеты «Югославия» Г. Тумой. На основании полученных от него сведений, 31 октября 1916 г. Г. Тума вместе с находившимся тогда в России хорватским публицистом, основателем общества «Юрий Крижанич» К. Геруцем направили письмо тогдашнему министру иностранных дел России Штюрмеру, в котором не только указывались случаи избиения добровольцев сербскими офицерами, но и подчёркивалось стремление югославын служить не в чисто сербском, а именно в «югославском» батальоне³⁴. Отметим, что на действия общества «Юрий Крижанич», а также хорватских и словенских националистов, группировавшихся во-

³³ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 6. Д. 213. Л. 171–173.

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 6–7. Русско-хорватское общество «Юрий Крижанич», идеей которого стало объединение и слияние всех славянских народов, было создано в Москве в 1915 г. Помимо Геруца, видными деятелями общества были чех Коничек, хорват И. Гарапич и словенец Г. Тума. В 1916 г. Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием. О Крунославе Геруце см. подробнее: Ващенко М.С. «Хорватский консул» в Петербурге // Родина, 2010, № 4. С. 59–62. Пекле, судя по всему, в феврале 1919 г. вступил в ряды чехословацкого корпуса и стал сражаться против советской власти. См.: [11. С. 257–258].

круг его руководителей Геруца и Тумы. в связи попытками дискредитации корпуса, особое внимание обратил сербский историк Н. Попович. Он указывает, что «русско-хорватское общество «Крижанич» направило командиру корпуса меморандум о беспорядках в сербском добровольческом отряде и с критикой командования корпуса с политической и национальной точки зрения» [10, с. 291]. Поскольку, как замечает исследователь, М. Живкович не счёл возможным вступать в дискуссию с этим обществом, ответ был написан одним из членов Югославянского комитета Франьо Поточняком, обвинившим составителей меморандума в необъективности и подтасовке фактов [10]. В этом же контексте историк интерпретирует письмо Пекле, отмечая, что находившийся в Петербурге известный хорватский общественный деятель и публицист К. Геруц «в неких своих корыстных целях сделал попытку ознакомить с его содержанием российского императора» [10, с. 293]

Российские власти, тем не менее, вынуждены были запустить маховик расследования. На основании этого письма 3 (16) ноября 1916 г. министр иностранных дел Б.В. Штюрмер обратился к Алексееву с просьбой провести по данному вопросу следствие, ведение которого было поручено упоминавшемуся выше генерал-лейтенанту С.Д. Чистякову, состоявшему в распоряжении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Сделанные им выводы были весьма категоричны: «Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не «сербы», а католики и до того, к чему стремятся сербы, им дела нет, – отмечал он в рапорте. – Было бы совершенно неоправданным утверждать, чтобы при югославянской горячности и в такой обстановке не было брани, ссор, драк, ударов и даже поранения и убийств. Последние явления имели место среди югославян, которые отказывались от поступления в сербский добровольческий корпус, в более или менее резкой форме, с большим или меньшим влиянием на остальных, прибывших с ними югославян. Побои проводились самими же солдатами (действительными добровольцами) в отсутствии офицеров, главным образом по ночам. Избивались хорваты и словенцы, наиболее враждебно настроенные против сербов. Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги у арестованных» [1, с. 202].

В начале февраля 1917 г. в штабе Юго-Западного фронта пришли к выводу, что «рассчитывать на достаточный приток добровольцев для формирования 2-й сербской дивизии не представляется возможным», и «что следует озаботиться лишь надлежащим укомплектованием кадров 1-й сербской дивизии» [10, с. 208]. Всего, по данным на февраль 1917 г., в двух дивизиях находилось: из сербской армии прибыли 72 штаб- и 104 обер-офицеров, 1 генерал (сам М. Живкович) и 176 офицеров, добровольцев-офицеров из военнопленных в корпусе служило 661 человек. Всего же в Первой дивизии было 470 офицеров, во 2-й дивизии 256, ещё 82 офицера служили в запасном и 30 в корпусном управлении [10, с. 223].

Отметим, что заявления о бесчинствах во Второй сербской дивизии поступали и от русских чинов, которые, помимо того, подчёркивали пренебрежительное отношение её офицеров к российским военнослужащим и чиновникам. Так, квартирмейстер пехотного полка Второй дивизии доносил о поведении сербских офицеров при переводе в Орехов. Командир полка приказал поручику Паичу обеспечить офицеров квартирами в Орехове. «По прибытии выяснилось, что квартир нет. На вопрос Паичу русскими офицерами, – где наши квартиры? Тот ответил – вы, русские, ищите сами квартиры. И здесь я заметил полное недоверие и презрение к русским офицерам». Особенно в рапорте отмечалось бесчинство заведовавшего в Орехове хозяйством капитана Танасковича, «который славился в полку сильными кулаками и ужасными побоями». Далее в рапорте сказано: «Здесь действовал дисциплинарный порядок. Солдат били, изнуляли голодом, держали зимой в затворе в холодных и сырых погребках, – а последние, дабы спастись убегали куда попало. Капитан Танаскович получил от командира полка полную силу и власть и начал бить всех как палач, несмотря на нас, русских». Поведение этого офицера было оскорбительно по отношению не только к собственным солдатам, но и к русским чинам: «Когда прихожу к нему с докладом, он тогда встает и кричит, ругаясь: «Еби майку вашу», – т.е. «еб. твою мать», чего я не достоин как русский чиновник в своей родной земле, перед каким-нибудь гостем», – эмоционально писал тот же русский квартирмейстер Второй дивизии³⁵.

Не случайно с именем этого офицера связана трагедия, произошедшая 10 ноября 1916 г. в селе Мариинское, где были расквартированы солдаты и офицеры Второй дивизии. Поздним вечером того дня патруль 1-ой роты VII-го полка нашёл убитым около своей квартиры капитана-добровольца Штольфа, который «по общим отзывам, был очень симпатичный, добрый, уравновешенный человек, у которого не могло быть недоброжелателей ни среди воинских чинов, ни среди жителей с. Мариинского». Причём квартира убитого капитана располагалась в доме, «где проживает местный урядник Дикасов. В задней части того же дома помещается 12 человек нижних чинов I-й роты полка». В ходе начавшегося расследования этого инцидента, выяснилось, что «лично в отношении Штольфа нижние чины не могли питать вражды, но убийство его могло явиться или вообще протестом против поддерживаемого офицерами полка режима, причём безразлично было, кого именно убить, или же Штольфа был убит по ошибке, будучи принят в темноте за одного из офицеров, особенно нелюбимых солдатами. Скорее всего покойного могли принять в темноте за командира I роты капитана Танасковича, который был почти одного роста с убитым Штольфом (оба высокого роста) и ежедневно заходил в казарму, помещавшуюся в том доме, где живет урядник. По отзывам офицеров полка, Танаскович отличается строгостью и солдаты могли быть враждебно к нему настроены»³⁶. Само расследование пре-

³⁵ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 442. Л. 78–79 (так в тексте – Я.В.).

³⁶ Там же. Оп. 6. Д. 213. Л. 160–161 (об).

ступления велось спустя рукава и вскоре было вовсе прекращено, а командование сербского корпуса сделало всё, чтобы не предавать этот случай широкой огласке. Убийцы несчастного капитана так и не были найдены.

Не всегда гладко складывались отношения солдат и офицеров корпуса с местным населением, которое жаловалась на мародёрство и другие бесчинства. Среди офицеров-добровольцев нередко были случаи пьянства и нарушения воинской дисциплины. Так, предметом громкого расследования стало поведение офицеров Второй дивизии, чехов по национальности, которые в том же селе Мариинское устроили пьяную оргию в арендовавшейся ими квартире немки-колонистки. Предметом расследования стало не столько поведение, сколько обвинение офицеров осквернении висевших в доме портретов Николая II и членов императорского дома. Рапорт, составленный по результатам расследования командиром Второй сербской дивизии полковником Димитриевичем, гласил:

«Ночью 20/21 декабря 1916 г. в селе Мариинское в квартире запасного артиллерийского подпоручика Ярослава Чеха пьянствовало три офицера-добровольца из VII пехотного полка сей дивизии затем и сделали беспорядок. Дознанием, которое предпринял командир VII полка 21 декабря утром, а также произведенным мною 31 декабря и 1 января 1917 г. дознанием в с. Мариинском на месте совершившегося беспорядка утверждено следующее: пьянствовало всего три офицера-добровольца, по национальности чехи. Они называются: Иосиф Бартош, студент техники; Станислав Ситенский, студент агроном и Иосиф Добияш, студент медик. Бартош и Ситенски пехотные офицеры, а Добияш санитарный подпоручик.

Пьянствование началось около 9 часов вечера и протянулось приблизительно до 4 часов утра. Подпоручик Ярослав Чех, по национальности тоже чех, в этот вечер был болен глазами и чувствовал себя усталым и потому не хотел веселиться со своими товарищами чехами, а с ужина пошёл на другую квартиру, и там ночевал. Подпоручики Бартош, Ситенски и Добияш выпили очень много вина и были очень пьяны, когда помянутый беспорядок сделали. Начиная с полночи и до конца своего пьянства они сделали в комнате большой беспорядок, так напр.: разбили стаканы, из которых пили, а также два больших портрета (отца и мужа домохозяйки Франциски Карловной Бауер), которые были в рамах и повешены на стене. Эти портреты они сняли, порвали и бросили на пол, а стекла и рамы поломали. Одну маленькую фотографию [Бауерову] которая висела на стенке тоже сняли, порвали и бросили на пол. Открыв чемодан подпоручика Ярослава Чеха, вытащили из него все вещи и разбросали по полу.

Двери, которые находятся между комнатами подпоручика Чеха и г-жи Франциски выбили и бросили в её комнату, а стёкла на этих дверях побили. Один маленький стол поломали и его тоже бросили в её комнату. И наконец, найдя револьвер подпоручика Чеха, и из него сделали около десяти выстрелов тут же в комнате. Четыре выпущенных пули попало в стенку выше дверей, ведущих в комнату хозяйки, а две в пол, возле кровати.

Около часу ночи прислуга домохозяйки Паулина Витальевна Вайсенбургер, услышав шум в комнате Чеха, побежала к сельскому уряднику и попросила его прийти и успокоить пьянствующих. На это ей урядник сказал, что он тут не имеет никакого дела.

В комнате подпоручика Чеха выше его кровати висели два портрета царя Николая II и царицы Александры Фёдоровны. Оба эти портрета остались висеть на стенке, как и висели, несмотря на то, что они втроём, по своему признанию, снимали со стенки и целовали в знак любви и преданности русскому царствующему дому и общему славянскому делу.

На этажерке, которая находится возле дверей, ведущих в коридор, находились портреты царя Николая II, царицы Александры Фёдоровны и наследника Алексея. Этих портретов именованные не трогали, так как их внимание было обращено на те большие портреты царя и царицы, о которых была речь выше.

Утром 21 декабря прислуга Паулина, как она рассказывает, нашла на полу портрет царицы порванным. Она заявляет, что этот портрет порвали названные офицеры, но она не видела, когда они его рвали. Офицеры же заявляют, что они эту фотографию не рвали и что они убеждены, что фотографию порвала и на пол бросила сама хозяйка Франциска, которая по национальности немка. Офицеры предполагают, что г-жа Франциска это сделала из ненависти к ним, как австрийцам, которые теперь борются с нами против Австрии. Также заявляют, что такую пакость они не были бы в состоянии сделать ибо принадлежат к числу тех одушевлённых славян, которые всеми своими поступками до сего времени доказали, что за славянство готовы свою жизнь отдать»³⁷. По итогам следствия офицеры были разжалованы и отправлены обратно в плен.

Приведём ещё один документ такого рода – эмоциональное письмо женщин окрестных сёл Одессы, где были расквартированы части корпуса, направленное генералу Эбелову в конце декабря 1916 г. (особенности орфографии и пунктуации документа сохранены): «С покорнейшей просьбой обращаемся к вашей милости и просим вас избавить нас от этих сербских офицеров, которые по деревням ведут страшный развратный образ жизни, когда они были в городе это было может быть не так заметно как у нас в деревне. Это что то ужасное, они кушают, приводят женщин из города и дни у них проходят в бесконечных оргиях и это на глазах молодых девушек и детей, так как почти в каждой семье есть взрослые или подростки. У нас нет защиты, ружья и отцы наши все на войне. Во на днях одна девушка стрелялась в квартире офицера его же револьвером в деревне Дальник. Солдаты, если им не даешь, поломают двери, заборы, и жгут. Наши солдаты этого никогда бы не сделали, а эти проклятые австрийцы только форму носят сербскую, им доставляет удовольствие делать нам русским вред, и для чего их здесь держат, кормят и одевают и от ничего не делания они бездельничают, а наши бедные солдатики там далеко страдают. Покорнейше просим Ваше

³⁷ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 6. Д. 213. Л. 44–44 (об).

Превосходительство войти в наше положение беззащитных женщин, и дать зависящее о вас распоряжение. Страдающие женщины от их безобразий»³⁸.

Отметим в этой связи, что в ходе упомянутого нами расследования убийства капитана Штольфа было выяснено, что «по словам местных пристава и урядника, нижние чины неоднократно избивали в ночное время прохожих, даже обходных, вследствие чего колонисты (имеются в виду этнические немцы-переселенцы – Я.В.) с наступлением сумерек не рискуют появляться на улицах». А кроме того, после 8 часов вечера местным жителям, во избежание неприятностей, вообще было запрещено выходить из дому³⁹.

Столь же показательно заявление, поданное несколько позже, 16 мая 1917 г. членом РСДРП, старшим врачом 4-го полка Первой сербской дивизии Гавриилом Константиновичем в Совет офицерских и солдатских депутатов г. Одессы. В нём указано на многочисленные бесчинства солдат корпуса по отношению к местному населению, а также приведены нелестные высказывания офицеров и солдат корпуса о России и русских: «К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры – извозчики, а русские солдаты глупые и идиоты и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры 4-го полка, известный чемпион-палач 1-ой сербской дивизии майор Хаджич⁴⁰, командир 3-го батальона, подполковник Цветич, командир 2-го батальона, известный пьяница и развратник, поп Гиок Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги». В рапорте особо подчёркнуто, что «к революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: арест нынешнего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа и кто арестовал нашего покровителя – это сволочь, совет рабочих и солдатских депутатов, скоро мы им покажем. В этой дряни, (т.е. совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3000 шпионов», – кричал начальник штаба 1-й дивизии Белич» [2, с. 480–483]. Вывод автора письма был очевиден: корпус – это контрреволюционная структура, поэтому его необходимо разоружить, сербских офицеров отправить в Салоники, а солдат в Сибирь на работы.

Нередкими были личные конфликты между русскими чинами и офицерами сербского корпуса, по большей части вызываемые с несоблюдением субординации при отдавании чести. В октябре 1916 г. Живкович вынужден был издать специальный приказ о том, «чтобы все офицеры Сербского добровольческого корпуса, не обращая внимания на старшинство чина, отдавали честь русским офицерам при встрече на улицах и иных местах, не ожидая, чтобы, хотя и младший чином, русский офицер первым козырнёт»⁴¹.

³⁸ РГВИА. Ф.1837. Оп. 6. Д. 213. Л. 241.

³⁹ Там же. Л. 161.

⁴⁰ Стеван Хаджич - известный сербский генерал и государственный деятель Югославии.

⁴¹ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 470.

Стоит указать, что многие офицеры действующей русской армии относились к своим славянским братьям по оружию с подозрительностью и недоверием, по-прежнему считая их врагами. Подтверждением тому может служить рапорт на имя начальника Первой сербской дивизии от 31 мая 1916 г., поданный сербским офицером ротмистром Петровичем. В рапорте описан инцидент, произошедший с поручиком в кафе «Фонконе». К сербскому офицеру подошёл «подпоручик русской армии и представился, спрашивая, какой это я знак ношу на груди, – я ему ответил, что это знак Николаевского Кавалерийского училища, которое я кончил в 1910 г., после чего уехал в Сербию и поступил в сербскую кавалерию. Подпоручик начал пристально смотреть на меня и, усмехаясь, сказал, что ненавидит всех сербских офицеров вместе с их начальником дивизии, который ничего не смыслит в русском языке, повторяя несколько раз: “Да, я вас ненавижу”. На это я ему ответил, что до его мнения мне, а также всем сербским офицерам нет никакого дела, но мне неприятно слышать эти слова от русского офицера. Не обращая внимания на мои слова, подпоручик начал мне говорить, что он меня знает с 1914 г., когда он дрался против меня на Карпатах, что он ещё нескольких офицеров встретил, которые были на Карпатах против него, что он служил честью Его Императорскому Величеству, что он старый служака и что уже год как проводит в траншее». Сербский ротмистр возразил, что это ошибка, он не военнопленный, а «настоящий серб» и «провёл эту войну в траншее, не считая трёх предыдущих войн». «Если это так, то я извиняюсь перед вами, но остаюсь при своём мнении, относительно остальных офицеров», – ответил русский офицер сербу, повторив, что их ненавидит. Петрович выговорил обидчику: «Никакого дела сербским офицерам нет до вас, а мне в частности, и никакого мне вашего извинения не нужно, только меня удивляет ваша наглость, раз вы можете подойти к старшему от себя офицеру иностранной союзнической армии и выражать своё негодование. Считая это большим нахальством, я думаю, что если бы это слышали ваши товарищи – русские офицеры, то они бы осудили ваш поступок. Будьте уверены, г. подпоручик, что если бы вы приехали в Сербию, уверен, что вы во всё время своего пребывания там никогда не были бы изложены таким неприятностям, тем более в это несчастное время, когда нам, изнурённым после трёх войн, пришлось было подлечь натиску многочисленного врага»⁴².

Пришедшее после февральских событий 1917 г. к власти в России Временное правительство, ссылаясь на экстерриториальность сербского корпуса, самоустранилось от решения его дальнейшей судьбы. Эта мысль прослеживается в депеше ставшего министром иностранных дел П.Н. Милюкова, направленной на Корфу поверенному в делах при сербском правительстве Б.П. Пелехину 14(27) апреля 1917 г.: «Считая вопрос об установлении тесных дружественных отношений между сербами и их сородичами хорватами и словенцами, входящим в

⁴² РГВИА. Ф. 1837. Оп. 6. Д. 213. Л. 103–104.

область внутренней жизни всего сербо-хорвато-словенского народа, мы не находили бы возможным при настоящей политической обстановке, вмешиваться в него слишком активно, но, конечно, не отказываемся в пределах возможного от примирительной посреднической роли»⁴³. Такая позиция нового министра, известного болгарофила, имевшего репутацию ненавистника сербов, вызывала у командования корпуса серьёзные опасения не только за его судьбу, но и за реализацию заветной идеи Великой Сербии, усиливая неприятие событий Февральской революции в среде сербских офицеров. Напротив, многие офицеры-добровольцы позитивно отнеслись к событиям в Петрограде, поскольку их чаянием было создание Югославии по федеративной модели. Так, в меморандуме М.В. Алексееву от 21 мая 1917 г., составленном от имени офицеров и солдат корпуса уже упомянутым нами Пекле и офицером-добровольцем Шовари, было написано: «Наши старания были напрасны. Сначала обмануты разными обещаниями и указаниями на препятствия державноправного и дипломатического характеров (будто Россия не признаёт югославянского названия, потому что югославянского государства нет, а где же Чешско-Словацкое государство?), мы, в конце концов, убедились, что мы не служили нашему идеалу, но империалистическим и завоевательным стараниям сербской мегаломании» [7, с. 39].

Будущее корпуса не вызывало оптимизма ни у переживавших хаос русской революции высших российских военных и политических кругов, ни у его солдат и офицеров. К лету 1917 г. дисциплина упала до катастрофического уровня, общее состояние сербских дивизий было близко к абсолютной анархии, усугублявшейся межнациональными столкновениями. По сведениям, которые представили Ставке те же Пекле и Шовари, «из сербского добровольческого корпуса вышло до 3 мая около 120 офицеров, 41 юнкер и около 6 000 солдат югославян. Офицеры, исключая двух сербов, – по национальности хорваты и словенцы»⁴⁴. Из этого числа больше половины участвовали в боях за Добруджу⁴⁵.

Тем не менее, командование корпуса продолжало настаивать на том, что главная причина беспорядков – это деятельность Геруца и Тумы. События русской революции способствовали именно такому простому объяснению произошедших событий, поскольку беспорядки в корпусе оказалось легко «списать» в том числе и на покровительство хорватам бывшего царского министра Штюрмера, чьё имя после событий февраля 1917 г. стало ругательным. Эта мысль прослеживается в меморандуме о беспорядках в корпусе, составленном Живковичем 23 апреля 1917 г., т.е. спустя три месяца после завершения следствия Чистякова. В нём прямо указывалось, что конфликт был вызван «влиянием внешним, которое находится вне сферы влияния корпуса», к тому же «из документов, найденных в архиве бывшего министра Штюрмера, видно, что он старался всеми средствами заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией. В

⁴³ РГВИА.Ф. 2003. Оп. 1.Д. 686. Л. 67–67 (об).

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686. Л. 118.

⁴⁵ Там же. Л.118.

рамках осуществления этого плана входило ещё и расформирование Сербского корпуса и Чешко-Словацкой бригады» [1, с. 256–259]. Живкович сообщал, что недовольные офицеры «по данному Геруцем сигналу и под его руководством» выставили некие условия командованию корпуса, в том числе его переименование в Юго-Славянский и выделение «солдат хорватов и словенцев от сербских в отдельные полки, во главе которых будут стоять офицеры только хорватской и словенской народности. На веру должно быть обращено и не смешивать католиков с православными. Этот отряд никогда не должен считаться войском королевства Сербии, но считать его отдельным революционным войском Югославии», которое не должен впредь участвовать в боях на русском фронте. Живкович подчеркнул, что сербское правительство «пошло навстречу всем поставленным условиям за исключением последнего», а сербскому корпусу было дано название «Добровольческий корпус Сербов, Хорватов и Словенцев» [1, с. 268–269]. Такое решение было передано Живковичу от имени сербского военного министра Терзича. Особо оговаривалось, что «имя «Югославия» официально не будет применяться, ибо болгары, хотя и югославяне, но не с нами. Таким образом будут все удовлетворены, ибо сохраняется имя своих народов и племён. Если хорваты либо словенцы не довольны и желают выйти, передайте их русским военным властям, для поступления с ними по усмотрению: либо для возвращения в плен, либо для принятия их в свою армию, а с теми, которые останутся верными, образовать Сербский корпус»⁴⁶.

Распад Российской империи коренным образом повлиял на дальнейшую судьбу этого формирования. Из корпуса начался массовый отток добровольцев. В мае 1917 г. в штаб Одесского военного округа пришло указание военного министра А.Ф. Керенского, который «разрешил офицеров Сводного Добровольческого корпуса Сербов, Хорватов и Словенцев, отчисленных от названного корпуса и заявивших желание служить в русских войсках, назначить: офицеров первой дивизии, принимавших участие в боях Добруджи совместно с русскими войсками – на Румынский фронт, а офицеров, не принимавших участие в боях – на Кавказский фронт»⁴⁷. В этой ситуации Ставкой было принято решение о начале переброски частей корпуса на Салоникский фронт. Ещё в начале января 1917 г. через северный русский порт Романов было отправлено 28 офицеров и 1 157 нижних чинов. В конце августа 1917 г. из того же Романова предполагалось отправить ещё 266 офицеров и чиновников и 2880 нижних чинов – добровольцев 2-ой дивизии. При этом отправке в Салоники подлежал исключительно личный состав корпуса, без обоза, лошадей и оружия, которые надлежало сдать в г. Архангельске⁴⁸.

К началу августа 1917 г. в корпусе из 42 000 солдат осталось лишь около 18 000, бóльшая часть из которых к концу того же месяца по требованию гене-

⁴⁶ РГВИА. Ф. 1837. Д. 442. Л. 103.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 146.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 451. Л. 4–11.

рала Щербачёва должна была быть переброшена на румынский фронт, составив резерв 6-й армии [7, с. 45–46]. Однако переброска неоднократно откладывалась из-за недокомплекта личного состава и вскоре была отменена. Противоречивые распоряжения Ставки усилили неразбериху в руководстве корпуса, отрицательно сказываясь на его боеспособности.

На фоне начавшегося массового ухода из корпуса офицерского состава, офицеры-добровольцы стали формировать альтернативные «югославские» батальоны. 12 июня 1917 г. Гаспар Пекле, находясь в Могилёве, составил обращение к Верховному главнокомандующему воззвание, в котором указал, что вышедшие из Сербского корпуса «словенцы, хорваты и сербы решили сформировать Югославянский добровольческий отряд, входящим впредь до заключения мира в состав русской армии»⁴⁹. В Дарницком лагере военнопленных под Киевом началась агитация по вступлению в его ряды. В свою очередь, после двух месяцев вербовки «офицерам-диссидентам» к концу лета 1917 г. удалось собрать в югославянский ударный батальон около 500 человек.

Эти действия вызвали естественный протест главы сербской военной миссии в России полковника Б. Лонткевича и генерала М. Живковича, пытавшихся, в свою очередь, организовать в той же Дарнице новый набор добровольцев в Сербский корпус, в том числе вновь приняв в его состав тех солдат, которые ранее его покинули. Именно такое поручение получил сотрудник Сербской военной миссии поручик Комненович, который в телеграммах Лонткевичу особо подчёркивал необходимость «ликвидировать эти новые формирования отрядов из югославян, в противном случае это будет иметь деморализующее и разлагающее действие на наши формирования в Одесском округе, а вместе с тем будет убивать престиж Сербии и возложенную на нее политическую миссию»⁵⁰. В свою очередь, глава сербской военной миссии, в посланной генералу Лукомскому 14 июля 1917 г. телеграмме подчёркивал: «Упомянутые офицеры – диссиденты, в свою очередь собирают между пленными добровольцев, будто бы для ударных батальонов, между тем их намерение формировать отдельный отряд югославян в противоположность уже существующему в Одессе, на основании соглашения русского с сербским правительством, добровольческому корпусу сербов, кроатов и словенцев». В этой связи Лонткевич обращался к русскому правительству с просьбой «создать возможность дальнейшего вербования добровольцев из пленных югославян и облегчить эту деятельность уполномоченным органам сербского правительства». Он при этом предлагал признать Корпус как единственную «организацию югославян, а именно состоящую под руководством официально существующего югославянского комитета, утвержденного всеми союзниками», а также удалить из Дарницкого лагеря всех бывших офицеров-диссидентов корпуса, тем самым лишив их «возможности своей злоумышленной и несоответствующей истине агитацией, влиять на вновь при-

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 686. Л. 166.

⁵⁰ Там же. Л. 208.

бывающих с фронта пленных югославянской национальности, убеждая их не поступать в сербский корпус в Одессе, откуда впоследствии они будут отправляться в Солунь для пополнения сербской армии»⁵¹.

Терпению русских военных властей наступил предел. В середине августа 1917 г. генерал-майор Романовский издал распоряжение «всякую агитацию и дальнейшую вербовку» в альтернативные югославянские части прекратить, а сформированный «ударный батальон в 500 человек, включив в состав его офицеров диссидентов, производивших вербовку, а также 18 человек дополнительно заявивших комиссии Киевского военного округа о своём желании вступить в этот батальон» немедленно отправить на Юго-Западный фронт. В дальнейшем опрос военнопленных должна была проводить особая комиссия штаба Киевского военного округа, в состав которой должен был входить поручик Комненович. Приказ гласил: «сначала вербуются добровольцы в Сербско-Кроато-Словенский добровольческий корпус, вслед за тем путём опроса вызываются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины, и, наконец добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название «Особый ударный батальон», не называя его «югославянский». Нежелающие служить должны были быть переведены на положение военнопленных и отправлены во внутренние округа империи, причём в приказе особо подчёркивалось запрещение ношения ими сербской военной формы»⁵².

В то же время собственную вербовку добровольцев начала другая группа сербских офицеров под руководством полковника А. Срба, заочно обвинённого на Салоникском процессе по делу тайной офицерской организации «Чёрная рука» («Объединение или смерть»). Уже после победы октябрьского восстания, в ноябре–декабре 1917 г. в Одессе Срб сформировал из бывших солдат корпуса батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 г. был перебросен в г. Мариуполь. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 г. был убит в Таганроге при до конца не выясненных обстоятельствах. Подразделение Срба возглавил майор М. Благодич, погибший в боях под Казанью летом 1918 г. Судьба этого подразделения, равно как и в целом участие сербских полков в событиях Гражданской войны 1918–1921 гг., является уже предметом отдельного исследования.

Заметим в этом смысле, что история Сербского корпуса являет собой пример своеобразного микромира, иллюстрирующий гибельность попыток создания «синтетического югославянства». При этом показательно, что именно в казармах корпуса впервые открыто взорвалась тикающая сербо-хорватская бомба, причём в момент, казалось бы, острой необходимости консолидации усилий двух народов для вооружённой борьбы с общим неприятелем за создание «общего» государства.

⁵¹ Там же. Л. 204–205.

⁵² Там же. Л. 239–240.

Таким образом, уже при обсуждении вопроса о создании новой страны было очевидно столкновение двух национальных концептов будущего югославянского государства: либо расширение границ Сербии за счёт присоединения к её территории населённых сербами частей Воеводины, Боснии, Славонии, части Далмации, либо «югосферическое» слияние в рамках общего государства Сербии и Хорватии, что могло произойти лишь в случае полного уничтожения Австро-Венгерской монархии и создания на её обломках искусственной наднациональной конструкции. К началу 1917 г. курс на создание именно югославской модели будущего государства стал проявляться всё отчётливее, причём среди не только балканских, но и российских политиков. 20 июля 1917 г. на острове Корфу между представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана компромиссная декларация о создании государства сербов, хорватов и словенцев. Данная «югосферическая» система отвечала интересам Англии и Франции, стремившихся, в числе прочего, таким образом нейтрализовать политические амбиции в регионе своих конкурентов – Германии и Италии [1, с. 45–46]. Однако попытки строительства нового «югославского» народа обратились в трагедию двух Югославий XX в. И в этом смысле судьба сербского корпуса, к тому же тесно связанная с развалом Российской империи и становлением нового советского государства, стала своеобразным прологом трагической судьбы Югославии и её армии, изначально, ещё до своего официального оформления, обречённых на развал.

Список литературы

1. Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М.: Рос. ин-т стратег. исслед.; Рос. военно-историческое общество; Ин-т И. Андрича – Отдел истории (Сербия), 2014. 404 с.
2. Вишняков Я.В. Армия без государства: Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XVIII. М.: Модест Колеров, 2015. С. 443–487.
3. Ермолаев Д.А. Под Черняевским знаменем: Сербь в антибольшевистской борьбе на Русском Севере // Наука и бизнес на Мурмане: науч.-практ. журнал. 2005. № 3(48), тематический номер «Мурман – Сербия». С. 18–31.
4. Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921. М.: Мысль, 1977. 252 с.
5. Каширин В.Б. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // Studia Balkanica (К юбилею Р.П. Гришиной). Сб. статей. М.: Институт Славяноведения РАН, 2010. 400 с. С. 139–179.
6. Милорадович Г. Карантин идей. Лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М.: Regnum, 2010. 228 с.
7. Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976. 542 с.
8. Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, Udruženje dobrovoljaca 1912–1918, 1977. 423 с.
9. Петровић И. Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001. 151 с.
10. Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. Београд, Народна књига, 1977. 510 с.
11. Поповић Н. Губици 1 српске добровољачке дивизије у борбеним операцијама у Добруци 1916 године // Војно-историјски гласник. 2012. № 2. С. 145–152.

Об авторе:

Ярослав Валерианович Вишняков – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: vishnyakov@yandex.ru.

SERBIAN VOLUNTEERS AND THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

Ia.V. Vishniakov

DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-33-59

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: Using original documents from the Russian State Military Historical Archive, many of which are introduced for the first time, the author reveals details of creation and activities of the Serbian Volunteer Corps formed from captured soldiers and officers of the Austro-Hungarian army in Odessa in the Summer 1916. The same autumn it received a baptism of fire in Dobruja fighting in the separate corps of the Russian army under the command of General Zayonchkovsky. The research interest in studying the activities of “national” and “international” military units within the Russian army is connected with the question of expediency and effectiveness of using such forces against those for whom they have not so long ago shed blood. The author, contrary to the popular opinion of Serbian historians, shows that the call to join the First Serbian division did not arouse mass enthusiasm among the prisoners of war both Serbs and representatives of other Yugoslav nations because of well-founded fears for their close relatives living in the Dual Monarchy and a fairly comfortable stay in the Russian captivity. At the same time, the author emphasizes that this military unit, commanded by officers of the Serbian regular army, was considered by the political leadership of Serbia as the basis of the future armed forces of the new state of Yugoslavia. The article shows that the events of the Russian Revolution of 1917 influenced the future fate of this military formation. Many of its soldiers later found themselves on different sides of the front in the Russian civil war. A special attention is paid to the interethnic conflict erupted in the corps between the Serbs on the one side and the Croats and Slovenes on the other. The author introduces a significant body of primary documents showing the nuances of relations in the corps between representatives of various Yugoslav nations. The article emphasizes that the relationship of the Serbs, Croats and Slovenes within the corps became the prologue to the future tragic fate of the Yugoslav state and its army, which were doomed to eventually collapse.

Key words: The First World War, the Russian Revolution, Dobrudja, Serbia, Serbian volunteer corps, M. Zivkovic, A.M. Zayonchkovskiy.

References

1. Vishniakov Ia.V., Timofeev A.Iu., Miloradovich G. *Armiiia bez gosudarstva. Ot serbskogo k iugoslavianskomu dobrovol'cheskomu korpusu v Rossii vo vremia Pervoi mirovoi voiny* [Army without state. From the Serbian to the Yugoslavian Volunteer Corps in Russia during the First World War]. Collection of documents. Moscow, Ros. in-t strateg. issled.; Ros. voenno-istoricheskoe obshchestvo; In-t I. Andricha – Otdel istorii (Serbiia), 2014. 404 p. (In Russian)

2. Vishniakov Ia.V. *Armia bez gosudarstva: Serbskii dobrovol'cheskii korpus v Rossii 1916–1917 gg.* [Army without State: Serbian Volunteer Corps in Russia 1916–1917]. *Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii [Russian collection. Research on the History of Russia]*. Vol. XVIII. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2015. Pp. 443–487. (In Russian)
3. Ermolaev D.A. Pod Cherniaevskim znamenem: Serby v antibol'shevistskoi bor'be na Russkom Severe [Under the Chernyaevsky banner: Serbs in the anti-Bolshevik struggle in the Russian North]. *Nauka i biznes na Murmane: nauch.-prakt. zhurnal*, 2005, № 3(48), tematicheskii nomer «Murman – Serbiia», pp. 18–31. (In Russian)
4. Zelenin V.V. *Pod krasnym znamenem Oktabrii. Iugoslavianskie internatsionalisty v Sovetskoj Rossii 1917–1921* [Under the red banner of October. Yugoslav internationalists in Soviet Russia 1917–1921]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 252 p. (In Russian)
5. Kashirin V.B. *Pokhod v Dobrudzhanskuiu step': evoliutsiia zamysla, planirovanie i podgotovka ekspeditsii russkikh voisk za Dunai v 1916 godu* [The campaign to Dobrudzhansky steppe: the evolution of the plan, the planning and preparation of the expedition of Russian troops behind the Danube in 1916]. *Studia Balkanica (K iubileiu R.P. Grishinoi)*. Collection of articles. Moscow, Institut Slavianovedeniia RAN Publ., 2010. 400 p. Pp. 139–179. (In Russian)
6. Miloradovich G. *Karantin idei. Lageria dlia izoliatsii «podozritel'nykh lits» v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev v 1919–1922 gg.* [Quarantine of ideas. Camps for isolating “suspicious persons” in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1920]. Moscow, Regnum Publ., 2010. 228 p. (In Russian)
7. *Uchastie iugoslavianskikh trudiashchikhsia v Oktabr'skoi revoliutsii i grazhdanskoi voine v SSSR. Sbornik dokumentov i materialov* [Participation of Yugoslav workers in the October Revolution and civil war in the USSR. Collection of documents and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 542 p. (In Russian)
8. *Jugoslovenski dobrovol'ci u Rusiji 1914–1918* [Yugoslav volunteers in Russia 1914–1918]. Beograd, Udruzenje dobrovoljaca 1912–1918, 1977. 423 p. (In Serbian)
9. Petrović I. *Srpski dobrovol'ci 1912–1918* [Serbian volunteers 1912–1918. Figures and fate]. Brojke i sudbina. Novi Sad Publ., 2001. 151 p. (In Serbian)
10. Popović N. *Srbija i Rusija 1914–1918* [Serbia and Russia 1914–1918]. Beograd, Narodna knjiga Publ., 1977. 510 p. (In Serbian)
11. Popović N. Gubitsi 1 srpske dobrovol'achke divizije u borbenim operatsijama u Dobruđi 1916 godine [There was 1 Serbian volunteer division in combat operations in Dobruđa in 1916]. *Vojno-istorijski glasnik*, 2012, no. 2, pp. 145–152. (In Serbian)

About the author:

Yaroslav Vishnyakov – Doctor of historical sciences, professor of MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vishnyakov@yandex.ru.

ОТРИЦАНИЕ, ВСТРАИВАНИЕ, ПОСТЕПЕННОЕ ЗАБВЕНИЕ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОВЕТСКОМУ НАСЛЕДИЮ В ГРУЗИИ, АРМЕНИИ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ¹

А.А. Токарев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В год столетия Октябрьской революции автор обращается к вопросу влияния советского наследия на национальное и государственное строительство в государствах Южного Кавказа. В исследовании постулируются явные различия между изучением постколониализма и постсоветского пространства, в связи с чем предлагается авторская операционализация изучения «имперского наследия». На основании исследования численности русских как основной образующей «советского народа», статуса русского языка, специфики институциональной традиции, особенностей символической политики государств (памятников, архитектуры, советских государственных символов, иерархии воинских званий) и политических практик (специфика функционирования партийных систем, тип суверенитета, уровень свободы слова и политической конкуренции) сравниваются Азербайджан, Армения и Грузия.

В трёх очень разных постсоветских государствах, по-разному выходящих из СССР, и использовавших эти события для конструирования национальных нарративов в соответствии с собственными представлениями о траекториях развития, автор находит повторение отдельных элементов советской системы. Даже несмотря на дискурсивное и символическое отрицание советского и промотирование антисоветского в той или иной степени во всех трёх государствах, каждое из них, находясь под влиянием советского наследия, создаёт уникальные примеры сочетания «постсоветских советских» феноменов. Ни одно из государств не предлагает «чистый» тип отношения к советскому: только отрицание или только инкорпори-

УДК 323.172, 323.111, 321.013

Поступила в редакцию 17.08.2017 г.

Принята к публикации 09.10.2017 г.

¹ Автор благодарит за ценные критические замечания к тексту Сергея Маркедонова, Николая Силаева, Адлана Маргоева, Ивана Фомина, Вадима Муханова, Александра Караваева, Майю Урушадзе, Александра Скакова, Анатолия Савченко, Звиада Авалиани, Давида Петросяна.

рование. Разница между странами состоит в соотношении про- и антисоветских элементов. В большей степени просоветский нарратив сохраняет Азербайджан, использующий, с одной стороны, советскую практику культа личности, с другой, совершенно несоветскую (восточную) традицию династической передачи власти, оформленную президентскими выборами. Политическая практика Армении, с одной стороны, включает упоминание о советской Армении, как о второй республике, отличая её таким образом от южно-кавказских соседей, ведущих институциональную традицию от демократических республик периода Гражданской войны. На фоне конкурентных выборов и свободных медиа, просоветский нарратив Армении дополняется стремлением политического класса создать систему с доминирующей партией, сохраняя формальную электоральную конкуренцию. В это соединение советских символов (Армения не проводила системную декоммунизацию) и политических практик причудливо вплетается образ Гарегина Нжде как «отца нации», в СССР фактически обвинённого в сотрудничестве с Третьим рейхом. Наконец, Грузия, в максимальной степени пытающаяся расстаться с Советским Союзом на символическом уровне, сильно продвинулась в строительстве формальных демократических институтов, но в реальности управляется по-прежнему в рамках неформальных процедур, на что дискурсивная и символическая декоммунизация не повлияла в принципе.

В исследовании используются данные национальных переписей, социологических исследований, тексты официальных документов и, подчеркнём особо, бесценный опыт включённого наблюдения за символической политикой во всех трёх странах.

Ключевые слова: распад СССР, советское, государственное и национальное строительство, Азербайджан, Армения, Грузия.

Поиск ответа на вопрос «в рамках какой парадигмы рассматривать распад СССР?» влечёт за собой постановку других: каким по типу государством был Советский Союз? Как следует называть «после-советский» мир и «после-советское» пространство? Наиболее популярные ответы на первый вопрос уже несколько десятилетий дают западная политическая наука и международные отношения, рассматривая распад СССР в рамках Postcolonial Studies и расставляя логические акценты по своим местам: мир стал постколониальным, СССР – распавшаяся империя, потерявшая колонии, искавшие суверенитета и попытавшиеся в силу исторического момента стать национальными государствами. Всемирный процесс распада включает в себя через запятую Британскую, Французскую, Испанскую, Португальскую, Нидерландскую империю и, с оговорками о сухопутном характере, СССР [11, р. 19]. Тарас Кузьо, например, прямо пишет о «последней империи, завершившей распад колониального мира..., осуществлявшей в колониях те же практики, что прочие империи в Ирландии, Азии и Африке». И в обратном смысле: «политика постсоветских государств идентична политике постколониальных государств, поскольку они также пытаются избавиться от колониального наследия» [6, р. 243]. Я думаю,

что не только это высказывание, но и вся парадигма исследования постсоветского как постколониального весьма спорны. Собственно, нельзя сказать, что на Западе нет дискуссии: «Является ли «пост-» в постколониальном тем же, что и «пост-» в постсоветском?» – задаётся вопросом Дэвид Мур, объясняя «глобальную критику постколониализма» [10, p. 111].

Общая логика, в рамках которой западные учёные воспринимали распад СССР, сводится к исследованию 3-4 транзитов (triple-quadruple transition): от институтов провинций или колоний империи к суверенно-государственным, от командной экономики к рыночной, от коммунистической системы к демократической, от имперской идентичности к национальной [7; 9; 12]. Именно постсоветское пространство позволило заметить, что транзит как выход из авторитарной точки отнюдь не означает финиш в демократической, хотя до сих пор встречаются академические работы, исследующие регион в рамках линейной парадигмы с постановкой исследовательского вопроса «почему демократия не приживается на Кавказе?» [3, p. 8]. В отношении третьего – режимного – транзита на рубеже веков заговорили с критикой в адрес концепции «третьей волны демократизации», начавшейся в 1974 г., в общем виде провозгласили «конец парадигмы транзита» (термин Т. Карозерса), но и описание постсоветских транзитов как «четвёртой волны демократизации» натолкнулось на объективные препятствия: какие уж демократизации в Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане? Линейную логику перехода сменила разноректорность развития, формирование гибридных режимов и множества «демократий с прилагательными», режимная консолидация [5; 8]. Я уверен, для «постимперского транзита» придётся точно также вырабатывать новый дискурс и новую методологию, как это произошло с «режимными транзитами». Как минимум, используя поисковую систему «Гугл.Академия» на русском и английском языках, я не нашёл специализированных трудов, посвящённых постсоветскому Южному Кавказу с исследованием советского наследия. Существующие работы, включая 2016-2017 гг., по-прежнему развивают концепты Postcolonial Studies.

Если СССР и был империей, то совсем неклассической. Во-первых, если считать РСФСР метрополией, союзные республики провинциями, то кого воспринимать в качестве колоний? Вьетнам, Анголу и Кубу? Является ли материально-техническая и военная помощь, участие в гражданских войнах на одной их сторон, использование территорий для военно-стратегических плацдармов колонизацией? Думаю, следует ставить вопрос так: СССР использовал Кубу для создания паритета с США, или наоборот, Куба использовала страхи отстававшего по числу носителей СССР, получив многомиллиардные вливания, которые в итоге так и не вернула, и защиту патрона от американской агрессии? Во-вторых, СССР не пытался создать наднациональное содружество по типу Британской короны. Коммунистический проект был гораздо более широким, в полной мере рассчитанным на завоевание полумира, а то и всего, после того, как «мы вас похороним». В-третьих, будучи федеративным государством по своему типу (пусть

формально и провозглашающим право субъектов на выход), СССР предлагал равные права гражданства всем без исключения – от Эстонии до Туркменистана, т.е. делал то, чего не делают империи в пределах своих провинций. Всё же западные авторы исследуют «империю, навязывавшую идентичность... Кавказу, где до XX в. никакой общей идентичности не было – лишь культурное разнообразие многочисленных народов» [14, р. 28]. Российский историк Алексей Миллер прекрасно описал важность советского проекта для народов, которые на Западе, как правило, воспринимают как угнетённые, поставленные в подчинённое положение русскому. «...Когда гуляешь по зоопарку и неожиданно из клетки выскочил тигр, главное – вовремя найти свободную клетку и туда спрятаться. Это к вопросу о тюрьме народов. Империю можно называть тюрьмой народов, но она ещё защищает от внешних воздействий. Для грузин и армян российская тюрьма народов прежде всего выполняла эту функцию»². Пытаясь создать внеэтническую общность – советский народ – СССР становился территориальным государством, государством-нацией, но опять же не империей, которая стремится не к равенству граждан (равенство с туземцами и аборигенами непредставимо), а развивает метрополию за счёт провинций и колоний. Выдающаяся роль советского проекта состоит в цивилизаторстве, прежде всего, в Средней Азии. Чтобы понять это, достаточно посетить национальные музеи Таджикистана, Казахстана и Киргизии и посмотреть на экспозиции до и после начала советского периода. С другой стороны, о каком цивилизаторстве может идти речь в государствах Балтии? В-четвёртых, само качество «провинций» (в терминах постколониального дискурса) таково, что они требуют объединения в регионы при анализе: Прибалтика, славянские государства плюс Молдова, Кавказ, Средняя Азия. Это разрушает традиционную для постколониалистов, исследующих постсоветскость, логику о наличии старших и младших братьев и естественных попыток вторых избавиться от наследия первых через вытеснение фрустрации. Внутри каждого из регионов вполне можно говорить о «родственных» отношениях: малороссы, конечно, подчинены великороссам, что следует из названия. В данном случае вполне можно рассуждать и об имперских комплексах обоих народов, и о постимперской травме [13]. Армяно-азербайджанская ненависть, узбекско-киргизская неприязнь, часто натянутые отношения внутри Казахстана между северянами и южанами – дробление продолжается, но о каких родственных отношениях можно говорить в случае армяно-российских, украинско-грузинских, литовско-казахских отношений? Причина антисоветскости в каждом регионе будет своя – общая логика постколониализма не будет здесь работать. В-пятых, магистральный подход *postcolonial studies* по-прежнему воспринимает Кавказ как постимперский единый регион. На общей карте до сих пор отображают Чечню как «сепаратистскую территорию... наравне с «Аджарией, Мегрелией, Самцхе..., склонную к отделению» [4, р. 5-6]. В подобных ра-

² Миллер А.И. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны [Электронный ресурс]. <http://www.polit.ru/article/2006/04/11/miller2/> (дата обращения: 1.08.2012)

ботах хотя и имеются ссылки на террористические акты как недопустимые методы борьбы и упоминается, что из всех постсоветских чеченские войны были самыми кровопролитными, по-прежнему можно увидеть дискурс о «борьбе за независимость... примерно такой же, какая двигалась устремлениями прибалтов, армян или грузин» [15, р. 70]. Как исследователь, подробно изучавший сессии и модели реинтеграции, могу с уверенностью сказать, что чеченский кейс – безусловно, самый успешный на постсоветском пространстве. В этом смысле отождествление регионов при сравнении, помещение нынешней Чечни в один ряд, например, с суверенными Абхазией и Южной Осетией, означает либо непрофессионализм, либо излишнее стремление к сохранению неработающей методологической рамки Postcolonial Studies, унифицирующей реальность в схеме «метрополия борется за сохранение провинций и колоний».

Исходя из этих пяти пунктов, я пробую предложить методологию для исследования постсоветского, а не постколониального. Возможно, сам термин «империя» как обозначение могущественной политики, способной действовать далеко за пределами своей территории, следует использовать как синоним «сверхдержавы», предлагающей альтернативный западно-капиталистическому проект. Кроме того, в отношении СССР следует говорить о центр-периферийных отношениях внутри страны (в крайне случае – о метрополии и провинциях). Отождествлять советско-кубинские отношения с франко-гвианскими мне кажется натянутым.

Отношение каждого постсоветского кавказского государства к общему прошлому можно было бы описать словами, вынесенными в заглавие, но реальность видится сложнее. Грузинское отрицание, армянское встраивание и азербайджанское забвение обозначают лишь магистральные и, что гораздо важнее, публичные тренды государственных политик, которые, во-первых, компенсируются общественными, во-вторых, не являются статичными, а меняются под влиянием конъюнктуры, в-третьих, конечно, не описывают всего многообразия процессов государственного и национального строительства, идущих в странах Южного Кавказа³ и включающего про- и антисоветские нарративы. В каком ценностном и институциональном состоянии находится кавказская часть постсоветского пространства? Насколько характеристика «постсоветскости» отвечает реалиям трёх государств? Является ли «постсоветскость» признаком не только географическим (территория бывшего СССР) и темпоральным (то, что существует после 1991 г.), но и качественным – насколько государства Южного Кавказа являются после-советскими, т.е. создавшими по-настоящему новые модели государственности и политического процесса?

Для ответа на общий исследовательский вопрос «как советское наследие влияет на национальное строительство посредством стратегий использования/

³ Республики Абхазия и Южная Осетия я сознательно исключаю из анализа, несмотря на признание со стороны России в качестве суверенов. Частично признанные государства, по нашему глубокому убеждению, требуют отдельной методологической рамки для анализа госстроительства.

игнорирования/отторжения государственными акторами?» я предлагаю методологию, апробированную в рамках проекта «25 лет без СССР», который был придуман для журнала «Коммерсантъ.Власть»⁴. Ниже все три казуса я сравню по следующим параметрам:

1) Русские: численность меньшинства как государствообразующего народа СССР.

2) Язык: сколько государственных языков, какой статус у русского языка?

3) Длина институциональной традиции: какому государству суверенная постсоветская республика провозглашает преемственность?

4) Государственная символическая политика: воспроизводятся ли полностью или частично советские образы, награды и паттерны в официальных символах? Сохранились ли государственные праздники советского времени? Как представлен советский период истории в государственных исторических музеях, есть ли музеи советской оккупации?

5) Советские управленческие практики: в какой степени воспроизводятся?

1) В Армении, согласно переписи⁵ 2011 г. (см. табл. 1)⁶ [4] 0,39 % проживающих людей назвали себя русскими. Это второе по численности меньшинство (после езидов – 40 000) более чем в 13 000 чел. из 3 млн 019 тысяч населения страны. После распада СССР (перепись 1989 г.) численность русских сократилась ровно в четыре раза. В Азербайджане⁷ русские (1,3 %) составляют третью по численности общину после азербайджанцев (91,6 %) и лезгин (2 %), при этом это самая крупная община на Южном Кавказе, хотя её численность и упала по сравнению с 1989 г. в 3,3 раза⁸. В Грузии число русских упало с 6,32 % в 1989 до 0,71 % (26,5 тысяч) в 2014 г. – падение в девять раз. Русские составляют третье меньшинство после азербайджанцев и армян⁹. В отношении всех русских общин Южного Кавказа можно сказать, что они успешно интегрированы в политические нации и не испытывают гонений, имевших место в 90-е. То же во всех казусах наблюдается в отношении русских/русскоязычных туристов. Массовые фрустрации, связанные с гражданством, т.е. с нацией, но не этносом, можно

⁴ Токарев А.А. 25 лет без СССР [Электронный ресурс]. Коммерсантъ. Власть. №16. 2016. <https://www.kommersant.ru/doc/2972009> (дата обращения: 27.08.2017).

⁵ По отношению к сравнению переписей, прежде всего, необходимо сделать оговорку. Очевидно, что сравнивать страны с изменившимися территориями сами с собой некорректно: Грузия со времён последней союзной переписи 1989 г. лишилась Абхазии и Южной Осетии, Азербайджан – Нагорного Карабаха и нескольких прилегающих районов. Я оставляю этнический фактор для анализа, как минимум, чтобы верифицировать вывод о том, что фактор наличия русской диаспоры больше не влияет на национальное и государственное строительство.

⁶ Население по стране гражданства, статусу проживания, полу и возрасту [Электронный ресурс]. <http://armstat.am/file/doc/99484933.pdf> (дата обращения: 27.08.2017).

⁷ Национальные статистические службы Азербайджана и Грузии не предоставляют данных по этническому составу населения: Demographic indicators [Электронный ресурс]. <http://www.azstat.org/MEsearch/search?departament=21&lang=en> (дата обращения: 27.08.2017); Main Statistics. Population [Электронный ресурс]. http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=152&lang=eng (дата обращения: 27.08.2017).

⁸ Azerbaijan. People and Society [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/aj.html> (дата обращения: 27.08.2017).

⁹ Demographic and social characteristics [Электронный ресурс] <http://census.ge/en/results/census1/demo> (дата обращения: 27.08.2017).

встретить применительно к внешней политике. Азербайджанцы и армяне очевидным образом задают вопросы «почему Россия поддерживает нашего главного врага?» (имеется в виду апрельское обострение 2016 г. в НКР), а грузины упоминают войну 2008 г. и отколовшиеся признанные Россией РА и РЮО, опять же, не распространяя эти претензии на конкретно русских.

Таблица 1. Динамика численности населения
Table 1. Population dynamics

Республика и год переписи	% от общей численности населения	чел.	изменение
АзССР 1989	5,6	392 304	<3,3
Азербайджан 2009	1,3	119 300	
АрмССР 1989	1,54	51 555	<4
Армения 2011	0,39	13 351	
ГССР 1989	6,32	341 172	<9
Грузия 2014	0,71	26 500	

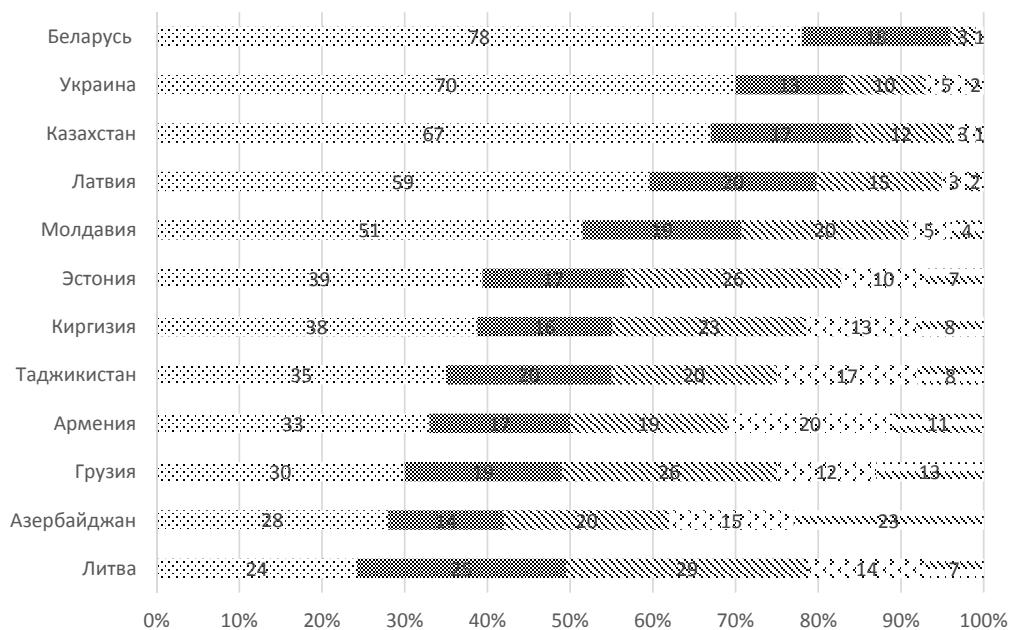
2) Статус русского языка во всех трёх странах не определён конституционно, но Армения и Грузия, ратифицировавшие рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств, признают русский языком русского меньшинства. Кроме того, во всех трёх странах русский фактически играет роль языка межнационального общения. В Армении, в отличие от кавказских соседей, использование русского на бытовом уровне, в т.ч. русскими гражданами страны и русскоязычными туристами, не затруднено в принципе. Русский в гораздо больших объёмах присутствует в общественных местах: в ереванском метро все надписи дублируются на русском, что невозможно представить в тбилисском или бакинском. В Азербайджане, замечу, имеется российское образовательное присутствие – филиал МГУ в Баку, а также популярные русскоязычные медиа. При этом уровень бытового знания русского, очевидно, гораздо ниже, чем в Армении.

Поскольку в данных национальных переписей отсутствуют лингвистические аспекты, я обратился к результатам социологического проекта фонда «Наследие Евразии» (см. табл. 2 – 6)¹⁰. В рамках исследования «Русский язык в новых независимых государствах» на постсоветском пространстве изучалась самооценка гражданами ННГ уровня владения русским языком (в материалах отсутствуют Туркменистан и Узбекистан).

В Азербайджане было зафиксировано наихудшее владение русским языком – с 23 % ответов «не знаю русский язык» страна обгоняла не только соседей, но и все постсоветские государства. 28 % знали русский свободно, что было вторым с конца показателем. Грузия и Армения с 30 и 33 %, соответственно, шли на третьем и четвертом месте с конца.

¹⁰ Гаврилов К. Русский язык на постсоветских просторах [Электронный ресурс]. http://www.polit.ru/research/2008/04/30/demoscope329_print.html (дата обращения: 27.08.2017).

Таблица 2. Уровень свободного владения русским
Table 2. Level of fluency in Russian

Насколько свободно Вы лично владеете русским языком?

- ☐ Свободно говорю, пишу и читаю на русском языке
- ▒ Свободно говорю и читаю, но пишу с ошибками
- ▔ В принципе, смогу объясняться с людьми, говорящими по-русски
- ◌ Понимаю язык, но сам не говорю
- ✖ Не знаю русский язык

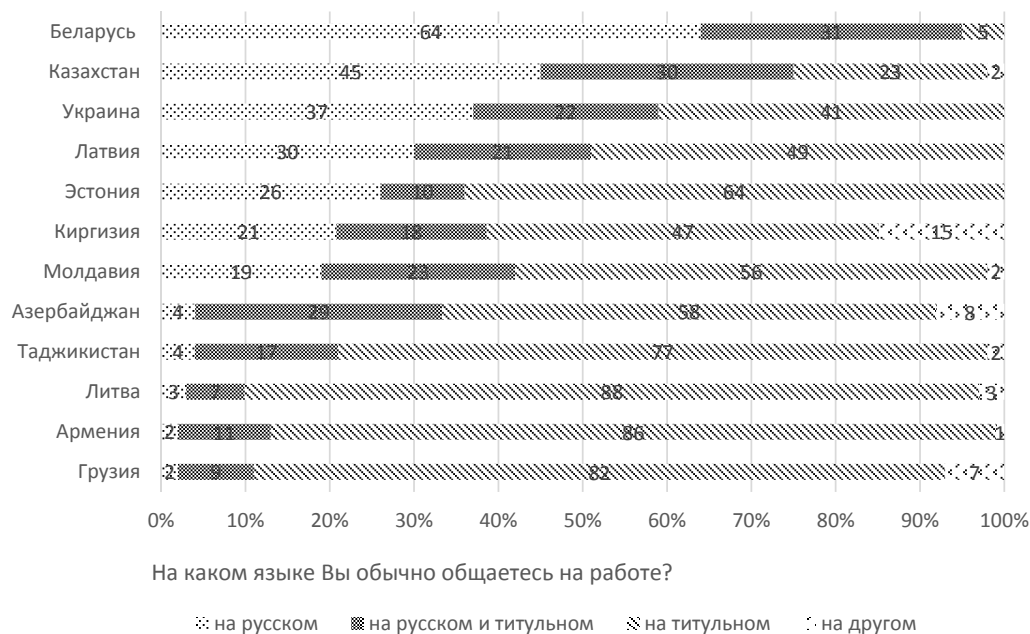
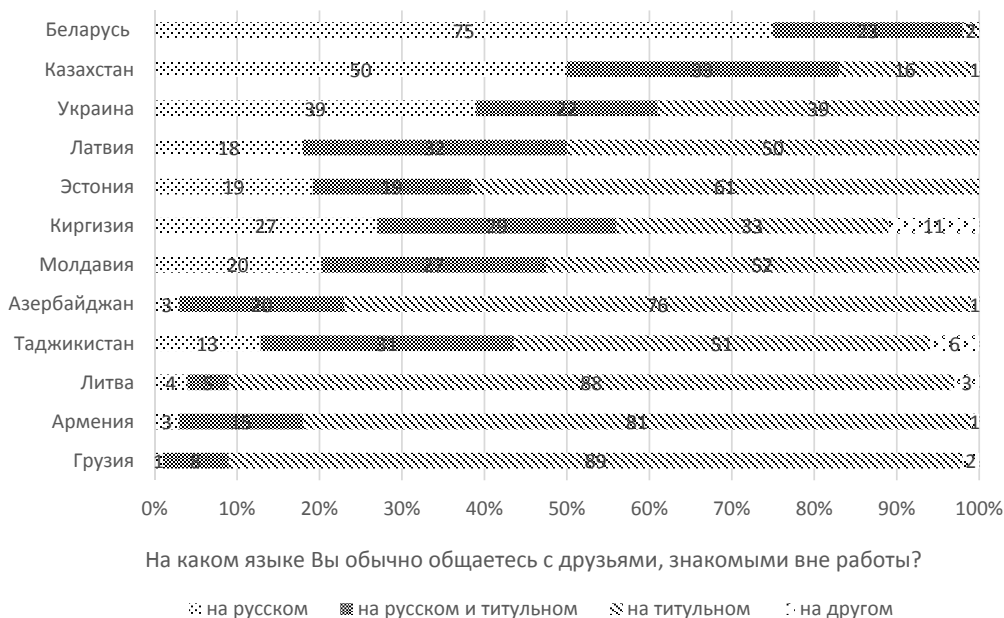
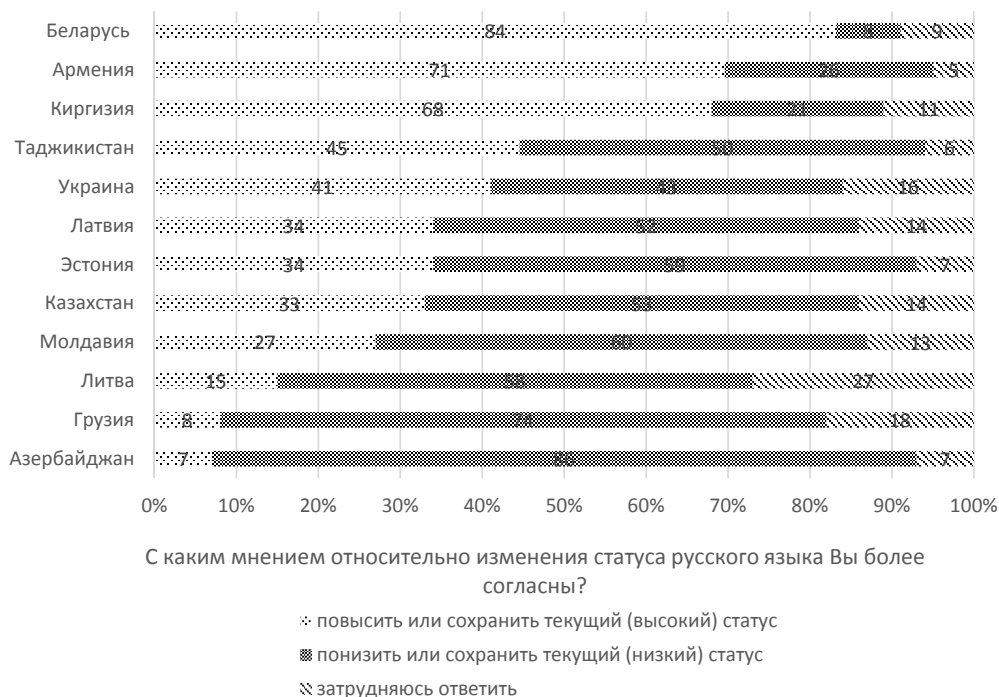
Таблица 3. Язык общения в семье**Table 3. Language of communication in a family****Таблица 4. Язык общения на работе****Table 4. Language of communication at work**

Таблица 5. Язык общения вне работы**Table 5. The language of communication outside work**

Грузия и Армения находились на последних местах по использованию русского в трёх пространствах: в семье, на работе и в общении с друзьями. Азербайджан был везде пятый с конца. Единственная иерархия, в которой кавказская тройка находилась на разных полюсах, представлена в таблице, показывающей отношение к статусу русского. Грузия и Азербайджан более других постсоветских стран хотели понизить или сохранить существующий низкий статус русского. Армения наоборот уступала лишь Беларуси в желании повысить его статус. Т.е. в целом все три страны попадали в группу самого слабого распространения русского (с примкнувшими к ним Литвой и Таджикистаном). При этом Армению статус-кво не устраивал сильнее.

Таблица 6. Мнение о статусе русского языка
Table 6. Opinion on the status of the Russian language

3) Азербайджан и Грузия провозглашают преемственность демократическим республикам, возникшим в мае 1918 г. в процессе распада Российской империи, и игнорируют советский период. Азербайджан и Армения восстановили государственные символы первых республик. Только Армения включает советский период в официальный список форм государства, считая Армянскую ССР – второй, а постсоветскую Армению – третьей республикой. Грузия жёстко исключает Грузинскую ССР из описания собственно грузинской государственности. К примеру, в ролике Нацбанка об истории денег в 1921 г. банкноты и монеты заканчиваются, возникая лишь в 1995¹¹ – судя по видеоряду, между ними в Грузии денег не было. Азербайджан также провозглашает преемственность второй республике. Официоз подчёркивает, что АДР является первым светским демократическим государством исламского мира, а также первым мусульманским государством, где женщины имели избирательные права – это наследие Азербайджан несёт как некий идеальный образ.

4) Армения в наибольшей степени сохраняет советское символическое наследие – в отличие от Грузии и Азербайджана, сменивших пятиконечные звёзды на погонах силовиков на семи- и восьмиконечные, соответственно. Восьмиконечная звезда заменяет собой советскую символику и на азербайджанских зда-

¹¹ The History of Georgian Money [Электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=R46lA49QG6Q> (дата обращения: 27.08.2017).

ниях, иногда причудливым образом: барельефы советских знамён сохранены, но серп и молот удалены с них. Советская красная звезда, напротив, используется в рекламе – её сакральное значение, сохраняющееся в России и Беларуси, очевидным образом потеряно. В Армении пятиконечную звезду по-прежнему можно встретить на решётке у здания парламента и шпиле вокзала в Ереване. Все государственные символы Армянской ССР сохранены на Доме правительства.

Силовые структуры Грузии перешли на НАТОвские стандарты званий с капралами вместо младших сержантов, вице-полковниками вместо подполковников и бригадными генералами вместо генерал-майоров¹². В азербайджанской армии звания остались прежними – советские аналоги сменились названиями на национальном языке за исключением подполковника, называемого на западный манер полковник-лейтенант¹³. В Армении и звания, и погоны (включая расположение пятиконечных звёзд) остались неизменными по сравнению с советскими¹⁴.

Гораздо большее значение в Азербайджане имеют памятники, посвящённые различным «зверствам армян». Главный военный мемориал в Баку совмещает сразу три эпохи: досоветскую, советскую и антисоветскую. Аллея шахидов представляет собой захоронение жертв событий 20 января 1990 г., когда советские войска подавляли волнения, и Карабахского конфликта. На одном конце аллеи – вечный огонь, на другом – памятник советскому генерал-майору танкисту Ази Асланову и рядом с ним – памятник турецким воинам, погибшим в боях с бакинской коммуной в 1918 г. При этом памятники, связанные с Великой Отечественной войной, подновляются. Их поддерживают, скорее, по традиции, нежели в связи с особым символическим значением. Хотя в количественном отношении советских военных памятников в Азербайджане значительно больше, чем в Армении и Грузии. От Астары до Балакена можно увидеть их в целом в неплохом состоянии. Отреставрированный «дом из бутылок» с портретами советских воинов в Гянже – исключение. Крайне интересный казус можно наблюдать в городе Шемахи. Орден Победы снят со стороны памятника, обращённой к дороге, но оставлен на тех двух, которые не видно. Фронт стелы содержит мозаичное изображение карты Азербайджана, нанесённое, если приглядеться, поверх барельефов, посвящённых войне. Этот казус в целом отображает специфику мемориализации Великой Отечественной войны: памятники не сносятся, но находятся в подчинённом положении по отношению к Карабахскому конфликту и национальной символике.

Армянская постсоветская традиция, напротив, совмещает две войны. 9 мая имеет в стране особое значение не только в рамках общесоветского праздни-

¹² Воинские звания Грузии [Электронный ресурс]. https://m.sputnik-georgia.ru/infographics/20161102/233695162/voinskie-zvania-v-gruzii.html?mobile_return=no (дата обращения: 27.08.2017).

¹³ Униформа сухопутных войск Вооружённых сил Азербайджана [Электронный ресурс]. <http://uniforma-army.ru/azerbajdzhan-armiya.php> (дата обращения: 27.08.2017).

¹⁴ Воинские звания в Вооружённых силах Армении [Электронный ресурс]. <https://ru.armeniasputnik.am/infographics/20170128/6215775/voinskie-zvaniya-v-vooruzhennyh-silah-armenii.html> (дата обращения: 27.08.2017).

ка, но ещё и как особо отмечаемый армянами день взятия Шуши в Нагорном Карабахе. Главный военный монумент – Мать-Армения на горе в Ереване, в его основании находится музей Министерства обороны, посещение которого обязательно для призывников. Экспозиция, посвящённая Великой Отечественной и армянскому взгляду на Карабахский конфликт, – в печальном состоянии, как и монумент мать-Армения в Гюмри. В целом дискурс о войне, трагедии и жертвах в Армении – это, прежде всего, упоминания геноцида 1915 г. и войны в Карабахе и лишь во вторую очередь Второй мировой войны. Год назад власти Еревана поставили памятник идеологу и военному деятелю первой республики Гарегину Нжде, в эмиграции сотрудничавшему с Третьим рейхом (в один день с ним был открыт памятник маршалу Бабаджаняну). К Нжде возводит свою идеологию правящая республиканская партия (о нём пишут диссертации историки и философы, его цитируют чиновники, изображая как отца-основателя). Фигура Нжде обозначает национальный и, безусловно, антисоветский нарратив. При этом в центре Еревана сохраняются памятники, топонимы и музеи, посвящённые военным и гражданским деятелям советской эпохи. Таким образом, Армения формирует собственный национальный нарратив, включающий, как советские, так и антисоветские части.

Грузия в символическом смысле отрицает советский период. Самый известный случай борьбы с советским наследием имел место в Кутаиси, где при Михаиле Саакашвили был снесён мемориал советским воинам для строительства здания парламента. В 2012 г. власти демонтировали памятник советским воинам в Батуми. Главный мемориал страны в тбилисском районе Ваке ещё сохраняет советские скульптуры, но вечный огонь не горит. По стране можно найти советские памятники, и в частности памятники Великой Отечественной войне, но они имеют печальный вид. Советская символика сохраняется в доме-музее в Гори и музее боевой славы в 500 м от него. Характерная черта противоречия советского и постсоветского дискурсов – надписи в музеях: сделанные на русском ещё до распада СССР они употребляют термин «Великая Отечественная война», сделанные на английском в середине 2000-х они содержат термин «Вторая мировая война». Аналогичная особенность наблюдается, например, на входе в главный военный мемориал Украины, входная группа которого содержит цифры на барельефе «1941-1945», а текст на английском повествует о «WWII 1939-1945».

Грузия – единственная из стран Южного Кавказа, где есть музей советской оккупации. Он представляет собой пропагандистскую, далёкую от историографической точности экспозицию, не имеющую ничего общего с музейным делом. Несмотря на то, что в реальности это лишь один из залов национального музея, в тёмное чрево которого ведёт указующий перст нарисованного на стене молодого Сталина, в тбилисском метро на указателях прописывается именно Soviet Occupation Museum. Представители грузинских властей и НКО часто извиняющимся тоном говорят о существовании «музея», подчёркивая, что его органи-

зовывали при власти ЕНД в момент жёсткого обострения отношений с Россией. Однако музей продолжает принимать посетителей и после ухода партии Михаила Саакашвили в оппозицию.

Армянский и азербайджанский президенты несколько раз приезжали на парад 9 мая в Москву. Представить участие грузинского руководства в официальной церемонии невозможно по причине отсутствия дипотношений между нашими странами. У каждой из трёх стран в общественном сознании есть феномен поиска своих собственных национальных паттернов в общесоветской победе. В случае Грузии – это, конечно, Иосиф Сталин и Мелитон Кантария, армяне говорят о пяти высших военачальниках – этнических армянах и вспоминают танец кочари у стен Рейхстага, а в Азербайджане при обсуждении Великой Отечественной крайне популярна фраза «ну, что бы вы выиграли без бакинской нефти?» (официальная пропаганда промотирует тот же тезис) [1]. Официальные СМИ Азербайджана разделяют советское на три ипостаси: давление советской власти как негативный фактор в отношении национального строительства, общая трагедия Великой Отечественной и положительный образ всего, что связано с советской карьерой Гейдара Алиева («он работал в Кремле» – за рамками понимания того, кем и когда, – самая частая характеристика из уст экскурсоводов в центрах Алиева по всей стране).

Из советских государственных праздников (см. табл. 7) в Грузии, Армении и Азербайджане остались 1-2 января, 8 марта и 9 мая (В Армении ещё и 1 мая – День труда). Две последних страны отмечают дни республики 28 мая, Грузия – 26. Во времена Звиада Гамсахурдиа альтернативу 8 марта нашли в виде Дня матери, который до сих пор отмечается 3 марта и является нерабочим днём. Государственный праздник Азербайджана – День национального спасения азербайджанского народа (15 июня – Гейдар Алиев в 1993 г. вернулся к руководству). В некотором смысле антисоветским можно назвать День национального возрождения 17 ноября – в 1988 г. в Баку проходили массовые антисоветские выступления, разогнанные войсками. Явно несоветским (хотя и не антисоветским) является День ВС Азербайджана 26 июня, установленного в честь создания в 1918 г. отдельного азербайджанского корпуса, переименованного из мусульманского. Кроме того, 31 декабря отмечается День солидарности азербайджанцев всего мира в честь разрушения в 1989 г. советско-иранской границы, после чего тысячи азербайджанцев СССР и Ирана поспешили пересечь Аракс для братания. В Азербайджане и Армении существуют дни независимости (18 октября и 21 сентября, соответственно). В Грузии главный праздник – День независимости совпадает с Днём республики. Кроме того, как и в Азербайджане есть отдельный праздник, посвящённый борьбе с подавлением советскими войсками антисоветских выступлений – День национального единства 9 апреля (в честь событий в Тбилиси в 1989 г.). «Перефразируя Карла Ясперса, этот день можно назвать «осевым» для всей постсоветской истории Грузии, – пишет кавказовед Сергей Маркедонов. – Именно тогда Грузия перестала быть «братской социали-

стической» [2]. Напрямую в Грузии говорится о советской оккупации, для чего введён специальный государственный праздник – 25 февраля (в 1921 г. в этот день Красная Армия вошла в Тбилиси). После смены правительства Михаила Саакашвили и курса на максимально возможную в условиях «оккупации» нормализацию отношений с Россией праздник начали отмечать с меньшей помпой, но не отменили. Грузинскую «празднично-мемориальную политику разрыва с советским и имперским прошлым» Маркедонов называет наиболее последовательной.

Таблица 7. Государственные праздники стран Южного Кавказа¹⁵
Table 7. Public holidays of the countries of the South Caucasus

	Советские	Несоветские	Антисоветские
Азербайджан	1-2 января, 8 марта и 9 мая. (В Армении – 1 мая).	День национального спасения азербайджанского народа, День ВС, День солидарности азербайджанцев	День республики, День независимости, День национального возрождения
Армения			День республики, День независимости
Грузия		День матери	День советской оккупации, День независимости, День национального единства

Таким образом, все три государства инкорпорируют в официальный календарь как просоветские, так и антисоветские праздники, сохраняя двойственный паттерн отношения к советскому.

5) В наибольшем виде советские управленческие практики повторяет Азербайджан, в наименьшем – Армения. Подчеркнём, что в данном случае делаем вывод о том, что Азербайджан оказался под сильнейшим влиянием советского наследия (и – шире – собственной исторической традиции персоналистской власти). Повторением одной из важнейших практик советского управления стало создание культа личности, хотя династическая передача власти от отца к сыну и от сына – частично жене (невестке отца) – постсоветское изобретение. Отдалённое сходство можно найти в излишней формализации процесса выборов: в СССР не избирали ни формального (председателя президиума ВС), ни реального (генсека) главу государства.

Азербайджанский культ личности, по моей субъективной оценке, является вторым по силе на постсоветском пространстве после туркменского казуса, т.е. безусловно превосходит сакрализацию власти Эмомали Рахмона в Таджикистане (важным отличием является то, что в Азербайджане культ сложился преимущественно после смерти лидера). Кроме того, некоторые объекты культа используются гражданами и являются общественно полезными. В каждом

¹⁵ В таблице представлены не все праздники, а только те, которые относятся к советскому наследию. Религиозные или культурно-исторические государственные праздники не являются предметом нашего анализа.

крупном городе страны есть парки Алиева, являющиеся культурной доминантой городского пространства. В центре парка обязательно размещён памятник Гейдару Алиеву. Кроме парков, в каждом городе функционируют центры его имени. Они похожи на современные аналоги дворцов пионеров с ленинской символикой и кружками для детей, с одинаковой экспозицией, рассказывающей о жизненном пути лидера нации. Типовые памятники – иногда по несколько штук в сотне-двух метров друг от друга – размещены в центрах городов. Билборды с изображением Гейдара Алиева – вдоль трасс и на въезде в населённые пункты. Изображение экс-президента появляется как постоянное дополнение к лейблу сразу нескольких национальных телеканалов. На горе в Балакене стоит похожий до степени смешения с вождём мирового пролетариата памятник. Власти постсоветского Азербайджана пытались создать образ Ататюрка, но у них получился новый Ленин. Российский исследователь современного Азербайджана Александр Караваев пишет: «Современная идеология – это симбиоз гейдаризма (трансформированного советского) и АДР, наследие которой делят между собой и власть, и оппозиция, согласные в том, что главный паттерн – это независимость, т.е. антиимпериализм. Часть советского, работающая в положительном смысле, – это всё, что связано с работой Гейдара Алиева» [1].

Советская практика в формировании официальной идеологии порождает не только формирование правящей династии (в феврале 2017 г. президент, отец которого был президентом, назначил свою жену вице-президентом). Советская традиция продолжается в прямом смысле вместе с жизнью советских функционеров. «Дедушка» Рамиз Мехтиев, глава идеологического отдела ЦК Азербайджана в конце 1980-х, с 1995 г. возглавляет АП.

Свободные медиа в Армении и Грузии, конкурентные выборы в обеих странах, смена власти и оппозиции легальным путём на парламентских выборах, уход глав государств после окончания конституционных полномочий, высокий уровень политического участия, свободы слова и вероисповедания, отсутствие монополии со стороны спецслужб на формирование смыслов и контроля за оппозицией, – всё это делает оба государства в полном смысле пост- – после-советскими.

В Армении сохраняется вероятность «ресоветизации» через оформление правящей партии, похожей на КПСС, глава которой является реальным главой государства, подменяющим по фактическим полномочиям президента и председателя правительства. Демократический фасад сохраняется, в т.ч. из-за необходимости Армении в рамках карабахского конфликта выглядеть более демократичной, чем Азербайджан, и быть более «правильной» для западных доноров, от которых государство по-прежнему зависит. При этом в стране оформляется монополия Республиканской партии – в апреле 2018 г., когда станет ясно, уходит ли президент Саргсян или остаётся, можно будет говорить об окончательной институционализации неоКПСС или продолжении транзита. Армянские коллеги сравнивают государство со странами народной демократии: ПНР, ГДР,

БНР, в которых существовала многопартийная система, но распределение мест зависело от мнения правящей партии.

Разница между Арменией и Грузией состоит в том, что во второй сформировался демократический фасад при отсутствии реального народного суверенитета. Несмотря на проведение конкурентных кампаний, критику правительства в СМИ, ротацию власти и оппозиции в парламенте, реальное руководство страной осуществляют лица, не наделённые полномочиями посредством выборов. В этом смысле уровень приватизации государства командой предпринимателя Бидзины Иванишвили, безусловно, отличает Грузию от других постсоветских государств. Вероятно, большая персонализация власти в условиях формально демократических процедур существует только в Молдавии, органы власти которой фактически принадлежат предпринимателю Владимиру Плахотнюку. Иначе говоря, Грузия представляет собой боковую ветвь постсоветского развития: не «ресоветизацию» политического менеджмента в Азербайджане, не его «антисоветизацию» с возможным переходом в «ресоветизацию» в Армении, а никоим образом не похожий на советскую практику госуправления случай.

Проведённый анализ показывает, что включение такой переменной как «этнические русские» неоправданно. Во-первых, как я говорил в начале текста, две из трёх стран Южного Кавказа сильно изменились территориально, что делает сравнения постсоветских переписей с советскими некорректными. Во-вторых, по отношению к Кавказу дискурс российской власти базируется на национально-государственных, а не этнических основаниях (в отличие от той же Украины): сравните «мы будем защищать граждан России» с «мы будем защищать русских». Это значит, что русские не рассматриваются как значимая социальная группа для проведения кавказской политики России. Следовательно, даже апелляция к советскому наследию будет исключать этот нарратив. Собственно, в 2008 г. участие России в операции по принуждению Грузии к миру и оправдывалось наличием российских граждан (этнических осетин и абхазов) на формально грузинской территории. В-третьих, этно-национальных противоречий с русскими резидентами и туристами в странах региона не наблюдается: с одной стороны, русские интегрированы в национальные сообщества, с другой, накал армяно-азербайджанских и грузино-абхазских отношений таков, что на этом фоне сложно увидеть сложности с русскими меньшинствами. Наконец, число этнических русских настолько мало, что едва ли можно говорить о влиянии этого этноса на государственное строительство. Это не отменяет сохранения для анализа переменных русского языка как пока ещё обладающего статусом *lingua franca* или влияния России как крупнейшего актора в регионе на национальные политики. Речь лишь об этничности в этой части постсоветского пространства, в отличие, например, от украинского, молдавского, прибалтийских или части среднеазиатских случаев, данную переменную следует исключить (если и оставлять, то только для постсоветских сравнений в целом).

Русский язык более не имеет устойчивой связи с советским наследием и не обладает формальным статусом. С одной стороны, уровень его распространения среди титульных этносов невысок, и в среде молодых грузин, армян и азербайджанцев русский плавно уступает своё место английскому (причин тому множество: от промотирования западом своих НКО и программ обменов вкупе с российской пассивностью в этой сфере до образовательных стандартов, включающих в Азербайджане и Грузии изучение английского как приоритетного второго языка). С другой, русский язык не воспринимается населением в чёткой взаимосвязи с Россией. Крупных конфликтов на лингвистической почве на Южном Кавказе не было давно¹⁶ – в отличие от столкновений в связи с вопросами территориальной целостности. Можно уверенно утверждать, что в лингвистическом смысле Армения, Азербайджан и Грузия стали подлинно постсоветскими.

При этом советское наследие оказывает сильнейшее влияние на институциональную традицию. Грузия и Азербайджан, если представить их в качестве личностей, в вопросах истоков государственности находятся в состоянии фрустрации по отношению к СССР, стараясь вытеснить существующую память о собственном статусе как ССР. Обе страны провозглашают преемственность демократическим республикам, возникшим в результате распада Российской империи. При этом наблюдается общий для постсоветского пространства тренд игнорирования оформления территорий, с которыми государства подошли к 1991 г., именно в рамках Советского Союза.

Символическая политика трёх государств гораздо менее однозначна. Все три страны инкорпорируют и советские, и антисоветские символы и отличаются их соотношением. В Армении, на официальном уровне не исключаяющей советский период из перечня предшествующих современному государству политий, паритет соблюдается в большей степени. Азербайджан, за исключением значительного количества советских памятников, избавляется от советских символов. Грузия проводит активную антисоветскую символическую политику скорее по инерции, сохраняя советские символы на периферии и территории, и массового сознания.

Наконец, наиболее весомая, на наш взгляд, переменная – специфика повторения советского политического опыта в постсоветских странах. Насколько Советский Союз сохранился не в символах и памятниках, а в ежедневной практике? Парадоксальным образом страны, дискурсивно и символически избавляющиеся от советского наследия воспроизводят его в политическом процессе. В этом смысле Азербайджан, создавший очень серьёзный культ личности, осо-

¹⁶ Постсоветская Грузия была наиболее сложным многосоставным государством, в котором крупные национальные меньшинства (армяне и азербайджанцы) не входили в национальное лингвистическое пространство. Однако этот «языковой пейзаж» был бесконфликтно изменён посредством успешных образовательных и инфраструктурных реформ. Существующие неуспешные для национального строительства казусы (восприятие центральными властями в качестве сепаратистских проявлений желания перевести Библию на мингрельский) не вызывало серьёзных конфликтов.

бенно похожий не на сталинский, но на ленинский случай, в наименьшей степени является постсоветским.

Если мы берём на вооружение шкалу, на одном конце которой авторитаризм позднего СССР, а на другой – либеральная демократия, можно с уверенностью сказать, что все три страны отошли от одного полюса, не добрались до другого и прочно увязли где-то посередине, т.е. тезис о том, что логика транзита не линейна, а многовекторна, в очередной раз подтвердился. В институциональном смысле этой шкалы попросту не существует. Отдельные признаки демократического режима в Армении нивелируются практикой партийного строительства, в Грузии – формированием стратегического курса страны посредством закулисных процедур. Культ личности в Азербайджане очевидным образом повторяет советскую практику.

Постсоветские в географическом и темпоральном смысле, страны Южного Кавказа не стали подлинно постсоветскими в отношении внутренней политики, автоматически сохраняя черты советского политического режима, при этом в двух из трёх случаев значительно продвинувшись на пути демократизации. Дискурсивная и символическая борьба с советским наследием не затрагивает основы их строя, хотя оказывает значимое влияние на формирование национальных нарративов.

Список литературы

1. Караваев А. Русская речь и культура в странах СНГ (на примере Азербайджана): исследование фонда «Наследие Евразии» [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2015. № 101. URL: <http://ia-centr.ru/expert/874/> (дата обращения: 27.08.2017).
2. Маркедонов С.М. Праздники и памятные даты постсоветского Закавказья: история и политика [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2015. № 101. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6381> (дата обращения: 27.08.2017).
3. Aliyev H. Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy Challenges of Democratisation and Reform in the Caucasus. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 241 p.
4. Geukjian O. Ethnicity, Nationalism and Conflict in the South Caucasus. Routledge, 2016. 247 p.
5. Jankauskas A., Gudžinskas L. Reconceptualizing Transitory: Lessons from Post-Communism. Lithuanian Annual Strategic Review. 2007. Pp. 181-199.
6. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space. // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2002. Vol. 30. No. 2. Pp. 241-264.
7. Kuzio T. Transition in Post-Communist states: Triple or Quadruple // Politics. 2001. Vol. 21 (3). Pp. 168-177. DOI: 10.1111/1467-9256.00148
8. Levitski S. Why «Democratic Breakthroughs» often fail to create democracies: Modes of Transition. [Электронный ресурс]. <http://www.sais-jhu.edu/academics/regional-studies/europe/conferences/countering-regression/pdf/lucan-way-background.pdf> (дата обращения 27.08.2017).
9. McFaul M. Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. No. 3. Pp. 5-19.
10. Moore C.D. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // PMLA. 2001. Vol. 116. № 1. Pp. 111-128.
11. Schwarz H. A Companion to Postcolonial Studies. Blackwell Publishing Ltd. 2005. 632 p.
12. Tsygankov A.P. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World // Communist and Post-Communist Studies. 2007. Vol. 40. No. 4. Pp. 423-439.
13. Ward A. Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 248 p.

14. Zakharov N., Law I. Post-Soviet Racisms New York: Palgrave Macmillan, 2015. 251 p.
15. Zurcher C. The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus. New York: New York university press, 2007. 289 p.

Об авторе:

Алексей Александрович Токарев – к.полит.н., старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

NEGATION, INCLUSION, GRADUAL OBLIVION: STATE STRATEGIES ON SOVIET HERITAGE IN GEORGIA, ARMENIA AND AZERBAIJAN

A.A. Tokarev
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-60-80

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: In the year of 100th anniversary of the October Revolution, the author turns to the question of the Soviet heritage influence on nation- and state-building processes in three countries of the South Caucasus – Azerbaijan, Armenia and Georgia. The article postulates clear differences between the study of postcolonialism and the post-Soviet space, and therefore the author presents his own operationalization of the “imperial heritage” study.

The countries of the South Caucasus are compared based on the following criteria: a number of ethnic Russians as the main constituent of the Soviet people living in the country; a status of the Russian language; national symbols (statutes, architecture, Soviet state symbols, the hierarchy of military ranks), and political practices (functioning of the party systems, type of sovereignty, degree of freedom of speech and political competition).

Studying Azerbaijan, Armenia and Georgia differently coming out of the USSR and using the disintegration of the USSR to construct their national narratives in accordance with their own ideas about the ways of development, the author finds a repetition of the Soviet system elements.

Each of the states demonstrates a unique combination of “post-Soviet Soviet” phenomena. The difference lies in the ratio between pro-Soviet and anti-Soviet elements.

Azerbaijan seems to maintain a pro-Soviet narrative more than the others. It inherited the Soviet cult of personality and combined this practice with a completely non-Soviet (Eastern) tradition of political dynasties covered by the election system.

The Armenian political tradition includes reference to Soviet Armenia as the Second Republic, which distinguishes the country from the neighbors who consider themselves to be the successors of the democratic republics that emerged during the Civil War in Russia. Despite competitive elections and free media, the Armenian leadership seeks to establish a political system with a single dominant party and formally maintain electoral competition. This conjunction of Soviet symbols (Armenia did not carry out systematic decommunization) and political practices is oddly mixed with the image of Garegin Nzhdeh as “the father of nation”, a person who was accused in the USSR for collaborating with the Third Reich.

Georgia tries to part with the Soviet Union to the maximum extent at a symbolic level, has made great progress in building formal democratic institutions, but in reality it is still managed through informal procedures, to which discursive and symbolic decommunization did not affect in principle. Discursive and symbolic decommunization had no impact on the way this country is ruled.

The study is based on the data from national censuses, sociological studies, texts of official documents and, especially, the invaluable experience of the included observation of symbolic politics in all three countries.

Key words: the collapse of the USSR, the Soviet state and nation-building, Armenia, Azerbaijan, Georgia.

References

1. Karavaev A. Russkaja rech' i kul'tura v stranah SNG (na primere Azerbajdzhana): issledovanie fonda «Nasledie Evrazii» [Russian speech and culture in the CIS countries (on the example of Azerbaijan)]. *Neprikosnovenniy Zapas*, 2015, no. 101. Available at: <http://ia-centr.ru/expert/874/> (accessed 27.08.2017). (In Russian).
2. Markedonov S. Prazdniki i pamjatnye daty postsovetskogo Zakavkaz'ja: istorija i politika [Holidays and memorable dates of post-Soviet South Caucasus: history and politics] // *Neprikosnovenniy Zapas*, 2015, no. 101. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/6381> (accessed 27.08.2017). (In Russian).
3. Aliyev H. *Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy Challenges of Democratisation and Reform in the Caucasus*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 241 p.
4. Geukjian O. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in the South Caucasus*. Routledge Publ., 2016. 247 p.
5. Jankauskas A., Gudžinskas L. Reconceptualizing Transitory: Lessons from Post-Communism. *Lithuanian Annual Strategic Review*, 2007, pp. 181-199.
6. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2002, vol. 30, no. 2, pp. 241-264.
7. Kuzio T. Transition in Post-Communist states: Triple or Quadruple. *Politics*, 2001, vol.21, no. 3, pp. 168-177. DOI: 10.1111/1467-9256.00148
8. Levitski S. Why «Democratic Breakthroughs» often fail to create democracies: Modes of Transition. Available at: <http://www.sais-jhu.edu/academics/regional-studies/europe/conferences/countering-regression/pdf/lucan-way-background.pdf> (accessed 27.08.2017).
9. McFaul M. Transitions from Postcommunism. *Journal of Democracy*, 2005, vol. 16, no. 3, pp. 5-19.
10. Moore C.D. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *PMLA*, 2001, vol. 116, no. 1, pp. 111-128.
11. Schwarz H. *A Companion to Postcolonial Studies*. Blackwell Publishing Ltd. 2005. 632 p.
12. Tsygankov A.P. Modern at Last? Variety of Weak States in the Post-Soviet World. *Communist and Post-Communist Studies*, 2007, vol. 40, no. 4, pp. 423-439.
13. Ward A. *Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 248 p.
14. Zakharov N., Law I. *Post-Soviet Racisms*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 251 p.
15. Zurcher C. *The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus*. New York, New York university press Publ., 2007. 289 p.

About the author:

Alexey A. Tokarev – Senior Research Fellow of the Center for Global Problems of the International Research Institute MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

ТРИЛАТЕРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США, ЯПОНИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

А.И. Печалова

Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору

В статье рассматриваются особенности трилатерализма – взаимоотношений, сложившихся в 1970-х гг. между тремя центрами мирового развития: США, Японией и Западной Европой. Представлен анализ центробежных и центростремительных тенденций в рамках этого формата.

Трилатерализм основан на представлении о том, что стабильность международных отношений во многом зависит от степени консолидации позиций развитых стран. Сплочение этих стран основано на схожести их политических режимов и экономических моделей, а также подходах к обеспечению энергетической безопасности. Хотя названные компоненты остаются важной частью трёхсторонних отношений, спектр факторов, оказывающих влияние на трилатерализм, сегодня гораздо шире, чем четыре десятилетия назад.

Тенденция к дезинтеграции проявляется всё отчётливее и включает несколько аспектов. Во-первых, в этих отношениях наблюдается разная интенсивность связей (контакты между Западной Европой и Японией менее интенсивны, чем двусторонние связи по линиям США – Западная Европа и США – Япония). Во-вторых, увеличивается расхождение во внешнеполитических приоритетах участников формата: стратегический курс каждого из них имеет собственное направление. И в-третьих, экономическая проблематика, ранее составлявшая ядро взаимоотношений в треугольнике, размывается другими темами повестки дня, в первую очередь связанными с появлением новых вызовов и угроз. Этот вывод подтверждается публикациями экспертов Трёхсторонней комиссии.

На основе проведённого исследования автор высказывает предположение, что трилатерализм стоит на пороге реформатирования. Будущая основа этих взаимоотношений пока не определена.

Ключевые слова: США, Япония, Западная Европа, энергетическая безопасность, Европейский союз, Трёхсторонняя комиссия, экспертное сообщество, глобализация, трилатерализм, новые вызовы и угрозы.

УДК 620.9, 327Q48

Поступила в редакцию 18.04.2017 г.

Принята к публикации 16.10.2017 г.

Связи, сложившиеся между Соединёнными Штатами Америки, Японией и странами Западной Европы, занимают особое место в международных отношениях. Чтобы подчеркнуть самостоятельность каждой из сторон и их значение в современном мире, взаимоотношения между ними принято определять специальным термином «триада». Все участники триады занимают прочные позиции в мировом хозяйстве, которые подкрепляют их авторитет на глобальном уровне.

Становление трёхсторонних отношений состоялось в 1970-е гг., когда промышленно развитые страны столкнулись с серией качественно новых вызовов. Особую роль в этом процессе сыграл энергетический кризис 1973 г., который не только нанёс серьёзный ущерб экономике этих стран, но и вызвал у них ощущение уязвимости. К середине 1970-х гг. в западном экспертном сообществе сложилось отчётливое понимание, что защиту от кризиса и новых угроз обеспечивают в первую очередь согласованные действия развитых стран, а не состояние взаимоотношений с противником. На этой основе возникли различные инициативы по усилению так называемого «трилатерализма». Даже дискуссионный вопрос о присутствии американских войск в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе обсуждался исключительно с точки зрения усиления взаимозависимости ради безопасности [6], а необходимость военного присутствия не ставилась под сомнение.

Воплощением идеи усиления взаимозависимости ради всеобщей безопасности стало появление в 1973 г. Трёхсторонней комиссии, в работе которой участвовали эксперты США, стран Западной Европы и Японии¹. Эта площадка была создана для «неофициального обсуждения на максимально высоком уровне проблем, угрожающих трём центрам мирового развития»², она в определённой степени институционализировала отношения между странами.

Сегодня, спустя сорок с лишним лет после появления комиссии, внешнеполитический контекст претерпел существенные изменения. На международной арене появились новые акторы, и многие традиционные вызовы, изначально сплотившие участников «триады», отошли на второй план. Трёхсторонний формат в международных отношениях, хотя и сохранил свои очертания, за этот период претерпел важные изменения. В настоящей статье предпринята попытка ответить на вопрос, какие факторы повлияли на эволюцию трёхстороннего формата.

Интерес к анализу трёхсторонних отношений возник в исследовательской литературе конца 1970-х и начала 1980-х гг. В частности, он нашёл отражение в работах Э. Саттона – историка и экономиста, исследовавшего организацию Трёхсторонней комиссии и влияние трёхсторонних отношений на решения,

¹ Сегодня азиатский региональный сегмент в рамках комиссии расширился и помимо представителей Японии включает представителей Южной Кореи, Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура, Таиланда, Австралии, Новой Зеландии, Индии и Китая.

² The Trilateral Commission Official Website [Электронный ресурс]. <http://trilateral.org/> (дата обращения: 23.02.2017).

принимаемые администрацией Дж.Картера [16; 17; 18], затем в работах Х. Склар, которая видела в трилатерализме большой потенциал для глобального управления [15]. Однако их труды были посвящены начальному периоду деятельности Трёхсторонней комиссии, её становлению, и к настоящему моменту утратили свою актуальность.

Трёхсторонние отношения становились предметом анализа и в дальнейшем. Так, пристальное внимание уделялось вопросам экономического сотрудничества и энергетической безопасности^{3,4}. В зарубежной научной литературе отношения США, Японии и стран Западной Европы зачастую рассматриваются в русле концепций «трёхсторонней дипломатии» и так называемого «трилатерализма», идеологами которых являются З. Бжезинский [5; 6] и Ф. Фукуяма [8; 10; 13]. В центре внимания исследователей оказываются принципы политического устройства государств, а трёхстороннему формату современных международных отношений уделяется меньше внимания. Аналогичным образом и отечественные авторы обращаются, прежде всего, к исследованию двусторонних отношений между странами «триады» [1; 3; 4].

В настоящей статье автор руководствуется «мондиалистским» подходом Ф. Фукуямы и З. Бжезинского. Он предполагает бóльший акцент на взаимодействиях в рамках наднациональных структур и роли глобальных вызовов и угроз, под воздействием которых формируются или распадаются те или иные структуры в международных отношениях.

Важно отметить, что, несмотря на преобразования в рамках трёхстороннего формата, существуют элементы, которые поддерживают его устойчивость. Анализ научной литературы позволяет обозначить три консолидирующих фактора.

Первый заключается в том, что США, Япония и страны Западной Европы относятся к группе развитых западных демократий, которые не воюют друг с другом⁵, имеют общие интересы в области безопасности, некоторые военные связи, а также разделяют взгляды на дальнейшее развитие социума [9]. Это объединяет страны перед лицом внутренних вызовов, порождённых сущностью их политического устройства. Как подчёркивают авторы доклада Трёхсторонней комиссии «Кризис демократии», при демократическом режиме риск появления дестабилизирующих факторов внутри страны значительно выше, чем при авторитаризме [7, с. 8]. Поэтому необходимость проведения совместных консультаций между странами трёхстороннего формата по вопросам внутривнутриполитических угроз в условиях демократических режимов – важный консолидирующий фактор.

³ Livingston D., Feldman J. Sustainable Energy Security: A Transatlantic Opportunity // Heinrich Boell Stiftung. 2016. [Электронный ресурс]. https://us.boell.org/sites/default/files/sustainable_energy_security_report_final.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

⁴ Stirling-Woosley S., Kliman D.M., Stokes B., Watanabe T., LAL B., Shipp S., Ohara B. Unlocking the Potential of the U.S. – Japan – Europe Relationship // The German Marshall Fund of the United States. 2013. [Электронный ресурс]. http://www.tokyofoundation.org/en/publications/TokyoTrilateral_Oct13.pdf (дата обращения: 16.01.2017)

⁵ 1994 State of the Union Address // Washington Post. 25.01.1994. [Электронный ресурс]. <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/special/states/docs/sou94.htm> (дата обращения: 16.02.2017)

Во-вторых, консолидации способствуют схожие экономические потребности стран – в частности, в деле их ресурсного обеспечения. В соответствии с классификацией МВФ, Япония, страны Западной Европы и США относятся к группе промышленно развитых государств (*industrialized countries*). Потребность в бесперебойных поставках энергоресурсов по доступным ценам объединила страны перед лицом энергетических кризисов 1970-х гг. и по-прежнему влияет на их политические приоритеты. Так, стратегия национальной безопасности США 2015 г. отводит особую роль вопросам энергетической безопасности, а перебои в поставках энергоресурсов включены в список стратегических угроз безопасности⁶. В Стратегии отмечается, что благодаря постепенному сокращению импорта энергоресурсов, США снижают свою зависимость от ценовых колебаний на топливо. При этом диалог с партнёрами по вопросам стабильных поставок энергоресурсов по-прежнему необходим. Этот же тезис содержится в Энергетической стратегии ЕС: для Европы, где более половины потребляемой энергии приходится на импорт, энергетическая безопасность тесно связана с США⁷, крупным поставщиком отдельных категорий энергоресурсов в ЕС.

В-третьих, трёхсторонние отношения рассматриваются в рамках предложенной Лиссабонской группой⁸ концепции «триадизации» [14], согласно которой, процессы технологической, экономической, политической и социокультурной глобализации в полной мере коснулись лишь США, Японии и Западной Европы, объединив их в единую структуру. Единство этих участников – политическое, культурное и экономическое – является неотъемлемой частью современных международных отношений. И оно может быть подорвано лишь процессами, обратными глобализации: односторонними действиями и изоляционизмом.

В свою очередь, эволюция трёхсторонних отношений связана со следующими факторами. Первый заключается в том, что становление двусторонних связей происходило с разной интенсивностью. Отношения между США и странами Западной Европы, а также отношения США и Японии, имеют более тесный и продолжительный характер, чем связи Японии со странами Западной Европы. Эта особенность была заложена ещё в 1970-х гг.; присоединение Японии к уже устоявшемуся трансатлантическому формату (и, в частности, привлечение её к работе Трёхсторонней комиссии) стало первым опытом трёхстороннего взаимодействия западных держав с Японией. К тому времени связи США со странами Западной Европой уже имели прочную, «военную» базу, создан-

⁶ National Security Strategy of the United States of America // National Security Strategy Archive. 01.02.2015. [Электронный ресурс]. <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (дата обращения: 06.02.2017).

⁷ Guidelines on State Aid for Environmental Protection and Energy 2014–2020 (2014/C 200/01) // Official Journal of the European Union. 28.06.2014. [Электронный ресурс]. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0330&from=EN> (дата обращения: 01.03.2017).

⁸ Лиссабонская группа – экспертная организация, основанная в 1992 г. для анализа последствий глобализации. Результаты проведённого в рамках Лиссабонской группы анализа отражены в публикации *Limits to Competition* (1996 г.). [Электронный ресурс]. <https://mitpress.mit.edu/books/limits-competition>. (дата обращения: 01.03.2017).

ную Североатлантическим договором и присутствием вооружённых сил США в Европе (с 1952 г.⁹).

Эксперты видят серьёзную проблему в асимметричном распределении обязанностей (*sharing responsibilities*) между США, Японией и странами Западной Европы [19]. Став новым участником этого взаимодействия, Япония на первых порах не могла в полной мере включиться в процесс «распределения обязанностей» (*sharing responsibilities*), в том числе в сфере безопасности, это не произошло и в дальнейшем.

Двусторонние военные связи США и Японии – несомненно, важный компонент трёхсторонних отношений. Их основу составляет Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией¹⁰, в статьях V и VI которого США берут на себя обязательства по обеспечению стабильности в регионе и защите Японии в случае нападения. Среди более поздних документов, определяющих двустороннее взаимодействие США и Японии, можно выделить материалы американо-японского консультативного комитета по вопросам безопасности («формат 2+2»). В частности, подписанные Руководящие принципы обеспечения безопасности¹¹, подтверждающие право США на создание на территории Японии военных баз любой численности, а также совместное заявление Комитета от 27 июля 2012 г.¹².

Кроме того, ключевая роль НАТО в рамках трёхстороннего формата позволяет говорить о том, что США взяли на себя обязательства по обеспечению безопасности других его участников. Ни Европа, ни Япония сегодня не претендуют на сопоставимую роль, а также на сопоставимый с США объём обязательств и поэтому не стремятся к полномерному распределению обязанностей в рамках формата.

Трёхстороннее сотрудничество тормозят и расхождения во внешнеполитических приоритетах сторон. Европейский союз сосредоточен на решении внутренних вопросов (в частности, на борьбу с безработицей, углубление внутреннего рынка, укрепление экономического и валютного союза) и на строительстве отношений с ближайшими соседями¹³. При этом отношения с США фигурируют в списке приоритетов европейской политики, в свою очередь, Япония же в него не входит.

Приоритетом японской внешней политики остаётся военно-политическое сотрудничество с США, а также усиление позиций Японии в Азиатско-

⁹ Создание европейского командования вооружённых сил США.

¹⁰ Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States of America and Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 19.01.1960. [Электронный ресурс]. <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (дата обращения: 23.02.2017).

¹¹ The Guidelines for Japan–U.S. Defense Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 27.04.2015. [Электронный ресурс]. <http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf> (дата обращения: 23.02.2017).

¹² Joint Statement of the Security Consultative Committee // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 27.04.2012. [Электронный ресурс]. http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/pdfs/joint_120427_en.pdf (дата обращения: 23.02.2017).

¹³ European Commission Official Website // Ministry of Foreign Affairs of Japan. [Электронный ресурс]. https://ec.europa.eu/commission/index_en (дата обращения: 20.02.2017).

Тихоокеанском регионе (АТР). Администрации Д. Трампа ещё предстоит обозначить свои региональные приоритеты. Зачастую ориентиры внешней политики США определяются балансированием между Европой и Азией.

В любом случае ни один из участников трёхстороннего формата не обозначает в своих концептуальных документах развитие трёхсторонних связей в числе приоритетов.

Другим значимым фактором является то, что прежнее экономическое ядро, вокруг которого сложился трёхсторонний формат, постепенно теряет свою актуальность. Повестка дня давно перестала ограничиваться вопросами торговых отношений; экономика утратила исключительную роль в связи с беспрецедентно новым, комплексным характером новых вызовов и угроз. Международный терроризм, организованная преступность и другие риски, связанные с глобализацией, постепенно отодвигают вопросы международных экономических отношений на второй план. После окончания биполярной конфронтации экономическая проблематика обсуждалась Трёхсторонней комиссией значительно реже, чем во времена холодной войны (см. рис. 1). Больше внимания уделялось решению так называемых «общечеловеческих» вызовов: нищеты, неконтролируемой миграции, международного терроризма, угрозы пандемий и др.

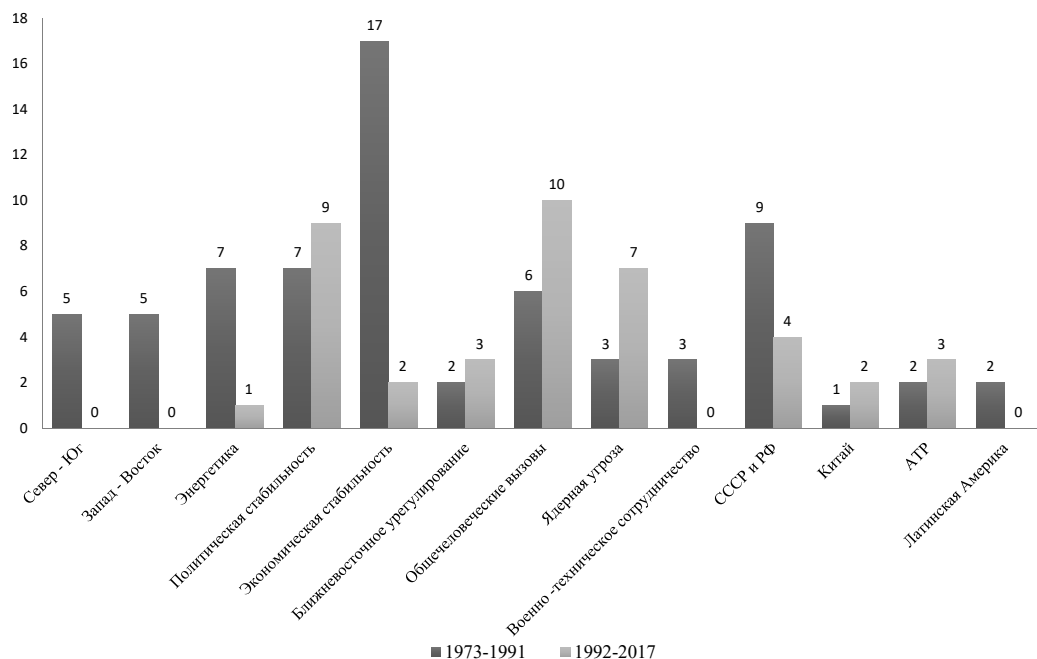

Рис. 1. Наиболее популярные темы публикаций Трёхсторонней комиссии во время и после окончания холодной войны

Fig. 1. The most popular topics of the publications of the Trilateral Commission during and after the end of the Cold War

В докладах рабочих групп Трёхсторонней комиссии обращает на себя внимание отсутствие единого направления дискуссии. В 1970-х гг. вопросы экономического сотрудничества между США, Японией и Западной Европой положили начало трилатерализму. Отход от экономической проблематики и отсутствие на данный момент конкретного вызова, объединяющего участников, наносит ущерб формату.

Упомянутые выше тенденции привели к тому, что трилатерализм, игравший определяющую роль в международных отношениях, в некоторой степени ослаб. Эволюция формата в настоящее время продолжается, и есть основания полагать, что трилатерализм стоит на пороге ещё более серьёзных изменений. Его перспективы напрямую зависят от того, в какой области будет развиваться сотрудничество между участниками формата.

Как показывает проведённый анализ, трёхсторонние отношения – это не только взаимодействие стран, объединившихся по признаку политического устройства, но значительно более сложный механизм, в рамках которого каждый участник имеет собственные внешнеполитические приоритеты. Трёхсторонние отношения с самого их начала характеризуются различной интенсивности связей между участниками, а также доминирующей ролью США в определённых аспектах этих отношений.

Анализ публикаций Трёхсторонней комиссии, которая во многом отражает повестку дня трёхсторонних отношений, говорит о том, что с появлением новых вызовов и угроз изменения коснулись и ядра этих взаимоотношений – экономического сотрудничества.

В соответствии с тенденциями, обозначенными в рамках настоящей статьи, предлагается выделить несколько направлений для дальнейшего исследования трёхсторонних отношений. Например, (1) проведение сравнительного анализа приоритетов США, Японии и стран Западной Европы в контексте решения трёхстороннего сотрудничества, (2) рассмотрение иерархии угроз для каждого из участников трёхстороннего формата в соответствии с их внешнеполитическими документами, (3) оценка перспектив сотрудничества в отдельных областях международных отношений.

Особенно актуальным видится развитие данной темы в связи с широким спектром новых угроз, характеризующихся беспрецедентной скоростью появления и трансформации. Понимание препятствий, которые стоят на пути трилатерализма, будет способствовать более глубокому анализу современных международных отношений.

Список литературы

1. Волков С.В. США и Япония в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5. С. 62–68.
2. Ревизорский М. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // Вестник международных организаций. 2015. № 4. С. 29–48.
3. Смирнова О.С. Проблема военных баз США в Японии: современный этап // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 3. С. 227–232.
4. Стрельцов Д.В. Новые тенденции в развитии японо-американских военно-политических отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №6. С. 54–60.
5. Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership, Basic Books. New York: Basic Books, 2004. 243 p.
6. Brzezinski Z. U.S. Foreign Policy: The Search for Focus // Foreign Affairs. 1973. No. 4. Pp. 708–727.
7. Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York: New York University Press, 1975. 221 p.
8. Cumings B. Trilateralism and the New World Order // World Policy Journal. 1991. no. 2. pp. 195–222.
9. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992. 429 p.
10. Gill S. Hegemony, Consensus and Trilateralism // Review of International Studies. 1986. No. 3. Pp. 205–222.
11. Hook G.D., Gilson J., Hughes C.W. Japan's International Relations: Politics, Economics and Security. London: Routledge, 2005. 587 p.
12. Muller J.-W. The Cold War and the Intellectual History of the Late Twentieth Century. The Cambridge History of the Cold War. Vol.3. Princeton: Cambridge University Press, 2010. Pp. 1–22.
13. Nye J. S., Biedenkopf K. H., Shiina M. Global Cooperation after the Cold War: a Reassessment of Trilateralism. New York, Paris, Tokyo: Trilateral Commission, 1991. 65 p.
14. Pop A. Globalization, Regionalization and the EU–JAPAN–U.S. Triad // Romanian Journal of European Affairs. 2006. Vol. 6.No. 3. Pp. 25–37.
15. Sklar H. Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management. New York: South End Press, 1999. 616 p.
16. Sutton A. Trilaterals Over America. New York: CPA Book Publishers, 1995. 162 p. URL: <http://www.scribd.com/doc/274441/Anthony-Sutton-Trilaterals-Over-America> (accessed 25.04.2017)
17. Sutton A. Trilaterals Over Washington. New York, NY: August Corp., 1978. 188 p. [Электронный ресурс]. http://www.bibliotecapleyades.net/sociopolitica/esp_sociopol_trilat07.htm (дата обращения: 25.04.2017).
18. Sutton A. Trilaterals Over Washington. New York: August Corp., 1981. 165 p. [Электронный ресурс]. http://www.bibliotecapleyades.net/sociopolitica/esp_sociopol.htm. (дата обращения: 26.05.2017)
19. Ushiba N., Allison G., de Montbrial T. Sharing International Responsibilities Among the Trilateral Countries: Report on Sharing Global Responsibilities to the Trilateral Commission. New York, Tokyo, Paris: New York University Press, 1983. 102 p.

Об авторе:

Анастасия Ивановна Печалова – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, главный специалист-эксперт Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору. 105066, г. Москва, ул. А. Лукьянова, д. 4, стр. 1. E-mail: pechalova.a.i@my.mgimo.ru.

TRILATERALISM AND ISSUES OF COOPERATION BETWEEN THE UNITED STATES, JAPAN AND WESTERN EUROPE

A.I. Pechalova

DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-81-90

Federal Environmental, Industrial and Nuclear Supervision Service

Abstract: The article deals the phenomenon of trilateralism – the term used to describe relations between the United States of America, Japan and Western Europe. The article presents an overview of factors that encourage closer ties between the regions as well as an analysis of trends that may potentially cause the collapse of the trilateral format.

The factors that have initially created trilateralism include common political approaches, a shared economic demand and a strong need for energy security. Though these components remain an important part of trilateral relations; the range of factors that affect trilateralism is much wider today than four decades ago.

Risks that may lead to the disruption of trilateralism are identified. Firstly, trilateral relations are strikingly asymmetrical: ties between the US, Japan and Western Europe develop at different rates and an evident disproportion exists in sharing responsibilities. Namely, bilateral relations between the US and Japan and the US and Western Europe are closer than the cooperation between Japan and Western Europe.

Secondly, there is a divergence in foreign policy priorities of the countries. With European priorities lying within the European Union, further integration and relations with the neighbors and Japan actively monitoring the developments in the Asia-Pacific, the US has yet to articulate its foreign policy.

Thirdly, economic issues that used to be the core of relations between the three sides during the Cold War are gradually disappearing from the trilateral agenda. An analysis of task force reports to Trilateral Commission – an expert format that embodies trilateral relations – demonstrates the tendencies mentioned above.

The author comes to the conclusion that trilateralism is on the verge of change. Its future mainly depends on the choice of issues for further cooperation and on the effectiveness of the format in dealing with global problems as they arise.

Key words: the United States of America, Japan, Western Europe, energy security, the European Union, Trilateral Commission, expert community, globalization, trilateralism, new challenges and threats.

References

1. Volkov S.V. SShA I Iaponiia v mirovoi politike [The United States and Japan in world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 5, pp. 62 - 68 (in Russian).
2. Revizorskii M. “Gruppa semi vos'mi” – “Gruppadvadsati” – BRIKS: novaia triada v global'nom upravlenii? [G7, G8 – G20 – BRICS: New triad in global governance?]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii – International Organizations Magazine*, 2015, no. 4, pp. 29-48 (in Russian).
3. Smirnova O.S. Problema voennykh baz SShA v Iaponii: sovremennyi etap [The issue of US military bases in Japan today]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO*

- Review of International Relations*, 2012, no. 3, pp. 227–232 (in Russian).
4. Strel'tsov D.V. Novye tendentsii v razvitiu iaponno-amerikanskikh voenno-politicheskikh otnoshenii [New trends in US-Japan military and political cooperation]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 6, pp. 54–60 (in Russian).
 5. Brzezinski Z. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York, Basic Books, 2004. 243 p.
 6. Brzezinski Z. U.S. Foreign Policy: The Search for Focus. *Foreign Affairs*, 1973, no. 4, pp. 708–727.
 7. Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. *The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission*. New York, New York University Press, 1975. 221 p.
 8. Cumings B. Trilateralism and the New World Order. *World Policy Journal*, 1991, no. 2, pp. 195–222.
 9. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Free Press Publ., 1992. 429 p.
 10. Gill S. Hegemony, Consensus and Trilateralism. *Review of International Studies*, 1986, no. 3, pp. 205–222.
 11. Hook G.D., Gilson J., Hughes C.W. Japan's International Relations: *Politics, Economics and Security*. London, Routledge Publ., 2005. 587 p.
 12. Muller J.-W. The Cold War and the Intellectual History of the Late Twentieth Century. *The Cambridge History of the Cold War*, vol. 3. Princeton, Cambridge University Press Publ., 2010. Pp. 1–22.
 13. Nye J.S., Biedenkopf K.H., Shiina M. *Global Cooperation after the Cold War: a Reassessment of Trilateralism*. New York, Paris, Tokyo, Trilateral Commission, 1991. 65 p.
 14. Pop A. Globalization, Regionalization and the EU–JAPAN–U.S. Triad. *Romanian Journal of European Affairs*, 2006, vol. 6, no. 3, pp. 25–37.
 15. Sklar H. *Trilateralism: The Trilateral Commission and Elite Planning for World Management*. New York, NY: South End Press, 1999. 616 p.
 16. Sutton A. *Trilaterals Over America*. New York, CPA Book Publishers, 1995. 162 p. Available at: <http://www.scribd.com/doc/274441/Anthony-Sutton-Trilaterals-Over-America> (accessed 25.04.2017).
 17. Sutton A. *Trilaterals Over Washington*. New York, August Corp., 1978. 188 p. Available at: http://www.bibliotecapleyades.net/sociopolitica/esp_sociopol_trilat07.htm (accessed: 25.04.2017).
 18. Sutton A. *Trilaterals Over Washington*. New York, August Corp. Publ., 1981. 165 p. Available at: http://www.bibliotecapleyades.net/sociopolitica/esp_sociopol.htm (accessed 26.05.2017).
 19. Ushiba N., Allison G., de Montbrial T. *Sharing International Responsibilities among the Trilateral Countries: Report of the on Sharing Global Responsibilities to the Trilateral Commission*. New York, Tokyo, Paris, New York University Press Publ., 1983. 102 p.

About the author:

Anastasia I. Pechalova – Ph.D. student at MGIMO University, Department of International Relations and Foreign Policy of the Russian Federation, Senior Specialist at the Federal Environmental, Industrial and Nuclear Supervision Service. 105066, Moscow, A. Lukyanova street, 4, building 1. E-mail: pechalova.a.i@my.mgimo.ru

РЕАКЦИЯ ЕС НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ КНР

Ю.Д. Жданова, И.А. Истомин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Субъектность Европейского союза на международной арене представляет предмет острых политических и академических дискуссий. Будучи объединением государств с широким набором как совпадающих, так и различающихся интересов, он остро сталкивается с проблемой коллективного действия. При этом существующие в ЕС механизмы её преодоления не всегда обеспечивают оптимизацию его курса во взаимодействии с крупными партнёрами. Настоящая статья демонстрирует, что в отстаивании общего интереса ЕС сталкивается со сложностями даже в той сфере, в которой интеграционное объединение обладает наибольшими компетенциями – в вопросах внешнеэкономического сотрудничества. Положение, в котором при относительной слабости европейских институтов и общей идентичности участники объединения отдают предпочтение национальным интересам, представляет собой конкретное проявление проблемы коллективного действия. Авторы рассматривают в этом ключе взаимодействие ЕС с Китаем. КНР выступает крупным торгово-инвестиционным партнёром европейского объединения. Более того, в контексте финансово-экономических трудностей первой половины 2010-х гг. наблюдается растущая зависимость государств-членов ЕС от доступа к финансовым ресурсам азиатской державы. Заинтересованность в китайских инвестициях ведёт к снижению контроля над ними без симметричных уступок со стороны Пекина в отношении европейских инвесторов. Кроме того, она побуждает и к корректировке позиции государств-членов ЕС по ряду политических вопросов, чувствительных для КНР. Пока Европейская комиссия ведёт сложные переговоры, добиваясь расширенного доступа европейских компаний на китайский рынок, отдельные страны ЕС конкурируют между собой за китайские инвестиции. Более того, порой они сознательно перекладывают на Брюссель наиболее проблемные вопросы в отношениях с Пекином. В статье показаны особенности конкурентных стратегий Германии, Великобритании, Франции и стран Центральной и Восточной Европы в этой области. В том числе, рассмотрены первые результаты осуществления китайской инициативы сотрудничества «16+1». Авторы демонстрируют как наблюдаемая конкуренция снижает переговорную силу Брюсселя в отношениях с Пекином.

Ключевые слова: Европейский союз, Китай, проблема коллективного действия, Центральная и Восточная Европа, евротройка, экономическое сотрудничество, 16+1.

В 2015 г. ЕС и Китай отметили 40-летнюю годовщину установления официальных отношений. За истекший период стороны выстроили многоплановое взаимодействие. В настоящее время функционируют около 60 двусторонних диалоговых форматов разного уровня; КНР – крупнейший торговый партнёр Евросоюза, а ЕС – основной потребитель китайского экспорта.

Взаимодействие ЕС – КНР существенно трансформировалось под влиянием финансового кризиса 2008–2009 гг., послужившего прологом долгового кризиса еврозоны. Нарастающие трудности заставили европейские страны искать у Китая поддержки, что привело к росту дисбаланса в экономических отношениях ЕС и Пекина. К тому же возникла и стала усиливаться конкуренция государств-членов интеграционного объединения за китайские инвестиции.

В итоге возникает парадоксальная ситуация: Европейский союз, превосходящий Китай по институциональному влиянию, экономическому весу и технологическому заделу, вынужден идти на уступки Пекину ввиду недостатка внутренней консолидации. На международной арене ЕС не может действовать без согласования с входящими в него государствами, которые своими внешнеполитическими шагами либо препятствуют, либо способствуют реализации общей европейской стратегии.

Для понимания политики Европейского союза в отношении Китая необходимо ответить на ряд вопросов. Каким образом в условиях усиления финансово-экономической зависимости от КНР проявляется многоуровневая природа Евросоюза? Какие ограничения накладывают национальные стратегии членов ЕС на реализацию общей внешней политики в отношении Пекина?

В последние годы отечественные авторы опубликовали ряд работ, освещающих отношения отдельных европейских стран с Китаем [1; 3; 5]. Однако до сих пор не предпринималось попыток осмыслить национальные стратегии после финансово-экономического и долгового кризисов с учётом членства стран в ЕС. Настоящая статья преследует цель заполнить эту лакуну.

Потенциал и ограничения субъектности ЕС в международной политике

За последнюю четверть века роль ЕС в международных отношениях зачастую становилась предметом академических и политических дискуссий. Исследователи-традиционалисты, занимающие государствоцентричную позицию, рассматривают ЕС как межгосударственную организацию, которую национальные правительства используют для отстаивания собственных интересов. Представители либерального институционализма обращают внимание на вызревание в рамках международных институтов собственной, притом усиливающейся, мирополитической субъектности¹. В попытках примирить эти противоположные взгляды А. Ниманн и Ш. Бретертон характеризуют Евросоюз как

¹ Moravcsik A. Europe Is Still a Superpower // Foreign Policy. 13.04.2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/04/13/europe-is-still-a-superpower/> (дата обращения: 20.08.2017). См. также [2].

многоуровневое, квазинациональное политическое объединение участников с различными внешнеполитическими предпочтениями [29].

Особой позиции придерживаются С. Марш и Г. Макенстайн, которые оценивают Евросоюз как институт *sui generis* [26, с. 56]. Они объясняют различия в восприятии ЕС непониманием уникальной природы объединения, которую нельзя рассматривать через призму традиционных теорий. Реалисты порой замалчивают примеры успешной международной деятельности Европейского союза. Со своей стороны, приверженцы внешнеполитической субъектности ЕС редко пытаются дать объяснение её пределам. Увлекаясь доказательством того, что Евросоюз способен говорить «единым голосом», они избегают объяснения случаев, когда этого не происходит.

Следуя за рядом исследователей, нам представляется перспективным рассмотрение Европейского союза в рамках теории организаций – как «метаорганизации». Данное понятие отражает специфику объединения структурированных общностей [7, с. 68], которые подвержены манипулированию в меньшей степени, чем физические лица. В то же время метаорганизации сложно регулировать поведение своих участников, в том числе во взаимодействии с внешней средой.

Подобное положение обостряет базовую для социальных отношений проблему коллективного действия [30], которая обусловлена стремлением рациональных игроков-участников объединения максимизировать собственную выгоду при одновременной оптимизации издержек. Даже апологеты кооперативного взаимодействия признают, что вероятность полного совпадения интересов субъектов крайне мала. Субъекты лоббируют коллективные решения, соответствующие их предпочтениям, блокируют или затягивают рискованные и дорогостоящие инициативы, пытаются переложить на своих партнёров расходы по поддержанию сотрудничества, саботируя или уклоняясь от внесения собственного вклада.

Описанная проблема может быть разрешена при наличии гегемона, готового нести основное бремя издержек, так как для него выгоды от сотрудничества превзойдут расходы [23]. В последние годы в ЕС отчасти такую роль выполняет Германия, но для полной консолидации Евросоюза её возможностей недостаточно.

Альтернативой гегемону выступают общие институты, способные быстро выявлять случаи уклонения участников от взятых на себя обязательств и повышать цену некооперативного поведения [21]. Взаимодействие в интеграционном объединении занимает промежуточное положение между внутренней политикой развитых стран (насыщенная институциональная среда обеспечивает относительно эффективный контроль над поведением членов общества) и международными отношениями (система регулирования сохраняет рудиментарный характер).

Наконец, решение проблемы коллективного действия может обеспечиваться совместной социализацией участников, которая приводит к формированию

общей идентичности. В этом случае поведенческая рационализация игроков сдвигается от «логики последствий» к «логике соответствия», когда выполнение социальных норм, в том числе связанных с общими интересами, превращается для них в самостоятельную ценность [11].

За последние десятилетия в сознании граждан ЕС происходит укоренение европейских ценностей. В то же время доминирующей становится модель «дуальной идентичности», в рамках которой население ассоциирует себя с национальной общностью и, одновременно, с Европейским союзом [32]. Подобное положение не способствует разрешению проблемы коллективного действия, которая подразумевает конфликт между сильной национальной идентичностью и реальной, но более слабой идентичностью европейской.

В Евросоюзе присутствуют все описанные выше механизмы преодоления проблемы коллективного действия. Тем не менее, имеют место прецеденты некооперативного поведения государств-членов. Как метаорганизации, в которую входят игроки с широкими возможностями противостоять действию дисциплинирующих механизмов, Евросоюзу трудно выстраивать единую стратегию.

В контексте настоящего исследования субъектность понимается как способность к активным действиям в рамках международной системы. По Н. Съестеду, субъектность удовлетворяет следующим критериям: способность к самостоятельному действию, общность интересов и системы контроля над совместными ресурсами сообщества, способность к управлению кризисными ситуациями и наличие общей сети внешних представительств (external agents) [8; 33].

Евросоюз обладает всеми перечисленными характеристиками. Однако для эффективного функционирования в рамках государствоцентричной международной системы ему самому необходимо приобретать черты централизованного сообщества, каким выступает современное государство. Укрепление субъектности ЕС, в свою очередь, ассоциируется с ростом «наднациональности» [15, с. 969] и уменьшением автономии национальных правительств.

Превращение ЕС в субъект мировой политики происходит под влиянием сознательных решений и стихийного процесса углубления интеграции. Период осознания потребности во внешнем представительстве интеграционного объединения относится к 1950-м гг., когда были созданы его офисы в третьих странах [36]. Несмотря на то, что усилению внешнеполитической координации долгое время препятствовали опасения утери суверенитета государств-членов, ещё до 1990-х гг. Европейская комиссия превратилась в важного игрока в вопросах глобального регулирования экономических взаимодействий. По мере расширения компетенций внутри Сообщества, она получала всё большие полномочия по внешнему представительству [7].

В связи с этим ряд исследователей рассматривают положения Маастрихтского договора 1992 г., которыми учреждалась «Общая внешняя политика и политика безопасности» (ОВПБ), как инструмент сдерживания ползучего расширения власти Европейской комиссии, профилактику коммунитаризации

международной деятельности группировки [22, с. 46]. В то же время договор зафиксировал обязательства стран по дальнейшему сближению внешнеполитических ориентаций. В 1999 г. в соответствии с Амстердамским договором был введён пост Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности, который стал новым инструментом институционализации сотрудничества.

Однако наиболее существенные изменения внёс Лиссабонский договор 2009 г., наделивший ЕС международной правосубъектностью, что упростило его сотрудничество с третьими странами и международными организациями. Из 62-х внесённых в Договор поправок почти четверть относится к внешнеполитической сфере [17, с. 14]. Среди них – укрепление институциональных основ осуществления общей политики, в том числе создание Европейской службы внешних связей (ЕСВС). В Договоре также прописано обязательство государств-членов осуществлять консультации по всему внешнеполитическому диапазону (ст. 32), а также координация действий в рамках международных организаций и форумов.

В то же время декларации 13 и 14 к Лиссабонскому договору постулируют, что ОВПБ не ограничивает полномочия стран в сфере формулирования и реализации национального внешнеполитического курса [28]. В результате формируется многоуровневая система различных внешнеполитических стратегий², в рамках которой национальные интересы – порой кардинально противоположные – часто превалируют над общим подходом.

Евроскептики замечают: гармонизация национальных позиций в ЕС едва ли возможна, а интересы государств-членов ЕС с трудом адаптируются к общеевропейским. Ф. Бинди и Дж. Шапиро полагают, что сложность достижения консенсуса по вопросам внешней политики в ЕС предопределяется отсутствием механизма разрешения споров [10, с. 345]. С расширением Евросоюза способность к согласованию интересов между государствами-членами дополнительно ослабла, поскольку объединение стало слишком гетерогенным [8].

На ещё один сдерживающий фактор указывают У. Кроц и Р. Маэр. Они отмечают, что множественность существующих в рамках ЕС форматов, нацеленных на продвижение общей международной повестки, рассредоточивает внешнеполитический ресурс объединения [4, с. 458]. К примеру, по политическим вопросам 28 государств-членов ЕС вырабатывают «общую позицию», в то же время переговоры о торговых соглашениях ведёт Европейская комиссия. Межправительственное сотрудничество может охватывать все страны ЕС или только часть из них. При этом лидерство в сфере общей внешней политики может взять на себя конкретная группа. Особняком стоят и формирующиеся «особые отношения» как внутри ЕС (Франция и Германия), так и с третьими странами. После Лиссабонского договора в конкуренцию отдельных государств за влия-

² Многоуровневая система может выглядеть, например, следующим образом: «Евротройка» – ЦВЕ – общеевропейский подход.

ние на выработку совместных решений включились Европейская комиссия, Европейская служба внешних связей и председатель Европейского совета.

Ряд исследователей считает, что по-настоящему одним голосом ЕС удаётся говорить лишь в торговой сфере, где способность выступать единым фронтом позволяет Евросоюзу формировать благоприятный международный экономический режим. Считается, что в одиночку государства-члены не способны успешно отстаивать свою позицию в отношениях с крупнейшими экономическими контрагентами [27]. Когда же национальные политические линии сходятся под институциональным зонтиком, залогом международного влияния становится внутреннее единство. Пример тому – воздействие ЕС на либерализацию международной торговли услугами, вклад Евросоюза в развитие институциональных правил в рамках ВТО, а также противодействие одностороннему подходу в международной торговле.

Однако интересы национальных государств, входящих в ЕС, зачастую серьёзно различаются [18]. Активное участие малых стран во внешнеполитическом процессе уже обернулось торгом за частные преимущества, что снизило эффективность общей внешней политики. Как отмечают Дж. Джупилле и Дж. Капорасо, подобный результат может быть связан с активными действиями важного стратегического партнёра, предпочитающего развивать отношения с национальными правительствами [20]. В сложившейся ситуации желание достичь последовательности внешней политики ЕС может привести к тому, что государства-члены будут исходить из наименьшего общего знаменателя – то есть необходимость сохранения консенсуса внутри объединения будет побуждать к инертности на международной арене.

Состояние отношений ЕС и КНР после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

В последние годы в отношениях ЕС и Китая происходит смещение баланса переговорной силы в пользу последнего. Триггером происходящих изменений стали глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и последовавшие трудности еврозоны. КНР обеспечила поддержку евро, став крупным покупателем облигаций стран, испытывавших долговые проблемы³. Если некоторые иностранные компании покидали ЕС, то китайские фирмы, напротив, расширяли своё присутствие⁴.

ЕС – главный торговый партнёр КНР, на которого приходится 13,4% всего торгового оборота страны (429 млрд евро) [13, с. 3]. Для ЕС Китай является вторым торговым партнёром после США (почти 515 млрд евро, или 14,9% – против

³ Wang A., Edwards N. China to keep investing in euro zone debt: China central bank // Reuters, 15.02.2012. URL: <http://www.reuters.com/article/us-china-europe-idUSTRE81E07J20120215> (дата обращения 20.08.2017).

⁴ Anderlini J. Chinese investors surged into EU at height of debt crisis // The Financial Times, 06.10.2014. URL: <https://www.ft.com/content/53b7a268-44a6-11e4-ab0c-00144feabdc0> (дата обращения: 20.08.2017).

соответственно 609 млрд евро, или 17,6%)⁵. По данным Еврокомиссии, взаимный торговый оборот характеризуется заметной асимметрией. Так, в 2015 г. ЕС экспортировал в КНР больше услуг, чем получал: 37 млрд евро (при росте на 71% относительно 2009 г.) против 26,4 млрд⁶. Обратная картина в торговле товарами: в 2016 г. стоимость китайского экспорта в ЕС составила 344 млрд евро, а импорта – 170,1. При этом постоянно растёт объём китайских инвестиций в экономику Евросоюза: с 6,1 до 35 млрд евро за 2010–2016 гг.⁷

Результатом интенсификации двусторонних торгово-экономических связей стало углубление зависимости европейских государств от китайской экономики и в особенности от импорта, что нашло отражение в дефиците торгового баланса ЕС. Например, в 2015 г. Нидерланды экспортировали в Китай товары на сумму 9,5 млрд евро, тогда как приобретали на 66 млрд⁸. Схожая ситуация наблюдается в подавляющем большинстве стран-членов Евросоюза.

В 2010-х гг. КНР стала важнейшим источником капиталовложений для европейских экономик, прежде всего в инфраструктуру. Наиболее заметным событием стало приобретение китайской компанией COSCO доли акций в крупнейшем греческом порте Пирей. Кроме того, инвесторы из КНР приобрели значительное число активов в электрогенерации и энергораспределительных сетях, железнодорожном и авиационном транспорте, а также в недвижимости [14]. В связи с этим стало очевидным отсутствие системы защиты стратегически значимых отраслей и предприятий на уровне Европейского союза, притом что подобный механизм присутствует на большинстве других крупных рынков (не только в Китае, но и в США, России и других).

Возрастание экономической зависимости отдельных государств-членов европейского интеграционного объединения от КНР создаёт политические экстерналии. В частности, Греция, выступающая одним из основных объектов китайской инвестиционной экспансии, в 2016–2017 гг. заблокировала принятие ЕС заявлений, осуждающих действия Пекина в Южно-Китайском море и его политику в отношении защиты права человека. Она также выступила против усиления надзора над капиталовложениями из КНР в европейские экономики.

Стремление стран-участниц ЕС к индивидуальным выгодам от партнёрства с КНР приводит к конкуренции за «китайский ресурс», что зачастую затрудняет формирование общей позиции. Но и КНР предпочитает решать возникающие

⁵ European Union, Trade in goods with China // European Commission – Directorate-General for Trade. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113366.pdf (дата обращения: 15.08.2017). European Union, Trade in goods with US // European Commission – Directorate-General for Trade. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113465.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

⁶ EU-China Trade // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/china/> (дата обращения: 15.08.2017).

⁷ Hanemann Th., Huotari M. Record Flows and Growing Imbalances: Chinese Investment in Europe in 2016 // MERICS Papers on China. No 3. January 2017. URL: http://rhg.com/wp-content/uploads/2017/01/RHG_Merics_COFDI_EU_2016.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

⁸ EU – China Summit: Record EU deficit in trade in goods with China of €180 billion in 2015 // Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7553974/6-12072016-BP-EN.pdf/67bbb626-d55f-4032-8c24-48e4c9f78c3a> (дата обращения: 15.08.2017).

проблемы с отдельными правительствами [31, с. 1–4], что усугубляет описанную проблему. В китайской риторике утвердились специальные формулировки для характеристики каждого партнёра. Например, партнёрство с Францией «глобальное, близкое и прочное», с Италией – «стабильное, дружественное, долгосрочное и устойчивое».

Зачастую европейские государства оставляют Брюсселю проблемные вопросы в отношениях с Пекином, избегая «острых углов» на двустороннем уровне, где преобладают консенсусные и представляющие взаимный интерес темы. Одновременно возможности Европейской комиссии защищать общий рынок от неконкурентных практик китайских игроков ослабляет интерес европейских компаний к рынку КНР. Показательным стал пример антидемпингового расследования против компании Huawei. В 2014 г. Комиссии пришлось отказаться от разбирательства под угрозой ответных санкций Китая в отношении бизнес-интересов ЕС.

Брюссель, как и Вашингтон, беспокоит проблема защиты в Китае своей интеллектуальной собственности. Внедрение новых технологий китайскими компаниями нередко становится результатом копирования европейских инноваций, использованных на совместных предприятиях. Поэтому СП как доминирующий формат доступа зарубежных инвесторов в КНР уже долгое время вызывает недовольство европейских компаний [9, с. 6]. По сути, Пекин вынуждает их выращивать себе потенциальных конкурентов. В 1990–2000-х гг. ввиду колоссального технологического отрыва западных стран эта проблема игнорировалась, но сегодня она вызывает растущее беспокойство у европейских партнёров.

В этой связи в 2014 г. ЕС и КНР начали переговоры по двустороннему соглашению об инвестициях. Брюссель ставит задачу не только обеспечить защиту прав компаний, вложивших средства в китайские проекты, но и добиться дополнительных возможностей инвестирования. В свою очередь, Пекин также заинтересован в благоприятных условиях на европейском рынке для своих компаний. Из-за разногласий сторон достижение договорённости затягивается.

Тем не менее, было бы ошибкой утверждать, будто у государств-членов ЕС отсутствуют общие интересы, связанные с КНР. Для их закрепления была утверждена амбициозная «Стратегическая повестка дня сотрудничества ЕС–КНР – 2020», которая включает около 100 статей по широкому спектру вопросов экономического взаимодействия⁹. В сфере торговли государства ЕС практически единогласно выступают за защиту своего рынка от растущих объёмов дешёвого и некачественного экспорта из КНР, опасаясь деиндустриализации с утратой рабочих мест в металлургии, нефтехимии и машиностроении [6]. По этой причине европейцы не только удерживают антидемпинговые пошлины на определённые виды китайской продукции, но и «одним голосом» отказываются предоставить КНР статус рыночной экономики в рамках ВТО.

⁹ EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation // European Union External Action, 23.11.2013. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/eu-china_2020_strategic_agenda_en.pdf (дата обращения: 17.08.2017).

Приоритетное внимание в отношениях с КНР Евросоюз уделяет экологической проблематике. Совместное китайско-европейское заявление по климату от 29 июня 2015 г. способствовало успеху Климатической конференции ООН в Париже, а в контексте выхода США из Парижского соглашения и вовсе заговорили о «зелёном альянсе» ЕС и КНР¹⁰.

Государства-члены ЕС выступают за «тройное сопряжение», основанное на 1) координации инфраструктурных инициатив в духе декларации «EU – China Connectivity Platform»; 2) синергии между Инвестиционным планом оживления экономики Евросоюза (План Юнкера) и китайским проектом «Один пояс, один путь» (ОПОП); 3) устранении разделительных линий между сотрудничеством Китая со странами Центральной и Восточной Европы в формате «16+1» и со странами ЕС в целом.

По некоторым из названных направлений прогресс уже достигнут. В частности, в июне 2015 г. Китай первым из внешних партнёров объявил о готовности инвестировать в План Юнкера посредством участия в Европейском фонде стратегических инвестиций (это основной канал финансирования Плана). Сотрудничество в транспортно-логистической сфере включает в себя согласование стандартов, совместную разработку инфраструктурных проектов, а также развитие технологий¹¹. По мнению президента немецкого аналитического центра «Мерикс» Себастьяна Хайльманна, в перспективе для софинансирования крупных инфраструктурных проектов ЕС стоило бы всерьёз рассмотреть возможность сопряжения Европейской политики соседства (ЕПС) с ОПОП¹², тем более что ряд стран-участниц ЕПС пока остаются вне китайского проекта.

Страны-лидеры ЕС в конкуренции за китайский инвестиционный ресурс

Наиболее сложным для ЕС вопросом в отношениях КНР остаётся гармонизация подходов государств-членов, поскольку национальная стратегия каждого из них определяется экономической моделью, уровнем развития, а также остротой последствий кризиса еврозоны.

Сопоставим подходы отдельных государств-членов к выстраиванию отношений с Пекином. Особый интерес представляют «евротройка» (Германия, Великобритания и Франция) и страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Сотрудничество стран ЦВЕ с Китаем осуществляется в формате «16+1», который китайская дипломатия позиционирует в качестве существенного своего достижения.

¹⁰ Casarini N. A New Era for EU-China Relations? // Foreign Affairs, 06.06.2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-06-06/new-era-eu-china-relations> (дата обращения: 15.08.2017).

¹¹ China vows win-win cooperation between OBOR, Juncker plan // Xinhua, 18.02.2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-02/18/content_23534806.htm (дата обращения: 17.08.2017).

¹² In expectation of a friction-prone or erratic U.S. trade and investment policy, Europe and China must steady and deepen their economic cooperation // Mercator Institute for China Studies (MERICS), 2016. URL: <https://www.merics.org/en/media-contact/press-releases/merics-auf-dem-hamburg-summit/> (дата обращения: 15.08.2017).

«Евротройка» и страны ЦВЕ глубоко заинтересованы в экономическом сотрудничестве с КНР. Они не скупятся на громкие заявления о дружбе и партнёрстве, при этом затушёвывая традиционную риторику. В частности, привычным стало замалчивание правозащитной тематики. При этом Германия, Великобритания и Франция нередко конкурируют друг с другом за внимание и инвестиции Пекина, тогда как страны ЦВЕ даже при несовпадении интересов чаще всего в отношениях с Китаем выступают совместно.

Отношения **Германии** и КНР немецкие эксперты называют симбиозом, в основе которого лежат взаимодополняющие экономические интересы [19, с. 30]. ФРГ – ключевой торговый партнёр Китая в Европе, на которого приходится половина экспорта из ЕС в КНР [24, с. 30]. Китай, в свою очередь, в 2016 г. стал важнейшим коммерческим контрагентом Берлина (торговый оборот достиг 169 млрд евро), обогнав Францию (167 млрд евро) и США (165 млрд евро). Германия и Китай развивают отношения «всеобъемлющего стратегического партнёрства» в рамках 70 диалоговых форматов, а также ежегодных встреч на уровне федерального канцлера и премьер-министра.

Развитие торгово-экономических контактов – основополагающий интерес ФРГ в отношениях с КНР. Немецкие правительственные делегации в Китай традиционно сопровождаются большими бизнес-делегациями. В КНР работает свыше 5000 немецких компаний. С 2014 г. действует германо-китайский Деловой консультативный совет, который занимается вопросами инноваций, перспективами интернационализации юаня и расширением бизнес-контактов двух стран. Одним из основных проводников коммерческих интересов Германии в Китае считается Азиатско-тихоокеанский комитет немецкой экономики.

Интенсивные экономические связи дополняет мощная политическая надстройка. В 2011 г. по результатам первых межправительственных консультаций между странами было заключено 22 соглашения, а в 2014 г. было достигнуто фундаментальное рамочное соглашение. В 2016 г. заключено ещё 24 межправительственных соглашения, в т.ч. в сферах здравоохранения, разработки горных месторождений, развитии нового поколения сетей сотовой связи.

Тем не менее, в последние годы в Берлине заговорили о необходимости изменение политики на китайском направлении. Реализация подписанных соглашений пробуксовывает из-за пассивности КНР. К тому же немецкую сторону настораживают усилия КНР по созданию альтернативных институтов глобального управления (Новый банк развития, АБИИ) [16].

Растущее беспокойство вызывает в ФРГ обострение конкуренции со стороны китайских компаний, чрезмерная зависимость от крупнейшего азиатского рынка, а также асимметрия инвестиционной политики. Немецкий бизнес (как, впрочем, и любой зарубежный) ограничен в покупке активов в Поднебесной, тогда как китайские компании до недавних пор практически беспрепятственно скупали немецкие фирмы. Только за 2016 г. инвесторы из Китая приобрели 58

немецких компаний, в т.ч. в стратегически важных отраслях, на рекордную сумму в 11 млрд евро¹³.

Такая ситуация рассматривается в Берлине как потенциальная угроза национальной безопасности страны в связи с тем, что немецкие производители раскрывают технологии, которые могут использоваться в военной сфере. Из этих соображений осенью 2016 г. немецкие власти приняли решение отложить продажу высокотехнологической компании Osram и запретили поглощение производителя микрочипов Aixtron SE. Несмотря на недовольство официального Пекина, вице-канцлер Зигмар Габриэль пообещал и в дальнейшем «внимательно проверять и в случае необходимости препятствовать китайским инвестициям в Германии и Европе»¹⁴, одновременно напомнив партнёрам о необходимости соблюдать правила ВТО.

На этом фоне образ КНР в глазах немецкой общественности становится менее привлекательным. В 2014 г. каждый второй гражданин Германии видел в усилении позиций КНР потенциальную угрозу национальной безопасности, причём 60% обычных граждан, 72% представителей бизнес-структур и 91% политиков считали, что Китай обладает огромным влиянием на Германию¹⁵. Согласно опросу 2016 г., около 40% немцев ФРГ скорее негативно оценивают внешнеполитическую линию Пекина, тем не менее 58% респондентов считают, что экономические отношения с Китаем и США одинаково важны для ФРГ¹⁶.

Второй по значимости партнёр Китая в Европе – **Великобритания**. В будущем эта страна намеревается обогнать Германию по масштабам торгово-экономического сотрудничества с Пекином. По прогнозам бывшего канцлера казначейства Дж. Осборна, к 2025 г. Китай займёт прочные позиции после США в качестве второго торгового партнёра страны¹⁷. Пока британо-китайский торговый оборот гораздо скромнее германо-китайского и едва превышает 76 млрд долл. США. В то же время в 2000–2016 гг. Лондон стал безусловным европейским лидером по привлечению прямых иностранных инвестиций из Китая¹⁸.

Особый динамизм британо-китайским отношениям придал визит председателя КНР Си Цзиньпина в Лондон в октябре 2015 г., в ходе которого были подписаны соглашение с китайской компанией CGN по строительству АЭС в Великобритании, договор между британской и китайской корпорациями BP и Huadian о поставке в Китай сжиженного природного газа (СПГ) на сумму до

¹³ Hanemann Th., Huotari M. Record Flows and Growing Imbalances: Chinese Investment in Europe in 2016. P. 6.

¹⁴ Ankenbrand H. Gabriel in Peking: China greift Deutschland an // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 01.11.2016. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wirtschaftspolitik/china-greift-deutschland-an-14507795.html> (дата обращения: 15.08.2017).

¹⁵ Deutschland und China: Wahrnehmung und Realität // Die Huawei-Studie – 2014. Режим доступа: <http://www.huawei-studie.de/downloads/Huawei-Studie-2014-DE.pdf> (дата обращения 15.08.2017).

¹⁶ Deutschland und China: Wahrnehmung und Realität // Die Huawei-Studie – 2016. URL: <https://www.tns-emnid.com/studien/pdf/huawei-studie-2016.pdf> (дата обращения: 15.08.2017).

¹⁷ Arnett G. Xi Jinping state visit: China's relationship with Britain in numbers // The Guardian, 20.10.2015. URL: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2015/oct/20/xi-jinping-state-visit-chinas-relationship-with-britain-in-numbers> (дата обращения 16.08.2017).

¹⁸ Hanemann Th., Huotari M. Record Flows and Growing Imbalances: Chinese Investment in Europe in 2016. P. 10.

10 млрд долл., а также ряд двусторонних соглашений в сфере торговли (на сумму свыше 30 млрд фунтов стерлингов), промышленности и самолётостроения. Кроме того, Лондон обещал содействовать интернационализации юаня. Британская столица, будучи международным финансовым центром, является вторым по величине рынком, где торгуется китайская валюта.

Курс на укрепление стратегического диалога был подтверждён на полях саммита G20 в Ханчжоу в сентябре 2016 г. Тогда премьер-министр Великобритании Тереза Мэй и председатель КНР Си Цзиньпин подтвердили, что отношения между двумя странами переживают «золотую эру». Для Лондона контакты с Пекином имеют особую ценность в рамках концепции «глобальной Британии»¹⁹, которая нацелена на развитие партнёрств с ведущими державами вне Европы и содействие формированию глобальных механизмов свободной торговли. Китай, со своей стороны, заинтересован в британских интеллектуальных ресурсах, научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках для успешной реализации проекта ОПОП²⁰. Практические результаты сотрудничества уже дают о себе знать. В начале 2017 г. между КНР и Великобританией установлено прямое железнодорожное сообщение, что в перспективе приведёт к снижению стоимости грузоперевозок и, как следствие, к росту товарооборота между двумя странами.

Углубление двусторонних связей порождает повышенную осторожность Лондона при обсуждении чувствительных для Пекина вопросов прав человека и демократии. В то же время КНР всё более явно выражает свою точку зрения по поводу политического курса Великобритании. Например, в начале 2016 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «Китай надеется на то, что Великобритания... сможет играть позитивную и конструктивную роль в углублении отношений ЕС и КНР»²¹. Примечательно, что в ходе своего визита в Великобританию в феврале 2016 г. самый богатый человек Китая Ван Цзяньлин предостерег Лондон от выхода из ЕС. «Если Великобритания выйдет из состава ЕС, многие китайские компании скорее всего перенесут свои штаб-квартиры в другие страны» [24]. Это заявление было воспринято в Лондоне как негативная оценка Брексита в Китае. Однако официальной реакции на Брексит не последовало. В обозримой перспективе можно ожидать продолжения «золотой эры» британо-китайских отношений: только за 2015–2016 гг. доход китайских компаний в Великобритании вырос в три раза²².

¹⁹ Theresa May's Brexit speech: A Global Britain // The Spectator, 17.01.2017. URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2017/01/theresa-mays-brexit-speech-global-britain/> (дата обращения: 15.08.2017).

²⁰ Keynote Speech by H.E Ambassador Liu Xiaoming at China Britain Dinner Celebrating the 45th Anniversary of Ambassadorial Diplomatic Relations between China and the UK: Cherish the Golden Era and Build A Better Future // Embassy of the People's Republic of China in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, 11.05.2017. URL: <http://www.chinese-embassy.org.uk/eng/ambassador/t1460054.htm> (дата обращения 15.08.2017).

²¹ Xi Jinping tells David Cameron that China hopes to see a united EU // The Telegraph, 23.10.2015. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/11949657/Xi-Jinping-tells-David-Cameron-that-China-hopes-to-see-a-united-EU.html> (дата обращения: 15.08.2017).

²² Kyngge J. Strong growth for top Chinese investments in UK // Financial Times, 12.03.2017. URL: <https://www.ft.com/content/262d1258-0725-11e7-97d1-5e720a26771b?mhq5j=e1> (дата обращения: 18.08.2017).

Франция – третий по значимости партнёр КНР среди государств-членов ЕС. Париж воспринимает отношения с Пекином, прежде всего, как источник восстановления экономического роста. С 2009 г. лейтмотивом франко-китайских отношений стал прагматизм, и Францию заботит торговый дисбаланс в пользу КНР. В 2013 г. в ходе официального визита во Францию Си Цзиньпина стороны договорились о преодолении торговой и инвестиционной асимметрии.

Несмотря на большое количество сделок (одна из последних – с Huawei, которая инвестировала во Францию 1,5 млрд евро), уровень китайских инвестиций во Франции остаётся низким. К началу 2014 г. на Китай приходилось 0,9% накопленных ПИИ [12, с. 26]. Отметим, что Париж держится в стороне от гонки за финансированием из КНР. Поддерживая благожелательную риторику, он сохраняет более высокие по сравнению с партнёрами по ЕС барьеры для проникновения иностранных компаний. Тем не менее, Франции приходится смягчать политику, чтобы не проиграть конкуренцию за китайские капиталовложения. В частности, французские власти согласились с покупкой почти 49% акций тулузского аэропорта китайскими инвесторами, также, как и на инвестиции компаний КНР в туристический и агропромышленный сектора.

В торговле наблюдается позитивная динамика. В 2014 г. в ходе официального визита Си Цзиньпина в Париж было заключено 50 коммерческих соглашений стоимостью 18 млрд евро. Перспективы открываются и в сферах, прежде находившихся на периферии двусторонней повестки дня. В 2015 г. Франция и КНР договорились об углублении сотрудничества в борьбе с терроризмом, а также в сфере противодействия глобальному потеплению. Был установлен и новый формат «децентрализованного сотрудничества» между китайскими провинциями и французскими регионами. В 2016 г. стороны выступили с инициативой создания франко-китайского инвестиционного фонда по финансированию зарубежных проектов – к примеру, АЭС «Хинкли-Пойнт» в Великобритании. В обозримой перспективе планируется совместное развитие гражданской авиации и космической промышленности.

По сравнению с другими государствами-членами ЕС Франция более остро критикует КНР за вмешательство государства в экономику, несправедливую конкуренцию и девальвацию юаня. Французские финансовые круги тревожит перспектива интернационализации китайской валюты, которая в среднесрочной перспективе может составить конкуренцию евро. В целом же, реакция Франции на политико-экономическое возвышение КНР довольно сдержанная.

Повестки дня двусторонних отношений ведущих стран ЕС с Пекином перекликаются по вопросам инвестиционного сотрудничества, строительства инфраструктуры, межрегионального и межмуниципального партнёрства (Франция, Германия), что дополнительно обостряет соперничество за «китайский ресурс». Кроме того, британские власти всегда проводили более самостоятельную политику, тогда как Германия и Франция стремились к гармонизации своих подходов к Китаю. К примеру, А. Меркель и Ф. Олланд, посетившие Пекин

в ноябре 2015 г., выступали от имени «всей Европы», одновременно подчёркивая свой статус приоритетных партнёров КНР в Евросоюзе [25]. Другой пример – координация позиций ФРГ и Франции в преддверии их присоединения к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ), тогда как Великобритания уклонялась от обсуждения этого вопроса с ключевыми европейскими партнёрами.

Вовлечение стран Центральной и Восточной Европы в инициативу «16+1»

«16+1» – амбициозная инициатива Китая, стартовавшая в апреле 2012 г., когда был проведён первый саммит КНР и государств ЦВЕ (11 из них – государства-члены ЕС). На основе его решений в Пекине был создан секретариат сотрудничества, при котором сформирован институт национальных координаторов от европейских стран.

Взаимодействие в рамках «16+1» развивается на основе как собственно китайских, так и согласованных с партнёрами деклараций, которые предусматривают: увеличение взаимного товарооборота; строительство в странах ЦВЕ технопарков; создание специальной кредитной линии, часть которой составляют льготные кредиты на проекты в сфере инфраструктуры, высоких и новых технологий, а также зелёной энергетики; реализацию крупных логистических проектов; развитие атомной, тепловой и гидроэнергетики. Со временем возникают новые механизмы партнёрства, такие как Консультативный комитет экспертов по вопросам строительства транспортной сети, Союз Китая и ЦВЕ по содействию туризму, Форум культурного сотрудничества и Форум молодых политиков Китая и ЦВЕ. Обсуждаются перспективы присоединения стран региона к китайским проектам Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI в.

Во взаимодействии с ЦВЕ Пекин практикует «двухъярусный подход»: с одной стороны, страны региона воспринимаются как единый партнёр в Европе, а с другой стороны, китайские политики, дипломаты и бизнесмены ведут переговоры с каждым из участвующих государств, реализуя индивидуальные стратегии. В «16+1» входят государства с разным статусом: члены ЕС, кандидаты, и страны, претендующие на вхождение в эту категорию. С учётом того, что эта инициатива развивается наравне с отношениями КНР с Брюсселем, она объективно работает на раздробление общеевропейского пространства. Формат саммитов Китая с ЦВЕ воспроизводит опыт взаимодействия Пекина с развивающимися странами Африки и Латинской Америки.

В последнее время Пекин называет «16+1» механизмом, который не просто дополняет всеобъемлющее стратегическое партнёрство КНР – ЕС, но представляет собой его неотъемлемую часть. Так, в ноябре 2016 г., в преддверии Рижского саммита «16+1» глава постоянного представительства КНР при ЕС Ян Яньи отметила, что сотрудничество между Китаем и государствами ЦВЕ призвано дать

мощный импульс развитию всего комплекса отношений Китай – ЕС²³. Это положение отражено и в декларации Рижского саммита «16+1»²⁴ под говорящим заголовком «Взаимосвязанность, инновации, комплексность и общее развитие», в которой стороны подтвердили стремление задействовать «китайское оборудование, европейские технологии и рынки стран ЦВЕ» для взаимодействия в портах Адриатического, Балтийского и Чёрного морей, увеличить синергии между китайским проектом «Пояса и пути», национальными стратегиями экономического развития стран ЦВЕ и Трансевропейской транспортной сетью.

Из другого документа Рижского саммита – «руководящих принципов»²⁵ – следует, что формат «16+1» считается в КНР основным для закрепления позиций в европейском регионе. Именно на ЦВЕ приходится основной массив китайских инициатив. Документ содержит внушительный список проектов и мероприятий, осуществлённых в развитие Сучжоуских принципов по сотрудничеству между Китаем и странами ЦВЕ от 2015 г.²⁶ Подобная отчётность уже стала традицией ежегодных саммитов ЦВЕ–КНР. К достижениям 2016 г. отнесены: создание Секретариата КНР–ЦВЕ по логистическому сотрудничеству в Латвии и Центра диалога и сотрудничества по энергетическим проектам в Румынии, формирование холдинговой компании Sino – CEEF для поощрения инвестиционной деятельности, проведение бизнес-форумов, научных мероприятий и многое другое. На следующий отчётный период был принят «план действий».

Столкнувшись с финансовым дефицитом, отсталостью инфраструктуры и уменьшением объёмов экспорта, страны ЦВЕ воспринимают формат «16+1» как шанс выйти на новый виток развития. Однако зачастую их ожидания не оправдываются, что вызывает определённое недовольство²⁷. Опыт показал, что КНР рассматривает регион как средство для реализации своих коммерческих интересов.

Самый амбициозный участник «16+1», Варшава, стремится стать посредником экономического присутствия Китая в Европе, позиционируя себя как страну с высокой политической и экономической стабильностью, дешёвой и квалифицированной рабочей силой. Своими конкурентными преимуществами Польша считает также наличие 14-ти специальных экономических зон, обеспе-

²³ Interview: China-EU cooperation makes cake of common interests bigger - Chinese Ambassador to EU // Xinhua, 27.05.2017. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-05/27/c_136320675.htm (дата обращения: 15.08.2017).

²⁴ Full text of Riga Declaration // The State Council of the People's Republic of China Website, 06.11.2016. URL: http://english.gov.cn/news/international_exchanges/2016/11/06/content_281475484335120.htm (дата обращения: 15.08.2017).

²⁵ The Riga Guidelines for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries // The State Council of the People's Republic of China Website, 06.11.2016. URL: http://english.gov.cn/news/international_exchanges/2016/11/06/content_281475484363051.htm (дата обращения: 15.08.2017).

²⁶ The Suzhou Guidelines for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries // China-CEEC Website, 21.10.2016. URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhwh_1/sz2015/hdxw/t1411473.htm (дата обращения: 15.08.2017).

²⁷ Maurice E. China's 16+1 foray into Central and Eastern Europe // EU Observer, 26.06.2017. URL: <https://euobserver.com/eu-china/138347> (дата обращения: 20.08.2017)

ченность природными ресурсами, а также трансформационный опыт 1990-х гг. Однако в полной мере реализовать амбиции Польши не удаётся.

Польские эксперты отмечают, что в последние годы участились визиты китайских делегаций, которые интересуются опытом по развитию сферы услуг и системы социальной безопасности (здравоохранение, пенсионное обеспечение), по сокращению разрыва в доходах населения и повышению уровня жизни в стране. Вместе с тем китайские партнёры редко прислушиваются к интересам самой Польши. Хорошим примером тому, что отношения сторон отвечают в первую очередь китайским интересам, служит открытие в 2010-х г. железнодорожных связей Лодзь – Чэнду и Варшава – Сучжоу, которые до сих пор в основном используются для импорта китайской продукции в Польшу – в Китай поезда возвращаются полупустыми [35, с. 59].

Разочарование Варшавы разделяют и венгерские политики: планы Китая по реализации нескольких инфраструктурных проектов так и не были воплощены в жизнь [27, с. 43]. Тем не менее, правительство Венгрии рассчитывает на реконструкцию железной дороги Будапешт – Белград. Как ожидается, в перспективе по этому маршруту пойдут грузы из контролируемого китайским бизнесом греческого порта Пирей в страны Западной Европы. Соглашения о строительстве были подписаны на третьем саммите «16+1» в Белграде в 2014 г., сдача в эксплуатацию назначена на 2017 г., но реализация проекта затягивается.

Несмотря на недовольство участников «16+1» некоторыми аспектами развития сотрудничества, ни один из них не намерен покидать формат. Он способствует углублению сотрудничества с КНР и побуждает страны ЦВЕ прибегать к торгу за частные преимущества в рамках двусторонних договоренностей. Такие прецеденты вызывают беспокойство в ЕС, где проект «16+1» изначально рассматривался как попытка КНР извлекать выгоды из противоречий между странами-членами.

Таким образом, те стратегии по развитию контактов с Китаем, которым следуют отдельные страны Евросоюза, накладывают существенные ограничения на реализацию общеевропейского внешнеполитического курса по отношению к КНР. Ввиду того, что во взаимодействии с Пекином все эти страны выступают как конкуренты за общий ресурс, обостряется проблема коллективного действия. Наличие преобладающего государства, общих институтов и разделяемой идентичности не позволяют преодолеть искушение получить индивидуальную выгоду от выстраивания автономных преференциальных связей в тех областях, в которых государства сохраняют компетенции (прежде всего, в инвестиционной и транспортно-логистической сферах).

Заключение: баланс выгод и издержек

Как и другие форматы международных взаимодействий, отношения ЕС и КНР не свободны от противоречий. В то же время обе стороны извлекают вы-

годы от сотрудничества. ЕС стремится сохранить позиции ключевого адресата инвестиций и важнейшего партнёра КНР в развитии как двусторонних, так и исключительно китайских инфраструктурных проектов. Китай, в свою очередь, заинтересован в Евросоюзе, предлагающем свой высоколиквидный рынок для сбыта товаров и услуг.

По своей экономической основе отношения КНР с ЕС лучше сбалансированы, чем взаимодействие Китая и США: у европейских стран меньше задолженность, а процесс финансирования и деиндустриализации хозяйства в Германии и других ведущих экономиках Евросоюза не достиг того же уровня, что по другую сторону Атлантики. Тем не менее, в них присутствует серьёзный источник политического диспаритета, связанный с проблемой коллективного действия. Положение Европейского союза в качестве метаорганизации затрудняет выработку общей линии в отношении Китая даже в той сфере, в которой ЕС обладает широкими и институционализированными компетенциями – в области экономического сотрудничества.

С конца 2000-х гг. возросшие финансовые возможности Китая привели к появлению конкуренции за них между государствами-членами ЕС. Взаимодействие ЕС с КНР дополнилось самостоятельными форматами сотрудничества отдельных европейских стран или их субгруппировок.

Организационная слабость Евросоюза не всегда даёт преимущества именно Китаю, так как её могут эксплуатировать и другие игроки. Например, влияние США препятствует возобновлению военно-технического сотрудничества Евросоюза с КНР. Тем не менее, она объясняет большую открытость ЕС для финансового проникновения китайских компаний по сравнению с другими крупными игроками. Более широким последствием становится снижение сравнительной силы ЕС в переговорах с Китаем, в том числе по вопросам экономического регулирования.

Список литературы

1. Валуев А.В. Китай и Великобритания: политический диалог в системе координат глобального мира (1991–2015 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы V международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов, Н.В. Киреева. Благовещенск: БПГУ, 2015. С. 465–467.
2. Гнатюк Н. Политическая субъектность ЕС? // Международные процессы. 2014. № 4(39). С. 32–48.
3. Граблин А.В. Сближение Германии и Китая: от партнёрства до союза один шаг? // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. №1. С. 12–16.
4. Кроц У., Маэр Р. Теория международных отношений и развитие европейского сотрудничества в сфере внешней политики и политики безопасности // Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в 3 тт. / под общ. ред. И. Иванова. М.: НП РСМД, 2015. Т. 3. С. 452–484.
5. Луконин С. Греция и Китай: развитие экономических связей на фоне кризиса // Современная Греция в мировой экономике и политике / отв. ред. Ю. Квашнин. М.: ИМЭМО, 2013. С. 129–131.
6. Рогачёв А. Китай и ЕС: проблема предоставления статуса рыночной экономики // Международная жизнь. 2016. №8. С. 87–98.

7. Стрежнева М. Субъектность Евросоюза в отражении организационной теории // *Международные процессы*. 2016. №1(44). С. 63–76.
8. Троицкий М. Европейский союз в мировой политике // *Международные процессы*. 2004. №2(5). С. 43–58.
9. Bickenbach F., Wan-Hsin L., Guoxue L. The EU–China Bilateral Investment Agreement in Negotiation: Motivation, Conflicts and Perspectives. Kiel Policy Brief, 2015, no. 95. 32 p. URL: <https://www.ifw-kiel.de/wirtschaftspolitik/zentrum-wirtschaftspolitik/kiel-policy-brief/kpb-2015/kiel-policy-brief-95> (дата обращения 15.08.2017).
10. Bindi F., Shapiro J. EU Foreign Policy: Myth or Reality? // *The Foreign Policy of the European Union. Assessing Europe's Role in the World* / Ed. by F. Bindi. Brookings Institution Press. Washington, D.C., 2010. Pp. 339–348.
11. Checkel J.T. International Institutions and Socialization in Europe: Introduction and Framework // *International Organization*. 2005. Vol. 59. No. 4. Pp. 801–826.
12. Ekman A., Seaman J. France and China: A not so 'special' relationship // *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC)* / Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 2015. Pp. 25–29. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (дата обращения 14.08.2017).
13. EU–China Relations: 2015 and beyond [Электронный ресурс] // *Business Europe*. March 9, 2015. URL: <https://www.besneurope.eu/publications/eu-china-relations-2015-and-beyond> (дата обращения 15.08.2017).
14. Godement F., Stanzel A. The European Interest in an Investment Treaty with China [Электронный ресурс] // *Policy Brief*, 2015, no. 127. 10 p. European Council on Foreign Relations (ECFR). URL: [http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127-The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_\(both_graphics\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127-The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_(both_graphics).pdf) (дата обращения 15.08.2017).
15. Groenleer M., van Schaik L. United We Stand? The European Union's International Actorness in the Cases of the International Criminal Court and the Kyoto Protocol // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45. No 5. Pp. 969–998.
16. Heilmann S., Rudolf M., Huotari M. China's Shadow Foreign Policy: parallel structures challenge the existing order (China Monitor No. 18) [Электронный ресурс] // *Mercator Institute for China Studies (MERICS)*. October 28, 2014. 9 p. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/China-Monitor/China_Monitor_No_18_en.pdf (дата обращения: 17.08.2017).
17. Howorth J. Europe at a Historical Crossroads: Grand Strategy or Resignation? Working Paper No. 02/2011 [Электронный ресурс] // *Institute for European Integration Research – Austrian Academy of Sciences*. January 2011. URL: <https://eif.univie.ac.at/downloads/workingpapers/wp2011-02.pdf> (дата обращения: 17.08.2017).
18. Howorth J. The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain? // *Journal of Common Market Studies (JCMS)*. 2010. Vol. 48. No 3. Pp. 455–474.
19. Huotari M. Germany's China policy: No honeymoon forever// *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC)*. / Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 2015. Pp. 30–35. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (дата обращения 14.08.2017).
20. Jupille J., Caporaso J.A. States, Agency and Rules: The European Union in Global Environmental Politics // *The European Union in the World Community*. 1998. Vol. 17. Pp. 157–182.
21. Keohane R. After hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. Pp. 135–181.
22. Keukeleire St., Delreux T. The Foreign Policy of the European Union. 2nd edition. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 367 p.
23. Kindleberger Ch. The World in Depression, 1929–1939. Berkley: University of California Press, 1974. 336 p.
24. Le Corre Ph. Could Brexit bring the end of the new Sino-British "special relationship"? [Электронный ресурс] // *Brookings*. March 17, 2016. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2016/03/17-chinese-investments-brexit-lecorre> (дата обращения 17.08.2017).
25. Le Corre Ph., Stumbaum M.-B. Not a European beauty contest: The French and German approach to China [Электронный ресурс] // *Brookings*. November 3, 2016. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2015/11/03->

- merkel-hollande-visit-china-lecorre-stumbaum (дата обращения 17.08.2017).
26. Marsh S., Mackenstein H. The International Relations of the European Union. London: Pearson, 2005. 328 p.
27. Matura T. Hungary and China: Hopes and reality // Mapping Europe-China Relations: A Bottom-Up Approach. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC) / Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 2015. Pp. 41-45. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (дата обращения 14.08.2017).
28. Meunier S. Trading Voices: The European Union in International Commercial Negotiations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 223 p.
29. Niemann A., Bretherton Ch. EU external policy at the crossroads: The challenge of actorness and effectiveness // International Relations. 2013. No 27(3), Pp. 261–275.
30. Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 208 p.
31. Plesner-Parello J., Kratz A. How can the EU promote its economic interests with China? Policy Paper 85. Jacques Delors Institute [Электронный ресурс] // Notre Europe: Jacques Delors Institute. March 2013. URL: <http://www.institutdelors.eu/media/euchina-parelloplesnerkratz-ne-jdi-mar13.pdf?pdf=ok> (дата обращения 17.08.2017).
32. Risse Th. No Demos? Identities and Public Spheres in the Euro Crisis // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. No. 6. Pp. 1207–1215.
33. Sjöstedt G., The External Role of the European Community. Farnborough: Saxon House, 1977. 282 p.
34. Song L., Bian Q. The EU through the eyes of Chinese social media: A case study of the official micro-blog of Chinese Foreign Ministry // International Communication Gazette. February–March 2016. Vol. 78. No. 1–2. Pp. 64–82.
35. Szczudlik-Tatar J. Poland–China relations: Forging a strategic partnership? // Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC) / Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies (MERICS). October 2015. Pp. 56-61. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (дата обращения 14.08.2017).
36. Taking Europe to the World. 50 Years of the European Commission's External Service. Brussels: European Communities, 2004 [Электронный ресурс] // Erasmus Thematic Network. URL: http://www.imediterranei.eu/Joomla/images/stories/anniversario/07_50_years_broch_en.pdf (дата обращения 17.08.2017).

Об авторах:

Юлия Дмитриевна Жданова – атташе Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России. 119200, Россия, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34.

E-mail: zhdanova.yu.d@my.mgimo.ru.

Игорь Александрович Истомин – к.полит.н., старший преподаватель кафедры МАМП МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: iaistomin@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках НИР МГИМО 2015-2016.

EU REACTION TO CHINA'S ECONOMIC RISE

Julia D. Zhdanova, Igor A. Istomin
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-91-113

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The international actorness of the European Union is an object of prolonged scholarly and political debates. As an association of states with both complementary and competing interests it faces the problem of collective action. The EU elaborated several mechanisms to mitigate it effect, which, however, do not necessarily avail it to conduct a coherent policy towards other major powers. The current article demonstrates that when it comes to defending European interests in the world arena, Brussels faces a range of challenges even in the most developed spheres of the integration process, such as international economic cooperation. Due to the insufficiency of hegemony, common identity and institutional weakness, the member states of the European Union tend to pursue their own private interests, rather than speak for the common interest. This tendency is traced in the article using the record of relations between the EU and China. Despite the fact that the EU is, in many ways, wealthier and technologically more developed than China, its dependence on huge financial resources flowing from the Asian ascending power has grown in 2010s. While the European Commission's goal is to secure access to Chinese market for European companies, individual member states vie for Chinese investments. To illustrate this, the article highlights competitive strategies of Germany, Great Britain, France and Central and Eastern European countries (CEECs). It examines engagement of the CEECs in the Chinese initiative "16+1". The authors conclude that competition between European states in financial sphere reduces their bargaining leverage not only in economic matters, but also on some political issues.

Key words: European Union, China, collective action problem, Central and Eastern Europe, European troika, economic cooperation.

References

1. Valuev A.V. Kitaj i Velikobritaniya: politicheskij dialog v sisteme koordinat global'nogo mira (1991–2015 gg.) [China and Great Britain: Political Dialogue in the Coordination System of the Global World (1991–2015 gg.)]. *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva – Russia and China: History and Prospects of Cooperation*. Ed. By D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov, N.V. Kireeva. Blagoveschensk: BPGU, 2015, pp. 465–467 (in Russian).
2. Gnatiuk N. Politicheskaja sub'ektnost' ES? [Political actorness of the EU?]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 2014, vol. 4, no. 39, pp. 32–48 (in Russian).
3. Grablin A.V. Sblighenie Germanii i Kitaya: ot partnerstva do soyuza odin shag? [Germany and China Getting Closer: From Partnership to Alliance One Step?]. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij – Urgent Issues in Contemporary International Relations*. 2013. No. 1, pp. 12–16 (in Russian).
4. Krotz U., Maher R. International relations theory and the rise of European foreign and security policy. *World Politics*. 2011, vol. 63, no. 3, pp. 548–579. (Russ. ed.: Krotz U., Maer R. Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenij i razvitiie evropeiskogo sotrudnichestva v sfere vneshnei politiki i politiki bezopasnosti. Sovremennaja nauka o mezhdunarodnykh otnoshenijakh za rubezhom v 3

- tomah [Contemporary international relations studies abroad, 1–3 Vol.]. Ed. by I. Ivanov. Moscow, RIAC. 2015, vol. 3, pp. 452–484).
5. Lukonin S. Gretsya i Kitaj: razvitie ekonomicheskikh otnoshenij na fone krizisa [Greece and China: Development of Economic Relations in the Context of the Crisis]. *Sovremennaya Gretsya v mirovoj ekonomike i politike – Contemporary Greece in World Economy and Politics*. Ed. By Yu. Kvashnin. Moscow: IMEMO, 2013. pp. 129–131 (in Russian).
 6. Rogachev A. Kitaj i ES: Problema predstavleniya statusa ryinочноy ekonomiki [China and the EU: the issue of granting market economy status]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 2016, no 8, pp. 87–98 (in Russian).
 7. Strezhneva M. Sub'ektnost' Evrosoiuza v otrazhenii organizatsionnoi teorii [EU actorness and organizational theory]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 2016, vol. 1, no. 44, pp. 63–76 (in Russian).
 8. Troitskii M. Evropeiskii Soiuz v mirovoi politike [The European Union in world politics]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 2004, vol. 2, no. 5, pp. 43–58 (in Russian).
 9. Bickenbach F., Wan-Hsin L., Guoxue L. The EU–China Bilateral Investment Agreement in Negotiation: Motivation, Conflicts and Perspectives. *Kiel Policy Brief*, 2015, no. 95. 32 p. Available at: <https://www.ifw-kiel.de/wirtschaftspolitik/zentrum-wirtschaftspolitik/kiel-policy-brief/kpb-2015/kiel-policy-brief-95> (accessed: 02.06.2016).
 10. Bindi F., Shapiro J. EU Foreign Policy: Myth or Reality? *The Foreign Policy of the European Union: Assessing Europe's Role in the World*. Ed. by F. Bindi. Washington, D.C., Brookings Institution Press, 2010, pp. 339–348.
 11. Checkel J.T. International Institutions and Socialization in Europe: Introduction and Framework. *International Organization*, 2005, vol. 59, no. 4, pp. 801–826.
 12. Ekman A., Seaman J. France and China: A not so 'special' relationship. *Mapping Europe–China Relations: A Bottom–Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 2015. Pp. 25–29. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (accessed: 14.08.2017).
 13. EU–China Relations: 2015 and beyond. *Business Europe*, 03.03.2015. Available at: <https://www.buinessurope.eu/publications/eu-china-relations-2015-and-beyond> (accessed: 15.08.2017).
 14. Godement F., Stanzel A. The European Interest in an Investment Treaty with China. *Policy Brief*, 2015, no. 127. 10 p. European Council on Foreign Relations (ECFR), 19.02.2015. Available at: [http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127-The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_\(both_graphics\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127-The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_(both_graphics).pdf) (accessed: 15.08.2017).
 15. Groenleer M., van Schaik L. United We Stand? The European Union's International Actorness in the Cases of the International Criminal Court and the Kyoto Protocol. *Journal of Common Market Studies*, 2007, vol. 45, no. 5, pp. 969–998.
 16. Heilmann S., Rudolf M., Huotari M. China's Shadow Foreign Policy: parallel structures challenge the existing order. *MERICs China Monitor*, 2014, no. 18. 9 p. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 28, 2014. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/China-Monitor/China_Monitor_No_18_en.pdf (accessed: 17.08.2017).
 17. Howorth J. Europe at a Historical Crossroads: Grand Strategy or Resignation? *Austrian Academy of Sciences Institute for European Integration Research Working Paper*, 2011, no. 02. 34 p. Available at: <https://eif.univie.ac.at/downloads/workingpapers/wp2011-02.pdf> (accessed: 17.08.2017).
 18. Howorth J. The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain? *Journal of Common Market Stud-*

- ies, 2010, vol. 48, no 3, pp. 455–474.
19. Huotari M. Germany's China policy: No honeymoon forever. *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 2015. Pp. 30–35. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (accessed: 14.08.2017).
 20. Jupille J., Caporaso J.A. States, Agency and Rules: The European Union in Global Environmental Politics. *The European Union in the World Community*, 1998, vol. 17, pp. 157–182.
 21. Keohane R. *After hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, Princeton University Press, 1984, pp. 135–181.
 22. Keukeleire St., Delreux T. *The Foreign Policy of the European Union*. 2d ed. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2014. 367 p.
 23. Kindleberger Ch. *The World in Depression, 1929–1939*. Berkley, University of California Press Publ., 1974. 336 p.
 24. Le Corre Ph. Could Brexit bring the end of the new Sino–British 'special relationship'? *Brookings*, 17.03.2016. Available at: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2016/03/17-chinese-investments-brexite-lecorre> (accessed: 17.08.2017).
 25. Le Corre Ph., Stumbaum M.-B. Not a European beauty contest: The French and German approach to China. *Brookings*, 03.11.2016. Available at: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2015/11/03-merkel-hollande-visit-china-lecorre-stumbaum> (accessed: 17.08.2017).
 26. Marsh S., Mackenstein H. *The International Relations of the European Union*. Harlow, Pearson Longman Publ., 2005. 328 p.
 27. Matura T. Hungary and China: Hopes and reality. *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 2015. Pp. 41–45. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/Allgemeine_PDF/Mapping_Europe-China_Relations.pdf (accessed: 14.08.2017).
 28. Meunier S. *Trading Voices: The European Union in International Commercial Negotiations*. Princeton, NJ, Princeton University Press Publ., 2005. 223 p.
 29. Niemann A., Bretherton Ch. EU external policy at the crossroads: The challenge of actorness and effectiveness. *International Relations*, 2013, vol. 27, no. 3, pp. 261–275.
 30. Olson M. *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 2002. 208 p.
 31. Plesner-Parello J., Kratz A. How can the EU promote its economic interests with China? *Notre Europe, Jacques Delors Institute Policy Paper*, 2013, no. 85. 6 p. Available at: <http://www.institutdelors.eu/media/euchina-parelloplesnerkratzne-jdi-mar13.pdf?pdf=ok> (accessed: 17.08.2017).
 32. Risse Th. No Demos? Identities and Public Spheres in the Euro Crisis. *Journal of Common Market Studies*, 2014, vol. 52, no. 6, pp. 1207–1215.
 33. Sjöstedt G. *The External Role of the European Community*. Farnborough, Saxon House Publ., 1977. 282 p.
 34. Song L., Bian Q. The EU through the eyes of Chinese social media: A case study of the official micro-blog of Chinese Foreign Ministry. *International Communication Gazette*, 2016, vol. 78, no. 1–2, pp. 64–82.
 35. Szczudlik-Tatar J. Poland–China relations: Forging a strategic partnership? // *Mapping Europe–China Relations: A Bottom-Up Approach*. A report by the European Think-tank Network on China (ETNC). Ed. by M. Huotari, M. Otero-Iglesias, J. Seaman, A. Ekman. Mercator Institute for China Studies (MERICS), October 2015. Pp. 56–61. Available at: http://www.merics.org/fileadmin/user_

upload/downloads/Allgemeine_PDF/
Mapping_Europe-China_Relations.pdf
(accessed: 14.08.2017).

36. *Taking Europe to the World. 50 Years
of the European Commission's External*

Service. Brussels, European Communi-
ties, 2004. Erasmus Thematic Network.
Available at: [http://eeas.europa.eu/
delegations/docs/50_years_brochure_
en.pdf](http://eeas.europa.eu/delegations/docs/50_years_brochure_en.pdf) (accessed: 17.08.2017).

About the authors:

Julia D. Zhdanova – attaché, Department for Nonproliferation and Arms Control, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 32/34 Smolenskaya-Sennaya Sq., 119200, Russia. E-mail: zhdanova.yu.d@my.mgimo.ru.

Igor A. Istomin – PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Applied International Analysis, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: iaistomin@gmail.com.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЭНЕРГЕТИКЕ: НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО РЫНКА АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Ю.В. Боровский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В постбиполярный период международных отношений атомная энергетика стала одной из сфер конкуренции и соперничества России и стран Запада. Проведённый анализ теоретической литературы позволяет сделать вывод о том, что «международная конкуренция» (англ. competition) означает в большей мере некое абстрактное, деполитизированное состязание государств и иных международных акторов (включая компании) за некие ограниченные (преимущественно экономические) блага. «Международное соперничество» (rivalry) – это скорее политический процесс, обязательно предполагающий наличие соперничающих пар государств (или их групп), которые состязаются друг с другом не столько за некие блага, сколько с целью расширения своего пространства или власти.

В наиболее яркой форме конкуренция и соперничество по линии Россия – США/Запад в сфере мирного атома проявляется в восточноевропейском регионе, где американские, европейские и японские корпорации при поддержке внешнеполитических и интеграционных институтов стран Запада пытаются добиться двух главных целей. Во-первых, получить контракты на строительство новых энергоблоков в тендерах, где также участвует «Росатом». Во-вторых, стать поставщиками ядерного топлива для многочисленных реакторов российского (советского) производства типа ВВЭР (водо-водяной энергетический реактор), работающих или подлежащих запуску в целом ряде стран региона (Словакия, Чехия, Венгрия, Болгария, Украина). Подобная деятельность сопряжена с высокими рисками. Усилия по ограничению доминирующих позиций «Росатома» в Восточной Европе формально объясняются необходимостью создания «конкурентного рынка» ядерных услуг в регионе и обеспечения энергетической безопасности стран-членов ЕС. Примечательно также, что экспансия «Росатома» (и его предшественников) на зарубежные рынки, включая восточноевропейский, активно поддерживается российским государством, которое во второй половине 1990-х гг. – после неудачной попытки следования в фарватере Запада – включилось в соперничество с США и их союзниками, по большей мере навязанное противной стороной.

УДК 339.92, 620.9, JEL Q4

Поступила в редакцию 31.07.2017 г.

Принята к публикации 15.10.2017 г.

Как показал проведённый анализ, Россия и страны Запада, прежде всего США, вовлечены в атомную энергетику для продвижения своих экономических интересов, выраженных в успешности бизнеса национальных корпораций. Однако они также являются политическими соперниками, считающими сферу мирного атома, генерирующую миллиарды долларов и являющуюся стратегическим источником энергии для многих стран мира, важнейшим с точки зрения соперничества геополитическим ресурсом.

Ключевые слова: атомная энергетика, энергетическая политика России, энергетическая политика ЕС, энергетическая политика США, Восточная Европа, международное соперничество, энергетическая безопасность.

Цель статьи – рассмотрение атомной энергетики как области конкуренции и соперничества России и Запада с главным фокусом на регионе Восточной Европы. Значимость исследования заключается в изучении характера антагонистических отношений государств современной эпохи на основе наработанного теоретического опыта и на примере столкновения интересов России и Запада в определённых областях. В мировой научной литературе до сих пор не выработано единых подходов к пониманию явлений, касающихся противостояния отдельных государств и иных международных акторов, прежде всего компаний. Зачастую наблюдается отождествление таких понятий как «конкуренция» и «соперничество», а также происходит недооценка мотивов, которые движут противостоящими сторонами.

О понятии «международное соперничество»

С лингвистической точки зрения русскому слову «соперничество» в наибольшей степени соответствует английское «rivalry», хотя в отечественных публикациях, посвящённых международным отношениям, «соперничество» нередко отождествляется с другим английским словом – «competition». Например, в базовом учебнике «История международных отношений (1975-1991 гг.)», подготовленном коллективом авторов МГИМО, отмечается, что Администрация Джими Картера придерживалась в отношениях с Советским Союзом концепции «сотрудничество и соперничество» [1, с. 230-232], сформулированной в англоязычных источниках как «cooperation and competition» [6, р. 38]. Также примечательно, что в декабре 2016 г. министр обороны США Эштон Картер заявил о готовности США к «длительному соперничеству» или «длительной конкуренции» (англ. long-term competition) с Россией¹. Русскоязычные СМИ использо-

¹ Browne R. Ash Carter signals support for Mattis pick, upbraids Russia // CNN. – 2016. – 4 December. [Электронный ресурс]: <http://edition.cnn.com/2016/12/03/politics/carter-supports-trump-pick-mattis/> (Дата обращения: 04.12.2016).

вали сразу две обозначенные версии перевода². Однако в январе 2017 г. Барак Обама в своей прощальной речи назвал Россию и Китай «соперниками (rivals), которые не могут сравниться с США по влиянию в мире»³. В русскоязычных СМИ не возникло отличных версий перевода.

Известный американский политолог Куинси Райт (Quincy Wright) полагает, что термин «competition» чаще всего означает неперсонифицированное противостояние. Иными словами, конкуренты (competitors) могут и не знать о существовании друг друга, в то время как у сторон конфликта или противников (rivals) этого быть не может [8, p. 142-159]. Таким образом, в русскоязычных публикациях, касающихся международных отношений, английское слово “competition” целесообразней переводить как «конкуренция» или «состязание», а «rivalry» – как «соперничество». При этом, конечно же, нельзя отрицать наличие иных подходов. Например, ещё один авторитетный американский политолог Чарльз Глэйзер (Charles Glaser) склонен трактовать термин “competition” сугубо в рамках классической концепции политического реализма, отождествляя его с односторонними шагами государств по наращиванию военной мощи, провоцирующими гонку вооружений и создание альянсов [8, p. 51].

Термин “rivalry”^{*} присутствует в теории международных отношений, хотя он привлекает внимание относительно небольшого числа учёных. Наиболее значительный вклад в его концептуализацию внесли Пол Дил (Paul F. Diehl) и Гари Гоертц (Gary Goertz), опубликовавшие монографию «Война и мир в контексте международного соперничества» [4]. Пол Хенсел (Paul R. Hensel) и Уильям Томсон (William R. Thompson) – исследователи, чьи изыскания также непосредственно связаны с теоретическим осмыслением международных соперничеств. Другие авторы-теоретики, как правило, касаются понятия “rivalry” опосредованно при решении иных научных задач.

Абстрагируясь от уже распространённых концепций, включая «международные враги» (international enemies), «затяжной конфликт» (protracted conflict) и «длительное соперничество» (enduring rivalry), Пол Хенсел сконцентрировал своё внимание непосредственно на понятии «соперничество» (rivalry). В итоге он пришёл к выводу, что международному «соперничеству» присущи три компонента: (1) конкуренция или состязательность (competition), (2) ощущение угрозы (threat perception) и (3) время (time). Первый компонент, конкуренция, указывает на то, что государства конкурируют между собой за доступ к определённым дефицитным благам. Второй компонент, ощущение угрозы, говорит о том, что государства видят в действиях других государствах угрозу их нацио-

² Глава Пентагона заявил о готовности к длительному соперничеству с Россией // РБК. – 2016. – 4 декабря. [Электронный ресурс]: <http://www.rbc.ru/politics/04/12/2016/5843a25a9a794796585194ac> (Дата обращения: 04.12.2016).

³ President Obama's farewell speech transcript, annotated // Washington post. 2017. 10 January. [Электронный ресурс]: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/01/10/president-obamas-farewell-speech-transcript-annotated/?utm_term=.4d208375cfd (Дата обращения: 11.01.2017).

^{*} В дальнейшем термин «соперничество» («международное соперничество») будет пониматься исключительно в смысле англоязычного “rivalry” (“international rivalry”) – прим. автора.

нальной безопасности. Третий компонент, время, свидетельствует о том, что соперничество – это процесс, предполагающий определённую продолжительность и последовательность. Соперничество, как считает П. Хенсел, не обязательно выражается в вооружённом противостоянии, даже если у сторон есть некое ощущение угрозы. Один из примеров – острое торговое противостояние США и Японии в 1970-1980-х гг., которое рассматривалось обеими странами как угроза их национальной безопасности, однако они не помышляли прибегнуть к военным действиям. По мнению П.Хенсела, международное соперничество вполне может быть скоротечным, да и не ограничиваться только государствами [9, р. 17-48].

Уильям Томсон предлагает классифицировать международные соперничества (*rivalry*), подразделяя их на пространственные и позиционные. Первые касаются локальной борьбы за территорию. Они менее интенсивны, нежели позиционные. В такие соперничества с большей вероятностью вовлекаются небольшие государства, а также государства с асимметричной мощью. Однако любая асимметрия делает соперничество непродолжительным. Позиционные соперничества, напротив, связаны с региональной или глобальной борьбой за власть или влияние, предполагающей относительную симметрию возможностей [15, р. 195-223]. К такому позиционному соперничеству вполне можно отнести тотальную и глобальную конфронтацию СССР и США в годы холодной войны. Она охватывала все сферы (экономическую, политическую, военную, идеологическую, др.) и регионы мира [2, с.15].

П. Дил, Г. Гоертц, попытавшиеся обобщить и систематизировать существующие академические воззрения, пришли к заключению, что соперничество (*rivalry*) имеет (1) диадический (или бинарный) характер, а его участниками, как правило, выступают (2) государства. При этом соперниками могут быть не только два государства, но и союзы государств. Самый наглядный тому пример – противостояние стран НАТО и Варшавского договора в годы холодной войны. Как отмечают американские политологи, соперничество – это некий процесс, имеющий определённую (3) продолжительность по времени. Одни учёные допускают существование скоротечных соперничеств, другие, напротив, считают, что соперничество имеет место только в том случае, если оно длится десятилетие и больше. Ещё один, причём весьма неоднозначный аспект – (4) военное измерение соперничества или степень его жестокости.

Значительная часть экспертов сходится во мнении, что неотъемлемым атрибутом международного соперничества (*rivalry*), которое следует трактовать исключительно в логике игры с нулевой суммой, служит вооружённое противостояние антагонистов или, по крайней мере, угроза применения силы с их стороны. Но есть и иные точки зрения, допускающие протекание соперничеств сугубо в мирных рамках. Например, это может наблюдаться во время острых торговых войн с участием демократических государств, которые не склонны использовать оружие друг против друга. Иными словами, у стран, вовлечённых в

соперничество, вполне могут быть конфликтные интересы относительно распределения ограниченных стратегических благ: материальных (природные ресурсы, территория, др.) и нематериальных (политическое, религиозное, идеологическое влияние, др.). Однако наличие конфликтных интересов, как полагают П. Дил и Г. Гоертц, не обязательно означает, что позиции противников абсолютно непримиримы, чреваты насилием и должны трактоваться исключительно в логике игры с нулевой суммой [4, р. 17-48].

Суммируя доводы, приведённые выше, можно предложить некое компромиссное и одновременно довольно гибкое определение международного «соперничества» (*international rivalry* или *rivalry*), которое будет использоваться в настоящем исследовании. *Международное «соперничество»* – это относительно продолжительный временной процесс, в котором два международных актора (или группы акторов), преимущественно государства, соперничают друг с другом за стратегические материальные и нематериальные активы. Подобное противостояние может наблюдаться в локальном, региональном и глобальном масштабе, и распространяться на самые разные сферы (политическую, военную, экономическую, энергетическую, культурную, др.). В этом смысле конкурентная борьба неких хозяйствующих субъектов или, например, даже спортсменов вполне может воспринимать в качестве одного из атрибутов межгосударственного соперничества, чреватого при определённых условиях применением силы.

Атомная энергетика – область соперничества России и Запада

Распад СССР, ввергнувший экономику России в тяжёлый кризис, всё же не привёл к глубокому упадку российской атомной энергетики, которая в силу своей внутренней организации, относительной автономности и изоляции, а также наличия уникальных технологий и разработок сохранила высокую конкурентоспособность на международной арене как в 1990-е гг., так и в новом столетии. За последние два с половиной десятилетия предприятия российской атомной энергетики получили от внешних заказчиков весьма выгодные контракты, предполагающие не только ремонт, модернизацию и заправку действующих АЭС (АЭС «Богунце» в Словакии, АЭС «Козлодуй» в Болгарии, АЭС «Пакш» в Венгрии, др.), но и строительство новых реакторов типа ВВЭР. Так, усилиями российских ядерщиков стали сооружаться четыре энергоблока Тяньваньской АЭС в КНР (первый и второй сданы в эксплуатацию в 2010 г.); четыре энергоблока АЭС «Куданкулам» в Индии (первый и второй подключены к электросети в 2014 и 2016 гг. соответственно); три энергоблока АЭС «Бушер» в Иране (пуск первого реактора состоялся в 2010 г.); два энергоблока Белорусской АЭС. Кроме того, в ближайшей и среднесрочной перспективе «Росатом» приступит к возведению двух энергоблоков АЭС «Руппур» в Бангладеш, двух энергоблоков АЭС «Пакш» в Венгрии, четырёх энергоблоков АЭС «Аккую» в Турции, одного энергоблока АЭС «Ханхикиви-1» в Финляндии, двух энергоблоков АЭС «Ниньтхуан-1» во

Вьетнаме, четырёх энергоблоков АЭС «эд-Дабба» в Египте. В процессе согласования – ещё целый ряд проектов. При этом немаловажно отметить, что в области строительства быстрых реакторов (или реакторов на быстрых нейтронах), которые должны составить основу мировой атомной энергетики к 2050 г. Россия располагает самыми передовыми, причём уже апробированными технологиями (Белоярская АЭС).

С учётом приведённой выше информации, наверное, бессмысленно оспаривать успешность российских предприятий сферы мирного атома на международной арене. Однако принципиально важно отметить, что в постбиполярную эпоху продвижение интересов РФ на глобальном рынке атомной энергетики происходит не только в условиях жёсткой конкурентной борьбы с участием зарубежных, прежде всего западных корпораций, но и вопреки активному противодействию со стороны внешнеполитических и интеграционных институтов стран Запада. Данное противодействие заключается не только в политической поддержке западного отраслевого бизнеса, но и в создании условий, затрудняющих работу «Росатома» и его дочерних структур на определённых рынках. Наиболее отчётливо подобная практика проявляется в восточноевропейском регионе, где главным конкурентом «Росатома»^{*} выступает американско-японская корпорация Westinghouse. Контрольный пакет её акций с 2007 г. принадлежит японской Toshiba, однако штаб-квартира и основные активы по-прежнему остаются в США.

Справедливости ради следует отметить, что экспансия «Росатома» (и его предшественников)^{*} на зарубежные рынки, включая восточноевропейский, активно поддерживается российским государством, которое во второй половине 1990-х гг. – после неудачной попытки следования в фарватере Запада – включилось в соперничество с США и их союзниками, по большей мере навязанное противной стороной. Следуя официальной линии, российские госструктуры, включая министерства энергетики и иностранных дел, призваны укреплять позиции национальных компаний в качестве лидеров мировой энергетики и защищать их от дискриминации на внешних рынках⁴. «Росатом» и его дочерние структуры – в числе данных компаний, от успеха деятельности которых во многом зависит не только экономическое благополучие России, но и её геополитический вес. Причём речь здесь, конечно, идёт не о возможности шантажировать зарубежных клиентов российской атомной корпорации, а скорее об увеличении пассивного внешнеполитического веса РФ. Немаловажно отметить, что в западных СМИ нередко звучат более резкие оценочные формулировки. Так, обозреватель ведущей экономической газеты Франции пришёл к мнению, что «Росатом», реализующий новые проекты и расширяющий своё присутствие

⁴ В 1992-2007 гг. управление российской атомной энергетикой возлагалось соответственно на Министерство РФ по атомной энергии (до 2004 г.) и Федеральное агентство по атомной энергии (2004-2007 гг.) – прим. автора.

^{*} Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р) // Официальный сайт Министерства энергетики РФ. [Электронный ресурс]: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/> (Дата обращения: 05.12.2016).

в Европе и на Ближнем Востоке, превращается в инструмент влияния Кремля⁵. При желании аналогичные оценки вполне могут быть применены и ко многим конкурентам российской атомной корпорации, например, к Westinghouse или AREVA.

С учётом вышесказанного можно полагать, что Россия и страны Запада, прежде всего США, вовлечены в атомную энергетику для продвижения своих экономических интересов, выраженных в успешности бизнеса национальных корпораций данной сферы. Однако, в то же время они являются политическими соперниками, о чём свидетельствует общий контекст их взаимоотношений после окончания холодной войны. Поэтому можно также допускать, что Россия и страны Запада считают сферу мирного атома, генерирующую миллиарды долларов и являющуюся стратегическим источником энергии для многих стран мира, важнейшим с точки зрения соперничества геополитическим ресурсом.

Атомная энергетика Восточной Европы как яблоко раздора России и Запада

Согласно журналу *Forbes* (американская версия), с начала 2000-х гг. Westinghouse пытается добиться двух целей в Восточной Европе. Во-первых, «отобрать» у «Росатома», его главного конкурента, контракты на строительство новых энергоблоков. Во-вторых, стать поставщиком ядерного топлива для многочисленных реакторов российского (советского) производства типа ВВЭР, работающих или подлежащих запуску в целом ряде стран региона (Словакия, Чехия, Венгрия, Болгария, Украина). Для достижения своих целей американо-японская корпорация не стесняется опираться на поддержку Госдепартамента США и Еврокомиссии⁶, у которых есть свои собственные интересы и задачи в сфере европейской энергетики и политики. Иными словами, Westinghouse отчасти сам является инструментом в реализации европейской стратегии Запада.

Так, в марте 2012 г. власти Болгарии неожиданно отказались от весьма выгодного проекта с участием «Росатома» («Атомстройэкспорт») и Национальной энергетической компании (НЭК) Болгарии по сооружению АЭС «Белене» (два реактора типа ВВЭР мощностью 1000 МВт каждый). Более того, они поддержали строительство седьмого блока АЭС «Козлодуй» с одним реактором AP-1000 (мощность – 1000 МВт) по технологии Westinghouse. Такое ключевое решение премьер-министр Болгарии Бойко Борисов принял после посещения Софии госсекретарем США Хиллари Клинтон (февраль 2012 г.), а выбор американской компании в качестве подрядчика прошёл без соответствующих тен-

⁵ Dacquin P. La nouvelle armediplomatie russe qui derange // *Les Echos*. 2016. 16 Aout. [Электронный ресурс] <http://www.lesechos.fr/idees-debats/cercle/cercle-159585-nucleaire-russe-la-nouvelle-arme-diplomatique-qui-derange-2020923.php?PieeEzK7kARWUcWg.99> (Дата обращения: 25.11.2016).

⁶ Rapoza K. How Washington Is Fighting For Russia's Old Europe Energy Market // *Forbes*. 2016. 17 May. [Электронный ресурс]: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/05/17/washingtons-european-energy-security-boondoggle/#5fff8df962ef> (Дата обращения: 20.11.2016).

дерных процедур⁷. В октябре 2015 г. была рассекречена электронная переписка высокопоставленных сотрудников Госдепартамента США, которая имела место в марте 2012 г. Она недвусмысленно указывала на то, что Х. Клинтон и сотрудники её ведомства (в частности, специальный посланник по вопросам евразийской энергетики Ричард Морнингстар (Richard Morningstar)), активно побуждали болгарское правительство не только отказаться от проекта строительства АЭС «Белене», но и заключить ряд контрактов с Westinghouse, в том числе на заправку пятого и шестого реакторов типа ВВЭР, функционирующих на АЭС «Козлодуй»⁸.

Как предсказывали некоторые специалисты, политизация атомной энергетики Болгарии обернулась серьёзными проблемами для правительства Борисова. Проект возведения седьмого блока АЭС «Козлодуй», разработанный Westinghouse, оказался чрезмерно обременительным для болгарского бюджета, в том числе в сравнении российским альтернативным предложением. В марте 2015 г. все работы по проекту были заморожены, а глава кабинета министров Болгарии, следуя рекомендациям США, приступил к поиску зарубежных инвесторов с особым фокусом на Китайскую Народную Республику⁹. Немаловажно отметить, что в июне 2016 г. Арбитражный суд при Международной торговой палате в Женеве предписал болгарскому правительству выплатить свыше 600 млн долл. «Атомстройэкспорту» в качестве компенсации за отказ от проекта строительства АЭС «Белене»¹⁰.

Свои усилия по ограничению доминирующих позиций «Росатома» в Восточной Европе Еврокомиссия и стоящий за ней Госдепартамент США объясняют необходимостью решения двух важных, по их мнению, задач. Первая из них касается создания «конкурентного рынка» ядерных услуг в регионе, что должно, помимо прочего, положительно сказаться на ценах. Вторая задача уже связана с обеспечением энергетической безопасности стран-членов Евросоюза путём снижения их чрезмерной зависимости от ядерных технологий, услуг и топлива якобы политически ненадёжной России. Так, в мае 2014 г., спустя три месяца после силовой смены власти на Украине, Европейская комиссия опубликовала обновлённую Стратегию энергетической безопасности ЕС, в которой впервые была сформулирована недвусмысленная рекомендация всем членам Европейского союза в области ядерной энергетики. В стратегии отмечалось, что Россия не должна выступать единственным поставщиком топлива на АЭС стран ЕС, а

⁷ Forbes рассказал, как США пренебрегают безопасностью АЭС в Восточной Европе // РИА «Новости». 2016. 20 мая. [Электронный ресурс]: <http://ria.ru/world/20160520/1436884401.html> (Дата обращения: 20.11.2016).

⁸ Rapoza K. How Washington Is Fighting For Russia's Old Europe Energy Market // Forbes. 2016. 17 May. [Электронный ресурс]: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/05/17/washingtons-european-energy-security-boondoggle/#5fff8df962ef> (Дата обращения: 20.11.2016).

⁹ Козлодуй-7 – китайский вариант // AtomInfo.ru. 2015. 17 декабря. [Электронный ресурс]: <http://www.atominfo.ru/newsm/t0284.htm> (Дата обращения: 22.11.2016).

¹⁰ Россия и Болгария договорились о выплате долга за АЭС «Белене» // Interfax. 2016. 26 октября. [Электронный ресурс]: www.interfax.ru/business/534144 (Режим доступа: 10.11.2016).

условием для строительства новых российских реакторов на территории Евросоюза должно быть их будущее снабжение топливом из разных источников¹¹.

В данном контексте важно отметить, что Westinghouse – пока единственная компания, пытающаяся с начала 2000-х гг. производить топливные элементы для российских реакторов типа ВВЭР и тем самым потеснить «Росатом» на рынке стран ЦВЕ. Другие производители ядерного топлива, включая Siemens (Германия), AREVA (Франция) или CAMECO (Канада), не стали развивать данное направление бизнеса из-за высоких рисков. Как известно, топливные элементы, разработанные Westinghouse для ВВЭР, не раз показывали своё конструкторское несовершенство, из-за чего возникали нештатные ситуации в Чехии (АЭС «Темелин» в 2004 г., подробнее ниже) и на Украине (Южно-Украинская АЭС в 2012, 2015-2016 гг., Запорожская АЭС в 2016 г.). На АЭС других стран, где функционируют реакторы типа ВВЭР, топливные сборки Westinghouse пока не поставлялись.

В Чешской республике Westinghouse конкурирует с «Росатомом» сразу в нескольких областях. Во-первых, американско-японская корпорация получила контракт на заправку ядерным топливом энергоблоков №1 и №2 (тип ВВЭР) АЭС «Темелин», построенных и запущенных российскими специалистами в 2000 и 2002 гг. соответственно. Контракт был рассчитан на 2002-2010 гг. Однако, как уже было отмечено, в 2004 г. несовершенство топливныхборок Westinghouse дважды спровоцировало утечку воды из энергоблоков АЭС¹². Данные инциденты вынудили чешское правительство сменить поставщика ядерного топлива, заключив соглашение с компанией ТВЭЛ (дочерняя структура «Росатома»)* на период с 2010 по 2020 г. Как бы то ни было, но Westinghouse подобная ситуация, видимо, не устроила. В феврале 2016 г. Чехия, вероятно, поддавшись мощному лоббированию со стороны Вашингтона и Брюсселя, разрешила Westinghouse поставить шесть тестовых топливныхборок на АЭС «Темелин». Очевидно, это было сделано для восстановления репутации Westinghouse и, как следствие, создания предпосылок для замены ТВЭЛ в качестве основного поставщика ядерного топлива на станцию после 2020 г. Тем не менее, уже в сентябре 2016 г. произошла экстренная остановка второго энергоблока АЭС «Темелин», проработавшего на новом топливе всего сутки¹³. И хотя в СМИ не указывалась принадлежность установленных топливныхборок, их американское происхождение кажется весьма очевидным.

¹¹ European Energy Security Strategy. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council (COM (2014) 330 final), Brussels, 28.5.2014. P 16-17. [Электронный ресурс]: <http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/european-energy-security-strategy.pdf> (Дата обращения: 20.11.2016).

¹² На АЭС «Темелин» в Чехии произошла новая авария // Lenta.ru. 2004. 21 декабря. [Электронный ресурс]: <https://lenta.ru/world/2004/12/21/plant/> (Дата обращения: 28.11.2016).

* В Чехии действует ещё одна атомная станция – АЭС «Дукованы». С 1985-1987 гг. на станции работают четыре реактора типа ВВЭР-440. Поставщиком ядерного топлива на АЭС неизменно выступает российская сторона, сегодня ТВЭЛ – дочерняя структура «Росатома». Аварийных ситуаций с момента запуска станции не зафиксировано. – прим. автора.

¹³ В Чехии остановили АЭС «Темелин» после одного дня работы // РИА «Новости». 2016. 08 сентября. [Электронный ресурс]: <https://ria.ru/atomtec/20160908/1476373968.html> (Дата обращения: 11.11.2016).

Ещё одна область конкурентной борьбы – строительство энергоблоков №3 и №4 АЭС «Темелин». Данные реакторы модификации ВВЭР-1000 начали сооружаться ещё в 1985 г., но работы были остановлены в 1990 г. В 2005 г. правительство Чехии возобновило проект, а в 2009 г. объявило тендер на достройку или перестройку реакторов. Основное противоборство развернулось между российско-чешским консорциумом MIR.1200 в составе чешской SkodaJS, российских «Атомстройэкспорта» и ОКБ «Гидропресс» (обе – дочерние структуры «Росатома»), с одной стороны, и корпорацией Westinghouse, с другой. Российско-чешский проект, помимо своих стоимостных преимуществ, предполагал большую локализацию проекта (производство 70% оборудования и материалов на месте) и создание 9 тыс. рабочих мест в Чехии¹⁴. Альтернативный проект компании Westinghouse давал выгоду в основном только американской промышленности. Согласно публикациям СМИ, для повышения шансов Westinghouse на победу в тендере Вашингтон будто бы предложил Праге приобрести американские истребители F-16 на льготных условиях¹⁵.

В декабре 2012 г. Чехию с официальным визитом посетила Хиллари Клинтон. Одной из главных целей её поездки, что даже не скрывалось от СМИ, была поддержка бизнеса Westinghouse. Госсекретарь США пыталась убедить чешского премьер-министра Петра Нечаса (Petr Nečas) в том, что американская корпорация лучше других подходит на роль как подрядчика строительства четвёртого реакторов АЭС «Темелин», так и поставщика ядерного топлива для 1-го и 2-го блоков той же станции¹⁶. В июне 2013 г. П. Нечас, который, по некоторым оценкам, стал склоняться в пользу MIR.1200, был вынужден уйти в отставку из-за неожиданно возникшего коррупционного скандала с участием членов его кабинета. Тендер, единственным участником которого остался российско-чешский консорциум, был отмен по формальной причине: отсутствие достаточных финансовых средств в бюджете страны¹⁷.

Тем не менее, в июне 2015 г. правительство Чехии одобрило новый план развития ядерной энергетики в республике, предусматривающий сооружение как минимум одного энергоблока на каждой из двух действующих АЭС страны: «Дукованы» и «Темелин». К концу 2016 г. интерес к строительству новых реакторов в Чехии проявил целый ряд зарубежных компаний, включая «Росатом», Westinghouse, EDF (Франция), KHNP (Республика Корея), China General Nuclear

¹⁴ В случае победы консорциума «МИР.1200» в тендере на достройку АЭС «Темелин» в Чехии будут созданы 9 тыс. рабочих мест // Пражский телеграф. 2016. 20 июня [Электронный ресурс] // <http://ptel.cz/2013/03/v-sluchae-pobedy-konsorciuma-mir-1200-v-tendere-na-dostrojku-aes-temelin-v-chexii-budut-sozdany-9-tysyach-rabochix-mest/> (Дата обращения: 24.11.2016).

¹⁵ Хиллари Клинтон приехала в Чехию поддержать Westinghouse против российского Росатома // REGNUM. 2012. 3 декабря. [Электронный ресурс]: <https://regnum.ru/news/polit/1600270.html> (Дата обращения: 24.11.2016).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Rapoza K. How Washington Is Fighting For Russia's Old Europe Energy Market // Forbes. 2016. 17 May. [Электронный ресурс]: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2016/05/17/washingtons-european-energy-security-boondoggle/#5fff8df962ef> (Дата обращения: 20.11.2016).

Power (КНР), а также совместное предприятие AREVA (Франция) и Mitsubishi Atmea (Япония).¹⁸

В декабре 2014 г. правительства РФ и **Венгрии** подписали долгожданные документы о сооружении энергоблоков №5 и №6 АЭС «Пакш» с реакторами ВВЭР-1200. Это произошло вопреки огромному давлению на Будапешт и, в частности, премьер-министра страны Виктора Орбана со стороны Вашингтона и Брюсселя. Немаловажно, что Москва и Будапешт не только договорились начать строительство упомянутых энергоблоков в 2018 г., но и заправлять их российским топливом компании ТВЭЛ в течение двадцати лет после запуска реакторов.

Выбрав российского подрядчика, венгерское правительство вновь оказалось под прессингом. Во-первых, Брюссель указал венгерским властям на то, что контракт с ТВЭЛ нарушает принцип диверсификации поставщиков ядерного топлива, в частности, зафиксированный в уже упомянутой Энергетической стратегии ЕС. Как следствие, правительству В. Орбана было настоятельно рекомендовано договориться с альтернативными импортерами топливных элементов, в роли которых, как уже отмечалось, может выступить только американо-японская корпорация Westinghouse. В итоге был достигнут компромисс. Правительство Венгрии убедило Еврокомиссию в том, что контракт с ТВЭЛ способствует безопасному энергоснабжению Европы, а не усиливает энергозависимость Венгрии от России. Как следствие, в апреле 2015 г. Евроатом одобрил российско-венгерский контракт на поставки ядерного топлива для проекта «Пакш-2», однако изначальный срок контракта был сокращен до 10 лет¹⁹. Во-вторых, в январе 2016 г. власти ЕС начали расследование в отношении проекта «Пакш-2» сразу по нескольким пунктам: предоставление государственных субсидий проекту, общественный доступ к информации по его реализации, соблюдение норм госзакупок²⁰. Несмотря на все предпринятые усилия, расследование не выявило нарушений, и Европейская комиссия согласилась одобрить проект.

Описанное выше даёт веские основания предполагать, что в Венгрии Еврокомиссия фактически выступает проводником коммерческих интересов некой третьей стороны, а вопросы надёжности новых ядерных энергоблоков, а также сама экономическая целесообразность проекта имеют для неё второстепенное значение. В этой связи весьма показательны слова генерального директора АЭС «Пакш» Иштвана Хамваша, произнесённые им в мае 2016 г.: «Топливо, постав-

¹⁸ Шесть компаний намерены принять участие в строительстве энергоблоков для чешских атомных электростанций // Нефть России. 2016. 07 ноября. [Электронный ресурс]: <http://oilru.com/news/540648/> (Дата обращения: 18.11.2016).

¹⁹ ЕК подтвердила решение Евратома о поставках из России топлива для АЭС в Венгрии // Взгляд. 2015. 21 апреля. [Электронный ресурс]: <http://www.vz.ru/news/2015/4/21/741291.html> (Дата обращения: 15.11.2016).

²⁰ ЕС и Венгрия близки к урегулированию спора по проекту достройки АЭС «Пакш» // РИА «Новости». 2016. 9 сентября. [Электронный ресурс]: <https://ria.ru/atomtec/20160909/1476498584.html> (Дата обращения: 10.10.2016).

ляемое АО «ТВЭЛ», является отличным. ...Качество, надёжность и безопасность – определяющие показатели российского топлива»²¹.

В декабре 2004 г. был остановлен первый блок, в декабре 2009 г. – второй блок Игналинской АЭС. Закрытие АЭС было условием вступления Литвы в ЕС. В Европейском союзе полагали, что реакторы кипящего типа (РБМК-1500), работающие в Игналине, как и ранее в Чернобыле, небезопасны. В качестве компенсации Литве и другим затронутым прибалтийским странами было предложено построить Висагинскую АЭС с более надёжными агрегатами. Работа над этим проектом началась в 2009 г. Если не вдаваться во все детали конкурентной борьбы, в которой шансы «Росатома» по понятным политическим причинам были практически равны нулю, можно отметить следующее. После неудачных тендерных процедур в июне 2011 г. американско-японские корпорации Westinghouse и Hitachi-General Electric, ранее не участвовавшие в конкурсе, неожиданно объявили о своей готовности выступить в роли стратегических инвесторов строительства Висагинской АЭС. В итоге единственным стратегическим инвестором была названа Hitachi-General Electric, которая, как это ни парадоксально, должна была соорудить в Литве новый реактор кипящего типа, правда улучшенной модификации (ABWR). Тем не менее, все точки над *i* поставил плебисцит, состоявшийся 14 октября 2012 г. в Литве. 65% граждан этой страны не поддерживали саму идею сооружения АЭС. И хотя США и Япония после референдума продолжили активно лоббировать проект, реальных перспектив с 2012 г. он не обрёл. Таким образом, выдавливание «Росатома» с прибалтийского рынка не принесло желаемых дивидендов её конкурентам. Немалую роль в замораживании проекта строительства Висагинской АЭС сыграл тот факт, что «Росатом» приступил к возведению двух АЭС в непосредственной близости от стран Балтии: Балтийская АЭС в Калининградской области (закладка первого камня состоялась в феврале 2010 г., а основной этап строительных работ начался в апреле 2011 г., запуск намечен на 2020 г.) и Белорусская АЭС (недалеко от города Островец Гродненской области, основной этап строительный работ начался весной 2014 г., запуск намечен на 2018 г.).

В качестве главного вывода следует отметить следующее. С теоретической точки зрения под «международной конкуренцией» (competition) следует понимать некое абстрактное, деполитизированное состязание государств и иных международных акторов за некие ограниченные (преимущественно экономические) блага. «Международное соперничество» (rivalry) – это в большей мере политический процесс, обязательно предполагающий наличие соперничающих пар государств (или их групп), которые в течение относительно длительного времени состязаются друг с другом не столько за некие блага, сколько с целью

²¹ Генеральный директор АЭС «Пакш»: качество, надёжность и безопасность – определяющие показатели российского топлива // ГК «Росатом». 2016. 31 мая. [Электронный ресурс]: <http://www.rosatom.ru/journalist/news/generalnyy-direktor-aes-paksh-kachestvo-nadezhnost-i-bezopasnost-opredelyayushchie-pokazateli-rossiy/> (Дата обращения: 14.11.2016)

расширения своего пространства или власти, в том числе в логике игры с нулевой сумой. Таким образом, «международную конкуренцию» допустимо считать составной частью «международного соперничества», если последнее имеет место.

В современную эпоху атомная энергетика – в силу своей стратегической значимости – вполне может рассматриваться не только как сфера бескомпромиссной конкурентной борьбы отраслевых компаний и отдельных стран, желающих получить определённые экономические «дивиденды», но и как область международного соперничества (*rivalry*) России – США/Запад, рассчитывающих за счёт доминирования в сфере мирного атома упрочить свои геополитические позиции в различных регионах мира.

На примере рынка атомной энергии Восточной Европы можно убедиться в том, что в данном регионе с российским «Росатомом» активно конкурирует группа зарубежных атомных корпораций, из которой особенно выделяется Westinghouse. Эта частная американско-японская корпорация опирается на внешнеполитическую поддержку Госдепартамента США и Еврокомиссии, которые в свою очередь могут воспринимать Westinghouse в качестве инструмента своей политики в соперничестве с РФ. Основная цель подобного «государственно-частного партнёрства» – минимизировать присутствие России на рынке атомных услуг Восточной Европы как в сфере строительства новых реакторов, так и обслуживания действующих энергоблоков. Российское государство, постепенно включившееся после распада Советского Союза в соперничество со странами Запада, также пытается поддерживать зарубежную экспансию «Росатома», стремясь получить от этого существенные экономические и геополитические дивиденды, прежде всего в контексте соперничества с Западом. В перспективе 2017-2021 гг. ключевым является вопрос, насколько Администрация Д. Трампа сохранит линию поведения предшественников как в области соперничества с Россией, так и продвижения коммерческих интересов американских предприятий, работающих в сфере мирного атома.

Список литературы

1. История международных отношений: в 3-х т. / под общ. ред. А.В. Торкунова, М. М. Наринского, Т. З. М.: Аспект Пресс, 2012. 553 с.
2. Наринский М.М. История международных отношений. 1945-1975. М.: РОСПЭН, 2004. 264 с.
3. Christensen T. *Useful Adversaries*. N.J.: Princeton University, 1996. 352 p.
4. Diehl P., Goertz G. *War and Peace in International Rivalry*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. 336 p.
5. *Energy of the Future? Nuclear energy in Central and Eastern Europe* / edited by K. Polanecký, J. Haverkamp. Prague: Heinrich-Böll-Stiftung Praha, 2011. 60 p. URL: https://cz.boell.org/sites/default/files/energy_of_the_future.pdf (accessed: 27.03.2017).
6. Garthoff R. *Detente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington D.C.: Brookings IP, 1994. 1206 p.
7. Gheorghe E. Building détente in Europe? East-West trade and the beginnings of Romania's nuclear programme, 1964–70 // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 13 June 2014. Pp. 235-253. DOI:

- 10.1080/13507486.2014.888706 (accessed: 25.02.2017).
8. Glaser C. Rational theory of international politics: the logic of competition and cooperation. New Jersey: Princeton University, 2010. 328 p.
 9. Hensel P. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry // Conflict Management and Peace Science. 1999. Vol. 17. No. 2. Pp. 175-206.
 10. Josephson P. Red Atom: Russia's Nuclear Power Program From Stalin To Today. (Pitt Russian East European). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2005. 352 p.
 11. Kraev K. Russia's nuclear energy expansion – a geopolitical footprint? // New Eastern Europe. 28 June 2016. URL: <http://www.neweasterneurope.eu/interviews/2040-russia-s-nuclear-energy-expansion-a-geopolitical-footprint>
 12. Scott B. Security, Bargaining, and the End of Interstate Rivalry // International Studies Quarterly. 1996. No.:40 (2). Pp. 157-183.
 13. Sturm R. Nuclear Power in Eastern Europe: Learning or Forgetting Curves? Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2004. Available at: <https://www.rand.org/pubs/reprints/RP213.html>
 14. The Image of the Enemy: Intelligence Analysis of Adversaries since 1945. Ed. by P. Maddrell. Washington: Georgetown University Press, 2015. 312 p.
 15. Thompson W. Principal Rivalries // Journal of Conflict Resolutions. 1995. No.39. Pp. 195-223.
 16. Wright Q. Problems of Stability and Progress in International Relations. Berkeley: University of California Press, 1954. 378 p.
 17. Yarhi-Milo K. Knowing the Adversary: Leaders, Intelligence, and Assessment of Intentions in International Relations. New Jersey: Princeton University Press, 2014. 360 p.

Об авторе:

Юрий Викторович Боровский – к.ист.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: yuribor@mail.ru.

INTERNATIONAL RIVALRY IN THE ENERGY SECTOR: THE EASTERN EUROPEAN MARKET OF ATOMIC ENERGY IN FOCUS

Y.V. Borovsky
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-114-129

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: In the post-bipolar world nuclear power has become one of the areas of competition and rivalry between Russia and the West. The comprehensive analysis of theoretical publications allows us to consider international competition as an abstract, depoliticized contest of states and other international actors (including companies) for some limited (mainly economic) benefits. International rivalry is more a political process, necessarily involving some rival pairs of states (or groups of states) that compete with each other not only to get some benefits, but to expand their territory or power.

The competition and rivalry between Russia and the West in the sphere of nuclear power are especially apparent in the Eastern European region where the American, European and Japanese corporations, with the support of the Western foreign ministries and EU institutions, try to achieve two main goals. The first goal is to win the contracts to build new power units,

especially in tenders where Rosatom participates. The second goal is to become suppliers of nuclear fuel for multiple Russian- or Soviet-made VVER-type reactors, which are functioning or will be run in a number of countries in the region (Slovakia, Czech Republic, Hungary, Bulgaria, and Ukraine). Such activities can involve high risks. The West's efforts to curb the dominant position of "Rosatom" in Eastern Europe are formally associated with the need to create a "competitive market" of nuclear services in the region and to ensure the European energy security. It is also noteworthy that the expansion of Rosatom (and its predecessors) to foreign markets, including Eastern Europe, is actively supported by the Russian state which in the second half of the 1990s – after a failed attempt of following in the footsteps of the West – joined in the rivalry, mostly imposed by the U.S. and their allies.

As shown by the analysis, Russia and the West, primarily the United States, are involved in the nuclear power sector to advance their economic interests, expressed in the success of their national corporations. However, they are also political rivals that consider the nuclear power industry generating billions of dollars and supplying energy to many countries as one of important geopolitical resources.

Key words: nuclear energy, energy policy of Russia, EU energy policy, US energy policy, Eastern Europe, international rivalry, energy security.

References

1. *Istoria mezhdunarodnykh otnoshenii* [The History of international Relations]. In 3 vol, Ed. by A.V. Torkunov, M.M. Narinsky. Moscow, Aspect Press Publ., 2012. Vol. 3. 553 p. (In Russian)
2. Narinsky M.M. *Istoria mezhdunarodnykh otnoshenii. 1945-1975* [The History of international Relations. 1945-1975]. Moscow, ROSPEN Publ., 2004. 264 p. (In Russian)
3. Christensen T. *Useful Adversaries*. New Jersey, Princeton University Publ., 1996. 352 p.
4. Diehl P., Goertz G. *War and Peace in International Rivalry*. Ann Arbor, University of Michigan Press Publ., 2001. 336 p.
5. *Energy of the Future? Nuclear energy in Central and Eastern Europe*. Ed. by K. Polanecký, J. Haverkamp. Prague, Heinrich-Böll-Stiftung Praha Publ., 2011. 60 p. Available at: https://cz.boell.org/sites/default/files/energy_of_the_future.pdf (accessed: 27.03.2017).
6. Garthoff R. *Detente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington D.C., Brookings IP Publ., 1994. 1206 p.
7. Gheorghe E. Building détente in Europe? East-West trade and the beginnings of Romania's nuclear programme, 1964–70. *Revue européenne d'histoire*, 13 June 2014, pp. 235-253. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/13507486.2014.888706> (accessed: 25.02.2017).
8. Glaser C. *Rational theory of international politics: the logic of competition and cooperation*. New Jersey, Princeton University Publ., 2010. 328 p.
9. Hensel P. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry. *Conflict Management and Peace Science*, 1999, vol. 17, no. 2, pp.175-206.
10. Josephson P. *Red Atom: Russias Nuclear Power Program From Stalin To Today. (Pitt Russian East European)*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press Publ., 2005. 352 p.
11. Kraev K. Russia's nuclear energy expansion – a geopolitical footprint? *New Eastern Europe*, 28.06.2016. Available at: <http://www.neweasterneurope.eu/interviews/2040-russia-s-nuclear-energy-expansion-a-geopolitical-footprint>
12. Scott B. Security, Bargaining, and the End of Interstate Rivalry. *International Studies Quarterly*, 1996, no.:40 (2), pp. 157-183.
13. Sturm R. *Nuclear Power in Eastern Europe: Learning or Forgetting Curves?* Santa Monica, California, RAND Corporation, 2004. Available at: <https://www.rand.org/pubs/reprints/RP213.html>.

14. *The Image of the Enemy: Intelligence Analysis of Adversaries since 1945*. Ed. by P. Maddrell. Washington, Georgetown University Press Publ., 2015. 312 p.
15. Thompson W. Principal Rivalries. *Journal of Conflict Resolutions*, 1995, no. 39, pp. 195-223.
16. Wright Q. *Problems of Stability and Progress in International Relations*. Berkeley, University of California Press Publ., 1954. 378 p.
17. Yarhi-Milo K. *Knowing the Adversary: Leaders, Intelligence, and Assessment of Intentions in International Relations*. New Jersey, Princeton University Press Publ., 2014. 360 p.

About the author:

Yury V. Borovsky – PhD in History Science, associate professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO–University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: yuribor@mail.ru.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ ДЛЯ УГОЛЬНЫХ ТЭС В ЕВРОПЕ?

А.В. Зимаков

Национальный исследовательский институт Мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук

В статье рассматривается политика и практика стран ЕС в отношении роли угля в энергетике. Угольные ТЭС считаются одними из наиболее экологически «грязных» предприятий, в то время как экологическая политика Евросоюза предполагает сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу. В этой связи ряд европейских стран (Бельгия, Австрия, Португалия, Дания, Финляндия, Швеция, Франция, Великобритания) взяли курс на отказ от угольных ТЭС и достаточно успешно продвигаются в этом направлении, замещая угольные электростанции другими источниками электроэнергии. Вместе с тем в других странах Евросоюза (Ирландия, Нидерланды, Италия, Хорватия, Словения, Словакия) вопросу отказа от сжигания угля при производстве электроэнергии уделяется меньше внимания, а аналогичные процессы развиваются значительно медленнее. При этом наличие в стране угольной промышленности может быть существенным сдерживающим, если не блокирующим фактором. Такая ситуация характерна для Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехии, Греции, Польши. Интересен пример Германии, правительство которой осуществляет трансформацию энергетики от традиционной к экологически чистой и в рамках этого процесса сокращает долю угля в производстве электроэнергии при существующей развитой угольной промышленности. Успешная реализация Германией этого процесса может стать моделью трансформации для других стран ЕС, располагающих развитой угольной промышленностью. Проведённый анализ политических и экономических (на уровне предприятий) процессов в отношении угольной генерации в странах ЕС позволяет сделать вывод о перспективах угольных ТЭС в Европе. Отсутствие единства подходов и условий в разных странах позволит угольным ТЭС удержать долю рынка в среднесрочной перспективе, однако в долгосрочной перспективе можно ожидать существенного сокращения угольной генерации в Евросоюзе, в том числе в странах, традиционно ориентированных на добычу и сжигание угля на электростанциях.

Ключевые слова: энергетика ЕС, угольные электростанции, угольная промышленность, ТЭС, экологическая политика Евросоюза, зелёная энергетика, отказ от атомной энергии, атомная энергетика, ВИЭ.

УДК 339.977, JEL Q42, Q47

Поступила в редакцию 01.09.2017 г.

Принята к публикации 01.10.2017 г.

Энергетика ЕС находится в процессе глубокой структурной трансформации, охватывающей как изменения в сетевом хозяйстве, так и сдвиги в системе генерирующих мощностей. Основным драйвером этих процессов выступает системная экологическая политика Еврокомиссии и стран-членов ЕС, направленная на повышение качества окружающей среды. Эта политика, находящаяся в русле международного тренда, получившего отражение в Парижском соглашении, задаёт странам определённые целевые показатели, для достижения которых необходимы меры по снижению выбросов вредных веществ в атмосферу. На уровне ЕС это, прежде всего, программа «20/20/20» 2009 г., предусматривающая снижение к 2020 г. уровня выбросов на 20%¹ (от уровня 1990 г.), а также принятая в 2014 г. стратегия, устанавливающая показатель снижения уровня выбросов парниковых газов минимум ещё на 20% к 2030 г.

Достижение этих целей напрямую увязывается с различными структурными преобразованиями в секторе генерации электроэнергии, который как в Европе, так и в мировых масштабах традиционно имеет большую долю в выбросах парниковых газов: по оценкам МЭА², доля выбросов предприятий энергетики в мировом масштабе составляет 68%.

Угольные ТЭС в прицеле европейской политики

Основные усилия европейской политики направлены на развитие экологически чистой генерации из возобновляемых источников энергии (ВИЭ), прежде всего ветровой и солнечной, а также биомассы. В упомянутых выше программных документах закреплён целевой показатель по доле зелёной энергетики в 20% и 27% соответственно. Вместе с тем увеличение доли ветровой и солнечной генерации в «энергомиксе» хоть и не приводит к приросту выбросов парниковых газов, не гарантирует само по себе снижения уровня выбросов. Для достижения целевого показателя по сокращению выбросов требуется повышение энергоэффективности – третий столп экологической политики ЕС. Однако только за счёт повышения энергоэффективности достичь целей по снижению выбросов вредных веществ в атмосферу к 2020 г., очевидно, не получится. Необходимы более радикальные меры, включающие в себя модернизацию или закрытие экологически вредных производств.

В энергетике (да и в промышленности в целом) одним из наиболее экологически грязных источников энергии считается уголь. Каменный и бурый уголь используются для производства электроэнергии на тепловых электростанциях и ответственны, например, в Германии за 40% всех выбросов вредных веществ в

¹ Здесь и далее по тексту снижение выбросов вредных веществ в атмосферу измеряется в процентах к уровню, зафиксированному в 1990 г.

² CO₂ EMISSIONS FROM FUEL COMBUSTION Highlights (2016 edition). IEA, 2016, p. 9 [Электронный ресурс] http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/CO2EmissionsfromFuelCombustion_Highlights_2016.pdf (дата обращения: 01.09.2017 г.)

атмосфере. По данным Европейской схемы торговли квотами на выброс парниковых газов за 2016 г., угольные ТЭС образуют «костяк» десятки наиболее экологически грязных предприятий Европы (см. табл. 1) Закономерно, что угольные электростанции всё чаще попадают в прицел национальных экологических политик стран ЕС.

Таблица 1. «Антирейтинг» европейских предприятий с наихудшими показателями по выбросу парниковых газов в атмосферу в 2016 г.

Table 1. «Anti-rating» of European enterprises with the worst indicators for the emission of greenhouse gases into the atmosphere in 2016.

Предприятие (страна)	Выбросы CO ₂ , млн т
PGE GiEK S.A. Oddział Elektrownia Bełchatów (Белхатувская ТЭС, Польша)	34,9
Kraftwerk Neurath (ТЭС Нойрат, Германия)	31,3
Kraftwerk Niederaußem (ТЭС Нидераузем, Германия)	24,8
Kraftwerk Weisweiler (ТЭС Вайсвайлер, Германия)	18,7
Elektrownia Kozienice (ТЭС Козенице, Польша)	12,0
Centrale Termoelettrica Di Torrevadalliga Nord (ТЭЦ Торревальдалига Норд, Италия)	10,2
TPP MARITSA EAST 2 EAD (ТЭЦ Марица Изток 2, Болгария)	9,6
ΑΤΜΟΗΛΕΚΤΡΙΚΟΣ ΣΤΑΘΜΟΣ ΑΗΣ ΑΓΙΟΥ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ (ТЭС Айос Димитриос, Греция)	9,1
U.S. Steel Košice, s.r.o. (сталелитейный комбинат Кошице, Словакия)	8,9
Voestalpine Stahl Linz (сталелитейный комбинат Линц, Австрия)	8,7

Источник: данные реестра Европейской схемы торговли квотами на выбросы парниковых газов https://ec.europa.eu/clima/policies/ets/registry_en#tab-0-1.

Увеличение в «энергомиксе» доли ветровой и солнечной генерации предъявляет новые требования к сетевому хозяйству, которое должно трансформироваться из традиционной схемы, созданной под относительно стабильные и достаточно централизованные источники электроэнергии, в новую «умную» сеть, способную гибко реагировать на изменчивый и более распределённый характер зелёной энергетики. Это требование, в свою очередь, обуславливает конфликт между «инертными» генерирующими мощностями, такими как АЭС и ТЭС, и зелёной генерацией. Этот фактор также оказывает некоторое политическое давление на ТЭС.

На протяжении последнего десятилетия требование отказа от угольных электростанций находится в повестке широкого спектра европейских экологических движений и политических сил, однако до настоящего времени в ЕС нет единой политики по этому вопросу (за исключением принятого в 2008 г. решения об ограничении выбросов новых угольных ТЭС мощностью свыше 300 МВт, что фактически делает невозможным строительство ТЭС по старой технологии без системы очистки). Суммарно по 28 странам ЕС доля каменного

и бурого угля в генерации составляет 25%³. Однако по отдельным странам доля угольных ТЭС существенно различается, поэтому национальные правительства изначально находятся в неодинаковых условиях. Вместе с тем на европейском пространстве можно проследить ряд тенденций в отношении национальных правительств стран ЕС к угольной генерации.

Отказ от угольной генерации

Ряд стран пришли к пониманию, что угольные ТЭС плохо совместимы с целями экологической политики ЕС и предпринимают шаги по сокращению количества таких электростанций вплоть до полного отказа от использования угля в энергетике.

Бельгия на протяжении двух десятилетий планомерно сокращала долю угольных ТЭС, преимущественно за счёт строительства газовых электростанций. Существующие угольные ТЭС либо постепенно закрывались, либо модернизировались для перехода на сжигание биомассы. Последняя угольная электростанция «Генк-Лангерло» была закрыта в апреле 2016 г. с последующей возможной модернизацией для биомассы. Тем самым Бельгия фактически отказалась от угля в «энергомиксе», пройдя путь сокращения его доли с 27% в 1990-е гг. до нуля. В итоге Бельгия присоединилась к странам ЕС, не имеющим угольных ТЭС. Это Кипр, Латвия, Литва, Эстония, Люксембург и Мальта.

Австрия также последовательно сокращала мощности угольной генерации на протяжении последних лет. По состоянию на 2015 г. в Австрии имелось только три угольных ТЭС общей мощностью 792 МВт. В 2016 г. была закрыта ТЭС «Ридерсбах» мощностью 168 МВт, а также один энергоблок ТЭС «Дюрнрор». Оставшийся в работе энергоблок ТЭС «Дюрнрор» будет выведен из эксплуатации к 2025 г. Ещё одна ТЭЦ «Меллах» планируется к выводу из эксплуатации к 2020 г.

В случае Бельгии и Австрии отказ от угольной генерации не был шагом, инициированным и проводимым правительствами стран. Основными движущими силами стали сами предприятия энергетики, а стимулами для них послужили рамочные условия и рыночные механизмы, делающие предпочтительными инвестиции в зелёную генерацию, либо в более экономически эффективные газотурбинные технологии. Показателен в этом плане «энергомикс» Австрии, в котором доля ВИЭ в производстве электроэнергии составляет свыше 70%⁴. При этом на ТЭС (преимущественно газовые) приходится 22%.

В схожем русле развивается ситуация в Португалии, где рост генерации из возобновляемых источников постепенно вытесняет традиционные электростанции. Если в 2005 г. доля зелёной генерации составляла всего 16%, то в 2014 г. – 62,7% (на долю угля приходилось 22,2%), а в 2016 г. в определённые

³ Overview of electricity production and use in Europe. European Environment Agency, 2016. P. 8.

⁴ По данным Союза энергетики Австрии [Электронный ресурс] <http://oesterreichsenergie.at/daten-fakten-zur-stromerzeugung.html> (Дата обращения: 10.10.2017.)

отрезки времени зелёная энергетика обеспечивала 100% потребления электроэнергии в стране. Две действующие угольные ТЭС (1985 и 1993 гг. постройки), очевидно, будут работать, пока не выработают ресурс, либо их эксплуатация перестанет быть экономически целесообразной. Министерство окружающей среды Португалии ожидает⁵, что они будут выведены из эксплуатации до 2030 г. Рекорд в 100% обеспечения зелёной генерации происходил в пик сезона дождей, когда водохранилища ТЭС имели избыток гидроресурсов. В засушливый летний сезон, а также при безветрии ТЭС пока что остаются важным источником энергии. Очевидно, что с выбытием этих мощностей энергосистема будет более зависима от импорта электроэнергии в случае нехватки электроэнергии ВИЭ в силу природных факторов. В этой связи в стране рассматриваются планы увеличения мощностей газовых ТЭС.

В Дании, которая относится к числу лидеров ЕС по развитию зелёной энергетике, вопрос об отказе от угля уже давно поднимается на правительственном уровне. В «Энергетической стратегии 2050», принятой в 2011 г., закреплена цель обеспечить переход на 100%-ое производство электроэнергии из возобновляемых источников к 2050 г., что означает постепенный отказ от угольных и газовых ТЭС. При этом угольные ТЭС планировалось вывести из эксплуатации до 2030 г. Возможно, это произойдёт даже раньше. В феврале 2017 г. государственная энергетическая компания DONG Energy заявила о намерении перевести к 2023 г. имеющиеся угольные ТЭС на сжигание биомассы. А согласно прогнозам сетевого оператора Energinet.dk, большая часть малых децентрализованных ТЭС будет переведена на биотопливо или закрыта к 2021 г. в связи с отменой субсидирования местного теплоснабжения с 2018 г. В правительстве обсуждается план сдвинуть срок отказа от угольной генерации с 2030 на 2025 г.

Отказ от угля при производстве электроэнергии стал одной из целей государственной стратегии развития энергетики Финляндии. По состоянию на 2016 г. доля угольных ТЭС в генерации составляет 9%⁶. Согласно программе⁷, одобренной в ноябре 2016 г., большинство угольных ТЭС планируется закрыть к 2030 г. По планам правительства, к этому сроку останется в эксплуатации только одна ТЭС. Постановления правительства, запрещающие строительство новых угольных электростанций, а также стимулы по закрытию или модернизации старых, будут подготовлены в ближайшем будущем.

В соседней Швеции в эксплуатации находятся, по разным данным, не более трёх небольших ТЭЦ на угле, доля которых в производстве электроэнергии невелика по сравнению с основными источниками электроэнергии: ГЭС и АЭС.

⁵ Ministro acredita ser possível centrais deixarem de usar carvão antes de 2030. El Observador. 29.11.2016 [Электронный ресурс] <http://observador.pt/2016/11/29/ministro-acredita-ser-possivel-centrais-deixarem-de-usar-carvao-antes-de-2030> (Дата обращения: 10.10.2017)

⁶ По данным статистического ведомства Финляндии [Электронный ресурс] https://www.stat.fi/til/ehk/2016/04/ehk_2016_04_2017-03-23_tie_001_en.html (Дата обращения: 10.10.2017)

⁷ Government report on the National Energy and Climate Strategy for 2030 [Электронный ресурс] <http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/79247> (Дата обращения: 10.10.2017)

Это предприятия, главной целью которых является центральное теплоснабжение. Учитывая агрессивные планы парламента по отказу от использования ископаемых видов топлива к 2045 г. (соответствующий закон должен вступить в силу 1 января 2018 г.), следует ожидать, что угольные ТЭЦ в ближайшее время будут модернизированы и переведены на биотопливо.

В ноябре 2016 г. президент Франции заявил о планах закрыть угольные электростанции до 2023 г. Это реально в стране, где три четверти генерации обеспечивают АЭС. На протяжении последних десяти лет во Франции было закрыто более половины имевшихся угольных электростанций. Только в 2015 г. были выведены из эксплуатации семь энергоблоков общей мощностью 1758 МВт. На начало 2017 г. общая установленная мощность угольных ТЭС во Франции составляла всего 2997 МВт (для сравнения: общая мощность АЭС 63130 МВт, а ветровых электростанций 11652 МВт)⁸. Из четырёх действующих ТЭС две должны были быть выведены из эксплуатации до 2025 г. Проблему представляют ТЭС в Гавре и Кордме – крупные ТЭС, способные функционировать до 2035 г. Тем не менее, под влиянием налогообложения и политическим давлением, EDF (владелец ТЭС) рассматривает варианты перевода этих электростанций на сжигание биомассы местного происхождения.

Наконец, Великобритания, пока ещё член ЕС, в ноябре 2016 г. объявила о намерении к 2025 г. отказаться от угольной генерации⁹. Эта инициатива правительства прошла общественные консультации, но конкретных шагов не было предпринято, и с учётом внешних факторов, включая выход из ЕС, неизвестно, будет ли она реализована. Доля угля в производстве электроэнергии в стране составляет около 22%. На протяжении последних лет количество угольных электростанций сокращается, в 2016 г. закрылась последняя угольная ТЭС в Шотландии. Согласно некоторым сценариям, все угольные электростанции будут закрыты к 2023 г. без вмешательства правительства. Всего в эксплуатации пока находятся восемь ТЭС общей мощностью 13,9 ГВт.

Европа разных скоростей

Ряд стран ЕС имеет относительно небольшое количество угольных ТЭС. Поэтому отказ от использования угля в энергетике, на первый взгляд, не выглядит для них затруднительным. Однако, как обычно, всё зависит от конкретных условий.

В Ирландии есть одна ТЭС «Манипойнт» мощностью 915 МВт – крупнейшая электростанция в стране. Построенная в 1985–1987 гг. и модернизированная в 2000-е гг., она по-прежнему играет заметную роль в энергогенерации. И хотя с

⁸ По данным французского сетевого оператора RTE [Электронный ресурс]. <http://www.rte-france.com/en/eco2mix/chiffres-cles-en> (Дата обращения: 10.10.2017)

⁹ Coal generation in Great Britain: The pathway to a low-carbon future. Consultation. 2016 [Электронный ресурс]. <https://www.gov.uk/government/consultations/coal-generation-in-great-britain-the-pathway-to-a-low-carbon-future> (Дата обращения: 10.10.2017)

1990 г. доля угля существенно снизилась в пользу газа и зелёной энергетики, ТЭС «Манипойнт» обеспечивает около 20–25% производства электроэнергии в Ирландии¹⁰. С учётом проведённой модернизации её срок службы ориентировочно должен подойти к концу около 2025 г. Конкретных планов по её закрытию или конвертации в обозримой перспективе не анонсировалось, хотя Министерство окружающей среды неоднократно заявляло о необходимости отказа от углеводородного сырья в генерации электроэнергии. Вместе с тем в Ирландии существует стратегия, ставящая своей целью достичь 80% зелёной генерации к 2050 г. В начале 2017 г. парламент проголосовал за запрет на финансирование из государственных фондов проектов производств, основанных на угле, нефти или газе.

В сложном положении оказались Нидерланды. В стране давно идут политические дискуссии о необходимости принятия более решительных мер по достижению экологических целей, таких как закрытие угольных ТЭС. В 2016 г. парламент принял резолюцию с призывом сократить до 55% выбросов CO₂ к 2030 г., чего невозможно достичь без остановки действующих угольных электростанций. Однако здесь есть проблема. С одной стороны, в 2016 г. были закрыты четыре угольных ТЭС, пятая (вернее, два старых энергоблока «Маасвлакте» 1 и 2) должна быть выведена из эксплуатации 2017 г. Вместе с тем в 2015–2016 гг. вошли в строй три новых угольных ТЭС суммарной мощностью, превышающей мощность закрытых электростанций. Строительство каждой из них обошлось примерно в 1,5 млрд евро, и закрыть современные новые предприятия, отвечающие строгим экологическим нормам, непросто. Переговоры с энергетическими концернами и политическими силами по выработке компромиссного решения пока не принесли результатов.

Доля генерации угольных ТЭС в Италии держится на стабильном уровне около 15%, причём динамика последних лет не сильно затронула уголь: шло замещение нефтепродуктов газом и ВИЭ. Выбытие старых угольных электростанций не сопровождалось строительством новых за редкими исключениями: например, завершённая в 2010 г. модернизация ТЭЦ «Торревальдалига Норд» из мазутной в угольную (эта ТЭЦ занимает шестую строчку в «антирейтинге» самых «грязных» предприятий в Европе, см. табл. 1). Правительство не предлагало инициатив по сокращению угольной генерации, хотя шансы для более активного движения в этом направлении у страны есть. В Италии осталось 11 электростанций на угле, из них пять мощностью свыше 950 МВт. Преимущественно это старые электростанции, срок эксплуатации которых закончится в ближайшее десятилетие. При этом главный эксплуатант угольных ТЭС в стране – компания «Энел» – взяла курс на развитие зелёной генерации и отказ от ископаемых видов топлива. Глава концерна в совместном интервью с руководителем «Гринпис Интернешнл» в октябре 2015 г. высказал мнение, что новейшая ТЭС «Торревальдалига Норд» вряд ли выработает целиком свой сорокалетний

¹⁰ Energy Statistics 1990 – 2015. Sustainable Energy Authority of Ireland, 2016 [Электронный ресурс]. http://www.seai.ie/Publications/Statistics_Publications/Energy-Statistics/Energy-Statistics-1990-2015.pdf (Дата обращения: 10.10.2017)

ресурс и скорее всего будет остановлена до 2030 г., а сам концерн прекратит производство электроэнергии из ископаемых видов топлива к 2050 г.¹¹ Однако конкретных шагов в этом направлении пока не последовало.

В Хорватии единственная угольная ТЭС «Пломин» мощностью 210 МВт изначально играла значимую роль в электроснабжении страны. Её первый энергоблок, построенный в 1960-е гг., уже выработал свой ресурс, поэтому должен быть либо остановлен, либо модернизирован. Одновременно встал вопрос о строительстве третьего блока с увеличением общей мощности ТЭС на 500 МВт. Несмотря на сопротивление общественности, правительство активно продвигало проект. Несколько лет шли переговоры с потенциальными инвесторами, среди которых наиболее вероятным считалась японская «Марубени». Однако с вхождением в состав правительства известной своей жёсткой позицией по экологическим вопросам партии «Мост» (выборы состоялись в 2015 г.), в 2016 г. реализация проекта по строительству третьего энергоблока была отложена. Новое правительство делает ставку на развитие зелёных технологий, в первую очередь, гидроэнергетики: страна производит большую часть электроэнергии за счёт гидроэлектростанций. Министр экологии увязывает перспективы проекта с выработкой новой национальной энергетической стратегии. Прежняя энергетическая стратегия, обнародованная в 2009 г., разрабатывалась до вступления страны в ЕС (2013 г.), поэтому не полностью учитывала требования европейской экологической политики. Можно предположить, что в первоначальном виде проект строительства фактически новой ТЭС на импортном угле не будет реализован. Имеющиеся энергоблоки ТЭС «Пломин» к настоящему моменту уже не играют значительной роли в энергобалансе страны.

В другой балканской стране ЕС – Словении – угольные ТЭС играют существенную роль. В 2016 г. доля угля в производстве электроэнергии снизилась до 17% вследствие вывода из эксплуатации в 2014–2016 гг. ТЭС «Трбовле». Эта электростанция зависела от поставок бурого угля из шахт Трбовльского месторождения, которые были закрыты в те же годы, поэтому эксплуатация электростанции без субсидирования оказалась нерентабельной. ТЭЦ в Любляне, также ранее использовавшая бурый уголь из Трбовле, перешла на поставки импортного угля. ТЭС «Шоштань», использующая бурый уголь, добываемый в Веленье, будет функционировать по меньшей мере до закрытия шахт, которое ожидается в 2054 г.¹² Несмотря на то, что правительство Словении декларирует приверженность зелёной энергетике, оно не спешит с закрытием угольных ТЭС. Это объясняется большой долей угля в генерации, но главное – разработкой собственных ресурсов бурого угля.

¹¹ Martin C., Nussbaum A. The CEO and the Activist: Meet Renewable Energy's Odd Couple // Bloomberg. 12.10.2015. [Электронный ресурс]. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-11/the-ceo-and-the-activist-meet-the-renewable-energy-odd-couple> (Дата обращения: 10.10.2017).

¹² Izjava Premogovnika Velenje o aktualnem dogajanju v zvezi z izgradnjo bloka 6 TE Šoštanj. [Электронный ресурс] <http://www.rlv.si/si/za-medije/sporocila-za-medije?id=862> (Дата обращения: 10.10.2017).

Частично сократила мощности угольных ТЭС «Словакия». В 2014 г. доля ТЭС в производстве электроэнергии составила 12,8%. Обе крупные электростанции, работающие на угле, были построены ещё при социализме. ТЭС «Новаки» имела установленную мощность 518 МВт и была рассчитана на использование отечественного бурого угля из региона Верхняя Нитра. После модернизации её мощность сократилась до 266 МВт, причём два энергоблока по 110 МВт были закрыты в конце 2015 г., в том числе, по экологическим требованиям. ТЭС «Вояны» установленной мощностью 1320 МВт состоит из двух комплексов, один из которых работает на импортном каменном угле, а второй – на мазуте или газе. После модернизации в 2000-е гг. мощность угольного блока составляет 220 МВт, и он имеет возможность работы на смешанном топливе: смеси каменного угля и биомассы. Прочие энергоблоки были остановлены по экономическим соображениям. О закрытии оставшихся в Словакии мощностей угольных ТЭС речь пока не идёт, в том числе по причине наличия в стране добычи бурого угля и нежелательных социальных последствий в случае закрытия предприятий.

Фактор угледобывающей промышленности

Наличие национальной угледобывающей промышленности может серьёзно сдерживать движение к отказу от угольной генерации. Ряд стран-членов ЕС имеют существенные запасы каменного и бурого угля, развитую угольную промышленность, ТЭС, ориентированные на добываемое в стране сырьё, и высокую долю угля в энергопотреблении. В этом случае отказ от угля не только требует серьёзного наращивания замещающих мощностей, но и угрожает болезненными экономическими и социальными последствиями.

В Болгарии доля угля в производстве электроэнергии составила в 2015 г. 45,9%, а на долю зелёной энергетики пришлось всего 16,4%, плюс 2,4% от ГАЭС¹³. Основным источником топлива для ТЭС суммарной мощностью почти 6 ГВт – это отечественный бурый уголь. ТЭЦ «Марица Изток 2» мощностью 1620 МВт стабильно попадает в «антирейтинг» предприятий ЕС с наибольшим выбросом CO₂ в атмосферу (см. табл. 1). Добыча угля за 2015 г. выросла на 14% и составила 35,9 млн т, при этом 97,2% добываемого угля использовалось в электроэнергетике. Основное угледобывающее предприятие «Марица Изток» стабильно добывает около 30 млн т в год и совместно с четырьмя ТЭС общей мощностью порядка 3,4 ГВт образует крупный монопромышленный регион.

В начале 2010-х гг. болгарское правительство декларировало цель вывести к 2018 г. 2500 МВт мощностей угольных ТЭС. Но несмотря на давление ЕС и экологических организаций, предыдущее и нынешнее правительства фактически отказались от этого намерения, поскольку в 2013 г. именно энергетическая

¹³ Бюлетин за състоянието и развитието на енергетиката 2016. Министерство на енергетиката, София, 2016. стр. 15.

реформа и социальные протесты привели к отставке правительства Бойко Борисова. В настоящее время реальные планы по сокращению добычи угля и доли угольных ТЭС в производстве электроэнергии не рассматриваются. Наоборот, правительство активно отстаивает позиции болгарской угольной промышленности в ЕС, например, во время принятия новых отраслевых стандартов «Наилучших доступных технологий»¹⁴. Отказ от строительства АЭС в Белене, продажа ТЭС иностранным (в том числе американским) инвесторам, проекты по строительству новых ТЭС на угле, неблагоприятная общеэкономическая ситуация и социальная значимость угледобывающей промышленности делают маловероятным отказ Болгарии от угля в ближайшей перспективе.

Схожая ситуация складывается в Румынии, где на долю угля в генерации приходится 26,9%¹⁵. В стране добывается преимущественно бурый уголь, который полностью поступает на 14 ТЭС, расположенные в непосредственной близости от месторождений. Общая мощность электростанций на буром угле составляет около 4 ГВт, а на крупнейшем предприятии, добывающем бурый уголь, Complexul Energetic Oltenia, заняты 15 тыс. человек. С другой стороны, доля угля в производстве электроэнергии существенно сократилась против 39% в 2006 г., преимущественно за счёт роста зелёной энергетики. Сократилась и добыча каменного угля, ставшая экономически невыгодной на целом ряде месторождений. В итоге правительство инициировало программу госпомощи закрытию к 2018 г. некоторых каменноугольных шахт, что неизбежно затронет электростанции, использующие это топливо. Уже анонсированы планы по закрытию старых энергоблоков ТЭС «Парошень» и «Минтия». Отметим, что происходит экономически обусловленный процесс, не привязанный напрямую к экологическим целям правительства, и энергоблоки названных ТЭС, модернизированные в 2000-е гг., продолжают работу на румынском каменном угле. Планы по сворачиванию добычи бурого угля правительство не рассматривает и, как следствие, бурый уголь продолжит поступать на действующие ТЭС.

В Венгрии имеется три электростанции, работающие на отечественном буром угле, их общая мощность составляет немногим более 1 ГВт. На крупнейшую ТЭС «Матра» установленной мощностью 966 МВт топливо поступает с карьеров в Висконте и Буккабрани. Карьеры и ТЭС образуют производственный комплекс, принадлежащий компании RWE. Доля угля в генерации не превышает 10%, так что отказ от угля в генерации для Венгрии не выглядит технически сложной задачей. Фактически речь идёт о названном выше производственном комплексе вокруг ТЭС «Матра». Никаких политических заявлений либо планов по его закрытию не озвучено, а само предприятие продолжает работу и актив-

¹⁴ Экспертна среща в Брюксел в защита на въглищните тещове. 20.04.2017. [Электронный ресурс]. <https://www.me.government.bg/bg/news/ekspertna-sreshita-v-bryuksel-v-zashtita-na-vaglishtnite-tecove-2410.html> (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁵ National report 2015. Romanian energy regulatory authority [Электронный ресурс]. <http://www.anre.ro/en/about-anre/annual-reports-archive> (дата обращения: 10.10.2017).

но вкладывает средства в свою модернизацию. Заккрытие ТЭС невозможно без остановки разработок бурого угля, что автоматически повлекло бы за собой закрытие в стране целой промышленной отрасли.

Чехия больше половины всей производимой электроэнергии (в 2015 г. 51,4%¹⁶) получает от угольных ТЭС общей мощностью 10,8 ГВт. За исключением 800 МВт ТЭС «Детмаровице», на производство электроэнергии идёт отечественный бурый уголь. Несмотря на некоторое сокращение добычи в связи с закрытием шахт, бурый уголь из открытых карьеров поступает на ТЭС в по-прежнему значительных объёмах. Добыча угля ведётся преимущественно вертикально интегрированными компаниями, поэтому срок службы ТЭС напрямую увязан со сроками разработки угольных месторождений. Разработка Соколовского угольного бассейна, как ожидается, продлится до 2034 г., а Северо-Богемского бассейна – до 2055 г. С этими датами совпадают расчётные сроки эксплуатации расположенных в непосредственной близости от месторождений электростанций. Часть из них выработают свой ресурс в 2020–2030 гг., а другие рассчитаны на работу вплоть до 2055 г. [11]. Старые электростанции активно модернизируются и их срок службы продлевается. Вводятся в строй новые генерирующие мощности, например, четвёртый блок ТЭС «Ледвице» мощностью 660 МВт, строительство которого закончено в 2017 г.

В Греции правящая левая партия «Сириза» выходила на выборы, в том числе, и с экологическими лозунгами, призывая развивать экономику без ущерба для окружающей среды¹⁷. Однако в стране, находящейся в тяжёлом экономическом положении, реализация мер, направленных на сокращение выбросов вредных веществ в атмосферу, оказывается непростой задачей. По состоянию на декабрь 2015 г., из 18 ГВт установленной мощности электростанций 4,5 ГВт (25%) приходилось на долю ТЭС на буром угле, добываемом в открытых карьерах, при этом в генерации доля бурого угля составляла 49,1%¹⁸. Основной объём добычи бурого угля и производства электроэнергии обеспечивался государственной компанией «ДЭИ», деятельность которой косвенно субсидируется государством. Компания продолжает строить новые угольные ТЭС: так, недавно начато строительство пятого энергоблока ТЭС «Птолемида» мощностью 660 МВт. Ожидается, что он будет введён в эксплуатацию в 2020 г. О поддержке правительством планов по дальнейшему использованию угля свидетельствует отказ греческой делегации (апрель 2017 г.) поддержать резолюцию ассоциации Eurelectric с призывом прекратить после 2020 г. строительство в Европе уголь-

¹⁶ Souhrnné údaje o výrobě elektřiny za leden až prosinec 2015 [Электронный ресурс] <https://www.mpo.cz/cz/energetika/statistika/elektrina-a-teplo/souhrnne-udaje-o-vyrobe-elektriny-za-leden-az-prosinec-2015--178883/> (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁷ См., например, в резолюции учредительного съезда партии: The political resolution of the 1st congress of SYRIZA [Электронный ресурс]. <https://left.gr/news/political-resolution-1st-congress-syriza#sthash.DXWQubT4.5GfxjvSl.dpuf> (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁸ ΜΗΝΙΑΙΟ ΔΕΛΤΙΟ ΣΥΣΤΗΜΑΤΟΣ ΣΥΝΑΛΛΑΓΩΝ ΗΕΠ, ΔΕΚΕΜΒΡΙΟΣ 2015. С. 12. [Электронный ресурс] http://www.lagie.gr/fileadmin/groups/EDRETH/DAS_Monthly_Reports/201512_DAS_Monthly_Report.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

ных ТЭС. Правительство Греции активно добивается в Еврокомиссии освобождения от нормативов выбросов CO₂ в атмосферу для новых ТЭС. Приведённые обстоятельства указывают на то, что в ближайшие годы бурый уголь продолжит играть важную роль в энергобалансе Греции.

Вместе с тем нужно отметить, что, согласно статистике Греческого оператора рынка электроэнергии¹⁹, доля угля в производстве электроэнергии всё же снижается третий год подряд: в 2014 г. – 56%, в 2015 г. – 49,1%, в 2016 г. – 35,5%. Перераспределение произошло преимущественно в пользу ТЭС на природном газе, что должно помочь Греции в достижении целей по снижению выбросов в атмосферу на 20% к 2020 г. Впрочем, это не помешало ТЭС Агиу Димитрию попасть в «антирейтинг» наиболее вредных предприятий ЕС (см. табл. 1).

Испания 15–20% электроэнергии производит на угольных электростанциях, суммарная мощность которых составляет 9,5 ГВт²⁰. В 2016 г. на долю угля пришлось 14,4%, что на треть меньше, чем в 2015 г. (20%), но примерно столько же, сколько и в 2014 г. (16%). Эти колебания объясняются высокой долей зелёной энергетики (40,8% в 2016 г.), производство которой зависит от погодных факторов. В засушливом 2015 г. не удалось накопить достаточного количества воды для производства электроэнергии на ГЭС. Снижение доли угольных ТЭС в 2016 г. объясняется также выводением из эксплуатации пяти энергоблоков угольных ТЭС суммарной мощностью 932 МВт.

В соответствии с условиями выданных правительством субсидий, согласованных с Еврокомиссией, в 2018 г. Испания закроет 26 угольных шахт. Около 70% угля, поступающего на ТЭС, импортируется, однако государство поддерживает отечественную угольную промышленность, в которой заняты около 4 тыс. человек [7]. Например, одной из форм господдержки выступают платежи владельцам угольных ТЭС за поддержание мощностей. В стране на протяжении многих лет существовала практика обязательных минимальных квот для электростанций по закупке угля из испанских шахт, устанавливаемых правительством²¹. Подобные действия неоднократно становились предметом судебных разбирательств Еврокомиссии. Однако правительство по-прежнему находит способы оказания помощи депрессивной отрасли. Соответственно, полный отказ от использования угля в энергетике не стоит в политической повестке.

Польша наиболее зависима от угля в производстве электроэнергии среди стран ЕС. Общая мощность польских ТЭС на каменном угле составляет 19,1 ГВт, а на буром угле – 9,3 ГВт²². Это почти три четверти всех генерирую-

¹⁹ См. статистические данные на сайте оператора [Электронный ресурс]. <http://www.lagie.gr>. (дата обращения: 10.10.2017).

²⁰ EL SISTEMA ELÉCTRICO ESPAÑOL 2016. Red Eléctrica de España, 2017 [Электронный ресурс]. http://www.ree.es/sites/default/files/downloadable/inf_sis_elec_ree_2016.pdf (дата обращения: 10.10.2017)

²¹ Reforming Environmentally Harmful Subsidies: How to Counteract Distributional Impacts. С. 95. [Электронный ресурс] <http://vista-analyse.no/en/publications/reforming-environmentally-harmful-subsidies-how-to-counteract-distributional-impacts> (дата обращения: 10.10.2017).

²² PSE S.A. ANNUAL REPORT 2015 [Электронный ресурс]. <http://www.pse.pl/index.php?modul=10&gid=116> (дата обращения: 10.10.2017).

щих мощностей страны. Доля угля в производстве электроэнергии составляет 86%. Польша располагает существенными запасами каменного и бурого угля и имеет развитую угольную промышленность, в которой заняты порядка 100 тыс. человек. В 2015 г. из 72 млн т добытого каменного угля только 9 млн т были поставлены на экспорт. Остальной объём поставляется преимущественно на ТЭС. Добываемый открытым способом бурый уголь также полностью поступает на электростанции, расположенные в непосредственной близости от разработок. Одной из таких является Белхатувская ТЭС мощностью 5420 МВт – крупнейшая в Европе и номер один в антирейтинге самых «грязных» предприятий ЕС (см. табл. 1).

Зависимость Польши от угля усугубляется отсутствием доступных энерго-ресурсов: возможности установки ГЭС ограничены, атомных электростанций не имеется, темпы развития зелёной энергетики явно недостаточны. В этих условиях правительство Польши выработало «Энергетическую политику Польши 2050», в которой поставлена амбициозная задача сократить долю угля в производстве электроэнергии до 33% к 2050 г. Для этого планируется строительство АЭС, развитие парка ТЭС на природном газе и зелёной энергетики. Тем не менее очевидно, что в ближайшие десятилетия каменный и бурый уголь продолжат играть значительную роль в энергобалансе страны. В настоящее время происходит обновление парка ТЭС, 62% которого старше 30 лет. Ожидается, что к 2020 г. будут выведены из эксплуатации 6 ГВт старых мощностей, и ещё 6 ГВт к 2030 г. С другой стороны, в «Энергетической политике Польши до 2030 г.» планируется модернизировать либо построить к 2020 г. энергоблоки угольных ТЭС общей мощностью 11,9 ГВт, фактически компенсируя выбытие старых мощностей. Тем самым, Польша не спешит отказываться от дешёвого и доступного сырья для производства электроэнергии и не предпринимает конкретных шагов, направленных на снижение доли угля в энергетике, а различные долгосрочные программы носят скорее декларативный характер.

Германия: модель трансформации к экологически чистой энергетике?

Как и Польша, Германия имеет значительные запасы каменного и бурого угля, а также богатую историю его добычи и использования при производстве электроэнергии. Германия – мировой лидер по производству бурого угля. В производстве электроэнергии²³ уголь играет ведущую роль: наибольшая доля у ТЭС на буром (23,1%) и каменном угле (17,2%) – суммарно 40,3%. Зелёная энергетика даёт 29% всей генерации, 13,1% у АЭС и 12,4% у газовых ТЭС, то есть «энергомикс» в Германии более диверсифицирован, чем в Польше. Большое количество угольных ТЭС обуславливает высокий уровень выбросов CO₂ в атмосферу, что затрудняет достижение Германией целей по снижению выброса вредных веществ.

²³ Приводится по данным AG Energiebilanzen: Bruttostromerzeugung in Deutschland, 2016.

Положение усугубляется решением отказаться к 2022 г. от атомной энергетики: в 2011 г. были заглушены энергоблоки электростанций общей мощностью 8,4 ГВт, до конца 2017 г. выведены ещё 2,6 ГВт, а в ближайшие пять лет выводу из эксплуатации подлежат оставшиеся семь АЭС суммарной мощностью 9,5 ГВт.

Тем не менее, правительство ФРГ ставит ещё более амбициозные экологические задачи, чем ЕС. Добиться снижения выбросов CO₂ на 40% Германия намерена на 10 лет раньше – к 2020 г.²⁴, а к 2030 г. снизить выбросы на 55%, чтобы к 2050 г. практически полностью (80–95%) отказаться от углеводородов²⁵. Причём в энергетической отрасли цели ещё более жёсткие: минимум 61% сокращения выбросов парниковых газов к 2030 г. и практически полная «декарбонизация» к 2050 г.

На первый взгляд, реалистичность достижения этих целей представляется маловероятной. Очевидно, что для этого необходимо сокращение мощностей угольных ТЭС, а в Германии ведётся строительство новых электростанций на угле. Только в 2015 г. были введены в эксплуатацию две ТЭС общей мощностью 1738 МВт. При этом в ближайшие годы планируется ввод дополнительных мощностей существующих и строительство новых ТЭС общей мощностью 4520 МВт.

Однако эта тенденция, по всей видимости, не получит продолжения. Дело в том, что проблему сокращения выбросов и угольных ТЭС следует рассматривать в более широком контексте трансформации энергетики Германии. Этот процесс, начало которому было положено в начале 2010-х гг., предполагает глубокую структурную перестройку энергетической отрасли, в рамках которой происходит постепенный переход от жёсткой и централизованной системы, основанной на экологически вредных традиционных источниках энергии, к более гибкой и распределённой зелёной генерации. В соответствии с планами правительства, в течение ближайших десятилетий зелёная энергетика постепенно вытеснит традиционные генерирующие мощности. Сетевая инфраструктура будет модернизирована и адаптирована под нужды новой модели энергетического хозяйства, основанной на распределённых возобновляемых источниках энергии с учётом гибкого реагирования на колебания в производстве электроэнергии ветровыми, солнечными и гидроэлектростанциями.

При этом предприятиям атомной энергетики изначально отводилась роль «переходной технологии», позволяющей при относительно низких выбросах вредных веществ в атмосферу дать возможность сократить число угольных ТЭС. Однако авария на АЭС «Фукусима» в Японии спровоцировала резкий политический разворот в планах федерального правительства, в результате которого страна объявила об ускоренном отказе от атомной энергетики. Этот шаг, принятый достаточно поспешно под давлением политической конъюнктуры [2], безусловно, замедлил процесс трансформации, но не остановил его полностью.

²⁴ См. Aktionsprogramm Klimaschutz [Электронный ресурс]. 2020. www.bmub.bund.de/N51378 (дата обращения: 10.10.2017).

²⁵ См. Klimaschutzplan 2050 [Электронный ресурс]. www.bmub.bund.de/P3915 (дата обращения: 10.10.2017).

Продление срока службы АЭС, одобренное в 2010 г., позволило бы в ускоренном порядке закрыть наиболее экологически неблагоприятные ТЭС на буром угле и, тем самым, существенно улучшить общегерманские экологические показатели. Однако и в условиях отказа от атомной энергетики к 2022 г. правительство продолжает реализовывать намеченные политикой цели. Фактически можно говорить о смене очередности в планах по выводу из эксплуатации ТЭС и АЭС.

Чтобы сократить количество угольных электростанций, федеральному правительству необходимо решить комплекс мер по сворачиванию целой отрасли, в которой задействовано большое количество населения. Угольные предприятия имеют градообразующий характер, на каждого задействованного на угольном предприятии рабочего приходится два занятых в смежных отраслях. Поэтому любое ограничение в деятельности предприятий чревато социальными протестами. Однако ситуация складывается по-разному в регионах добычи каменно-го и бурого угля.

Решение о прекращении к 2018 г. государственного субсидирования добычи каменного угля было принято ещё в 2007 г. в ходе широких консультаций между федеральным правительством, парламентскими фракциями, правительствами земель, предприятиями индустрии и профсоюзами. Добыча каменного угля в Германии оказалась неконкурентоспособной в мировых масштабах. К 2017 г. осталось всего две работающие каменноугольные шахты. Индустрия была свёрнута постепенно и без социальных потрясений. Вместе с тем нужно отметить, что сокращение добычи каменного угля в стране почти не сказалось на закрытии ТЭС. Электростанции, работающие на каменном угле, продолжают функционировать на импортном сырье, стоимость которого за последнее десятилетие значительно снизилась.

В отличие от каменного, добыча и сжигание бурого угля на профильных ТЭС, расположенных непосредственно на его месторождениях, продолжает оставаться выгодным бизнесом. Немецкий бурый уголь является конкурентоспособным энергоносителем в международных масштабах, а отрасль успешно функционирует без государственных субсидий. Более того, угольные ТЭС поставляют сравнительно недорогую электроэнергию германским предприятиям, что вносит существенный вклад в конкурентоспособность энергоинтенсивных немецких производств. Проблема, однако, заключается в том, что при сжигании бурый уголь выделяет значительно больше вредных веществ, нежели каменный. ТЭС на буром угле образуют костяк десятки германских предприятий с наибольшими выбросами парниковых газов в атмосферу. Поэтому с экологической точки зрения предпочтительно первоочередное закрытие ТЭС на буром угле.

Отказ от использования бурого угля в энергетике входит в политическую повестку многих немецких общественно-политических движений. Например, программа, разработанная в 2016 г. институтом «Агора Энергивенде», предусматривает постепенный отказ от бурого угля в течение 20 лет [8]. Для этого предложен отказ от строительства новых и план постепенного вывода старых

ТЭС, прекращение добычи бурого угля и формирование целевых фондов для компенсации структурных преобразований в регионах добычи угля. Схожая программа была сформулирована парламентской фракцией партии «зелёных/союз 90» в январе 2017 г. В соответствии с планом зелёных, предполагается начать широкий политический диалог с конечной целью запрета разработки месторождений бурого угля и остановки угольных ТЭС в течение 20 лет.

Все программы по выходу из угольной энергетики признают сложности, связанные с необходимостью прекратить работу эффективно функционирующих предприятий, имеющих к тому же регионообразующий характер. Существуют различные данные по количеству людей, занятых в отрасли. В частности, согласно оценке отраслевого союза DEBRIV, с индустрией связано 86 тыс. рабочих мест. Поэтому закрытие предприятий неизбежно повлечёт за собой серьёзное социальное напряжение. Конкретных решений этой проблемы не предлагается, однако есть понимание, что на компенсирующие мероприятия регионам должны выделяться субсидии.

Что же касается самих предприятий, то возможный инструментарий воздействия на них достаточно понятен. Это и запрет строительства новых ТЭС, и отказ в продлении эксплуатации существующих, и усиление финансового давления посредством механизма квотирования выбросов и дополнительных целевых сборов.

Характерно, что предлагаемые программы делают упор на достижение широкого консенсуса заинтересованных сторон. В новейшей немецкой экономической политике есть примеры подобных успешных договорённостей, например, консенсус по выходу из атомной энергетики «Соглашение Федерального правительства и предприятий по энергоснабжению от 14 июня 2000 г.». Создание подобной комиссии планировалось также в рамках «Плана по защите климата 2050». Фактически подобных масштабных переговоров пока не ведётся, однако можно предполагать, что этот диалог будет начат в ближайшее время.

Четвёртый кабинет Меркель уже предпринял шаги, нацеленные на сокращение выбросов вредных веществ угольными тепловыми электростанциями. С этой целью энергоблоки пяти ТЭС на буром угле будут последовательно отключены от сети и переведены в режим «готовности для обеспечения надежности системы» на срок четыре года. Такие энергоблоки будут заглушены, но не выведены окончательно из эксплуатации. При образовании на рынке существенных дефицитов электроэнергии, либо при ценовых деформациях рынка эти ТЭС будут вновь запущены по требованию оператора. За нахождение в резерве владельцы электростанций получают согласованную компенсацию, а по прошествии четырёхлетнего срока энергоблоки будут заглушены окончательно. Таким образом, проблема сокращения выбросов парниковых газов при производстве электроэнергии решается за счёт приоритизации работы более чистых источников энергии над наиболее «грязными», которые временно переводятся в резерв.

Таким образом, Германия постепенно движется по намеченной траектории трансформации энергетики, одним из значимых элементов которого является отказ от использования угля в энергетике, несмотря на трудность задачи, обусловленной высокой долей угля в производстве электроэнергии и наличием мощной добывающей индустрии в стране. И если об успешности этого процесса пока говорить преждевременно, несомненно, что наличие политической воли и широкого общественного консенсуса должно в итоге привести к удовлетворительному решению данного вопроса, хотя, возможно, и в более продолжительные сроки.

Близок ли закат угольной энергетики в Европе?

Итак, мы видим, что страны ЕС неоднородны в своём отношении к вопросу отказа от использования угля в энергетике, хотя есть общее понимание необходимости снижения уровня выброса вредных веществ в атмосферу, главным источником которых является сжигание углеводородного сырья. Ряд стран взял курс на постепенный отказ в энергетике не только от угля, но от углеводородов вообще. В Евросоюзе есть примеры стран, сумевших отказаться от угля в производстве электроэнергии.

С другой стороны, некоторые страны Евросоюза, формально разделяя стремление к более экологически чистой энергетике, движутся в этом направлении существенно более медленными темпами. Это объясняется экономическими факторами: затратностью мер по развитию зелёной энергетики, высокой стоимостью активов, которые придётся выводить из эксплуатации либо конвертировать. Кроме того, необходимо учитывать, что тепловые электростанции помимо электроэнергии производят тепло, обеспечивая теплоснабжение городов. Простое замещение ТЭЦ электростанциями на ВИЭ не сможет решить проблему централизованного теплоснабжения. В этом случае обогрев домохозяйств и предприятий будет реализовываться самостоятельно, что может увеличить объём вредных выбросов по сравнению с эксплуатацией ТЭЦ.

Наконец, решающим фактором, блокирующим продвижение отдельных стран на пути к декарбонизации экономики, может стать наличие развитой горнодобывающей промышленности, интегрированной с производством электроэнергии. Как результат, в ряде стран Евросоюза не наблюдается каких-либо политических шагов или мер, ограничивающих угледобывающую промышленность. Между тем пример Германии показывает, что при наличии политической воли даже в этих условиях возможен поиск решений для выхода из угольной энергетики.

В этой связи вызывает интерес поведение предприятий отрасли, особенно крупных игроков, имеющих активы в разных странах ЕС: восприятие участников рынка зачастую также может дать ключ к пониманию ситуации и перспектив её развития. Можно отметить, что имеют место различные подходы к оценке

рисков инвестиций в угольные ТЭС. Например, Enel взял курс на постепенный отказ от угольной генерации, несмотря на отсутствие политического давления в Италии или Словении.

Vattenfall имеет ряд угольных ТЭС в Европе, однако эти активы оказались в центре политических дебатов, например, в Нидерландах. В начале 2000-х гг. концерн имел негативный опыт и в Германии, в связи с проектом строительства угольной ТЭС в Гамбурге. В результате концерну пришлось отстаивать возмещение понесённых убытков в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров. Но и в последующие годы концерн столкнулся с серьёзными проблемами при строительстве в ФРГ новых ТЭС. По совокупности этих и ряду других причин концерн стал осторожнее подходить к вложениям в подобные предприятия и в итоге принял решение выйти из добычи бурого угля в Восточной Германии. Четыре открытых бурогольных карьера Нижне-Лаузицкого бассейна и три ТЭС были выставлены на продажу в 2014 г. Вопреки ожиданиям и призывам экологических активистов закрыть угольные карьеры, активы нашли своего покупателя. Им оказался чешский энергетический концерн ЕРН. В результате сделки ЕРН получил также 50% долю в ТЭС Липпендорф. Разочаровавшая экологов сделка позволила сохранить около 8 тыс. рабочих мест. Очевидно, меньшие размеры компании ЕРН, отсутствие диверсифицированного бизнеса, а также наличие схожих активов в Чехии позволяют этой компании спокойнее оценивать риски инвестиций в бурый уголь. Отметим, что тот же Vattenfall недавно ввёл в эксплуатацию новую угольную ТЭС в Нидерландах.

Таким образом, среди европейских предприятий также не наблюдается однозначного отношения к угольным электростанциям. Хотя политические риски отказа от угля в странах ЕС принимаются во внимание и в ряде случаев влияют на принятие коммерческих решений.

Из сказанного следует: несмотря на наличие общеевропейских экологических целей, в ЕС нет политического единства в отношении отказа от использования угля в энергогенерации. Следовательно, уголь продолжит играть важную роль в энергетике ряда европейских стран, где его использование обусловлено наличием доступных ресурсов и действующих активов. Вместе с тем в долгосрочной перспективе можно с достаточной долей уверенности ожидать постепенного сокращения доли угля в производстве электроэнергии. При этом происходит его замещение либо ВИЭ (условно сюда можно также включить перевод угольных ТЭС на сжигание биомассы), либо другими экологически менее вредными источниками электроэнергии, например, природным газом. Этот процесс будет обусловлен, прежде всего, необходимостью выполнения целей экологической политики ЕС по снижению выбросов CO₂. Достаточно эффективный инструмент их реализации – Европейская схема торговли квотами, которая при наличии политической воли может стать рычагом жёсткого экономического давления на предприятия отрасли.

Список литературы

1. Дёмин В.Ф., Крылов Д.А. Сравнение рисков от АЭС и ТЭС для биосферы // Энергия: экономика, техника, экология. 2012. № 1. С. 28–36.
2. Зимаков А.В. Решение об ускоренном выходе Германии из атомной энергетики: Федеральный административный суд, Конституционный суд, международный арбитраж. Что дальше? // Международное экономическое право. 2017. № 2. С. 42–56.
3. Кавешников Н.Ю. Стратегия ЕС в области климата и энергетики // Современная Европа. 2015. № 1 (61). С. 93–103.
4. Кавешников Н.Ю. Возобновляемая энергетика в ЕС: смена приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 12. С. 70–81.
5. Bernasconi-Osterwalder N., Brauch M. The State of Play in Vattenfall v. Germany II: Leaving the German public in the dark. The International Institute for Sustainable Development Briefing Note. Winnipeg, 2014. 8 p.
6. A stress test for coal in Europe under the Paris Agreement. Climate Analytics. Berlin, 2017. 62 p.
7. El carbón en España en 2016. El Observatorio Crítico de la Energía, 2016. 19 p.
8. Elf Eckpunkte für einen Kohlekonsens. Konzept zur schrittweisen Dekarbonisierung des deutschen Stromsektors. Agora Energiewende. Berlin, 2016. 108 S.
9. Harris M., Beck M., Gerasimchuk I. The End of Coal: Ontario's coal phase-out. Winnipeg: International Institute for Sustainable Development, 2015. 32 p.
10. Jones D., Gutmann K. End of an Era: Why every European country needs a coal phase-out plan. Greenpeace, 2015. [Электронный ресурс] <https://www.greenpeace.de/sites/www.greenpeace.de/files/publications/end-of-eracoal-phase-out-plan-20151204.pdf> (дата обращения: 10.10.2017)
11. Jirusek M., Vlcek T. Key factors that drive the Czech Republic coal industry // Coal International, May–June 2015, pp. 28–36.
12. Littlecott C. UK Coal Phase Out: The International Context // E3G Briefing Paper, November 2016. 9 p.
13. Littlecott C. The Coal Phase Out Transition: Italy's Leadership Opportunity // E3G Briefing Paper, April 2017. 8 p.

Об авторе:

Андрей Владимирович Зимаков – к.э.н., н.с. Центра европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: Zimakov@newmail.ru.

Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН № 1.13П (проект «Государственное регулирование размещения предприятий разных отраслей в странах ОЭСР в условиях экологизации экономики»).

IS THERE ANY FUTURE FOR COAL POWER PLANTS IN EUROPE?

A.V. Zimakov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-130-150

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: The article deals with the policies of EU countries towards coal power plants as well as practical steps taken by their governments. Coal power plants are widely considered to be environmentally harmful which confronts with environmental policies of the EU sug-

gesting Europe-wide cuts of greenhouse gas emissions. Based on that assumption a number of EU countries such as Belgium, Austria, Portugal, Dania, Finland, Sweden and UK are striving to phase out coal power plants and achieved significant progress on this path replacing coal with other generation sources. On the other hand, other EU members are lagging behind as coal phase-out is not an urgent item of their political agenda. This situation is typical for Ireland, Netherlands, Italy, Croatia, Slovenia and Slovakia. Domestic coal extracting industry can pose a significant hindering factor for a coal power plants phase-out and can effectively block the process. This is the case in Bulgaria, Romania, Hungary, Czech Republic, Greece and Poland. But Germany, which also has a well-developed coal industry, transforms its energy sector towards a green one cutting the share of coal in the generation mix. If this effort of the German government proves successful it will deliver a positive transformation model for other EU countries with a large share of coal in generation-mix due to domestic coal extraction industry. The analysis of the political and economic (both macro and micro) processes leads to conclusion that there is no unity among EU member states in their approach towards coal fired power plants phase-out. This will allow for coal power plants to retain their market share in a short to medium term. But in the longer run one can expect a significant decrease of coal fired generation in Europe, even in the countries traditionally dependent on coal.

Key words: EU energy market, nuclear energy, coal phase-out, coal industry, coal power station, EU environmental policy, green energy, renewables.

References

1. Dyomin V.F., Krylov D.A. Sravnenie riskov ot AES I TES dlia biosfery [Comparison of risks for biosphere of nuclear and coal power stations]. *Energiia: ekonomika, tehnika, ekologiia*. 2012, no. 1, pp. 28–36 (In Russian).
2. Zimakov A.V. Resheniie ob uskorennom vyhode Germanii iz atomnoi energetiki: Federalnyi administrativnyi sud, Konstitutsionnyi sud, mezhdunarodnyi arbitrazh. Chto dalshe? [The decision of an accelerated nuclear phase-out in Germany: Federal administrative court, Constitution cort, international arbitration. What comes next?] *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo*. 2017, no. 2, pp. 42–56 (In Russian).
3. Kaveshnikov N. Yu. Strategia ES v oblasti klimata I energetiki [EU strategy on climate and energy] *Sovremennaiia Evropa*. 2015, no. 1 (61), pp. 93–103 (In Russian).
4. Kaveshnikov N. Yu. Vozobnovliaemaia energetika v ES: smena prioritetov [Renewables energy in EU: change of priorities] *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 2014, no. 12, pp. 70–81 (In Russian).
5. Bernasconi-Osterwalder N., Brauch M. *The State of Play in Vattenfall v. Germany II: Leaving the German public in the dark*. The International Institute for Sustainable Development Briefing Note. Winnipeg, 2014, 8 p.
6. *A stress test for coal in Europe under the Paris Agreement*. Climate Analytics. Berlin, 2017. 62 p.
7. *El carbón en España en 2016. El Observatorio Crítico de la Energía*, 2016. 19 p. (In Spanish)
8. *Elf Eckpunkte für einen Kohlekonsens. Konzept zur schrittweisen Dekarbonisierung des deutschen Stromsektors*. Agora Energiewende. Berlin, 2016. 108 S. (In German).
9. Harris M., Beck M., Gerasimchuk I. *The End of Coal: Ontario's coal phase-out*. Winnipeg: International Institute for Sustainable Development, 2015. 32 p.
10. Jones D., Gutmann K. *End of an Era: Why every European country needs a coal phase-out plan*. Greenpeace, 2015. Available at: <https://www.greenpeace.de/sites/www.greenpeace.de/files/publications/end-of-eracoal-phase-out-plan-20151204.pdf>.
11. Jirusek M., Vlcek T. *Key factors that drive the Czech Republic coal industry*. Coal In-

- ternational, May–June 2015, pp. 28–36.
12. Littlecott C. *UK Coal Phase Out: The International Context*. E3G Briefing Paper, November 2016. 9 p.
 13. Littlecott C. *The Coal Phase Out Transition: Italy's Leadership Opportunity*. E3G Briefing Paper, April 2017. 8 p.

About the author:

Andrey V. Zimakov – PhD in Economics, research fellow Center for European Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Zimakov@newmail.ru.

The article is prepared under Russian Academy of Sciences Program № I.13П (Project «State Regulation for Enterprise Allocations in Greening Economies of OECD countries»).

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И РАМОЧНЫЕ ПРОГРАММЫ ЕС КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЛАСТИ НТП И ИННОВАЦИЙ

К.А. Ибрагимова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В данной статье рассматриваются инструменты влияния ЕС на «третьи страны»¹ в области НТП и инноваций. Опыт ЕС по использованию науки и технологий в международных отношениях, заключению стратегических двусторонних соглашений по науке и технологиям и ведению политических диалогов на высшем политическом уровне (на уровне стран и регионов) является довольно любопытным как с практической, так и с теоретической точек зрения. Только ЕС среди интеграционных объединений предоставляет доступ к своим рамочным программам исследователям из «третьих стран», а также реализует на практике научную дипломатию. Успехи в данной области повышают роль ЕС как глобального актора.

В своей сегодняшней стратегии в области инноваций, направленной на «третьи страны» ЕС исходит из того, что ни одно государство мира сегодня не может самостоятельно справиться с современными глобальными вызовами (изменение климата, миграция, терроризм и др). Решение подобных вопросов требует как соответствующей оценки со стороны независимого мирового научного сообщества, так и усилий работников МИД и других отраслевых министерств национальных государств, способных донести до своих коллег и руководства других стран точку зрения своего правительства на международных переговорах и, отстаивая национальные интересы страны, найти решение, устраивающее всех.

ЕС обладает ресурсами, которые позволяют создавать «кумулятивный эффект» за счёт выработки и применения общих норм на территории союза, анализа инновационной политики государств-членов и возможности обмена лучшими практиками. При этом Союз разделяет с партнёрами своё видение проблем, ценностей и

УДК 327.82

Поступила в редакцию 03.08.2017 г.

Принята к публикации 23.10.2017 г.

¹ В Европейском союзе этим термином обозначают все страны, за исключением стран-членов ЕС, Швейцарии и участниц Европейской экономической зоны (в нее входят Исландия, Норвегия и Лихтенштейн).

приоритетов и использует инструменты «мягкой силы» (в т.ч. умной и нормативной силы) и научной дипломатии – науку, технологии и инновации.

«Мягкая сила» ЕС в области науки, исследований и инноваций заключается в привлекательности Европы как исследовательского пространства, где возможны современные качественные международные исследования с привлечением научных коллективов разных стран как в физическом, так и в виртуальном пространствах². Программы обучения и экспертная деятельность ЕС направлены на выработку гибкого подхода к международному сотрудничеству, подкрепленного научными фактами. На этой основе складываются практические научные партнёрства и проходят научные обмены³.

Ключевые слова: инновационная политика, ЕС, рамочные программы, научная дипломатия.

Европейский союз стал первым в разработке стратегии использования науки и технологий на базе двусторонних соглашений, а также проведения политических диалогов на высшем политическом уровне (на уровне стран и регионов). Для чего ЕС активно использует свои внешнеполитические инструменты влияния, в том числе – предоставление доступа к рамочным программам исследователям из «третьих стран», а также научную дипломатию.

Цель статьи – выявить инструменты, которые использует Евросоюз при взаимодействии с «третьими странами» в области НТП и инноваций – научную дипломатию и рамочные программы, оказывающие влияние на эффективность Союза как глобального актора.

В последнее время вышло несколько документов, посвящённых стратегии, в которых европейцы продвигают свои инструменты влияния – рамочные программы и научную дипломатию. Несмотря на существование большого количества работ, рассматривающих акторность ЕС, вопросы выработки стратегических подходов к взаимодействию с «третьими странами», а также использования на практике инструментов взаимодействия освещены весьма фрагментарно – в отдельных статьях и публикациях.

Координация инновационной политики на уровне европейских государств, и уровне Союза анализируется в работах С. Кульмана и Дж. Эдлера [27], а также в работах С. Боррас [19; 20]. Горизонтальная и вертикальная координация на уровне Еврокомиссии пока не нашли достаточного отражения в научной литературе. В статье, посвящённой конференции ОЭСР с ВШЭ в 2012 г., подчёркивалась роль Европейского форума при Еврокомиссии, «осуществляющего сканирование глобальных вызовов и разрабатывающего механизмы снижения возможных неожиданных эффектов от их наступления» [10].

² Наиболее мобильными являются ученые из Кипра, Германии, Финляндии и Швеции.

³ Наиболее привлекательными странами научных обменов в ЕС остаются Великобритания, Франция и Германия.

Процесс выработки инновационной политики был рассмотрен в книге Дж. Метц [29] на основе анализа шести примеров с участием групп экспертов в выработке законодательства в рамках Европейской комиссии, состоящей из генеральных директоров. В книге рассмотрена деятельность генерального директората по исследованиям (2001-2007), предпринимательству и информационному обществу (с 1998 г.), и других директоров - по климату, связи, сетям, контенту и технологиям, занятости, информатике, международному сотрудничеству и развитию, транспорту, торговле. При выработке в 2001 и 2005 гг. шестой и седьмой рамочных программ к обсуждению привлекалась группа советников по технологиям и информационному обществу. В обсуждении седьмой рамочной программы и создания Европейского института инноваций и технологий в 2005 и 2006 гг. участвовала группа советников по европейским исследованиям (EURAB). В 2005 г. группа экспертов по промышленной политике (EPG) разрабатывала рамочную программу по конкурентоспособности и инновациям. В 2008 г. экспертная группа по европейскому исследовательскому пространству дала рекомендации по исследовательской инфраструктуре при обсуждении законопроекта по Консорциуму инфраструктуры европейских исследований.

Программы европейского инновационного развития анализируются в работах к.э.н., старшего научного сотрудника отдела науки и инноваций сектора экономики науки и инноваций Н.В. Шелюбской [18]. Отдельные вопросы инновационной экономики – в работах д.э.н. директора Института экономики РАН Е.Б. Ленчук и д.э.н., ведущего научного сотрудника Центра инновационной экономики Института экономики РАН Г.А. Власкина.

Инструменты научно-технического сотрудничества России и Европейского союза в инновационной сфере рассматриваются в статье начальника отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Управления научно-исследовательских работ Балтийского федерального университета им. И. Канта А.В. Беловой, подчёркивающей что «цель рамочных инициатив — развитие междисциплинарных исследований и поддержка научных совместных инициатив в Европе и других странах» [1, с.138]. В статье к.э.н., ведущего научного сотрудника экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.П. Клавдиенко говорится о целях, приоритетах, механизмах реализации рамочных программ: «рамочные программы определяют цели и приоритеты европейской научно-технической политики, средства их достижения, источники и объёмы финансирования мероприятий» [7, с. 88].

Гораздо меньше внимания уделяется научной дипломатии. Наиболее интересной академической работой, посвящённой этому направлению, можно считать коллективную монографию европейских и американских авторов под названием «Наука и дипломатия: новое измерение международных отношений» [36]. До этого выходили преимущественно отдельные научные статьи в различных изданиях [32, 40]. Отдельно следует отметить статьи журнала «Наука и дипломатия» Королевского общества и Американской ассоциации содействия раз-

витию науки (выходит с 2012 г.), Центр научной дипломатии которой существует с 2008 г. [31]. В отечественной науке вопросы использования научной дипломатии рассматривали А.В. Торкунов и В.Я. Панченко [15], М.В. Романова [14], В. Ягья и Е.Г. Пономарева [12], А.В. Шестопа, Н.В. Литвак [18]. Вопросы современной дипломатии и дипломатии ЕС нашли отражение в работах Т.В. Зоной [4; 5]. Также интересной представляется кандидатская диссертация О.А. Манжулиной о публичной дипломатии США [9].

При этом институционализации научной дипломатии ЕС, её связи с инновационной политикой союза и рамочными программами по исследованиям и разработкам в политических стратегиях внимание ещё в должной степени не уделялось.

Статья будет интересна специалистам в области международных отношений и европейских исследований, так как в ней рассматриваются инструменты, которые использует ЕС при взаимодействии с «третьими странами» в области НТП и инноваций.

Научная дипломатия как одна из форм современной дипломатии

Энциклопедия «Британника» определяет дипломатию как метод воздействия на решения и поведение иностранных правительств и народов посредством диалога, переговоров и других мер, за исключением войны или насилия⁴.

Современная дипломатия отличается от классической дипломатии разнообразием форм. В классической работе Л. Даймонд и Дж. Макдональда выделяется девять направлений современной дипломатии [20].

Таблица 1. Треки и каналы дипломатии
Table 1. Diplomacy tracks and channels

Трек дипломатии	Канал дипломатии
Первый	через правительство (официальные каналы)
Второй	через неправительственных акторов / экспертов (анализирующих происходящие явления и делающих прогнозы о дальнейшем их ходе, участвующих в переговорах)
Третий	через бизнес и торговлю (поддержка действий, предоставление и использование новых экономических возможностей)
Четвертый	через частных лиц, личное участие (в программах обмена, гражданской дипломатии, волонтерских организациях, группах интересов)
Пятый	через исследования, обучение и образование (проведение исследований, обучение и участие в образовательных программах)
Шестой	через активистов (отдельных граждан, лоббистов, добровольно принимающих участие в программах обмена или оказания помощи)
Седьмой	через представителей религий (или религиозно-этнические группы, например, пацифистов, мирных протестующих)

⁴ <https://www.britannica.com/topic/diplomacy>

Трек дипломатии	Канал дипломатии
Восьмой	через предоставление ресурсов (финансовых, в т.ч. в виде благотворительной помощи отдельных лиц или через финансирующие структуры)
Девятый	посредством коммуникации и средств массовой информации (исследование и формирование общественного мнения через произведения искусства, теле- и радиопередачи, фильмы и др.)

При этом на представленной в книге Л. Даймонда и Дж. Макдональда иллюстрации, ставшей впоследствии логотипом американской организации в 1992 г. – Института многоцелевой дипломатии (<http://imtd.org/>), данные направления были сгруппированы не в иерархическом порядке, а вписаны в круг, показывая тем самым взаимосвязь данных направлений в виде системы.

Предшественником научной дипломатии является культурная дипломатия и отделившаяся от неё публичная или общественная дипломатия (трек 2). В диссертационном исследовании О.А. Манжулиной данные понятия различаются. По её определению, под публичной дипломатией понимаются «осуществляемые при государственной поддержке программы, направленные на формирование зарубежного общественного мнения и улучшения имиджа страны, основными из которых являются информационные проекты в печатных и электронных СМИ, в сфере культуры, науки, образования, повышения профессионального уровня, экономического развития и охраны окружающей среды» [9, с. 4]. По мнению автора, «народная, частная и общественная дипломатия, в отличие от публичной дипломатии, не подразумевают непосредственного государственного управления и представляют собой программы, инициированные и осуществляемые исключительно частными лицами» [9, с. 5]. Таким образом, критерием различий, по мнению О.А. Манжулиной, выступает инициатор и источник финансирования. Мы полагаем, что более существенным является цель публичной дипломатии. Если вне зависимости от инициатора и источника финансирования публичная дипломатия преследует политические цели, т.е. подразумевает стратегическое политическое общение, направленное на создание определённого имиджа и формирование образа внешней политики у зарубежной аудитории, например, при помощи достижений науки, то в таком случае она выступает предметом мировой политики.

Таким образом, в отличие от публичной научная дипломатия является частью как трека 2, так и треков 1, 4 и 5, 8. Если науку можно представить как процесс поиска ответов (истины), то дипломатию – как процесс вежливого диалога и сотрудничества между странами и гражданами в том числе о том, что является истинным⁵.

С точки зрения Американской ассоциации содействия развитию науки, научная дипломатия определяет роль науки, технологий и инноваций в трёх обла-

⁵ Данное определение было предложено Кристин Грине и содержится в первом одночасовом учебном курсе, посвящённом научной дипломатии и опубликованном на сайте Американской ассоциации содействия развитию науки. URL: <https://www.aaas.org/scidip-online-course>

стях: 1) научная экспертиза при формировании внешней политики (*наука в поддержку дипломатии*); 2) содействие международному научному сотрудничеству (*дипломатия в поддержку науки*); 3) использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений между странами (*вклад науки в выстраивание дипломатических отношений*) [31]. При этом все три взаимосвязаны.

Научная дипломатия прошла через три этапа:

- 1) установление формальных связей между наукой и международными отношениями;
- 2) установление международного научного сотрудничества через дипломатию;
- 3) установление сотрудничества на уровне граждан (которое добавилось к официальным межгосударственным отношениям) (трек 4) [38].

Становление европейской научной дипломатии

В Европе первый этап научной дипломатии начался в послевоенный период 1950-х гг., отличавшийся активным использованием научного сотрудничества в целях восстановления связей между странами, ещё недавно воевавшими друг с другом. В 1954 г. по инициативе ЮНЕСКО была создана первая межправительственная Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН), включающая сегодня 22 страны и 600 институтов мира. Её достижения являются наглядным примером использования науки в поддержку дипломатии [38, с. 94-95]⁶. В 1962 г. создаётся Европейская организация по космическим исследованиям (сегодня Европейское космическое агентство), что отражает усиление панъевропейского технологического сотрудничества межгосударственного характера [20]. В то время международные отношения определялись противостоянием двух сверхдержав и на развитие европейской научной дипломатии оказало влияние открытие в 1957 г. натовской программы по науке, названной впоследствии «Программой для мира и безопасности», заложившей основы развития публичной дипломатии⁷. В 1980-х гг. в СССР и США параллельно создавались комитеты по международной безопасности и разоружению, деятельность которых объединяла учёных академий наук и глав государств, парламентариев и военных, что способствовало налаживанию отношений между двумя блоками [36, с. 86]. Позднее на становление научной дипломатии в большей мере оказывали воздействие международные институты ООН. В 2001 г. во время межправительственных переговоров, организованных Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), впервые официально была использована научная дипломатия [31, с. 4]. Активность стал проявлять и Европейский союз. Наблюдатели ЕС вошли в 2002 г. в учрежденную в Иордании организацию по

⁶ The History of CERN. <https://timeline.web.cern.ch/timelines/The-history-of-CERN>

⁷ http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_85373.htm?

экспериментальным исследованиям и применению синхротронного излучения (СЕЗАМ), что также позволило примирить враждующие стороны [26; 34, с. 76], и что тем самым способствовало институционализации европейской научной дипломатии. В дальнейшем это привело к созданию в 2005 г. на встрече «Большой восьмерки плюс пять» Совета научных советников европейских академий, который стал регулярно проводить экспертизу для Европейской комиссии⁸, (на встрече Большой восьмерки плюс пять в 2005 г.). Сегодня большой вклад в дело институционализации научной дипломатии по всему миру также вносит журнал «Наука и дипломатия» Центра научной дипломатии при Американской ассоциации содействия развитию науки, и с 2012 г. продвигающий данную идею в своём научном журнале «Наука и дипломатия»^{9,10}. Также в это же время по поручению Генерального секретаря ООН центр научной экспертизы был открыт при ООН¹¹. Развитие интернета и использование различных социальных сетей способствовало тому, что граждане стали более вовлечены в сферу научной дипломатии. А дипломатическая деятельность стала им более доступной.

Научная дипломатия в ЕС как инструмент продвижения научно-технического сотрудничества с «третьими странами»

Научная дипломатия остаётся приоритетом для Европейской комиссии [38, с. 106]. В Коммюнике 2012 г. говорится, что «научная дипломатия будет использовать международное сотрудничество в области исследований и инноваций как инструмент «мягкой силы» и механизм улучшения отношений с ключевыми странами и регионами»¹². Хорошие международные отношения будут, в свою очередь, способствовать эффективному сотрудничеству в области исследований и инноваций. Как заявил комиссар ЕС по вопросам исследований, науки и инноваций Карлос Моedas в 2016 г. на конференции, посвящённой Европейскому исследовательскому центру, хотя научная дипломатия является важной составляющей каждодневной работы внешнеполитических ведомств, но «чтобы достичь ... ещё более высокого научного совершенства в Европе и добиться более эффективного участия в решении глобальных проблем, нам нужна наука»¹³. Поэтому была поставлена задача больше задействовать потенциал европейской дипломатии для решения глобальных проблем.

В распоряжении ЕС сегодня находится более 140 дипломатических миссий и штаб-квартир Европейской службы внешних действий по всему миру¹⁴, способ-

⁸ <http://www.easac.eu/about-easac/what-is-easac.html>

⁹ <https://www.aaas.org/program/center-science-diplomacy>

¹⁰ <http://en.unesco.org/un-sab/about/background>

¹¹ COM (2012) 497 Enhancing and focusing EU international cooperation in research and innovation: A strategic approach

¹² https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2014-2019/moedas/announcements/science-diplomacy-driver-excellence_en

¹³ https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/area/geo_en

¹⁴ <https://era.gv.at/directory/35>

ных при наличии политической воли обеспечивать взаимодействие Евросоюза в области НТП и инноваций с **«третьими странами»**. Имеющиеся научные дипломатические отделы могут продвигать международное сотрудничество через **традиционные дипломатические инструменты** (трек 1). При этом следует различать уровни взаимоотношений ЕС с «третьими странами» в инновационной сфере.

Таблица 2. Три уровня отношений ЕС с «третьими странами»

Table 2. Three levels of EU relations with «third countries»

Действия на уровне ЕС	Действия государств-членов
Совместные действия ЕС и государств-членов	

Инструменты научной дипломатии ЕС отличаются разнообразием форм, могут возникать стихийно или быть специально организованными. При этом следует различать *стратегические, операционные и поддерживающие инструменты* [34].

К *стратегическим* относятся документы, выработанные как наднациональными институтами (Европейской комиссией, Службой внешних действий), так и министерствами иностранных дел, образования и науки стран-членов – различные стратегии, декларации, дорожные карты, директивы.

В 2008 г. была принята Европейская рамочная стратегия по сотрудничеству в области науки и технологий и основан Европейский стратегический форум по международному научно-технологическому сотрудничеству (SFIC)¹⁵ для усиления междисциплинарного подхода в рамках европейского исследовательского пространства.

Документы, посвящённые национальной стратегии использования научной дипломатии, существуют во Франции [18, 36, с. 50-51], Германии [36, с. 51-54] Испании и формируются в Бельгии [38, с. 115]. Франция стремится развивать международное сотрудничество, защищать свои национальные интересы в сфере науки и технологий, особенно в странах Средиземноморья, бороться с глобальными вызовами и участвовать в программах помощи развитию через науку и культуру. С помощью культурной дипломатии Франция стремится усилить своё влияние в мире. В 2013 г. был разработан план действий и поставлены конкретные цели, в том числе усиление взаимодействия между французскими дипломатами и учёными [18]¹⁶. Испания в 2016 г. заявила о стремлении защищать и продвигать свои интересы через политику в области науки, технологий и ин-

¹⁵ Science Diplomacy for France. Directorate General for Global Affairs, Development and Partnerships, 2013. 17 p. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/science-diplomacy-for-france-2013_cle83c9d2.pdf

¹⁶ Internationalization Strategy of Education, Science and Research. Federal Ministry of Education and Research. Division General for European and International Cooperation in Education and Research. December 2016. 116 p. URL: https://www.bmbf.de/pub/Internationalization_Strategy.pdf; Research and academic relations policy – objectives // Federal Foreign Office, 07.02.2017. http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Themen/KulturDialog/05_Wissenschaft/UbbersichtAWP_node.html

новаций [38, с. 115]. Направление немецких дипломатов от науки в Израиль после окончания Второй мировой войны можно назвать первым использованием научной дипломатии в Германии [39]. В двух стратегических документах 2008 и 2009 гг. отражается её стремление усилить свою роль в глобальном обществе знаний и поддержать интернационализацию науки и исследований¹⁷.

Такие страны как Великобритания, Франция, Испания, Германия, наряду с США, Японией, Канадой, Новой Зеландией, ЮАР активно используют научную дипломатию при работе с негосударственными акторами (такими как университеты, гражданское общество, международные организации, бизнес и профсоюзы) в целях усиления своего влияния в том числе на развитие науки и технологий, а также пропаганды ценностей.

На уровне ЕС лучшие практики государств-членов дополняют друг друга. Союз исходит в целом из более долгосрочного видения, чем отдельные его члены, так как Европейская комиссия осуществляет координацию политики государств-членов с европейскими программами.

Важную роль играют финансовые инструменты (треки 1 и 8) – гранты, субсидии, программы обмена. Возможность совместного решения проблем с помощью науки требует привлечения людей из разных стран, имеющих богатый научный потенциал для решения стоящих перед обществом и государством проблем и способных использовать финансы и технические возможности.

К *операционным* инструментам относятся многосторонние (на уровне ЕС) и двусторонние (на уровне государств-членов) **соглашения** о сотрудничестве, рамочные соглашения, соглашения по специальным вопросам, необходимые для развития совместных проектов. Их разработка возлагается как на наднациональные институты (директораты Европейской комиссии), так и на советников, и на отделы по науке и технологиям при МИД стран-членов, посольствах.

Целями соглашений являются как сотрудничество между исследователями внутри региона, так и создание крупномасштабных инфраструктурных проектов. А также на первый план выходят внешнеполитические интересы, экономические интересы (расширения рынка сбыта), политика в области развития. При этом в каждой стране инициаторами соглашений могут быть как министерства иностранных дел, так и отраслевые ведомства. Существует также множество промежуточных структур, которым передаются функции по реализации и соблюдению подписанных соглашений, например, Британский совет, играющий важную роль в политике развития¹⁸.

В большинстве стран Евросоюза функционируют научно-исследовательские институты, занимающиеся разработкой внешней политики, например, «Чатам Хаус» в Великобритании¹⁹, «Клингиндаль» в Нидерландах²⁰. В Великобритании

¹⁷ <https://www.britishcouncil.org/partner/international-development>

¹⁸ <https://www.chathamhouse.org/>

¹⁹ <https://www.clingendael.org/>

²⁰ Программа «Горизонт 2020». [Электронный ресурс] URL: <http://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/> (дата обращения: 26.01.2016).

существует институт консультантов и советников, что позволяет стране иметь в своих посольствах и миссиях советников по науке [36, с. 59]. Атташе по науке и технологиям существуют не только в таких странах как США, Канада, Швейцария [36, с. 79-81], но и в государствах-членах ЕС – Франции [18, с. 109], Австрии [30, с. 35-47], Дании, Германии, Италии, Нидерландах, Швеции [38, с. 116]. Правда они отличаются как по функциям, так и полученной подготовке. Если в США и Великобритании консультантами выступают карьерные дипломаты, в задачи которых входит мониторинг глобальных вызовов, а в Канаде эти функции берут на себя люди из торговых и бизнес кругов; и в Швейцарии – учёные и представители компаний; то в Германии – это чиновники Министерства исследований. При этом не во всех странах продвижение научного сотрудничества воспринимается этими людьми как часть внешнеполитического курса и не все институты могут и хотят играть предписанную внешнеполитическими ведомствами роль, предпочитая проводить независимую от государственных программ линию.

Другой формой научной дипломатии являются **личные контакты исследователей**. Через проведение конференций, создание исследовательских консорциумов и использование социальных сетей, а также прямой обмен и личное взаимодействие образуются сети взаимодействия, устанавливается диалог между научным и политическим кругами, а также людьми, принимающими решения. Для создания атмосферы доверия ЕС стремится использовать как свою переговорную мощь, так и культурное разнообразие всех своих рядовых граждан. Национальные научные кадры постоянно вовлечены во взаимодействие с коллегами из других стран. Наука, представляющая собой объективную базу для оценки происходящих явлений и отличающаяся рационализмом, прозрачностью и универсальностью может быть использована для улучшения отношений сторон, усиления возможности совместного решения проблем и преодоления разногласий. Современные глобальные проблемы требуют инновационных подходов и решений, выработка которых может быть осуществлена только путём объединения усилий всего мирового сообщества. Зачастую научные вопросы тесно переплетаются с политическими. Хотя научная база позволяет более взвешенно воспринимать политические риски и нестабильность и тем самым уравновесить политику, но информация, поступающая от учёных в высшие политические круги может оказаться им непонятной из-за использования специальной научной терминологии. Это касается как лиц, принимающих решения, рядовых граждан [38, с. 110]. Вовлечение граждан в научную деятельность и обмен мнениями между представителями разных стран, культур и политических взглядов позволяет преодолеть эти барьеры и повысить вероятность выработки новых подходов. Тем самым, участие обычных людей в международном сотрудничестве способствует прогрессу науки и открывает возможности для взаимовлияния культур. Всё вышесказанное относится и к взаимодействию с «третьими странами». Таким образом, научная дипломатия обеспечивает возможность

объединения политических и финансовых ресурсов взаимодействующих субъектов.

Расширение международного сотрудничества наряду с увеличением научного потенциала усиливает возможности государств решать сообща проблемы, оказывает поддержку политическим инициативам и в целом улучшает отношения с «третьими странами». Объединение научных ресурсов позволяет выйти на новый уровень, не доступный для отдельных государств, особенно в деле продвижения своей торговой политики и политики в сфере развития.

Рамочные программы как инструменты научно-технологического сотрудничества ЕС

В условиях роста политических рисков – усиления конфликтогенности и борьбы за ресурсы Евросоюз берёт на себя ответственность за реализацию 17 целей устойчивого развития до 2030 г.

Статистические данные подтверждают конкурентоспособные преимущества европейской науки и технологий в решении проблем устойчивого развития. Основная часть исследований в сфере здравоохранения, продуктов питания и биоэкономики приходится на ЕС [38, с. 103], Европейский союз поддерживает исследования и инновации по энергетике и чистым технологиям [38, с. 101]. Также в Союзе имеются и разрабатываются передовые технологии в сфере транспорта, климата, сельского хозяйства, безопасности. Европа контролирует ключевые технологии, которые пока не везде находят своё применение [38, с. 105].

Внешние условия, в которых действует ЕС, постоянно меняются. Для более точного определения масштабов каждой из имеющихся глобальных проблем ЕС использует прогностический подход – Еврокомиссия разрабатывает сценарии для глобального уровня [17]. Согласно таким сценариям в развитых странах и в дальнейшем сохранится высокий уровень потребления редких ресурсов, а потребление энергии, воды, продуктов питания в мире вырастет на 45, 30 и 50% к 2030 г. [38, с. 99]. Соответственно, сохраняются риски изменения климата, нехватки воды и потери биоразнообразия. Это во многом совпадает с оценками других независимых институтов и аналитических центров, на основе которых всеми государствами вырабатываются прогнозы и программы действий в целях своевременного предупреждения возможных рисков. ОЭСР и Мировой банк выступают для ЕС как образец для подражания при разработке перспектив научно-технологического развития [30]. Для более точных глобальных прогнозов необходимо использование новейших технологий – сенсоров, систем наблюдения и сбора информации, доступной общественности. Такие технологии есть не у всех государств. Современные общественные вызовы являются по своей сути междисциплинарными и требуют соответствующих решений, учитывающих культурную специфику обществ. Поэтому достижение целей устойчивого развития становится невозможным без развития науки и технологий по всему

миру. При этом ЕС исходит из того, что, например, использование микроэлектроники и новых материалов, а также продвинутых технологий производства и космических технологий может помочь в развитии других сфер и решения глобальных проблем.

Для снижения конфликтного потенциала Европейский союз разрабатывает схемы более эффективного глобального управления, обеспечения безопасности, стратегию борьбы с бедностью и голодом. Европейцы исходят из того, что справиться со всеми вызовами с помощью использования традиционной военной силы невозможно, так как это неизбежно приводит к тому, что одна сторона получает выгоды, а другим достаются потери. Решение стоящих перед всеми странами мира вызовов может быть достигнуто как благодаря созданию радикальных инноваций, так и за счёт использования имеющегося знания и технологий в ЕС путём развития схем международного научно-технического сотрудничества. В европейской «Стратегии 2020» перспективными областями международного научно-технологического сотрудничества названы энергетическая безопасность, транспорт (включая космонавтику), изменение климата, рациональное использование ресурсов, развитие здравоохранения и социальной политики [10]. Они коррелируют с критическими технологиями, необходимыми для перехода от одного технологического порядка к другому. Также ЕС стремится использовать инструменты спроса (госзакупки) в целях смягчения последствий глобальных вызовов [22].

Политика Брюсселя также направлена на сотрудничество с появившимися после Первой и Второй мировых войн многочисленными **международными организациями** (такими как МОТ, ООН), межправительственными организациями и объединениями (АСЕАН) в целях решения глобальных проблем. Благодаря таким организациям осуществляется значительный объём научно-технического сотрудничества всех государств и именно эти структуры играют важную роль в координации деятельности государств в целях использования достижений науки и техники на пользу всему человечеству.

Европа также пытается играть особую роль в продвижении научной этики, выступая как переговорная площадка для обсуждения социальных последствий внедрения новых технологий и выработки общих этических норм. Тем самым европейская наука способствует распространению европейских ценностей, а также международному сотрудничеству на основе таких ценностей.

Сотрудничество с ЕС проявляется в создании специальных структур – например, межправительственных – ЦЕРН или рамочной программы «Горизонт 2020»²¹, привлекающих тысячи исследователей со всего мира для участия в европейских проектах. При этом «третьи страны» получают доступ к европейским финансовым инструментам через рамочные программы. Соответственно европейские исследователи получают возможность

²¹ The Strategic Forum for International Science and Technology Cooperation (SFIC) opinion on the mid-term evaluation of the H2020 and FP9 (ERAC-SFIC 1352/17). 03.02.2017. 9 p.

распространения своих разработок и их эффективного использования на глобальном уровне. Подобные инициативы позиционируются как модель глобального научно-технического сотрудничества. Так, рамочная программа «Горизонт 2020» или инициатива европейского исследовательского пространства могут быть распространены и на другие регионы мира, образуя глобальное пространство, что объективно усиливает внешнеполитическое измерение ЕС [38, с.100].

Помимо некоторых государств программа «Горизонт 2020» включает теперь большинство ведущих стран, соседей на юге и востоке, и более отдалённые регионы тихоокеанской Азии, Центральной Азии и Китая. Соответственно и Европейский союз сможет и в дальнейшем повысить своё международное влияние за счёт расширения круга участников программы «Горизонт 2020» и продвижения более широкого диалога.

Но существуют и проблемы: по сравнению с 7-й рамочной программой в сфере науки и технологий количество участников программы «Горизонт 2020» из «третьих стран» упало с 4,9% до 2,4%²², что было связано как с пересмотром схемы финансирования – переводом ряда стран на механизм софинансирования проектов, так и с недостаточной централизацией информации на веб-портале или недостаточным анализом прогресса выполнения дорожных карт. Соответственно, Европейская комиссия приняла решение о корректирующих мерах: а) усилении сотрудничества между государствами-членами и ассоциированными членами в двусторонних и межрегиональных диалогах ЕС через деятельность Объединённого комитета по сотрудничеству в области науки и техники (JSTCC); б) обеспечении лучшей координации деятельности программных комитетов, их сплочения и продвижения; в) развитие партнёрских отношений ЕС с финансовыми агентствами других стран; г) продвижение инициатив отдельных государств-членов ЕС в «третьих странах»; д) создание сервисного центра Европейской комиссии, осуществляющего поддержку научно-исследовательского и инновационного сотрудничества²³.

Институциональное партнёрство государств-членов союза выражается в заключении соглашений по науке и технологиям.

Наука в ЕС сегодня активно используется в политических целях, а научная дипломатия выступает инструментом европейской «мягкой силы» (в т.ч. умной и нормативной силы), понимаемой как возможность оказания влияния посредством культуры, ценностей и идей [33, с. 10]. Но влияние научной дипломатии ограничено [38, с. 108]. Так, например, процесс достижения договорённостей и практического их воплощения может растягиваться во времени, а язык науки может оказаться непонятным лицам, принимающим решения.

Внешнеполитическое измерение инновационной политики Брюсселя зависит:

²² <https://etendering.ted.europa.eu/cft/cft-display.html?cftId=1509>

- от степени согласованности интересов стран-членов между собой;
- от степени согласованности интересов стран-членов с интеграционными институтами;
- от лидерства и властных полномочий внутри Сообщества по вопросу развития внешних связей (как отдельных стран-членов, так и институтов за усиление своих позиций);

Для решения стоящих перед Евросоюзом внешнеполитических задач необходимо более систематическое использование научных ресурсов.

Список литературы

1. Белова А.В. Инструменты научно-технического сотрудничества России и Европейского союза в инновационной сфере // Балтийский регион. 2012. № 4 (14). С. 137-149.
2. Европейская интеграция / под ред. О.Буториной. М.: Деловая литература, МГИМО, 2011. 720 с.
3. Зонова Т.В. Дипломатия. Модели, формы, методы. М.: Аспект-Пресс, 2014. 348 с.
4. Зонова Т.В. Новые проблемы дипломатии // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В.Торкунова. М.: Просвещение, 2004. С. 467-494.
5. Капто А.С. Научный статус дипломатии и её виды // Безопасность Евразии. 2004. № 3 (17). С. 313-331.
6. Клавдиенко В.П. Рамочные программы исследований и развития ЕС: цели, приоритеты, механизмы реализации // Инновации. 2007. № 10. С. 88-91.
7. Ленчук Е., Власкин Г. Промышленная политика в условиях перехода к инновационной экономике. М.: Наука, 2006. 246 с.
8. Манжулина О.А. Публичная дипломатия США : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. СПб., 2005. 203 с.
9. Международная научная конференция НИУ ВШЭ — ОЭСР «Форсайт: инновационные ответы на глобальные вызовы» // Форсайт. 2012. Т. 6. № 4. С. 73-79.
10. Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века. Ч. 1. Экономические аспекты / под ред. В.В.Журкина и др. Доклады Института Европы РАН, №180. М.: Институт Европы РАН, 2006. 161 с.
11. Пономарева Е.Г. Научное сотрудничество - форма и метод публичной дипломатии / Е.Г. Пономарева, В.С. Ягья // Обозреватель. 2015. № 8. С. 69-82.
12. Розенау Дж. Меняющиеся индивиды как источник глобальной турбулентности// Жирар М. Индивиды в международной политике. М.: Международная педагогическая академия, 1996. С.70-84.
13. Романова М.Д. Научная дипломатия: изменения и практики // Наука. Инновации. Образование. 2017. №1 (23). С. 38-52.
14. Торкунов А.В., Панченко В.Я. Учёный как дипломат. Наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // Российская газета. 26.06.2017. №7304 (138).
15. Циренщиков В.С. Инновационная политика Евросоюза. С. 129-156. // Инновационное развитие экономики: международный опыт и проблемы России: коллективная монография / науч. ред. В.П.Федоров. М.; Спб.: Нестор-История, 2012. 352 с.
16. Циренщиков В.С. Европа: прогностическое обеспечение инновационного развития. М., ИЕ РАН, 2005. Доклад №153. 146 с.
17. Шелюбская Н.В. Конвергенция европейского научно-технического и инновационного развития: роль программ ЕС // Глобальная трансформация инновационных систем / отв. ред. Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 163 с. С. 60-77.
18. Шестопал А.В., Литвак Н.В. Научная дипломатия. Опыт современной Франции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 106-114.
19. Borrás S. The Innovation Policy of the European Union: From Government to Governance. Edward Elgar Pub., 2003. 256 p.
20. Borrás S. Science, technology and innovation in European Politics // Roskilde. Research Papers. 2000. No. 5. 30 p.
21. Diamond L., McDonald J. Multi-Track Diplomacy: A System Approach to Peace. 2nd ed. Wash., 1996. 182 p.
22. Edquist Ch., Zabala-Iturriagaitia J.M. Public Procurement for Innovation as mission-oriented innovation policy // Research Policy. 2012.

- Vol. 41. Iss. 10. Pp. 1757-1769. DOI: 10.1016/j.respol.2012.04.022.
23. Fischer R. European governance still technocratic? New modes of governance for food safety regulation in the European Union // European Integration online Papers. 2008. Vol.12. 26 p.
 24. Hormats R.D. Science Diplomacy and Twenty-First Century Statecraft // Science & Diplomacy, 03.09.2012. URL: <http://www.sciencediplomacy.org/perspective/2012/science-diplomacy-and-twenty-first-century-statecraft> (дата обращения: 23.04.2016).
 25. Investing in the European future we want. European Commission, 2017. 33 p.
 26. Kamel G. How a Mediterranean Wanderer Joined SESAME // Science & Diplomacy, Sept. 2016. URL: <http://www.sciencediplomacy.org/>
 27. Kuhlmann S. What European innovation studies have to offer to innovation policy. Presented at Atlanta conference on science and technology policy: US-EU policies for research and innovation, 18-20 May 2006. Atlanta, GA.
 28. Kuhlmann S. and Edler J. Scenarios of technology and innovation policies in Europe: Investigating future governance. Technological Forecasting & Social Change. 2003. No. 70. Pp. 619-637.
 29. Metz J. The European Commission, Expert Groups, and the Policy Process: Demystifying Technocratic Governance. Palgrave Macmillan, 11.08.2015. 264 p.
 30. Mytelka, L.K. Smith K. Innovation Theory and Innovation Policy: Bringing the Gap. Paper presented to DRUID Conference, Aalborg, 12-15.06.2001. URL: http://www.druid.dk/conferences/nw/paper1/mytelka_smith.pdf.
 31. New Frontiers in Science Diplomacy. The Royal Society. January 2010. 44 p.
 32. Nichols R.W. Why Diplomacy and Science Need Each Other // Foreign Affairs, 25.06.2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-06-25/hardly-academic>
 33. Nye J. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.
 34. Open Innovation, Open Science, Open to the World – a vision for Europe. European Commission, 2016. 108 p.
 35. Research Strategies The next Framework Programme/E.Kelly,F.Zubascu,I.Alho,R.Melzer, M.Dietl, R.L. Hudson. Science|Business Report. 2016. 20 p.
 36. Ruffini P.-B. Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations. Springer, 2017. 132 p.
 37. Sgueo G. External Expertise in EU Policy-Making: The Quest for Transparency. 2017. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2899373> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2899373>
 38. Slaus I., Wallace H., Cuhls K., Soler M.G. Science Diplomacy // Europe's Future: Open Innovation, Open Science, Open to the World. P.107.
 39. Strohschneider P. "The Importance of International Research Cooperation: Reflections from Germany" // Science & Diplomacy, December 2016. URL: <http://www.sciencediplomacy.org>
 40. The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age / Ed. by Mellisen J. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2005. 246 p.
 41. Turekian V.C., Norman P.N. Science and Diplomacy: The Past as Prologue // Science & Diplomacy, 03.09.2012. URL: <http://www.sciencediplomacy.org/editorial/2012/science-and-diplomacy> (дата обращения: 23.04.2016).

Об авторе:

Ксения Александровна Ибрагимова – соискатель кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. E-mail: enigmaticxenia@gmail.com. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EU SCIENCE DIPLOMACY AND FRAMEWORK PROGRAMMES AS INSTRUMENTS OF STI COOPERATION

K.A. Ibragimova

DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-151-168

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: This article examines the tools that the EU in interactions with third countries in the field of STI uses. The EU is a pioneer in the use of science and technology in the international arena, the creation of strategic bilateral agreements on science and technology and the conduct of political dialogues at the highest political level (at the country and regional levels). The EU actively uses its foreign policy instruments of influence, including the provision of access to its framework programs to researchers from third countries, as well as scientific diplomacy. The success of these programs and scientific diplomacy shows the effectiveness of the EU as a global actor.

In its foreign policy global innovation strategy, the EU proceeds from the premise that no state in the world today can cope independently with modern global challenges such as climate change, migration, terrorism, etc. Therefore, the solution of these issues requires both an expert evaluation from an independent world scientific community, and the perseverance of diplomats and officials of branch ministries of national states capable of conveying the views of their government in international negotiations and defending national interests of the country to find a solution that suits everyone.

The EU has the resources to create a "cumulative effect" by developing and applying common norms on the territory of the Union, analyzing the innovation policies of member states and the possibility of sharing best practices. At the same time, the EU shares its vision of problems, values and priorities with partners and uses the tools of "soft power" (including its smart and normative force) and scientific diplomacy in the field of STI.

The soft power of the EU in the field of STI lies in the attractiveness of the EU as a research area in which it is possible to conduct modern high-quality international research with the involvement of scientific teams from different countries in both physical and virtual spaces. The EU training programmes and expertise contribute to the development of a flexible approach in international cooperation, supported by scientific facts. On this basis practical, scientific partnerships are formed and scientific exchanges are taking place.

Key words: innovation policy, the EU, framework programmes, science diplomacy.

References

1. Belova A.V. Instrumenty nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Evropeiskogo Soiuzu v innovatsionnoi sfere [Instruments of scientific and technical cooperation of Russia and the European Union in the innovation sphere]. *Baltiiskii region*, 2012, no. 4 (14), pp. 137-149.
2. *Evropeiskaia integratsiia* [The European Integration]. Ed. by O.Butorina. Moscow, Delovaia literatura, MGIMO Publ., 2011. 720 p.
3. Zonova T.V. *Diplomatiia. Modeli, formy, metody* [Diplomacy. Models, forms, methods]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2014. 348 p.

4. Zonova T.V. Novye problemy diplomatii [New problems of diplomacy]. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika* [Modern international relations and world politics]. Ed. by A.V.Torkunov. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2004. Pp. 467-494.
5. Kapto A.S. Nauchnyi status diplomatii i ee vidy [The scientific status of diplomacy and its types]. *Bezopasnost' Evrazii*, 2004, no. 3 (17), pp. 313-331.
6. Klavdienko V.P. Ramochnye programmy issledovaniia i razvitiia ES: tseli, priority, mekhanizmy realizatsii [EU research and development policy frameworks: objectives, priorities, implementation mechanisms]. *Innovatsii*, 2007, no. 10, pp. 88-91.
7. Lenchuk E., Vlskin G. *Promyshlennaia politika v usloviakh perekhoda k innovatsionnoi ekonomike* [Industrial policy in conditions of transition to an innovative economy]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 246 p.
8. Manzhulina O.A. *Publichnaia diplomatiia SShA* [US Public Diplomacy]. Phd diss. St. Petersburg, 2005. 203 p.
9. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia NIU VSHE — OESR «Forsait: innovatsionnye otvety na global'nye vyzovy» [International Scientific Conference HSE - OECD "Foresight: Innovative Answers to Global Challenges"]. *Forsait*, 2012, vol. 6, no. 4, pp. 73-79.
10. *Otveti Rossii i Evrosoiuz na vyzovy XXI veka. Part 1. Ekonomicheskie aspekty* [The answers of Russia and the European Union to the challenges of the 21st century. Part 1. Economic aspects]. / ed. by V.V.Zhurkin. Doklady Instituta Evropy RAN, no. 180. Moscow, Institut Evropy RAN Publ., 2006. 161 p.
11. Ponomareva E.G., Iag'ia V.S. Nauchnoe sotrudnichestvo - forma i metod publichnoi diplomatii [Scientific cooperation is a form and method of public diplomacy]. *Obozrevatel'*, 2015, no. 8, pp. 69-82.
12. Girard M. *Les individus dans la politique internationale*. Paris, ECONOMICA, 1994. 303 p. (Russ. ed.: Rozenau Dzh. Meniaiushchiesia individy kak istochnik global'noi turbulentnosti [Changing Individuals as a Source of Global Turbulence]. Zhirar M. Individy v mezhdunarodnoi politike [Individuals in International Politics]. Moscow, Mezhdunarodnaia pedagogicheskaii akademiia Publ., 1996. Pp.70-84.)
13. Romanova M.D. Nauchnaia diplomatiia: izmereniia i praktiki [Scientific diplomacy: measurement and practice]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, 2017, no.1 (23), pp. 38-52.
14. Torkunov A.V., Panchenko V.Ia. Uchenyi kak diplomat. Nauka vliiaet na reshenie mezhdunarodnykh konfliktov i problem [A scientist as a diplomat. Science influences the solution of international conflicts and problems]. *Rossiiskaia gazeta*, 26.06.2017. No. 7304 (138).
15. Tsirenschikov V.S. Innovatsionnaia politika Evrosoiuz [Innovative policy of the European Union]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki: mezhdunarodnyi opyt i problemy Rossii* [Innovative development of the economy: international experience and problems of Russia]. Collective monograph. Ed. by V.P. Fedorov. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2012. Pp. 129-156.
16. Tsirenschikov V.S. *Evropa: prognosticheskoe obespechenie innovatsionnogo razvitiia* [Europe: predictive maintenance of innovative development]. Moscow, IE RAN Publ., 2005. Report no.153. 146 p.
17. Sheliubskaiia N.V. Konvergentsiia evropeiskogo nauchno-tekhnikeskogo i innovatsionnogo razvitiia: rol' programm ES [Convergence of European scientific, technological and innovative development: the role of the EU programs]. *Global'naia transformatsiia innovatsionnykh sistem* [The global transformation of innovation systems]. Ed. by N.I. Ivanova. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2010. 163 p. Pp. 60-77.
18. Shestopal A.V., Litvak N.V. Nauchnaia diplomatiia. Opyt sovremennoi Frantsii [Scientific diplomacy. The experience of modern France]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 5 (50), pp. 106-114.
19. Borrás S. *The Innovation Policy of the European Union: From Government to Governance*. Edward Elgar Pub., 2003. 256 p.

20. Borrás S. Science, technology and innovation in European Politics. *Roskilde Research Papers*, 2000, no. 5. 30 p.
21. Diamond L., McDonald J. *Multi-Track Diplomacy: A System Approach to Peace*. 2nd ed. Washington, 1996. 182 p.
22. Edquist Ch., Zabala-Iturriagagoitia J.M. Public Procurement for Innovation as mission-oriented innovation policy. *Research Policy*, 2012, vol. 41, iss. 10, pp. 1757-1769. DOI: 10.1016/j.respol.2012.04.022.
23. Fischer R. European governance still technocratic? New modes of governance for food safety regulation in the European Union. *European Integration online Papers*, 2008, vol.12. 26 p.
24. Hormats R.D. Science Diplomacy and Twenty-First Century Statecraft. *Science & Diplomacy*, 03.09.2012. Available at: <http://www.sciencediplomacy.org/perspective/2012/science-diplomacy-and-twenty-first-century-statecraft> (Accessed 23.04.2016).
25. *Investing in the European future we want*. European Commission, 2017. 33 p.
26. Kamel G. How a Mediterranean Wanderer Joined SESAME. *Science & Diplomacy*, September 2016. Available at: <http://www.sciencediplomacy.org/>
27. Kuhlmann S. *What European innovation studies have to offer to innovation policy*. Presented at Atlanta conference on science and technology policy: US-EU policies for research and innovation, 18-20.05.2006. Atlanta, GA.
28. Kuhlmann S. and Edler J. Scenarios of technology and innovation policies in Europe: Investigating future governance. *Technological Forecasting & Social Change*, 2003, no. 70, pp. 619-637.
29. Metz J. *The European Commission, Expert Groups, and the Policy Process: Demystifying Technocratic Governance*. Palgrave Macmillan, 11.08.2015. 264 p.
30. Mytelka L.K., Smith K. *Innovation Theory and Innovation Policy: Bringing the Gap*. Paper presented to DRUID Conference, Aalborg, 12–15.06.2001. Available at: http://www.druid.dk/conferences/nw/paper1/mytelka_smith.pdf
31. *New Frontiers in Science Diplomacy*. The Royal Society. January 2010. 44 p.
32. Nichols R.W. Why Diplomacy and Science Need Each Other. *Foreign Affairs*, 25.06.2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-06-25/hardly-academic>
33. Nye J. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.
34. *Open Innovation, Open Science, Open to the World – a vision for Europe*. European Commission, 2016. 108 p.
35. Research Strategies The next Framework Programme / E.Kelly, F.Zubascu, I.Alho, R.Melzer, M.Dietl, R.L. Hudson. *Science|Business Report*, 2016. 20 p.
36. Ruffini P.-B. *Science and Diplomacy: A New Dimension of International Relations*. Springer, 2017. 132 p.
37. Sgueo G. *External Expertise in EU Policy-Making: The Quest for Transparency*. 2017. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2899373> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2899373>
38. Slaus I., Wallace H., Cuhls K., Soler M.G. Science Diplomacy. *Europe's Future: Open Innovation, Open Science, Open to the World*. P.107.
39. Strohschneider P. The Importance of International Research Cooperation: Reflections from Germany. *Science & Diplomacy*, December 2016. Available at: <http://www.sciencediplomacy.org>
40. *The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age*. Ed. by Mellisen J. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2005. 246 p.
41. Turekian V.C., Norman P.N. Science and Diplomacy: The Past as Prologue. *Science & Diplomacy*, 03.09.2012. Available at: <http://www.sciencediplomacy.org/editorial/2012/science-and-diplomacy> (Accessed 23.04.2016).

About the author:

Ksenia A. Ibragimova – PhD-student at the Department of Integrational processes at MGIMO-University. E-mail: enigmaticxeniam@gmail.com, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

СЕПАРАТИЗМ В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ ФЛАМАНДСКИХ ПРАВОПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ

П.В. Осколков

Факультет мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья посвящена проблеме фламандского сепаратизма, включая автономизм и индепендизм, и её отражению в программах правопопулистских партий – «Фламандского блока» (с 2004 г. «Фламандский интерес») и «Нового фламандского альянса». Дается краткая история феномена сепаратизма как одного из основных составляющих правопопулистской программы. Фламандский сепаратизм рассматривается в контексте европейской интеграции, а также в сравнении с другими сепаратистскими движениями. Будучи артикулирован как политическое требование в 1990-е гг., фламандский сепаратизм прочно вошёл в программы правопопулистских партий. Был создан ряд проектов отделения Фландрии, которое, по мнению авторов, должно произойти в форме раздела Бельгии – чтобы Валлония не стала единственным государством-правопреемником бельгийской федерации. ЕС, как правило, воспринимается сепаратистами как сдерживающий институциональный фактор, однако признаётся его роль в общеевропейском усилении регионов. Элементы, которые были призваны удерживать бельгийскую федерацию от распада, фактически не функционируют должным образом, однако достижение полной независимости лишь закрепило бы *de jure* уже существующее административное и политическое разделение и создало бы массу административных проблем. Поэтому в последние годы число сторонников независимости Фландрии снизилось, но бельгийская федерация находится в определённом «моменте равновесия», который действия правопопулистских партий в состоянии нарушить.

Ключевые слова: Фландрия, Бельгия, сепаратизм, индепендизм, «Фламандский интерес», «Новый фламандский альянс», правый популизм, национализм, регионализм.

УДК 329.273

Поступила в редакцию 16.07.2017 г.

Принята к публикации 01.10.2017 г.

В данной статье показано, как фламандский сепаратизм, будучи одной из неизменных структурных составляющих бельгийской политики с момента образования бельгийского государства, отражается в программных установках и деятельности фламандских правопопулистских партий. Мы рассматриваем фламандский сепаратизм в качестве одной из ключевых составляющих правопопулистского дискурса во Фландрии, наряду с антииммиграционной повесткой. Фламандские правые популисты занимают чёткую позицию по тем насущным вопросам, которые не находят отражения в программных установках и деятельности партий мейнстрима. Они эксплуатируют противоречие между запросом электората и ответом правительственных структур (в соответствии с теорией популизма Э. Лакло); иначе такие партии лишаются фактора привлечения избирателей.

Из отечественных авторов о фламандском сепаратизме писали Ф.А. Попов [5], А.И. Тэвдой-Бурмули [6], С.В. Бирюков [1]. При этом только А.И. Тэвдой-Бурмули помещает проблему фламандского сепаратизма в контекст партийно-идеологической борьбы и правопопулистского подъёма, в то время как С.В. Бирюков и Ф.А. Попов анализируют движение за независимость Фландрии как самостоятельный феномен. С.В. Бирюков делает акцент на общеевропейском контексте и поиске путей решения проблемы сепаратизма, а Ф.А. Попов рассматривает фламандский сепаратизм как одно из проявлений сецессионистских тенденций в глобальном масштабе. Среди бельгийских авторов необходимо выделить Р. Эрно [8] и П. ван Велтховена [14]. Р. Эрно рассматривает фламандский сепаратизм преимущественно с экономической точки зрения, не связывая его с партийной политикой. П. ван Велтховен анализирует исторические причины фламандского сепаратизма, не уделяя внимания современным политическим партиям и их популистской природе.

В отечественной науке используется несколько терминов для обозначения организованного стремления этнорегиональной общности к обособлению от материнского государства: сепаратизм, сецессионизм, индепендизм, ирредентизм. Сецессионизм направлен на сецессию [5, с. 20]. Сепаратизм – это самый обобщающий термин, он подразумевает в целом стремление к обособлению, включая как сецессионизм, т.е. выход части государства из его состава, так и автономизм/регионализм, т.е. расширение автономии в рамках существующего государства. Сецессия, направленная на присоединение территории к другому государству, обозначается термином ирредентизм, а предполагающая возникновение нового центра власти – индепендизм [5, с. 24–25].

Ирредентистский дискурс во Фландрии непопулярен. Опросы общественного мнения по поводу объединения Нидерландов и Фландрии не проводились с 2008 г. Тогда 45% нидерландцев высказались за слияние, а большинство

фламандцев – против¹. В настоящее время такую идею «великих Нидерландов» разделяют в Бельгии только маргинальные организации, а в Нидерландах – не только маргиналы, но и парламентская «Партия свободы»².

Существенная часть фламандских националистов выступает за образование самостоятельного государства. Их не устраивает модель федерации, где Фландрия вписана в громоздкую систему управления, которая, к тому же, отражает «валлонскую программу». Председатель партии *Rassemblement wallon* Поль-Анри Жандебьен пишет: «...федерализм по-бельгийски – это историческое поражение. Он не решил проблем Валлонии. Он не сдержал национальных стремлений Фландрии, а также её непосредственных требований» [7, с. 98]. Большинство идеологов фламандского национализма считают, что недостаточно быть одним из регионов в «Европе регионов»: независимая Фландрия должна напрямую участвовать в международных структурах [13, с. 28], сохраняя открытую и экспортоориентированную экономику.

Необычность фламандского сепаратизма по сравнению с другими странами Европы в том, что представители этноса, претендующего на отделение, составляют большинство населения страны. А.И. Тэвдой-Бурмули отмечает, что из «латентного феномена» фламандский сепаратизм превратился в «значимое политическое явление, видимое внешнему наблюдателю» за два последние десятилетия [6, с. 77]. Впервые в новейшей истории политическое требование государственной независимости Фландрии было выдвинуто партией «Фламандский блок», которая 29 апреля 1990 г. провела в Стромбек-Бевере конгресс под лозунгом «Независимость необходима и возможна». На следующий год Фламандское национальное движение организовало в Куртрэ конгресс «Независимая Фландрия».

Проясним, какие фламандские партии³ мы называем правопопулистскими. Большинство исследователей относят к критериям правого популизма соединение популистской стратегии политического поведения (понимаемой как прямое обращение к народу) и нативизма [12, с. 1173–1175], а также сочетание двух дихотомий: вертикальной («простой народ» против «элиты») и горизонтальной («свои» против «чужих») [10, с. 18]. Указанным критериям соответствуют две бельгийские/фламандские партии: «Фламандский интерес» (*Vlaams Belang*, VB) и «Новый фламандский альянс» (*Nieuwe Vlaamse Alliantie*, N-VA).

Демаргинализовав фламандский сепаратизм, «Фламандский блок» (позднее – «Фламандский интерес») так и не смог войти в политический истеблишмент Бельгии. Тему сепаратизма от него «подхватил» более уважаемый «Новый фламандский альянс» (НФА) [6, с. 80], благодаря которому регионалистская

¹ *Nederlanders niet meer zo tuk op fusie met Vlaanderen* // HLN.be. 11.11.2007. URL: <http://www.hln.be/hln/nl/957/Binnenland/article/detail/72128/2007/11/11/Nederlanders-niet-meer-zo-tuk-op-fusie-met-Vlaanderen.dhtml> (дата обращения: 23.04.2016).

² *Heyer D. Wilders wil Vlaanderen bij Nederland hebben* // Metro. 09.03.2016. URL: <http://www.metronieuws.nl/nieuws/binnenland/2016/03/wilders-wil-vlaanderen-bij-nederland-hebben> (дата обращения: 29.04.17).

³ Во Фландрии и Валлонии отдельные партийные системы.

повестка стала одной из главных составляющих фламандского политического дискурса. В отличие от «Фламандского интереса» (ФИ), выступающего за независимость Фландрии, НФА выдвигает умеренное требование государственной реформы с превращением Бельгии в конфедерацию. В предвыборной программе ФИ 2014 г. сказано: «Конфедеративные модели, которые сейчас предлагаются, не дают выхода из бельгийского тупика... «Фламандский интерес» намерен активно готовить будущую Фламандскую республику... Поэтому: больше никаких государственных реформ, Фландрия как суверенное государство в Европе и в мире»⁴; при этом Брюсселю отводится роль столицы будущей Фламандской республики. «Новый фламандский альянс» же выступал тогда «за конфедеративную модель, в которой основная часть полномочий будет принадлежать регионам»⁵, а Брюссель сохранил бы нынешний статус столицы единой страны.

Необходимо учитывать, что популярные во Фландрии идеи сецессионизма заимствуют в своей программе и партии политического мейнстрима, прежде всего, CD&V – «Фламандские христианские демократы». Обосновывая тезис о подобном заимствовании, А.И. Тэвдой-Бурмули подсчитал поддержку регионалистской повестки путём сложения электоральных результатов партий, имеющих в своей программе пункт о расширении фламандской автономии. Сложив таким образом результаты на выборах 2014 г. «Нового фламандского альянса», «Фламандских христианских демократов» и «Фламандского интереса», получаем 35,6 % голосов избирателей, при том что совокупный потенциал упомянутых партий за последние 15 лет вырос примерно на 5% [6, с. 82].

В 1999 г. группа представителей фламандской общественности передала фламандскому парламенту 24 тысячи подписей в пользу составления «Проекта конституции фламандского государства». Парламент сформировал рабочую группу для выработки такого проекта. О том, что новое государство ориентируется на тесные связи с Нидерландами, было указано в преамбуле проекта и в ст. 97⁶. В ст. 3 говорилось, что для передачи части полномочий международным или наднациональным организациям требуется принятие специального закона, одобренного 2/3 членов парламента. В соответствии со ст. 96, любой международный договор, передающий существенные полномочия государства наднациональным структурам, подлежит утверждению на референдуме (референдум не требуется, если государство передаёт свои полномочия без заключения соответствующего договора или в одностороннем порядке). Отдельная глава была посвящена правам брюссельских франкофонов. Им гарантировалась охрана языкового, культурного и научного наследия; официальными языками в Брюсселе ст. 83 провозглашала нидерландский и французский. Подлежит формированию Совет франкофонов Брюсселя, обладающий полномочиями в сфере организа-

⁴ Uw stok achter de deur: verkiezingsprogramma. Brussel: Vlaams Belang, 2014. P. 5.

⁵ Vlaanderen betaalt de Belgische factuur: analyse van N-VA. Brussel: N-VA, 2013. P. 33.

⁶ Такая необходимость упоминается и в последующих сецессионистских планах, к примеру, в «плане Вермейрена» [13].

ции франкоязычных культурных мероприятий и франкоязычного образования в столице⁷.

Десятая глава предусматривала введение в духе положений Маастрихтского договора о суверенитете государств-членов усиленного парламентского контроля над политикой ЕС в том, что затрагивает интересы Фландрии. Ст. 97 содержала обязательство правительства информировать парламент о своих инициативах в международных организациях. Парламент должен был определять границы переговорных возможностей правительства в Европейском совете (ст. 94). Ст. 93 указывала, что независимая Фландрия как член Европейского союза сохраняет за собой право выхода из него, в случае, если последним будут нарушены принципы субсидиарности и уважения идентичности государств-членов.

За время, прошедшее после составления проекта, в Европе многое изменилось. Изменилось и отношение националистических партий к ЕС. Новый фламандский альянс сохранил ориентацию на европейскую интеграцию, предостерегая всё же против создания «Соединённых Штатов Европы» и расширения наднациональных полномочий ЕС. А партия «Фламандский интерес» включила в свою социально-экономическую программу (2012 г.) пункт «Нет молоху ЕС, да – свободным нациям» (п. 1 гл. 6), где читаем: «...через десять лет после введения евро дальнейшее существование единой валюты и, шире, европейского проекта, уже не кажется само собой разумеющимся... ЕС организован по модели... федералистского бюрократического молоха... Соединённых Штатов Европы. Такая конструкция нежизнеспособна, потому что не существует европейского языка, европейского народа, общеевропейского политического пространства... «Фламандский интерес» горд быть *еврокритической и евроскептической партией*... ФИ выступает за трансграничное сотрудничество, европейские торговые соглашения, сокращение формальностей и препятствий для торговли. Однако принимать решения должны народы соответствующих стран»⁸. Мы видим также радикальное отношение к свободному перемещению граждан в ЕС: «Есть одно решение: отменить или игнорировать Шенгенское соглашение и вновь ввести внутренние границы»⁹.

Со своей стороны, умеренные сторонники фламандского индпендизма отмечают роль Евросоюза в ликвидации существенных препятствий к фламандской независимости путём введения единой валюты, принципа субсидиарности, когда возникающие проблемы должны решаться на максимально «низовом» уровне, и общего повышения роли регионов [15, с. 110]. Политолог Ксавье Мабий отмечает, что «ЕС поощряет долговременный процесс усиления регионов, но будет всячески препятствовать разделению составляющих его государств.

⁷ Proeve van Grondwet van de Republiek Vlaanderen / G. Van Steenberge, D. Crols. Brussel: Vlaams Belang, 2005. P. 14.

⁸ Vlaams Sociaal-Economisch Belang: sociaal-economisch programma / Vlaams Belang. Brussel: Vlaams Belang Studiedienst, 2012. P. 138-139.

⁹ Ibid. P. 148.

Если, допустим, признать независимость Фландрии... на карту будут поставлены сами основы ЕС» [3, с. 64]. Несмотря на косовский прецедент, ни Франции с её проблемами в Корсике и (в меньшей степени) Бретани и Окситании/Лангедоке, ни Испании, борющейся с баскским и каталонским сепаратизмом, ни Италии, где популярны идеи «Лиги Севера», положительный пример сецессии в Западной Европе ни к чему.

Как же фламандские националисты и правые популисты рассматривают перспективу «разделения» Бельгии? В качестве примеров удачного «разведения» регионов обычно приводят примеры Норвегии (расторгнувшей унию со Швецией), Словакии (разошедшейся с Чехией) и Черногории (осуществившей «мирный развод» с Сербией). Больше всего бельгийская ситуация напоминает Чехословакию, притом с Валлонией сравнивают Словакию как экономически более слабую часть страны, с традиционно социалистической ориентацией населения.

По мысли таких идеологов индепендизма, как Карим Ван Овермейре и Герольф Аннеманс, следует противиться тому, чтобы разделение Бельгии было представлено как «отделение Фландрии», ибо в таком случае Валлония стала бы государством-правопреемником Бельгии, наследуя места в ООН, НАТО и ЕС. Фландрии придётся делать всё заново, а Валлония сможет препятствовать вхождению независимой Фландрии в международные институты [12, с. 97]. Разделение Бельгии должно быть закреплено двусторонним договором о прекращении функционирования бельгийской федерации. К тому же отделение Фландрии в результате односторонней сецессии могло бы оправдать последующий сепаратизм франкоязычных анклавов во Фламандском Брабанте, как это случилось с сербскими районами Хорватии и Косово. Поэтому разумнее или применить т.н. *clean-state theory* (ранее такой подход применялся только при деколонизации), или же распространить на оба новообразованных государства членство Бельгии в указанных выше международных организациях.

Партия «Фламандский интерес» пошла ещё дальше. 27 апреля 2010 г. Филип Девинтер, Йорис ван Хаутем, Карим ван Овермейре и Марейке Диллен предложили фламандскому парламенту резолюцию «по вопросу принятия необходимых мер и передачи инструкций фламандской администрации на случай возможного распада Бельгийской федерации», указав на необходимость «уже сейчас предпринять все необходимые дипломатические меры, дабы заявить о том, что Фландрия как *государство-правопреемник Бельгийской федерации* будет придерживаться международных обязательств последней»¹⁰. В социально-экономической программе «Фламандского интереса» говорится: «Голос Фландрии может быть услышан в ЕС, только если она заменит собой Бельгию»¹¹.

¹⁰ Vlaams Parlement: stuk 505. Nr. 1. 2009-2010. Brussel, 2010. P. 3.

¹¹ Vlaams Sociaal-Economisch Belang: sociaaleconomisch programma / Vlaams Belang. Brussel: Vlaams Belang Studiedienst, 2012. P. 140.

Вероятно, в данной ситуации сепаратисты делают расчёт на то, что более половины населения Бельгии живёт во Фландрии. Однако трудно себе представить, что даже в не самом вероятном на сегодня случае фламандской независимости вариант «государства-правопреемника» реален. По крайней мере, Романо Проди в бытность председателем Европейской комиссии заявил, что «в случае распада какой-либо страны-члена ЕС вновь образовавшиеся государства не унаследуют членство в ЕС, а будут вынуждены проходить весь цикл вступления в ЕС заново» [6, с. 84]. Но преемники Проди не делали столь категоричных заявлений и, видимо, лидеры фламандских националистов надеются, что Фландрия будет признана «исключительным случаем».

Помимо рассмотренных выше партийных проектов, свои идеи по отделению Фландрии представляют учёные и аналитические центры. Реми Вермейрен, основатель и председатель научно-исследовательского института региональной экономики Vives при Католическом университете Лувена, в 2005 г. основал исследовательскую группу In de Warande, составившую под его руководством «Манифест за независимую Фландрию в Европе»¹². В 2012 г. Вермейрен опубликовал монографию «Бельгия: невыполнимая миссия. Фламандская независимость – право и необходимость», которая, по его собственному утверждению, стала продолжением и актуализацией упомянутого Манифеста [15, с. 8].

Непосредственно план распада Бельгии занимает очень небольшую часть книги, преимущественно составленной из экономических графиков и пояснений к ним. Вермейрен предлагает преобразовать Брюссель в двуязычный город-государство, а немецкоязычному сообществу предоставить возможность выбора – присоединиться к Фландрии или к Валлонии [15, р. 207]. Предполагается, что Фландрия и Валлония одновременно станут независимыми государствами и в равной мере государствами-правопреемниками Бельгии, в том числе в вопросе членства в ЕС. Вермейрен считает, что Брюсселю следовало бы не входить в ЕС и сохранить максимально возможный нейтральный статус [15, р. 208]. В той мере, как Брюсселю отведён статус квазисамостоятельного кондоминиума, а не столицы Фламандской республики, «план Вермейрена» можно считать компромиссным.

Перспектива государственного переустройства Бельгии сейчас видится гражданам Бельгии не столь радужной, как в 2010 г. В октябре 2015 г. Институт социологических исследований при Католическом университете Лувена (Institute for Social and Political Opinion Research, ISPO) провёл опрос, показавший, что за раздел выступают 6,4% бельгийцев, а 36,4% предпочитают расширение полномочий Фландрии и Валлонии¹³. Фламандское народное движение (общественная организация, близкая к партии Фламандский интерес) считает

¹² Manifest voor een zelfstandig Vlaanderen in Europa / Denkgroep «In de Warande». Brussel: In de Warande, 2006. 252 p.

¹³ Swyngedouw M., Abts K., Baute S. et al. Het communautaire in de verkiezingen van 25 mei 2014 // Centrum voor Sociologisch Onderzoek (CeSO), Instituut voor Sociaal en Politiek Opiniononderzoek (ISPO). CeSO/ISPO/2015-1. P. 15.

эти результаты не заслуживающими доверия, потому что опрошено только 1183 человека¹⁴, и многие из опрошенных расширение полномочий регионов понимают в духе программы «Нового Фламандского альянса», то есть как отделение Фландрии в ходе постепенной эволюции государственного устройства. «Фламандское народное движение» обвинило «Новый фламандский альянс» в «запутывании населения», «отказе от борьбы» за независимость¹⁵.

Как бы то ни было, несмотря на снижение общественной поддержки идеи фламандской сепаратизации, будущее (как и настоящее) Бельгии как единого государства остаётся под вопросом. Об отсутствии целостности Бельгии, низкой степени сплочённости общества свидетельствует ряд фактов. Например: из всех телефонных разговоров в Бельгии с 1 октября 2006 г. по 31 марта 2007 г. только 2% пересекали языковую границу [9, с. 9]. Из 41 тысячи браков, заключённых в 2010 г., только 110 заключались между жителями Фландрии и Валлонии [15, с. 30]. Всего 28% фламандцев и 39,8% валлонцев считают себя бельгийцами [4, с. 49]. С отдельными партиями, университетами, СМИ, книжными магазинами, системами общественного транспорта и даже – до недавнего времени – полицией Фландрия и Валлония фактически уже не зависят друг от друга. «Единственным бельгийцем в Бельгии» остаётся король (которому фламандские националисты напоминают о принадлежности к немецкой Саксен-Кобургской династии¹⁶), но 41% фламандцев выступают за отказ от монархии и переход к республиканскому устройству¹⁷.

Возможно, что снизившийся в последние годы процент сторонников сепаратизма объясняется прагматически: сепаратизм лишь узаконила бы сложившийся на деле status quo, но повлекла бы за собой немало административных проблем. Отметим, что одновременно вырос процент валлонов, выступающих за независимость (без присоединения к Франции): в 2010 г. 36% [10, с. 393]. Сложилась парадоксальная ситуация: административные шаги и громкие инициативы «на пути» к сепаратизму принимаются во Фландрии, а сторонников сепаратизма больше в Валлонии.

Интересны также и следующие показатели: в Валлонии доля на рынке французских (вещающих из Франции) телеканалов составляет 31,5% (сюда отнесены каналы TF1, France 2 и France 3); во Фландрии вещающие из Нидерландов телеканалы (Nederland 1, Nederland 2, Nederland 3) составляют лишь 3,3% [10, с. 38]. Если, как уже было сказано, большинство фламандцев не желает слы-

¹⁴ Winckelmans W. Vlaming houdt weer van België // De Standaard. 28.04.2015. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20150427_01652606 (дата обращения: 29.04.2017).

¹⁵ Deckers B. Peiling: "Amper 6% voor onafhankelijkheid", VVB: "Onmogelijk resultaat!" // ReAct: Rechts Actueel. 29.04.2015. URL: <https://rechtsactueel.com/2015/04/29/peiling-amper-6-voor-onafhankelijkheid-vvb-onmogelijk-resultaat/> (дата обращения: 23.04.2017).

¹⁶ См., к примеру, в известной песне популярного фламандского барда Виллема Вермандере «Мой Иисус – еврей» есть слова: «Мы гордимся, что можем весело петь: да здравствует наш король, привезённый из Саксен-Кобурга». ("We zijn fier te meugen zingen / absoluut ongegeneerd / lang lang leve onze koning / uit Saxon Coburg g'importeerd").

¹⁷ Winckelmans W. Op. cit.

шать о возможном присоединении к Нидерландам, то среди валлонов процент ратташистов (от франц. *se rattacher* – «присоединяться»), т.е. тех, кто выступает за присоединение Валлонии к Франции (NB: в случае отделения Фландрии!), составляет 39%¹⁸ (по данным IFOP – Французского института общественного мнения). Впрочем, как и во фламандско-нидерландском случае, поддержка ирредентизма намного больше со стороны населения гипотетического «материнского государства»: за присоединение Валлонии выступают 60% французов. Марин Ле Пен также высказалась по данному поводу: «Если Фландрия станет независимой, что всё более вероятно, для Франции стало бы делом чести принять в свой состав Валлонию»¹⁹. Уже цитировавшийся здесь валлонский политик Поль-Анри Жандебьен призывает валлонов готовиться к разделу страны и включению Валлонии в состав Франции [1, с. 50]. Не будем забывать и о символическом голосовании о будущем Валлонии, проводившемся на Валлонском национальном конгрессе, созванном сразу после войны: делегаты голосовали в два этапа, и первый этап голосования (названный «голосом разума») выявил желание Валлонии остаться в составе Бельгии, в то время на втором этапе (получившем название «голос сердца») почти половина делегатов отдала свои голоса за присоединение к Франции.

Дальнейшую эскалацию противостояния сдерживают периодические обещания центрального правительства продолжить федерализацию и раздел полномочий: такие перспективы успокаивают часть националистов, а их невыполнение удовлетворяет франкофонов [4, с. 56]. Трудно сказать, сколько продлится такое «перетягивание каната».

Ряд авторов, среди которых отечественный политолог С.В. Бирюков, полагают, что рецепт мирного разрешения бельгийских противоречий состоит в нахождении компромисса между сепсессионизмом и централизмом, создании и упрочении модели «умеренного регионализма», который был бы основан на мультикультурализме и многоуровневой консенсусной системе управления [1, с. 43]. Однако подобная модель в Бельгии создана и функционирует с определёнными вариациями уже больше 30 лет, но далеко не все бельгийцы – как валлоны, так и фламандцы – ею удовлетворены. Лишь 33% фламандцев поддерживают идею сохранения существующего государственного устройства и баланса полномочий (большинство, правда, как мы видели, выступает не за немедленный раздел страны, а за постепенное расширение полномочий регионов), а мультикультурализм как политику и идею отвергают 72% бельгийцев²⁰.

В качестве условий сохранения консенсуса в Бельгии С.В. Бирюков называет высокий уровень легитимности федеральных институтов, поддержание ба-

¹⁸ Les Wallons, les Français et l'avenir de la Wallonie. Paris: IFOP, 2011. P. 11.

¹⁹ Le Pen veut «tendre la main aux Wallons» // Le Figaro. 21.07.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/07/21/97001-20110721FILWWW00401-marine-le-pen-fn-imagine-un-rattachement-de-la-wallonie-a-la-france.php> (дата обращения: 29.04.2017).

²⁰ Andriamanana T. Immigration : ce sondage terrible dont personne ne parle // Marianne. 20.08.2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.marianne.net/Immigration-ce-sondage-terrible-dont-personne-ne-parle_a209414.html (дата обращения: 23.04.2017).

ланса в отношениях между общинами, сбалансированное развитие регионов, «когерентность экономических моделей и политических систем» в регионах, партийно-политический консенсус на федеральном уровне и недопущение политического радикализма в регионах [1, с. 44–45]. Практически ни один из этих пунктов не выполняется: уровень доверия к федеральным институтам крайне низкий (о своём доверии федеральному правительству заявили 52% опрошенных в октябре 2015 г.²¹), говорить о политическом консенсусе невозможно, радикальные идеи в регионах, особенно во Фландрии, весьма популярны, а равномерное развитие регионов на настоящий момент недостижимо.

Суммируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что Бельгия фактически уже не является единым государством, а все возможные факторы её сохранения за последнее десятилетие чрезвычайно ослабли. Фламандские националистические партии давно нашли решение и «проблеме Брюсселя», и проблеме «раздела имущества», создав соответствующую схему, а также разработав модель, пусть и не самую реалистичную, вхождения независимой Фландрии в европейские институты. В Валлонии царит пессимизм по поводу судьбы единого государства, и в случае распада страны существенная часть валлонов готова принять французское гражданство. Учитывая электоральные успехи национально ориентированных партий и плачевное состояние бельгийского единства, можно констатировать, что, хотя выполнения своих первоначальных задач «Фламандское движение» (организованное течение общественной мысли, направленное на достижение максимальной автономии Фландрии) добилось ещё во второй половине XX в., в настоящий момент ему нет смысла останавливаться на достигнутом. С другой стороны, центробежные процессы в Бельгии достигли состояния, в котором можно балансировать сколь угодно долго. Вопрос лишь в том, пойдут ли стороны на радикальные шаги, или же «Фламандское движение» сохранит своё влияние и популярность во Фландрии, не выполнив лишь «программы максимум» – достижения независимости Фландрии.

Идея фламандского сепаратизма и – более узко – индпендизма сохраняет свою популярность, так как, по мнению её идеологов, бельгийский федерализм не решил существовавших проблем, и в полной мере реализоваться фламандские устремления могут лишь в независимой Фландрии; при этом, будучи одним из основных дискурсивных противоречий бельгийской политики, фламандский сепаратизм в полной мере получил отражение в программах фламандских правопопулистских партий. Признанным большинством исследователей критериям правого популизма соответствуют в настоящий момент две бельгийские/фламандские партии: «Фламандский интерес» (Vlaams Belang, VB, ранее – «Фламандский блок») и «Новый фламандский альянс» (Nieuwe Vlaamse Alliantie, N–VA).

²¹ Peiling: N-VA houdt stand, coalitiepartners zien populariteit dalen // HLN.be. 09.10.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hln.be/hln/nl/957/Binnenland/article/detail/2484769/2015/10/09/Peiling-N-VA-houdt-stand-coalitiepartners-zien-populariteit-dalen.dhtml> (дата обращения: 23.04.2017).

Идея полной независимости Фландрии прозвучала как партийно-политическое требование в начале 1990-х гг. Её артикулировала партия «Фламандский блок», после чего индпендистская повестка вошла в программу более респектабельного на политической сцене «Нового фламандского альянса», и, косвенно, части партий, изначально не связанных с фламандским национализмом. Индпендистская программа отражена в нескольких документах и проектах. Все планы объединяет мысль о том, что не Фландрия должна отделиться от Бельгии, а Бельгия – разделиться. Смысл подобного шага в том, чтобы Фландрия и Валлония стали в равной мере правопреемниками бельгийского государства; если же Фландрия совершит одностороннюю сецессию, то «наследовать» Бельгии будет лишь Валлония, что поставит Фландрию в заведомо невыгодное положение.

Несмотря на то, что сторонники независимости Фландрии отмечают положительную роль ЕС в создании предпосылок для такой независимости, обе фламандские правопопулистские партии принадлежат к евроскептическому лагерю (евроскептицизм «Нового фламандского альянса» «мягкий», а «Фламандского интереса» – «жёсткий»). Сторонние наблюдатели считают, что Евросоюз не допустит государственной сецессии в Западной Европе.

По некоторым опросам, в последние годы процент фламандцев, желающих обособления от Бельгии, резко снизился, но при этом 43% электората выступают за полную независимость и за расширение административной самостоятельности Фландрии. По сути, единая бельгийская идентичность населения уже растворилась, так что возможная сецессия лишь закрепила бы *de jure* положение дел, имеющееся *de facto*. Жители Валлонии и Фландрии общаются между собой даже меньше, чем это было бы возможно при наличии между ними государственной границы.

Как показано выше, все механизмы и элементы, которые были призваны разрешать и сдерживать межрегиональные противоречия – умеренный регионализм, компромисс между централизмом и сецессионизмом, авторитет федеральной власти, сбалансированное развитие – уже давно функционируют не должным образом, а то и вовсе отсутствуют. Но, хотя бельгийскую федерацию ничто не удерживает от распада, факторы, способные его инспирировать, ослабли или же, в некоторых случаях, ещё не достигли достаточной степени остроты. Таким образом, Бельгия, а вместе с ней и фламандский сепаратизм, находится в точке относительного равновесия, которую олицетворяет модель консоциативной (сообщественной) демократии (термин А. Лейпхарта), учитывающей интересы различных политических и этнических групп. В перспективе его способны разрушить фламандские правопопулистские партии, руководствуясь целью получения электоральных предпочтений.

Список литературы

1. Бирюков С.В. Бельгийский кризис и «Европа регионов» // Свободная мысль. 2009. № 8. С. 39–52.
2. Бычков М.А. Эволюция фламандского национализма // НИЦ «Социосфера». 2011. URL: http://sociosfera.com/publication/conference/2011/115/evolyuciya_flamandskogo_nacionalizma/ (дата обращения: 23.04.2017).
3. Кучук Ю. Бельгия: от сепаратизма к федерализму (эволюция федерализма в Бельгии) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. С. 61–64.
4. Ормонбеков Ж.Т. Единство в многообразии: применение европейского постулата в реализации инклюзивной языковой политики в Бельгии и Нидерландах // Казахстан в международных процессах. 2015. № 1. С. 49–63.
5. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 684 с.
6. Тэвдой-Бурмули А.И. Фламандский сепаратизм вчера и сегодня // Доклады Института Европы. 2015. № 318. С. 77–84.
7. Четверикова О.Н. Стратегия балканизации Европы: этносы и регионы в планах европейского строительства // Россия XXI век. 2007. № 5. С. 74–107.
8. Aernoudt R. Wallonie – Flandre: je t'aime moi non plus. Zellik: Roularta Books, 2006. 223 p.
9. Blondel V., Krings G., Thomas I. Regio's en grenzen van mobiele telefonie in België en in het Brussels stadsgewest // Brussels Studies. 2010. № 42. Pp. 1–12.
10. Deborsu C. Dag Vlaanderen! Hoe Walen écht leven en denken. Gent: Borgerhoof & Lamberigts, 2011. 400 p.
11. Grabow K., Hartleb F. Mapping Present-Day Right-Wing Populists // Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populists Parties in Europe. Brussels, 2013. Pp. 13–44.
12. Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // West European Politics. 2010. Vol. 33. № 6. P. 1167–1186.
13. Van Overmeire K. Vlaanderen onafhankelijk: hoe moet dat dan? Brussel: Egmont, 2007. 159 p.
14. Van Velthoven P. Franstaligen tegen Vlamingen: hoe België als natie mislukte. Soesterberg: Aspekt, 2012. 222 p.
15. Vermeiren R. België: de onmogelijke opdracht. Kalmthout: Pelckmans, 2014. 216 p.

Об авторе:

Пётр Викторович Осколков – преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: petroskolkov@yandex.ru.

FLEMISH SEPARATISM IN IDEOLOGY AND ACTIVITIES OF FLEMISH RIGHT-WING POPULIST PARTIES

P.V. Oskolkov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-169-182

Lomonosov Moscow State University, School of World Politics.

Abstract: The article is devoted to the issue of the Flemish separatism, including autonomism and independism (the latter aiming at the creation of own power center), and how it

is reflected in the programs of the Flemish right-wing populist parties. The author presents a brief history of the phenomenon; Flemish separatism is seen in the context of the European integration and in comparison with other separatist movements. Having been articulated politically in 1990s, Flemish separatism is now an inherent part of the right-wing populist party programs: of the Flemish Bloc program (since 2004 it is Flemish Interest) as an independence appeal, and of the New Flemish Alliance program as a call for further state reforming, aiming at the creation of a confederative system. A number of Flanders independence plans have been elaborated, whose authors posit that it is not Flanders that should quit the federation, but Belgium should officially disintegrate into two parts (because only in this case the French-speaking part of the country will not become the sole heir of the federation). The separatists usually see the EU as an institutional barrier; however, its role is acknowledged in the strengthening of regions' position in the entire Europe. The elements that should keep the Belgian federation intact are not de facto functioning properly; however, gaining full independence would only fix the de jure already existing administrative and political split, and would also create a number of administrative problems. That is why the percentage of the Flemish independence proponents has declined recently, and the Belgian federation is now in a certain "break-even point" that can be distorted by the right-wing populist parties.

Key words: Flanders, Belgium, separatism, independism, Flemish Interest, New Flemish Alliance, right-wing populism, nationalism, regionalism.

References

1. Biriukov S.V. Bel'giiskii krizis i «Evropa regionov» [European crisis and "a Europe of regions"]. *Svobodnaia mysl'*, 2009, no. 8, pp. 39–52 (in Russian).
2. Bychkov M.A. Evoliutsiia flamandskogo natsionalizma [Evolution of Flemish nationalism]. *NITs «Sotsiosfera» – Social Sphere*, 2011. Available at: http://sociosfera.com/publication/conference/2011/115/evolyuciya_flamandskogo_nacionalizma/ (Accessed 23.04.2017) (In Russian).
3. Kuchuk Iu. Bel'giia: ot separatizma k federalizmu (evoliutsiia federalizma v Bel'gii) [Belgium: from separatism to federalism (evolution of federalism in Belgium)]. *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii – Belarusian Journal of International Law and International Relations*, 2004, no. 4, pp. 61–64 (in Russian).
4. Ormonbekov Zh.T. Edinstvo v mnogobrazii: primeneniye evropeiskogo postulata v realizatsii inkluzivnoi iazykovoi politiki v Bel'gii i Niderlandakh [Unity in diversity: implementation of the European principle in realization of inclusive language policy in Belgium and the Netherlands]. *Kazakhstan v mezhdunarodnykh protsessakh – Kazakhstan in International Processes*, 2015, no. 1, pp. 49–63 (in Russian).
5. Popov F.A. *Geografiia setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of secessionism in contemporary world]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012. 684 p. (In Russian).
6. Tevdoi-Burmuli A.I. Flamandskii separatizm vchera i segodnia [Flemish separatism yesterday and today]. *Doklady Instituta Evropy – Reports of Institute of Europe*, 2015, no. 318, pp. 77–84 (in Russian).
7. Chetverikova O.N. Strategiiia balkanizatsii Evropy: etnosy i regiony v planakh evropeiskogo stroitel'stva [Strategy of balkanization of Europe: ethnic groups and regions in European unifying plans]. *Rossii XXI vek – Russia 21st Century*, 2007, no. 5, pp. 74–107 (in Russian).
8. Aernoudt R. *Wallonie – Flandre: je t'aime moi non plus* [Wallonia – Flanders: I love you, and I no more]. Zellik, Roularta Books Publ., 2006. 223 p.
9. Blondel V., Krings G., Thomas I. Regio's en grenzen van mobiele telefonie in België en in het Brussels stadsgewest [Regions and borders of cellphone industry in Belgium and in Brussels capital re-

- gion]. *Brussels Studies*, 2010, no. 42, pp. 1–12.
10. Deborsu C. *Dag Vlaanderen! Hoe Walen écht leven en denken* [Buy Flanders! How Walloons really live and think]. Gent, Borgerhoof & Lamberigts Publ., 2011. 400 p.
 11. Grabow K., Hartleb F. Mapping Present-Day Right-Wing Populists. *Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populists Parties in Europe*. Brussels, FES Publ., 2013, pp. 13–44.
 12. Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. *West European Politics*, 2010, vol. 33, no. 6, pp. 1167–1186.
 13. Van Overmeire K. *Vlaanderen onafhankelijk: hoe moet dat dan?* [Flanders independent: how to arrange it?]. Brussel, Egmont Publ., 2007. 159 p.
 14. Van Velthoven P. *Franstaligen tegen Vlamingen: hoe België als natie mislukte* [The French against the Flemish: how Belgium failed as a nation]. Soesterberg: Aspekt, 2012. 222 p.
 15. Vermeiren R. *België: de onmogelijke opdracht* [Belgium: Mission impossible]. Kalmthout, Pelckmans, 2014. 216 p.

About the author:

Petr V. Oskolkov – lecturer at the Department of Regional Aspects of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. 119991 Moscow, 1-51 Leninskie Gory, room 602. E-mail: petroskolkov@yandex.ru.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ, ТЕРРОРИЗМ И БЕЗОПАСНОСТЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Хасан Джаббари Насир

Национальный институт социальных и культурных исследований, Тегеран, Иран

В рамках теорий международных отношений мирополитической роли религии не уделяется должного внимания. Однако, с учётом последних преобразований политического ислама и его воздействия на глобальную безопасность на национальном и международном уровнях религия стала играть более важную роль. Поэтому встаёт вопрос о необходимости теоретического изучения проблем безопасности и насилия с учётом религиозного-идеологического компонента. Удобную теоретическую платформу в этом контексте представляет конструктивистская теория.

В исламских обществах до XIX в. традиционный ислам присутствовал в качестве веры и социальной модели, но не имел формы отдельной политической культуры. Однако с ростом противоречий с Западом, проблем, вызванных отсталостью общества и колонизацией, существованием в исламских странах диктаторских режимов, ислам стал трансформироваться, приобретать политическое измерение.

В результате прогресса средств коммуникации и долгого процесса самоидентификации народов в некоторых странах сформировалась исламская политическая культура. На её основе возникла новая радикальная идентичность, которая критикует, а в некоторых случаях даже отрицает существующие нормы и принципы традиционного ислама. Иными словами, избирательно обращаясь к Корану и Сунне, радикальные исламисты стремятся к созданию своего «идеального» международного общества. В этой связи возникает связь между политическим исламом, терроризмом и глобализацией проблем безопасности Ближневосточного региона.

Неосалафиты превратили традиционную идею локального джихада в идею всемирного джихада, то есть стремятся обеспечить безопасность своего международного сообщества путём конфликта с другими политическими культурами и системами. Это стало настоящим вызовом для порядка и безопасности на Ближнем Востоке и на международной арене в целом.

Ключевые слова: политический ислам, неосалафитский и такфиристский политический ислам, конструктивизм, терроризм, безопасность на Ближнем Востоке

УДК 327

Поступила в редакцию 11.08.2017 г.

Принята к публикации 15.10.2017 г.

Сегодня на фоне возрождения политического ислама можно взглянуть на это явление с разных сторон, в том числе с точки зрения отношения религии к обществу, а также на её отношение к террору и терроризму.

Теория международных отношений в связи с доминированием реализма не смогла до сих пор оценить мирополитическую роль религии. Однако сегодня, с учётом последних преобразований политического ислама и его воздействия на глобальную безопасность на национальном и международном уровнях, религия стала играть более важную роль. Классические теории международных отношений (реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм и т.д.) практически не уделяют внимание религии. Однако религию и её принципы можно оценить в рамках разных идей, культур или норм [23, с. 4-8].

В этом контексте выделяется позиция конструктивистской теории, которая считает религию одним из основных факторов культуры и цивилизации, содержащий ряд норм и законов, принятых в обществе. Конструктивизм подчёркивает роль религии в существенных вопросах и в отношениях обществ с религией и рассматривает религию с трёх основных точек зрения:

- система норм и в общем виде законов, связанных с действиями человека;
- разъяснение понятий Вселенной и материального мира, которые содержат идентичность, идеи и состояние людей в мире;
- система поведения тех людей, которые принимают действительность законов на основе своей веры [26, с. 91].

Религиозное поведение политиков-исламистов сегодня является одним из источников насильственного поведения. Сторонники конструктивизма убеждены, что социальные конфликты зависят от когнитивных факторов, таких как идеология, национализм, этнические вопросы и религия. Названные конструкции, укрепляя взаимопонимание среди членов определённых групп, вызывают чувство отличия от других, и это чувство может оказать влияние на выбор их стратегий [37, с. 51]. Они убеждены, что ценности и идентичности тесно связаны, и экстремисты, формируя свою новую идентичность, прибегают к конструированию своих ценностей. Такой подход способствует росту конфликтности в мире. К примеру, символические нормы (в данном случае – *джихад*, *шахадат*, *хилафат* и др.) являются руководством к действию для общества и причиной происхождения войн, так как существует значимая связь между данными нормами и убеждениями людей. Таким образом, религиозные убеждения могут стать источником насилия и конфликтов между государствами [21, с.30].

Современные символы радикального политического ислама – транснациональные террористические группировки (ИГ,¹ «Аль-Каида», «Боко харам» и др.) основывают свою идеологию не на традиционном исламе. Они, воздействуя на

¹ Деятельность запрещена на территории РФ.

международный политический порядок, предлагают альтернативу политической системе мира [27]. Логично, что деструктивная деятельность этих группировок является угрозой и находит отражение в современном исследовательском и политическом дискурсе.

В целом, проблематика политического ислама в контексте безопасности Ближнего Востока оказывается в фокусе внимания многих ученых. Например, А. Knudsen [24], В. Шепард [34], Д. Вандервал [36, с. 33-51] рассматривают эволюцию политического ислама и возрождение ислама в Леванте. Идеология политического ислама и деятельность радикальных исламистов рассматривается в работах А. Малащенко [4, с. 221], И. Добаева [1], Б. Долгова [2] и др. Однако в существующих работах исследуется феномен политического ислама на Ближнем Востоке или же влияние терроризма на безопасность региона. В комплексе же данный вопрос не рассматривается, то есть связь между политическим исламом, терроризмом и глобализацией проблем безопасности Ближневосточного региона остаётся на периферии научного внимания.

Цель настоящей статьи заключается в анализе феноменов политического ислама, терроризма и порождённых/вызванных ими проблем безопасности. Автор, опираясь на конструктивистскую методологию, которая уделяет пристальное внимание нематериальным факторам политического поведения (идентичность, культура, религия, идеология), отвечает на следующий исследовательский вопрос: какая связь существуют между политическим исламом и терроризмом и как данный фактор влияет на глобализацию проблем безопасности в Ближневосточном регионе?

Политический ислам: история возникновения и развития

В современном мире, в частности, после распада двухполюсного миропорядка, начался поиск новых моделей мироустройства. Политический ислам во многих идеологических, культурных и стратегических аспектах и в области безопасности предлагает новый порядок управления миром и трансформации международных отношений на национальных, региональных и международных уровнях, а также справедливого урегулирования конфликтов [9, с. 74]. Благоприятным для политического ислама в этом контексте является турбулентная ситуация на Ближнем Востоке – регионе, который М.М. Лебедева назвала «слабым звеном политической организации современного мира» [3].

Анализ исторического процесса и внутренних преобразований политического ислама может помочь в осмыслении разных аспектов радикального политического ислама, основанного на ваххабитских, салафитско-такфиристских идеях, в понимании экстремистского и террористического поведения разных групп исламистов-политиков.

До XIX в. в исламских обществах был распространён традиционный ислам, который в силу относительной закрытости мусульманских обществ и ограни-

ченности взаимодействий с внешним миром не присутствовал на политической арене. Однако постепенно он выходит на политическую сцену и начинает претендовать на более активное присутствие в разных социальных сферах общества, что было связано с растущим уровнем столкновения с Западом, проблемами, вызванными отсталостью общества и колонизацией, а также существованием в исламских странах диктаторских правительств. С начала XX в. в результате прогресса средств коммуникации (печатные издания, телеграф, затем телефон, телевидение) и роста осведомлённости народов о своей идентичности в некоторых странах ислам развился в своеобразную политическую культуру. В итоге сформировалась новая радикальная идентичность, которая критиковала, а в некоторых случаях даже отвергала существовавшие нормы традиционного ислама.

Этап взаимодействия с Западом

На этапе взаимодействия с западными странами мусульманская интеллигенция второй половины XIX в. видела в Западе символ развития и цивилизации, пример для других [16, с. 16]. На этом этапе умеренные исламисты пытались сотрудничать с европейскими странами во всех аспектах, кроме военно-политического, приведшего к колонизации других народов. Мусульмане старались наладить сотрудничество и диалог с западной цивилизацией с учётом исламской религии и идеологии. Однако появились такие личности, как Сейед Джамаледдин Асадабади, Мухаммад Абде, Сейед Мухаммад Рашид-Реза и Абдурраман Кавакеби, которые занимались распространением учений ислама в отношении таких вопросов, как правительство, философия, наука и развитие. Эти авторы, в противовес аксиомам западной политической философии, подчёркивали значение религии (ислама) в общественной жизни и настаивали на сохранении её значения как одного из условий социально-политического прогресса [11]. Но при этом речь шла об адаптации западных политических моделей, а не об их отрицании.

Этап противостояния и столкновения с Западом

В конце XIX столетия появились признаки изменения в идеях исламских модернистов. Исламский модернизм поворачивается против Запада, что показывает определённое недовольство интеллектуалов-мусульман западной цивилизацией [8]. Две мировые войны стали катализаторами продолжавшегося разочарования мусульман. Вторая мировая война и её последствия, в том числе разделение мира на Восточный и Западный блоки, создание Израиля на территориях Палестины и распад некоторых прозападных режимов в исламских странах, усилили противостояние с Западом. На этом этапе мусульманские мыслители, в своих произведениях негативно воспринимавшие марксистские и либеральные идеи, начали искать им исламскую альтернативу.

В 50-х и 60-х гг. XX столетия, когда на арабский язык были переведены произведения пакистанского философа, идеолога исламизма Абуль-Ала Маудуди, понятие *божественного государства* нашло особое место в политическом исламе [14]. Написанная в 1964 г. египетским идеологом исламизма Сайидом Кутбой книга «Вехи на пути» («Маалим ут-Тарик») создала предпосылку для интеллектуального противостояния политического ислама с западными политическими теориями. В мышлении С. Кутба, пространство, где нет ислама, является *тагут*ом (идолопоклонническим) и невежественным, а мусульманам необходимо обращаться к исламу во всех политических и социальных вопросах [12].

В названный период политический ислам имел следующие особенности:

- исламское понимание мироустройства нельзя рассматривать как капиталистическую или социалистическую систему и сравнивать с ними;
- мусульманам необходимо противостоять Западу в различных политических, научных, культурных и военных сферах для свободы от его господства;
- ислам имеет свою модель государственного управления. Создание исламского государства необходимо для спасения мусульман от дискриминации, деспотии и колонизации Запада, для спасения мусульман от других опасностей, которые характерны для вышеназванных систем. Также оно важно для того, чтобы показать различия между исламской и западной цивилизациями по существу и для позиционирования исламской модели как самостоятельной.

По мнению основоположников панисламизма, для успеха мусульман на международной арене сначала необходимо было свергнуть деспотические режимы в исламских странах, так как небожественное правительство является *тагут*ом (идолопоклонническим). Базовая идея заключалась в том, что любое правительство должно соответствовать исламским принципам, и только выполнение законов шариата поможет реализовать настоящие возможности ислама в различных сферах. В свою очередь, отрицательные стороны западной цивилизации показывают её дух, противостоящий справедливости, и, как следствие, ведут к упадку этой цивилизации. Метод исламской цивилизации провозглашался божественным, основанным на цивилизационном принципе «ни Запад, ни Восток» [13].

Требование создания исламского правительства

Данный этап в развитии политического ислама привёл к сильной волне политизации ислама и превращению его в идеологию борьбы за власть. В 1924 г. сторонники Кемаля Ататюрка, уничтожив халифат, разрушили тысячелетнюю связь между исламом и мощным исламским государством. Разрушение халифата оказало влияние на восстановление деятельности политического ислама [8, с. 86], и на данном этапе течение политического ислама стало более серьёзно относиться к политическим вопросам и в соответствии с ними появилось требование создать исламское правительство. Главной целью сторонников поли-

тического ислама на этом этапе была реализация исламских законов. Эта цель была осуществлена на Ближнем Востоке путём свержения шахского режима в Иране в 1979 г. [17, с. 16-18], что оказало влияние на соседние мусульманские страны [20]. На фоне окончания холодной войны политический ислам стал международной идеей. Различные факторы способствовали глобальному распространению идеологии политического ислама:

- распад Советского Союза и, как следствие, усиление джихадистских группировок в Афганистане;
- война в Персидском заливе и агрессия саддамовского Ирака против Кувейта в 1991 г.;
- увеличение числа трансрегиональных сил на Ближнем Востоке и развитие военной мощи Израиля и, как следствие, усиление радикализации и глобализации политических исламских течений;
- провал примирения между арабскими странами и Израилем, поддержка Израиля со стороны Запада, что привело к радикализации исламских движений в Палестине и на Ближнем Востоке и распространению радикальных движений в европейских странах;
- новая революция в области средств коммуникации и информационных технологий, активное использование течениями политического ислама киберпространства [6, с. 90-350].

Исламисты начали расширять свою деятельность не только в Афганистане, но и в других странах – от Азии до Африки и Европы. Их убеждение строилось на том, что мир на земле будет осуществлён только путём джихада. Такфиристы² рассматривают всех христиан, евреев и даже мусульман, соблюдающих исламскую сунну, Дар-ул-куфром³ [30, с. 23-236]. Современные радикальные исламисты считают джихад священной войной против христиан, евреев и даже мусульманских групп, таких как шииты и сунниты, не занимающихся джихадом. Для распространения салафитского и такфиристского ислама одобряется применение террора [35].

Политический ислам в XXI в.: радикальный салафизм и такфиризм

Радикальный политический ислам постепенно возник как международное явление – после трансформаций в международных отношениях и мировой политике. С начала XXI в. салафитская исламская социальная модель и верования в некоторых странах начали превращаться в радикальную такфиристскую идеологию [32]. Это привело к формированию радикальной идентичности, адепты которой критикуют нормы традиционного ислама и в некоторых случаях отвер-

² О джихадистско-такфиристском понимании ислама см.: Rhodes Darion, Salafist- Takfiri Jihadism: the Ideology of the Caucasus Emirate // International Institute for Counter-Terrorism (ICT), March 2014. Working Paper. No. 27.

³ В исламском географическом разделении мира таким термином (с арабского переводится как «территория неверия») обозначается территория, на которой большинство населения не являются мусульманами.

гают прошлые подходы политического ислама. Салафиты-такфиристы создали идеологию, опирающуюся на буквалистское понимание Корана и одобряющую террористические акты для достижения политических и идеологических целей (создание исламского государства) [38, с. 389].

Названная трансформация политического ислама, которая географически произошла на Ближнем Востоке и на соседних с ним территориях, начала быстро распространяться по всему миру. Это был вызов глобальной безопасности, поскольку появилась сила, которая активно использовала насильственные методы достижения целей и продвигала радикальное (то есть слишком отличающееся от господствующего) видение устройства мира [29, с. 3]. Данный вид политического ислама бросает вызов всем акторам международных отношений и мировой политики с политической и интеллектуальной точек зрения в отношении вопросов, связанных с руководством, идеологией, модернизацией и развитием, плюрализмом, демократией, элитами традиционной религией, а также с внешней политикой стран и международными отношениями [20].

Все вышесказанное демонстрирует актуальность изучения идентичности деятелей политического неосалафитского ислама, которые действуют против международного порядка. Разъяснить эту необходимость будет проще при помощи теоретического подхода конструктивизма.

Идентичность радикального ислама неосалафитского толка

В отношении идентичности и самопредставления экстремистов важнейшим вопросом считается оформление групп и группового поведения. Они конструируют свою идентичность, отталкиваясь и взаимодействуя с другими группами, ценностями и убеждениями. Формируя общую идентичность и привлекая людей при помощи широких сетевых организаций, они достигают определённого чувства «мы» [18, с. 228]. «Аль-Каида», «Талибан», «Исламское государство», «Бoko харам» и другие считают важнейшей нормой идентичность на основе шариатского джихада и стремятся к созданию в соответствии с ней социального порядка и власти.

С точки зрения границ идентичности, все немусульмане, суфиды, шииты и последователи умеренных суннитских ветвей считаются *другими*. Этот широкий список *других* преподносится как противники неосалафитов. Наличие многочисленных препятствий на пути превращения этой идеологической идентичности экстремистов в преобладающую политическую идентичность, а также стремления к власти подталкивает их к применению насилия против *иных* идентичностей. Такое представление границ между экстремистами и *другими* привело к всплеску активности международного терроризма.

Есть и внешние стимулы для радикализации идентичности в мусульманском мире – особенно стоит отметить нынешние отношения Запада с мусульманским миром, а также давление на идентичность мусульман в западных обществах и

СМИ, что даёт основание некоторым религиозным группам требовать восстания «изначальной» идентичности мусульман [10].

Идеология радикального ислама

Согласно конструктивистской теории, убеждение и вера являются одним из факторов создания идентичности и поведения акторов. Конструктивисты уверены, что общение людей с окружающими основано на их понимании и толковании окружающей их среды и её событий, т.е. основаны не на объективных фактах, а на ментальных представлениях [19]. Идеологическое мышление неосалафитских экстремистов содержит такие принципы, как представление о религии, взгляды на человека, на мир, на процесс развития правительства, социальные взаимоотношения и организации. Таким образом, большая часть террористических актов основана, прежде всего, на ментальных толкованиях о мире и международных отношениях, а не на объективных фактах. В любой интеллектуальной идеологической системе внутренние убеждения реализуются интуитивно, и разрушают все сомнения. Некоторые важные интеллектуальные и идеологические элементы идентичности радикальных исламистских группировок заключаются в следующем:

а) салафитская идеология

Интеллектуальные и философские принципы экстремизма получили свою сущность и развитие в рамках салафитских и такфиристских убеждений. Салафиты считают времена Пророка самым чистым среди всех периодов исламской истории. Основной довод в пользу этого – факт быстрого распространения ислама во время Пророка [15]. Они подчёркивают, что мусульмане отделились от пути ислама, что для создания «идеального» (утопического) общества необходимо возвращение к прошлому – «в чистые времена Пророка». Такие салафитско-такфиристские группировки, как «Аль-Каида», ИГ, «Бoko харам» успели превратить свои религиозные убеждения в идеологию (то есть устоявшуюся практику толкования реальности и выдвижения нормативных суждений об этой реальности): от норм социального поведения радикальный ислам перешёл к построению глобального политического проекта, который, правда, отвергает как многих мусульман, так и немусульман. Такой подход стал фундаментом течения неосалафитов. Данная идеология подчёркивает, что приверженцы других исламских ветвей, как сунниты, так и шииты, а также все последователи других религий, если выступают против их основ, являются неверующими, и необходимо устранить их, если они не приняли их идеологию. Важнейший лозунг сторонников неосалафитской идеологии проявляется в понятии «*шариат или шахадат*» (шариат или смерть ради веры) [15]. Этот вид идеологии подчёркивает наступательный джихад и мировой сетевой подход, который подчёркивает нужду ислама в джихадистах, а не в учёных или социальных деятелях. Лидеры «Аль-Каиды» считают наступательный джихад даже более важным, чем намаз,

пост и хадж. Они говорят, что мусульманин, практически или теоретически не занимающийся джихадом, не понимает настоящего ислама. Один из главарей «Аль-Каиды» Айман Аз-Завахири объявил, что молодые мусульмане не должны ждать разрешения для джихада, так как джихад против американцев, евреев и их союзников-вероотступников является практически обязательным [25].

б) Создание исламского халифата и выполнение законов шариата

Одной из политических и религиозных основ неосалафитских исламистов считается организация исламской государственно-политической системы под названием *исламский халифат*. Опираясь на вопрос о необходимости возвращения мусульман к состоянию первоначального ислама, они намерены полностью реализовать принципы шариата времён Пророка, игнорируя факторы времени, места или сложившиеся международные и внутривнутриполитические нормы. Речь идёт, в первую очередь, о создании государства на мусульманских территориях с введением шариата. Для этого неосалафиты строго подходят к необходимости выполнения обрядов шариата, создавая соответствующую жёсткую судебную систему под названием «Дар аль-Каза» [22]. Это позволяет внедрять идеологию в повседневную социальную практику, то есть способствует формированию определённой политической идентичности.

в) Экстремистское представление религиозных учений

Продвижение экстремистских учений и действий нуждается в продолжительном повторении и актуализации разных догм и норм в качестве основы убеждений неосалафитских исламистов: неофиты должны чётко понимать, с кем надо примириться и с кем бороться. В рамках этого *шахадат* ради джихада считается принципиальным обязательством: от принятия и выполнения принципа джихада и шахадата зависит принятие других религиозных обрядов [33, с. 27]. Согласно такому толкованию, ислам движется с помощью двух «крыльев», одним из которых является джихад, а вторым – другие религиозные обряды мусульман. Такой подход приравнивает джихад ко всем другим обрядам шариата.

г) Смерть ради победы

Неосалафитские исламисты в своей трактовке коранических аятов в отношении джихада предназначают рай для тех мусульман, которые убивают людей или гибнут в процессе распространения салафитско-такфиристской идеологии. Это убеждение является фактором распространения практики террористов-смертников, которым обещают вечность в случае смерти ради убеждений. Это привело к росту насилия и террористической активности, что имеет долгосрочные последствия для международных отношений и мировой политики.

Политический ислам, терроризм и глобализация безопасности на Ближнем Востоке

С началом XXI в. регион Ближнего Востока и сопредельные территории стали свидетелями трансформации салафитского политического ислама в

салафитско-такфиристскую (неосалафизм) модель политического устройства. Это преобразование прямым образом повлияло на региональную политическую динамику, вывело проблемы безопасности на Ближнем Востоке в глобальную повестку дня.

Глобализация проблем безопасности ведёт к большим переменам – прежде всего, на уровне угроз. Б.Маби выделяет следующие процессы данной трансформации: изменения в структуре безопасности путём расширения зон угрозы, активное использование термина «безопасность» в политическом дискурсе и изменения в транснациональных сетях, таких как террористические группировки «Аль-Каида» и ИГ. В результате, актуальными становятся следующие проблемы:

- распространение ОМУ;
- глобализация других видов угроз;
- вызовы миграции [28, с. 3].

После терактов 11 сентября 2001 г. глобализация безопасности нашла воплощение в глобализации угрозы со стороны транснациональной террористической сети «Аль-Каида». Также можно констатировать наличие связи изучения вопросов безопасности с вопросом появления идентичности неправительственных группировок, таких как джихадистские, неосалафитские группировки. В этих условиях принципиально важным является процесс оформления идентичности как для личностей, так и для государств, который реализуется путём их взаимодействия (взаимоконструирования). Идентичность, которая конструируется, основана на негативной консолидации (**я** против **другого**), что может противоречить национальным или международным нормам и законам [31, с. 33].

На фоне размывания грани между глобальными и региональными угрозами постепенно размывались политические границы Европы и Америки с исламским миром (Ближним Востоком), так что значительная часть угроз может переместиться на Запад. То есть происходит децентрализация исламистского политического проекта. Примером могут служить террористические акты и другие вызовы безопасности, с которыми сталкиваются страны Запада в последние годы.

Итак, неосалафитские исламисты превратили традиционную идею джихада, которая понималась как оборона отчизны и защита от агрессии немусульман против религии мусульман, в глобальную идеологию и новое видение безопасности в современном мире [5]. Такое видение подразумевает порядок, основанный на жёсткой силе. При попытках воплощения данных идеологических доктрин отмечается всплеск насилия, примером которого является современное состояние безопасности на Ближнем Востоке [35].

Особенности неосалафитской доктрины ведут к хаотизации ближневосточного регионального политического устройства и к эффекту «перелива» нестабильности во все остальные регионы, прежде всего в западные страны. В целом,

можно считать международный неосалафитский джихадизм новой темой исследований в области международной безопасности [35].

Ряд факторов, среди которых особенно необходимо подчеркнуть связь между египетской организацией «Аль-Джихад» и «Аль-Каидой» после терактов 11 сентября и переход к неоджихадистскому типу (транснационализация джихадизма) в Афганистане, сделали регион Ближнего Востока источником угроз международной безопасности [7]. «Глобализации» вопросов безопасности этого региона значительно способствовало создание неосалафитского квазигосударства «Исламское государство», активизация этой группировки и волна террористических актов по всему миру.

Традиционный ислам, который был распространен до XIX в. в исламских обществах, регулировал, прежде всего, повседневную жизнь, а не политическую. Политизации ислама способствовали различные факторы – как растущие доктринальные противоречия с Западом и проблемы неразвитости общества, так и процессы колонизации и формирования в исламских странах диктаторских режимов.

Достижение целей, которые ставят перед собой исламисты, часто оправдывается любыми средствами. Стремясь к созданию «правильного» исламского государства, опираясь на особую интерпретацию коранических норм, террористические группировки современности обычно не признают эволюционный характер религиозных учений, то есть их изменения с учётом времени и места. Таким образом, идеологи салафитско-такфиритского политического ислама допускают применение насилия против мусульман и немусульман.

Воплощение религиозных доктрин салафитов на практике становится источником насильственных конфликтов регионального и, реже, международного значения. Этот феномен можно рассматривать в рамках конструктивистской теории, которая связывает возникновение социальных споров с когнитивными конструкциями (идеология, национализм, нация и религия). Эти конструкции позволяют понять чувство различия с *другими*, приводят к формированию дихотомии *мы – они*, что в контексте идеологии современных радикальных организаций означает переход к насилию, террористическим действиям. Религиозные убеждения становятся важным фундаментом и ресурсом деструктивной идеологии, почвой для одобрения и распространения насилия, транснационального терроризма и столкновений между террористическими группировками и государствами.

Отходя от традиционной идеи джихада, неосалафитские исламисты наполнили её новой смысловой нагрузкой: джихад стал агрессивным и наступательным инструментом обеспечения безопасности и превратился в метод достижения политических целей экстремистов. Радикальное понимание норм религии вкупе с появлением террористических группировок, активно претворяющих его в жизнь, стало причиной появления вызовов для существующего порядка как на Ближнем Востоке, так и на международной арене.

Представляется, что идеология исламских фундаменталистов, их разрушительные действия и бесчеловечные акты террора по всему миру приводят к «глобализации» вопросов безопасности на Ближнем Востоке: региональные проблемы не «задерживаются» в регионе и несут угрозу всем странам. Это актуальная тема для дальнейших исследований, как в сфере международной безопасности, так и в области изучения роли новых акторов в мировой политике.

Список литературы

1. Добаев И. Истоки терроризма на Ближнем и Среднем Востоке и факторы, определяющие его современную активизацию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. №2. С. 156-164.
2. Долгов Б. Политический ислам в современном мусульманском мире // Портал «Перспективы», 04.10.2007. URL: http://www.perspektivy.info/book/politicheskij_islam_v_sovremennom_musulmanskom_mire_2007-10-04.htm (дата обращения: 22.09.2017).
3. Лебедева М.М. Система политической организации мира: Идеальный шторм // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С.125-133.
4. Малащенко А. В. Исламская альтернатива и исламский проект. Московский Центр Карнеги, 2006. 221 с.
5. Чепелева А.В. Этические аспекты джихада // Альманах «Дискурсы этики». 2014. 1(6). С. 20-32.
6. Аль-Ашмави М.С. Политический ислам и трансформация государства. Абу-Даби, Альмаджм Аль-Сигафи, 1991. 350 с. (на арабском).
العشماوى، محمد سعيد، الاسلام السياسى و تحول الدولة، ابوظبى: المجمع الثقافى، ١٩٩١.
7. Асайиш Талаб Туси М.К. 11 сентября и радикальный джихад // Внешняя политика. 2005. № 4. С. 1091-1095. (на фарси)
آسایش طلب طوسی، محمد کاظم، 11 سپتامبر و رادیکالیسم الجهاد، سیاست خارجی، شماره 4، 1384، صص 1095-1091.
8. Бади Б. Два государства: власть и общество на Западе и в мусульманских странах. Тегеран: Баз, 2004. 282 с.
بدیع، برتران. دو دولت، ترجمه احمد نقیب زاده، تهران: باز، 1383.
9. Бабби С. Европоцентристский страх перед фундаментализмом и формирование политического ислама / пер. с фарси Джамшид-ха Г. Анбари. М.: Тегеранский университет, 2000. 222 с.
10. Джамали Дж. Теоретическая модель экстремизма // Афак. 2011. № 12. С. 145- 170.
جمالی، جواد. مدل تنوریک تحلیل افراط گرایی، تهران: فصلنامه آفاق، شماره 12، 1390، صص 145-170
11. Джмшидирад М.С., Махмудпанахи С.М. Понятие политического ислама в Исламской революции Ирана // Журнал исламской революции. 2012. № 5. С. 127-149.
جمشیدی راد، محمد صادق؛ محمود پناهی، سید محمد رضا، مفهوم اسلام سیاسی در انقلاب اسلامی ایران، فصلنامه انقلاب اسلامی، شماره 5، 1391، صص 127-149.
12. Кутб С. Вехи на пути. Каир: Дар-Альшурут, 1979. 187 с.
قطب، سید محمد. معالم الطريق، القاهرة: دار الشروق، 1979.
13. Кутб С. Будущее мусульман. Тегеран: Фонд «Исламская культура», 2007. 126 с.
قطب، سید محمد. آینده در قلمرو اسلام، ترجمه سید علی خامنه ای، تهران: دفتر نشر فرهنگ اسلامی، 1386.
14. Маудуди А. Аль-халифа и исламское правительство. Кувейт: Дар Аль-галам, 1978. 244 с.
مودودی، ابوالعلی. الخلافة و الملک، تعریب احد ادريس، کویت، دار القلم، 1978.
15. Реншон С.И. Политическая психология войны в Персидском заливе. Издательство МИД Ирана. 1999. 400 с.
رنشون، استانیلى اى، روان شناسی سیاسی. جنگ خلیج فارس، ترجمه جلیل روشندل، تهران: وزارت خارجه، 1376.
16. Ас-Сейид Р. Современный политический ислам и конкурирующие идентичности. Тегеран: Издательство «Баз», 2007. 152 с.
السید، رضوان. اسلام سیاسی معاصر در کنشکاش هویت و تجدید، ترجمه مجید مرادی، انتشارات باز، 1386.
17. Хоссейнизаде М.А. Политический ислам в Иране. Кум: издательство Мофид университета, 2007. 576 с.
حسین زاده، محمد علی، اسلام سیاسی در ایران، قم: انتشارات دانشگاه مفید، 1386.
18. Adler E., Barnett M. Security Communities. Cambridge: Cup. 1998. 228 p.

19. Borum R. Psychology of Terrorism, University of South Florida. URL: http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1570&context=mhlp_facpub (дата обращения: 22.12.2016).
20. The Iranian revolution: its global impact / Ed. by Esposito J.L. Miami: Florida International University Press, 1990. 346 p.
21. Hasenclever A., Rittber W. War, Security, and Religion. Does Religion Make a Difference? Religion in International Relations: The Return from Exile / Ed. by P.H. Poulos and F. Pettito. New York: Palgrave Mac Millian. 2003. Pp. 107-145.
22. Hadra A. What are the legal foundations of the Islamic State? 26.07.2016. URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/07/26/what-are-the-legal-foundations-of-the-islamic-state/> (дата обращения: 22.12.2016).
23. Hatzopoulos P, Pettito F. The Return From Exile // Religion in International Relations. New York: Palgrave Mac Millian, 2003. Pp. 4-8.
24. Knudsen A. Political Islam in the Middle East // Chr. Michelsen Institute. 2003. No. 3. Pp. 1-31.
25. Knowlth T. Zawaheri-not Binladan is the Top target. URL: <http://www.sullivan.country.com/z/sfit.htm> (дата обращения: 22.12.2016).
26. Kubáľková V. Toward the International Politics Theology // Religion in International Relations: The Return from Exile / Ed. by P.H. Poulos and F. Pettito. New York: Palgrave Mac Millian. 2003. Pp. 79-105.
27. Lebedeva M.M. The Terrorist threat to the world political system // Connections: The Quarterly Journal. 2006. Vol. 5. Iss. 3. Pp. 115-124.
28. Mabee B. The Globalization of Security - State Power, Security Provision and Legitimacy. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 205 p.
29. Maha A. Political Islam: Violence and the Wahhabi Connection, in the making of Terrorist // Risti Reutment, Training and Rout Causes. Vol. 1. / Ed. by James J.F. London: Praeger Security International, 2006. Pp. 231-236.
30. Mitchel R. The Society of Muslim Brother. Oxford: Oxford University Press, 1969. 392 p.
31. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. No. 3. Pp. 341-353.
32. Rhodes D. Salafist-Takfiri Jihadism: The Ideology of the Caucasus Emirate // International Institute for Counter-Terrorism (ICT), March 2014. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/ICTWPS%2027%20-%20Salafist-Takfiri%20Jihadism.pdf> (дата обращения: 14.01.2017).
33. Scott A. The Moral Logic and Growth of Suicide Terrorism // The Washington Quarterly. 2006. № 29(2). Pp. 127-147.
34. Shepard, W. Islam and ideology: Towards a typology // International Journal of Middle East Studies. 1987. № 19. Pp. 307-335.
35. Tibi B. Political Islam, World Politics and Europe. Routledge: London and New York, 2008. 328 p.
36. Vandervalle D. Islam in Algeria: Religion, culture, and opposition in a rentier state // Political Islam: Revolution, Radicalism, or Reform? Ed. by J. L.Esposito. Boulder, Colombia: Lynne Rienner, 1997. 281 p.
37. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999. 429 p.
38. Zeidan Z. The Islamic Fundamentalism View of Life as a Perenial Battle. Middle East Review of International Affairs. 2001. № 4. Pp. 28-29.

Об авторе:

Хасан Джаббари Насир – научный сотрудник Национального института социальных и культурных исследований ИРИ, 1666914711, Иран, г. Тегеран, ул. Пасдаран, ул. Момен нежад, Д. 124.
E-mail: hjabbarinasir@gmail.com.

POLITICAL ISLAM, TERRORISM AND SECURITY IN THE MIDDLE EAST

H. Jabbari Nasir

DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-183-198

National Institute for Cultural and Social Studies

Abstract: The article deals with the problem of politicizing Islam. The author states that Salafists's approach to political domain of social being is at odds with original Islam. The article uses historical analysis in order to demonstrate different stages of politicizing Islam. The author also uses constructivist approach to show how radical Islamic ideologies are constructed.

Until 19th century, Islam was a set of beliefs and social model but had no status of political system. However, due to external and internal it gradually embarked on political path and started to acquire more active presence in various spheres of social life. Later new political culture was formed that constructed a new radical identity criticizing and even denying the existing norms of traditional Islam. Departing from many political, economic and cultural norms and referring to the holy Koran and Sunnah, radical Islamists aspire to establish an "ideal" or "pure" international society.

The author concludes that the Neo-Salafists have transformed the traditional idea of jihad into an idea of global jihad and have made it their security manifesto. This leads to the globalizing effect which implies that regional security problems in the Middle East are becoming the area of international community's concern.

Key words: political Islam, Neo-Salafist and Takfirist political Islam, terrorism ideology, constructivist theory, security in the Middle East.

References

1. Dobaev I. Istoki terrorizma na Blizhnem i Srednem Vostoke i faktory, opredelja-jushhie ego sovremennuju aktivizaciju [The history of terrorism in the Middle East and Central Asia and its factors, determining its modern activity]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2016, no. 2, pp. 156-164 (in Russian).
2. Dolgov B. Politicheskij islam v sovremennom musul'manskom mire [Political Islam in the modern Muslim world]. *Portal "Perspektivy"*, 04.10.2007. Available at: http://www.perspektivy.info/book/politicheskij_islam_v_sovremennom_musulmanskom_mire_2007-10-04.htm (Accessed 22.09.2017) (in Russian).
3. Lebedeva M.M. Sistema politicheskoy organizacii mira: Ideal'nyj shtorm [System of world political organization: Ideal storm]. *Vestnik MGIMO-Universiteta - MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 2 (47), pp. 125-133 (in Russian).
4. Malashenko A. V. Islamskaja al'ternativa i islamskij proekt. Moskovskij [Islamic alternative and Islamic project] *Centr Karnegi*, 2006. 221 p. (In Russian)
5. Chepeleva A.V. Jeticheskie aspekty dzhihada [Ethical aspects of jihad]. *Al'manah «Diskursy jetiki»*, 2014, no. 1 (6), pp. 20-32 (in Russian).
6. Al'-Ashmavi M. *Al'-islam al'-sijasi va al'motagaerat al'-dovallija* [Political islam and transformation of a state]. Abu-Dabi, Al'madzhm Al'-Sigafi, 1991. 350 p. (In Arabic)

7. Asajish Talab Tusi M. K. 11 septambr va radikalism aldzhahad [9/11 and the radical jihad]. *Sijasate haredzhi*, 2005, no. 4, pp. 1091-1095. (In Farsi)
8. Badi B. *Do dolat: godrat va dzhamee dar garb va sarzaminhaee islami*, Motardzhem: Ahmad Nagibzade [Two states: power and society in the West and the Muslim states]. Tegeran, Baz Publ., 2004. 282 p. (In Farsi)
9. Babbi S. *Harase bonjadin urpamadari va zuhure islamgieraii* [A Fundamental Fear: Eurocentrism and the Emergence of Islam]. Tardzhome Golamreza Dzhamsheidiha va Musa Anbari. Tehran, Intisharat "Daneshgah Tehran", 2000. 222 p. (In Farsi)
10. Dzhmali Dzh. Modele teoriike tahlile ifratgeraii [Theoretical model of extremism]. *Afag*, 2011, no. 12, pp. 145-170 (in Farsi).
11. Dzhmshidiradrad M.S., Mafhume islame sijasi dar ingelabe islamie Iran [The concept of political Islam in the Islamic Revolution of Iran]. *Pazhuheshnamee ingelabe islami*, 2012, no 5, pp. 130-132 (in Farsi).
12. Kutb S. *Maalem al'-tarig* [Stages on the path]. Cairo, Dar-Al'-shurug Publ., 1979. 187 p. (In Arabic)
13. Kutb S. *Aijande dar galamroe islam* [The future of Muslims]. Tehran, Daftare nashre islami Publ., 2007. 126 p. (In Farsi)
14. Maududi A. *Al'-hilaft va al'-molk* [Government (khlifat) and politics (molk)]. Kuvejt, Dar Al'-galam Publ., 1978. 244 p. (In Arabic)
15. Renshon S.I. *Ravanshenasie sijasie dzhangalidzhe fars*, Tardzhome Dzhahalil Roshandel [Political psychology of war in the Persian Gulf]. Tehran, Vezarate haredzhe Publ. 1999. 400 p. (In Farsi)
16. As-Seijd R. *Islame sijasie moaser dar keshakeshe hovijat va tadzhadod*, Motardzhem Madzhid Moradi [Modern political islam and the construction of identities]. Tehran, Baz Publ., 2007. 152 p. (In Farsi)
17. Hossejnizade M.A. *Islame sijasi dar Iran* [Political islam in Iran]. Kum: Daneshgahe Mofid Publ., 2007. 576 p. (In Farsi)
18. Adler. E., Barnett M. *Security Communities*. Cambridge, Cup Publ., 1998. 228 p.
19. Borum R. *Psychology of Terrorism*. University of South Florida. Available at: http://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1570&context=mhlp_facpub (Accessed: 22.12.2016).
20. *The Iranian revolution: its global impact*. Ed. by Esposito J.L. Miami, Florida International University Press, 1990. 346 p.
21. Hasenclever A., Rittber W. War, Security, and Religion. Does Religion Make a Difference? *Religion in International Relations: The Return from Exile* / Ed. by P.H. Poulos and F. Pettito. New York, Palgrave Mac Millian Publ., 2003. Pp. 107-145.
22. Hadra A. What are the legal foundations of the Islamic State? *Brookings.edu*, 26.07.2016. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/07/26/what-are-the-legal-foundations-of-the-islamic-state/> (Accessed: 22.12.2016).
23. Hatzopoulos P., Petito F. The Return From Exile. *Religion in International Relations*. New York, Palgrave Mac Millian Publ., 2003. Pp. 4-8.
24. Knudsen A. Political Islam in the Middle East. *Chr. Michelsen Institute*. 2003, no. 3, pp. 1-31.
25. Knowlth T. Zawaheri-not Binladan is the Top target. *Sullivan.country.com* Available at: <http://www.sullivan.country.com/z/sfit.htm> (Accessed: 22.12.2016).
26. Kubálková V. Toward the International Politics Theology. *Religion in International Relations: The Return from Exile*. Ed. by P.H. Poulos and F. Pettito. New York, Palgrave Mac Millian Publ., 2003. Pp. 79-105.
27. Lebedeva M.M. The Terrorist threat to the world political system. *Connections: The Quarterly Journal*, 2006, vol. 5, iss. 3, pp. 115-124.
28. Mabee B. *The Globalization of Security - State Power, Security Provision and Legitimacy*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2009. 205 p.
29. Maha A. Political Islam: Violence and the Wahhabi Connection, in the making of Terrorist. *Risti Reuitment, Training and Rout Causes*. Vol. 1. Ed. by James J.F.

- London, Praeger Security International Publ., 2006. Pp. 231-236.
30. Mitchel R. *The Society of Muslim Brother*. Oxford, 1969. 392 p.
 31. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*, 2006, vol. 12, no. 3, pp. 341-353.
 32. Rhodes D. Salafist-Takfiri Jihadism: The Ideology of the Caucasus Emirate. *International Institute for Counter-Terrorism* (ICT), March 2014. Available at: <https://www.ict.org.il/UserFiles/ICTWPS%2027%20-%20Salafist-Takfiri%20Jihadism.pdf> (Accessed 14.01.2017).
 33. Scott A. The Moral Logic and Growth of Suicide Terrorism. *The Washington Quarterly*, 2006, no. 29(2), pp. 127-147.
 34. Shepard, W. Islam and ideology: Towards a typology. *International Journal of Middle East Studies*, 1987, no. 19, pp. 307-335.
 35. Tibi B. *Political Islam, World Politics and Europe*. London and New York, Routledge Publ., 2008. 328 p.
 36. Vandervalle D. Islam in Algeria: Religion, culture, and opposition in a rentier state. *Political Islam: Revolution, Radicalism, or Reform?* Ed. by J.L. Esposito. Boulder, Colorado, Lynne Rienner Publ., 1997. 281 p.
 37. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1999. 429 p.
 38. Zeidan Z. The Islamic Fundamentalism View of Life as a Perennial Battle. *Middle East Review of International Affairs*, 2001, no. 4, pp. 28-29.

About the author:

Hasan Jabbari Nasir – research associate of IRI's National Institute for Cultural and Social Studies. Iran, 1666914711, Tehran, Pasdaran street, Momen Nejad street, no 124.
E-mail: hjabbarinasir@gmail.com.

WHAT DRIVES THE CHANGES IN THE GULF OIL MONARCHIES?

Nikola Kjurchiski

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Centre for Resource Economics at RANEPA

The article identifies four main events driving the current changes in the Persian Gulf oil monarchies. Located in a troubled and unstable region of the Middle East with the oil prices declining after the events of the “Arab spring” and election of Donald Trump as president of the United States, Gulf oil monarchies are under pressure from inside and outside to undergo significant changes. As a consequence, validity of the theory of «monarchical exclusiveness» is called into question. The political elites in the monarchies recognize the need to depart from the status quo, although the phenomenon of the «king’s dilemma» is still present there. The author argues that the monarchy should undergo conservative liberalization. To avoid political destabilization they should apply a gradual, evolutionary approach to liberalization providing their societies with enough time to adapt to new developments. Along with the gradual liberalisation process there is also need in institutional development to make institutions stronger and more independent.

Key words: monarchies of the Persian Gulf, monarchical exclusiveness, changes, conservative liberalization.

The Middle East has always been one of the hottest spots on the planet with millennial conflicts raging between multiple parties in the region. The area between the Jordan River and the Mediterranean (corresponding today to the modern state of Israel and the Palestinian territories of the Gaza strip and the West Bank of Jordan River) is regarded as “the Holy Land” by the three major monotheistic religions: Christianity, Islam and Judaism, as well as several other communities, including Druze and Bahai [6]. This is the place where various cultures and religions intertwine often with opposing views on the political and economic organization, and all of them claim ownership of the land. The differences in culture and religious beliefs are not the main cause of the conflict, rather it is the battle for earth, which is a solid basis for long-lasting disputes.

In order to understand the contemporary conflicts in the Middle East we need to look back to 1947 when under the auspices of the United Nations the state of Israel was created and decision taken to establish the state for the Palestinians. The Arabs were to receive 43% of the land, while the Jews the rest 57%. Both States were going to create an economic Union, whilst the Holy City of Jerusalem would be administrated by the United Nations [16]. Arab states objected the division of Palestine and rejected the Israel's existence. Since then military conflicts have become almost a routine between the state of Israel and the Arab world. These conflicts have also a religious dimension: on the one hand, the state of Israel, where the dominant religion is Judaism, and on the other hand states with Muslim domination. However, the situation is more complicated because at the same time Muslim countries are also divided between the Shia dominated Republic of Iran and the Sunni Arab countries (mainly the Gulf Arab oil monarchies). In addition to the historical background of the problem, there are other important factors.

The Middle East has the largest proven oil and gas reserves in the world – 47.3% of the total proved oil reserves and 42.8% of the total proved gas reserves. The largest oil producers are also concentrated there, producing 32.4% of the total production of oil and 17.4% of the total gas production¹. The Middle East region is a bridge between East and West with pivotal trade and energy routes passing through making the region a critical area of concern on the world stage. Given the region's history and contemporary circumstances, immense cooperation efforts and political will are required in order to establish sustainable peace and development.

The ruling elite in the Gulf oil monarchies recognize the need for change. This is evident from their planning documents, called «Visions»². Almost all of the Gulf oil

¹ BP Statistical Review of World Energy. June 2016. pp. 6, 8, 20, 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).

² Realizing Qatar National Vision 2030. The Right to Development. Qatar's Fourth National Human Development Report. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/qatar_nhdr4_english_15june2015.pdf (дата обращения: 01.04.2017); UAE Vision 2021. United in Ambition and Determination. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vision2021.ae/sites/default/files/uae-vision2021-brochure-english.pdf> (дата обращения: 01.04.2017); Bahrain Vision 2030. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bahrainedb.com/en/EDBDocuments/EDB-Vision-2030-May-2013.pdf> (дата обращения: 01.04.2017); Oman's Ninth Five-Year Development Plan (2016-2020). [Электронный ресурс]. URL: http://www.markets.today.net/includes/download.php?file=rr_18012016114554.pdf&lang=en&s=4464&m=research (дата обращения: 01.04.2017).

monarchies have their Visions of the future. For instance, the Saudi's deputy crown prince Mohammed bin Salman has announced the development strategy of Saudi Arabia in the post-oil era in an interview with Al-Arabiya under the title "Saudi Arabia's Vision 2030"³. These documents provide a good research material for assessing the future course of regional policy.

The Gulf oil monarchies (Saudi Arabia, UAE, Qatar, Kuwait, Oman and Bahrain) used to be the most stable political regimes in the region. However, this dogma of «monarchical exclusiveness» was shattered during the past half-decade. It suggests that the Gulf monarchies are stable and steady in extremely unstable and volatile region because they enjoy stable and resilient political regimes [3, p. 2].

Alvarez et al. identified two types of political regimes: democratic and authoritarian [2]. In their view, democratic regimes meet at least three following conditions. First, there should be a possibility for an incumbent party to lose elections (ex-ante uncertainty). Second, the winner of elections should be allowed to obtain political power. The results of the election should be irreversible, if we consider the elections free and fair (ex-post irreversible). Third, the elections must be a recurring process in democratic regimes, which makes all results of the elections temporary, leaving the possibility of winning and losing the next elections. To define authoritarian regimes, Alvarez et al. use false dichotomy – all regimes that are not democracies are authoritarian, recognize different types of authoritarian regimes [2, p. 5-6]. All six Gulf oil countries are authoritarian hereditary monarchies. According to Sean Yom and Gregory Gause, monarchy is defined as a regime led by a hereditary sovereign who may hold varying degrees of power [18, p. 76; 19].

The events in the global geopolitical arena over the past five years have become a serious challenge for political elites in the oil monarchies of the Persian Gulf. Despite the fact that these monarchies are much more stable in comparison with the republics of the region, the ruling elites of monarchies are also called upon to react to events that influence their economic, social and political systems. Although the Arab Republic or the Jamahiriya (in the case of Libya) contained the prefix "republic" in their names, in fact, all these countries are more or less authoritarian. According to the latest democracy index of the Economist Intelligence Unit, most countries in the Middle East are defined as authoritarian, with the exception of Turkey, Lebanon, Palestine and Iraq, which are defined as hybrid regimes, and Israel as an incorrect democracy⁴. The general picture of the classification of these regimes is not black and white, because in all of them one can find democratic institutions to some extent. They demonstrate a various combinations of autocratic and democratic institutions. Almaz, Linz and Lip-

³ Full Transcript of Prince Mohammed bin Salman's Al Arabiya interview. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://english.alarabiya.net/en/media/inside-the-newsroom/2016/04/25/Full-Transcript-of-Prince-Mohammed-bin-Salman-s-Al-Arabiya-interview.html> (дата обращения: 01.04.2017); Full Text of Saudi Arabia's Vision 2030. Saudi Gazette. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://saudigazette.com.sa/saudi-arabia/full-text-saudi-arabias-vision-2030/> (дата обращения: 01.04.2017).

⁴ The Economist Intelligence Unit. Democracy Index 2015. Democracy in an Age of Anxiety. Pp. 5-8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yabiladi.com/img/content/EIU-Democracy-Index-2015.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).

set call these regimes “semi-democracies” [9, p. 25] or the hybrid regimes described below, [10] where the effective power of elected officials is very limited or competition in a political party is limited, or the freedom and fairness of elections are highly compromised meaning that the election results are significantly different from popular preferences.

It is important to distinguish democratization and liberalization and acknowledge that the oil monarchies of the Persian Gulf do not need to be democratized, at least for the time being, but they need liberalization. The countries of the Persian Gulf do not seem to be ready for democracy. Instead a revolutionary approach should be applied in the process of liberalization, gradually moving towards reforms so that the society has time to adapt to new developments. This process might be called “conservative liberalization”, because it takes into account the cultural and traditional specificity of these societies. In parallel with conservative liberalization, institutional development is crucial for the strengthening of institutions. Thus, together they would ensure sustainable development of the countries.

This study singles out four important events that have occurred over the past decade, forming a new reality in monarchies: 1) the events of the “Arab spring”; 2) constant instability in the Middle East; 3) the rapid decline in oil prices and 4) the election of Donald J. Trump as President of the United States.

Events of the “Arab spring”. In chronological order, it all began with the uprising of the “Arab spring” that started in Tunis in 2010 with questioning the authority of President Ben Ali, who had been in power for many years. The wave of unrest spread throughout the region, bringing turmoil to the places where similar demands for the liberation of the political system, more representative and transparent elections and visible changes in the political behavior of the elites were present. The oil monarchies of the Persian Gulf demonstrated an unprecedented level of political stability before and after the “Arab spring”.

In his study Bona [7, p. 275] identified three elements that should be taken into account in analyzing the authoritarian stability of the Gulf countries, namely, cultural, political and social structures and institutions. Monarchy as a form of government is closely intertwined with national culture and tradition. As for the political and social structures of the oil monarchies it was established that political elites allocate oil and gas rent among the population in order to increase their material and social satisfaction and make them uninterested in politics. In other words, the governments establish strong relations with their citizens by redistributing among them income from oil and gas rent in order to maintain high authority [5].

Huntington believes that the main problem in monarchies is caused by the “royal dilemma” [11, p. 60]. “King’s dilemma” implies that kings suffer from changes when some kind of reform is being implemented. Any change can lead to a process that is likely to damage the king’s power, but on the other hand, the status quo is not sustainable in the long run. Most monarchical governors usually decide to keep the status quo as long as possible hoping that people will remain calm and indifferent.

Despite the small differences between monarchies and republics in the Middle East, especially before the “Arab spring”, monarchies have a higher level of political liberalization [4; 13; 15; 17]. But it is not only the levels of political liberalization that differ, levels of economic liberalization are even more different. Oil monarchies of the Persian Gulf are reminiscent of Western developed economies when it comes to liberalizing the economy. Today the oil monarchs of the Persian Gulf are financial and transport centers of the region attracting foreign direct investment due to their liberal economic system and zero taxation policy. Strong ownership rights give investors the exclusive right to use their resources at their own discretion and take full account of all the benefits and costs associated with their judgments.

However, after the “Arab spring” the perception of people living in the oil monarchies of the Persian Gulf have changed. They realized that, although they live in authoritarian monarchies, they can still question their governments. Despite the absence of direct mechanisms to hold governments accountable, there is always the opportunity to go out and protest. The ruling monarchy also knew this and understood that these changes are important.

Constant instability and volatility in the Middle East. Instability is a serious problem in the Middle East and the Persian Gulf region. War and terrorism are not the only problems facing the monarchies of the Persian Gulf. A high level of dependence on oil and gas resources makes the monarchies sensitive to commodity prices. As prices decline it significantly reduces the ability of the monarchy to keep the same income and rent for the population, which the government uses as a mechanism to preserve its power and ensure the political tranquility and silence of citizens. The main problem is related to recent changes in demography [8, c. 10]. Population growth occurring now in monarchies does not allow to provide the same social benefits as before. With the growth of population the reserves of wealth obtained from oil can turn into nothing [8, p. 10].

In the short term the monarchies of the Persian Gulf hold large amount of reserves, so cutting state spending right now is not necessary, and at the moment they are not doing it [14]. Reducing spending can cause great damage to monarchies. This would significantly increase the threat of new uprisings to exert pressure on the ruling elites to ensure better living conditions.

The phenomenon of “youth bulge” is perceived as one of the main factors that have the greatest impact on the instability of the monarchical countries of the Persian Gulf. The rapid demographic change among young people is caused by the reduction in mortality rate [1]. Under the pressure of low oil prices all monarchies are subject to spending cuts to balance their budgets. One of the characteristics of all the oil monarchies of the Persian Gulf is the large state sector. The large public sector model is an obsolete and very expensive model for financing. So most citizens are concerned with the large state sector. Citizens are not motivated to start looking for work outside the public sector.

Most new jobs are in the public sector, despite the fact that very few new jobs have been created. This makes the public sector extremely unsustainable in the long term.

On the other hand, monarchies can turn “youth bulges” into their biggest economic resource, since most of the young people are going to universities and are looking for better job and career opportunities [1]. Investment in education, which has already begun, and the creation of new jobs, mainly in the private sector, are crucial.

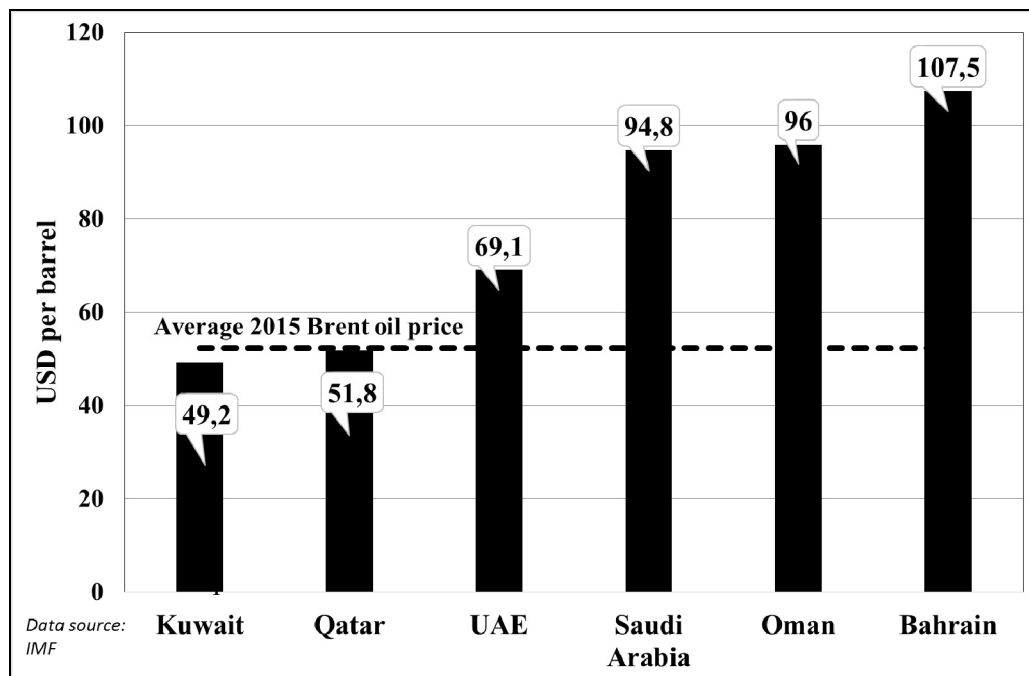

Figure 1. Chart of the 2015 Fiscal Breakeven Oil Price (Oil price at which the fiscal balance is 0)

The fall in the price of oil. Oil monarchies of the Persian Gulf are a resource economy. The oil sector dominates the economy and oil rents are the largest source of public finance. Consequently, some monarchies pursue zero-tax policy (Bahrain and the United Arab Emirates)⁵. However, there are monarchies of the Persian Gulf, which are diversifying their economies, for example, the Emirate of Dubai, where only 1.8% of GDP in 2015 falls on mining⁶. The royal families monopolized the oil resources in order to maintain control and power. It is becoming increasingly difficult to maintain costly and reliable government management at low oil prices.

Figure 1 shows a chart with projected oil prices for each of the oil monopolies in the Persian Gulf for 2015, at which the budget balance will be 0 versus the average price of Brent crude in 2015. The diagram shows that the UAE, Saudi Arabia, Oman and Bahrain have an unbalanced budget, deviating from the average price of Brent

⁵ Ernst & Young. Worldwide Corporate Tax Guide 2016. Pp. 122, 1507. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Worldwide_Corporate_Tax_Guide_2016/\\$FILE/2016%20Worldwide%20Corporate%20Tax%20Guide.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Worldwide_Corporate_Tax_Guide_2016/$FILE/2016%20Worldwide%20Corporate%20Tax%20Guide.pdf) (дата обращения: 01.04.2017).

⁶ Dubai Statistics Centre. Gross Domestic Product at Constant Prices 2015-2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dsc.gov.ae/en-us/Themes/Pages/National-Accounts.aspx?Theme=24> (дата обращения: 01.04.2017).

crude in 2015: \$ 16.75 per barrel, \$ 42.45 per barrel, 43, US \$ 65 per barrel and US \$ 55.15 / bbl., respectively⁷.

Election of Donald J. Trump as President of the United States of America. The United States is the largest Western ally for the oil monarchies, but after the 2016 presidential elections the relations between US and the oil monarchies seem to be deteriorating especially in case of Saudi Arabia. Although relations during Obama's administration were not perfect, Trump's aggressive rhetoric increases various concerns even more. During presidential campaign he said that the US should block all oil imports from Saudi Arabia, and that all the allies of the United States should pay for US military protection, stressing that Saudi Arabia is one of them.

Mishaal Al Gergawi speaking at the Gaidar forum in Moscow said that Obama had done a great service to the Gulf countries, making them realize that they should not expect too much from the United States. The countries of the Persian Gulf should think about how to improve their security system themselves. There are various ways to do this, including investments in technology, cybersecurity and special forces. As for Trump, Al Gergawi said that he did not expect radical changes, as Trump suggested in his pre-election rhetoric. He believes that Trump will manage the country as he manages his business by choosing 3 or 4 large projects that will make him famous as a successful leader, but not expecting it to happen in the Middle East or, more precisely, in the monarchies of the Persian Gulf⁸.

President Trump before elections and Trump after the elections are different politicians. During the campaign Trump had to mobilize support, rather than provide a comprehensive and in-depth program and plans for his presidency. The media never took Trump seriously, but they always took him literally, while his supporters take him seriously, but not literally. Trump could not ban the import of oil from Saudi Arabia, as the US imports more than 6 million barrels of oil per day. Saudi Arabia holds 11% of the world's oil market, which makes it almost impossible for the United States to prohibit the import of Saudi oil into the United States. Nevertheless, there is still a high probability that Trump will further cool relations between the oil monarchies of the Persian Gulf and the United States. It can put more pressure on rulers in monarchies to cope with situations on their own. Another question is how people living there can accept this. Most of them would feel abandoned from its biggest ally blaming their own leaders for it.

Given the recent events, the oil monarchies of the Persian Gulf are in an unstable and defensive position. The main challenges for the oil monarchies are creation of new jobs, modernization of the education system to make it more inclusive, as well as attempts to cope with the fall in oil prices and balance the budget. The four outlined above events pose a serious challenge for governments, but at the same time may be

⁷ IMF Regional Economic Outlook: Middle East and Central Asia; April 2016. P: 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2016/mcd/eng/pdf/mreo0416st.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).

⁸ Al Gergawi M. Presentation at the Gaidar Forum on the session: Global Transformation in the Mirror of Historical Sociology // Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://asa-comparative-historical.org/newsletter/Trajectories_Winter_2017.pdf (дата обращения: 01.04.2017).

an opportunity to brake the status quo and take steps to gradually liberalize political regimes, thereby ensuring more sustainable development and improving living conditions for their citizens.

These events can be a turning point not only for the monarchies, but also for the region. Political elites recognize that all sectors of society present opportunities for improvement. Socially, reforms could be directed at empowerment of women and the expansion of human rights to accelerate social development through affordable health care, education and jobs. In political terms there is a need in creating more inclusive political institutions encouraging increasing participation of ordinary citizens in political life of their countries. This can have a positive impact on citizens, making them feel part of their country and at the same time politically educating them. At the moment conservative values prevail in public opinion, meaning that political empowerment of citizens should take a gradual pace otherwise liberalization processes might be undermined and reversed.

It is important that people come to power through elections, thereby gaining legitimacy from all the citizens having the right to vote. In this case, the ruling elite will also receive a rational-legal type of legitimation, notwithstanding the legitimacy obtained only by divine law [12]. However, these steps should be taken lightly, and changes must occur gradually, so citizens can use them in a new environment and easily adopt them in accordance with the previously defined process of conservative liberalization.

References

1. Al Munajjed M., Sabbagh K. *Youth in GCC countries: meeting the challenge*. Insight Ideation Center. Booz & Company Inc., 2011. 77 p.
2. Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes. *Studies in Comparative International Development*, 1996, vol. 31, no. 2, pp. 3-36.
3. Anderson L. Absolutism and the Resilience of Monarchy in the Middle East. *Political Science Quarterly*, 1991, vol. 106, no 1, pp. 1-15.
4. Anderson L. *Middle East Monarchies: the Challenge of Modernity*. Ed. by J. Kostiner. Boulder, Lynne Rienner Publ., 2000. 241 p.
5. Barari H.A. The Persistence of Autocracy: Jordan, Morocco and the Gulf. *Middle East Critique*, 2015, vol. 24, no. 1, pp. 99-111.
6. Beinín J. *A Primer on Palestine, Israel and the Arab-Israeli Conflict*. Middle East Research and Information Project, 2014. Available at: <http://lokat.org.in/books/palestine.pdf> (Accessed: 01.04.2017).
7. Bona M. Asian Values and Gulf Monarchical Exceptionalism. *Springer: East Asia*, 2015, vol. 32, no 3, pp. 273-287.
8. Cordesman A.H. *Stability and Instability in the Gulf Region in 2016: A Strategic Net Assessment*. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2016. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160615_Gulf_Stability_Instability.pdf (accessed: 01.04.2017).
9. Diamond L.J. Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 21-35.
10. Finer S.E. *Comparative Government*. London, Penguin Press Publ., 1970. 640 p.
11. Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. London, Yale University Press Publ. 263 p.
12. Kjurčiski N. Elections as Contemporary Mechanism for Legitimation of the Gulf Oil Monarchies in the Post Arab Spring Era. *Communication Journal*, 2016, vol. 4, no. 5, pp. 33-39.
13. Lucas R.E. Monarchical Authoritarianism: Survival and Political Liberalization in a Middle Eastern Regime Type. *International Journal of Middle East Studies*, 2004, vol. 36, no 1. pp. 103-119.
14. Martini J., Wasser B., Kaye D.D., Egel D., Ogle-tree C. *The Outlook for Arab Gulf Cooperation*. Santa-Monica, RAND Corporation Publ., 2016. 82 p.

15. Menaldo V. The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs. *The Journal of Politics*, 2012, vol. 74, no. 03, pp. 707-722.
16. Richman S.L. "Ancient History": U.S. Conduct in the Middle East Since World War II and the Folly of Intervention. Cato Policy Analysis, 1991, no. 159. CATO Institute. Available at: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa159.pdf> (accessed: 1/04/2017)
17. Spinks T. The Status of Democracy and Human Rights in the Middle East: Does Regime Type Make a Difference? *Democratization*, 2008, vol. 15, no 2, pp. 321-341.
18. Yom S.L. Resilient Royals: How Arab Monarchies Hang on. *Journal of Democracy*, 2012, vol. 23, no. 4, pp. 74-88.
19. Yom S.L. *The Survival of the Arab Monarchies*. November 2012. Available at: <http://foreignpolicy.com/2012/11/12/the-survival-of-the-arab-monarchies> (accessed: 01.04.2017).

About the author:

Nikola Kjurchiski – PhD student in Political Science at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Research fellow of the Centre for Resource Economics at RANEPA. 119571, Prospect Vernadskogo 82/5, Moscow, Russian Federation. E-mail: kjurchiskin@gmail.com.

ЧТО ДВИЖЕТ ИЗМЕНЕНИЯМИ В НЕФТЯНЫХ МОНАРХИЯХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА?

Никола Кюрчиски
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-199-208

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Центр сырьевой экономики (РАНХиГС)

В статье определены четыре основных события, которые произошли за последние полтора десятилетия и обусловили нынешние изменения в нефтяных монархиях Персидского залива. Прежде всего, это события «арабской весны» и сохраняющаяся нестабильность на Ближнем Востоке, а также стремительное падение цен на нефть и избрание Дональда Трампа президентом Соединённых Штатов Америки.

Таким образом, находясь в и без того тревожных и нестабильных условиях, нефтяные монархии Персидского залива сталкиваются как с внутренними, так и с внешними вызовами, для ответа на которые требуются значительные реформы.

Как следствие, ставится под сомнение обоснованность теории «монархической исключительности». Политические элиты в монархиях признают необходимость отступления от статус-кво, хотя явление «королевской дилеммы» до сих пор присутствует в авторитарном мире.

Автор доказывает, что для монархий оптимален путь консервативной либерализации. Чтобы избежать политической дестабилизации, они должны проводить либеральные реформы постепенно, предоставляя своим обществам достаточно времени для адаптации к новым условиям. Наряду с процессом постепенной либерализации необходимо также институциональное развитие для создания сильных и независимых институтов.

Ключевые слова: монархии Персидского залива, «монархическая исключительность», изменения, консервативная либерализация.

Список литературы

1. Al Munajjed M., Sabbagh K. Youth in GCC countries: meeting the challenge / Insight Ideation Center. Booz & Company Inc., 2011. 77 p.
2. Alvarez M. Cheibub J.A., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes // Studies in Comparative International Development. 1996. Vol. 31. No. 2. Pp. 3-36.
3. Anderson L. Absolutism and the Resilience of Monarchy in the Middle East // Political Science Quarterly. 1991. Vol. 106. No. 1. Pp. 1-15.
4. Anderson L. Middle East Monarchies: The Challenge of Modernity / ed. by J. Kostiner. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 2000. 241 p.
5. Barari H.A. The Persistence of Autocracy: Jordan, Morocco and the Gulf // Middle East Critique. 2015. Vol. 24. No. 1. Pp. 99-111.
6. Bein J. Palestine, Israel and the Arab-Israeli Conflict: a Primer. Middle East Research and Information Project. 2014. URL: <http://lokyat.org.in/books/palestine.pdf> (дата обращения: 01.04.2017).
7. Bona M. Asian Values and Gulf Monarchical Exceptionalism // Springer: East Asia. 2015. Vol. 32. No. 3. Pp. 273-287.
8. Cordesman A.H. Stability and Instability in the Gulf Region in 2016: A Strategic Net Assessment. Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2016. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160615_Gulf_Stability_Instability.pdf (дата обращения: 01.04.2017).
9. Diamond L.J. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 2. Pp. 21-35.
10. Finer S.E. Comparative Government. London: Penguin Press, 1970. 640 p.
11. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. London: Yale University Press. 263 p.
12. Kjurchiski N. Elections as Contemporary Mechanism for Legitimation of the Gulf Oil Monarchies in the Post Arab Spring Era // Communicology Journal. 2016. Vol. 4. No. 5. Pp. 33-39.
13. Lucas R.E. Monarchical Authoritarianism: Survival and Political Liberalization in a Middle Eastern Regime Type // International Journal of Middle East Studies. 2004. Vol. 36. No. 1. Pp. 103-119.
14. Martini J., Wasser B., Kaye D.D., Egel D., Ogletree C. The Outlook for Arab Gulf Cooperation. Santa-Monica: RAND Corporation, 2016. 82 p.
15. Menaldo V. The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs // The Journal of Politics. 2012. Vol. 74. No. 03. Pp. 707-722.
16. Richman S.L. "Ancient History": U.S. Conduct in the Middle East Since World War II and the Folly of Intervention. Cato Policy Analysis. No. 159, CATO Institute. 1991. URL: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa159.pdf> (accessed: 01.04.2017).
17. Spinks T. The Status of Democracy and Human Rights in the Middle East: Does Regime Type Make a Difference? // Democratization. 2008. Vol. 15. No. 2. Pp. 321-341.
18. Yom S.L. Resilient Royals: How Arab Monarchies Hang on // Journal of Democracy. 2012. Vol. 23. No. 4. Pp. 74-88.
19. Yom S.L. The Survival of the Arab Monarchies. November 2012. URL: <http://foreignpolicy.com/2012/11/12/the-survival-of-the-arab-monarchies/> (дата обращения: 01.04.2017).

Об авторах:

Никола Кюрчиски – аспирант, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Центр сырьевой экономики (РАНХиГС). 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1. E-mail: kjurchiski@gmail.com.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВХОДА ФИРМ НА РЫНОК: ОБЗОР МОДЕЛЕЙ

Д.А. Селиверстов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассмотрены результаты ключевых исследований, посвящённых анализу стратегического поведения старожилов рынка, направленного на предотвращение входа на рынок новых фирм. Автором выделены основные направления научных исследований в данной области, позволяющие понять особенности воздействия фирм-старожилов на поведение фирм-новичков, методы и последствия политики недопущения новых фирм на рынок.

На сегодняшний день отрасли со свободным входом представляют собой редкое явление. Зачастую проникновение новых фирм на рынок сопряжено со значительными издержками входа, которые дают возможность фирмам-старожилам пользоваться преимущественным положением на рынке и получать положительную экономическую прибыль. В случае угрозы проникновения на рынок потенциальных конкурентов старожилы предпринимают стратегические действия, направленные на предотвращение входа и сохранение своего доминирующего положения. Среди наиболее эффективных стратегий можно выделить создание дополнительных издержек входа для новичков посредством установления лимитирующего объёма выпуска продукции и лимитирующей цены, инвестиций в невозвратные активы, а также дифференциации продукции. Такие действия оказывают прямое влияние на издержки и/или прибыль новичка и способны изменить ожидания потенциального конкурента относительно будущих намерений старожилов сохранить своё доминирование на рынке.

Ключевые слова: стратегическое поведение, вход на рынок, предотвращение входа, лимитирующий выпуск, барьеры входа, невозвратные издержки, конкуренция, двухстадийные игры, новичок, укоренившаяся фирма.

УДК 339.137.22, JEL L1, L2

Поступила в редакцию 15.03.2017 г.

Принята к публикации 11.09.2017 г.

Возможность свободного входа фирм на рынок в значительной мере определяет его динамику, структуру, степень конкуренции, что в итоге оказывает воздействие на общественное благосостояние. Однако рынки с абсолютно свободным входом представляют собой редкое явление; чаще фирмы-новички¹ сталкиваются с множеством барьеров. Часть барьеров имеет экзогенный характер, то есть они возникают независимо от действий участников рынка; другую часть целенаправленно создаёт укоренившаяся фирма², чтобы сохранить своё доминирующее положение и не допустить проникновения на рынок новых игроков. Такая стратегия старожилов может быть весьма эффективной и в то же время слабо идентифицируемой регулирующими органами.

Основная цель данной статьи – систематизация результатов научных исследований, посвящённых стратегиям фирм-старожилов по предотвращению входа новых фирм на рынок. Данная область исследований слабо представлена в российской научной литературе, хотя она имеет важное теоретическое и практическое значение. В настоящей статье охвачены ключевые направления исследований в данной области. Все они исходят из базовых постулатов теории стратегического поведения фирм, различаясь пониманием методов, которыми пользуются компании-старожилы для предотвращения входа на рынок новичков.

Понятие и критерии стратегического поведения

Один из основоположников теории стратегического поведения, Томас Шеллинг [55], первым развил идею о том, что участники рынка (игроки) могут предпринять целенаправленные действия, меняющие ход игры. К действиям такого рода Шеллинг отнёс угрозу, обещание и обязательство. Угроза выражается в форме штрафа, который будет наложен на соперника, если он предпримет определённые действия. Обещания должны побудить конкурента к совершению определённых действий. При этом как угрозы, так и обещания имеют смысл только при условии своей достоверности. Достоверность – это оценка одним игроком (конкурентом) готовности другого игрока выполнить конкретные действия. Предполагается, что действия должны отвечать интересам игрока, иначе конкуренту нет смысла отступать. Такие действия и относятся к категории обязательств. Если игрок не способен превратить свои обещания и угрозы в обязательства, то он не сможет оказать существенного влияния на поведение конкурента. По Шеллингу, действие имеет стратегический характер при следующих условиях:

- 1) Последовательность. Игрок должен иметь возможность сделать ход перед окончательным ходом соперника.
- 2) Коммуникация. Соперники должны иметь представление о действиях игрока перед началом своего хода.

¹ В дальнейшем также используются названия «фирма 2», «последователь», «потенциальный конкурент», «новая фирма», имеющие одинаковое значение.

² В дальнейшем также используются названия «старожил», «фирма 1», «лидер», «старая фирма», имеющие одинаковое значение.

3) Влияние на выбор игрока. Действие игрока должно оказывать влияние на его выбор и оптимальное поведение в будущем.

4) Рациональные ожидания. Действия игрока должны также влиять на представление соперника о будущих действиях игрока, что в свою очередь окажет воздействие на поведение соперников.

В основе определения стратегического поведения Шеллинга лежит так называемый косвенный эффект, под которым понимается изменение ожиданий соперника относительно будущего поведения игрока. Дж. Харрингтон расширил данное определение включением в него понятия прямого эффекта [34, с. 513]. Вслед за Харрингтоном под прямым эффектом подразумевают изменение игроком набора доступных сопернику альтернатив или воздействие на уровень выигрыша последнего. Увеличение издержек соперника и/или снижение его дохода – это важнейшие виды стратегических действий, оказывающие прямой эффект.

Отдельная роль в изучении поведения фирм и стратегических аспектов входа на рынок отводится условиям и барьерам такого входа. Бэйн [7, с. 252] определяет условие входа как меру, которая даёт возможность укоренившимся фирмам в долгосрочной перспективе установить цены выше минимальных средних издержек производства и реализации продукции, и при этом не происходит притока потенциальных конкурентов. Эти условия определяются барьерами входа – «факторами, которые делают вход невыгодным, одновременно позволяя укоренившимся фирмам устанавливать цены выше предельных издержек и постоянно зарабатывать экономическую прибыль» [24, с. 10].

Принято выделять две группы барьеров входа на рынок: нестратегические (структурные) и стратегические [30]. К нестратегическим барьерам относят абсолютные преимущества в издержках [6; 14; 30], эффект масштаба [6; 68], существование стратегических групп (барьеры мобильности) [14], объём капитальных затрат [14; 46], невозвратные издержки [9; 31; 59], административные ограничения [16; 31]. Перечисленные барьеры помогают укоренившимся фирмам сохранять за собой рыночную власть в долгосрочной перспективе. Однако эффективность таких барьеров, подразумевающая сохранение экономической прибыли старожилов, в значительной степени зависит от поведения последних. Предпринимая определённые стратегические действия, старожилы используют существующие барьеры для предотвращения входа на рынок новичков (стратегические барьеры).

Рассмотрим особенности стратегических действий такого рода на основе ключевых теоретико-игровых моделей.

Лимитирующий выпуск: роль лидера

Многие предпосылки и закономерности стратегического поведения фирм при входе на рынок описаны теоретико-игровой моделью Генриха фон Штакельберга, которая разработана в развитие модели дуополии Курно. В отличие от

модели Курно, которая предполагает одновременный выбор фирмами объёмов выпуска, в соответствии с моделью Штакельберга фирмы принимают решение в отношении объёмов производства последовательно. Фирма 1 делает ход первой, при этом предполагая, что поведение фирмы-последователя будет ограничено функцией наилучшей реакции (набором оптимальных выборов). Фирма 2 также действует рационально и ориентируется на решение фирмы-лидера.

Фирма 1 может предотвратить вход фирмы 2, выпуская такой объём продукции, при котором фирма 2 не сможет получить положительную экономическую прибыль. Этот лимитирующий объём определяется уравнением:

$\Pi_2(R_2(q_1^n), q_1^n) = 0$, где q_1^n – объём выпуска фирмы 1, а $R_2(q_1^n)$ – функция наилучшей реакции фирмы 2. Фирма 2 воздержится от входа, поскольку она может заработать только нулевую экономическую прибыль.

Следует отметить, что при анализе лимитирующего объёма большую роль играет эффект масштаба. Предположим, что фирмы выпускают однородную продукцию и имеют одинаковые функции издержек: $C_i = cq_i$, где q_i – объём выпуска фирмы 1 или 2; c – средние издержки. При этом технология производства характеризуется постоянной отдачей от масштаба, и фирмы не несут издержки входа. Фирма 1 стремится создать такие условия, которые не позволили бы новичку получить экономическую прибыль. В данном случае лимитирующий объём выпуска установится в точке, где цена и средние издержки равны. В противном случае, если цена превысит средние издержки, то новичок сможет получать прибыль, действуя на своей кривой остаточного спроса. Однако лимитирующий объём выпуска не позволяет и старожилу реализовать рыночную власть и получить положительную экономическую прибыль. Если предотвращение входа оборачивается для фирмы 1 нулевой прибылью, то оптимальной стратегией является допущение входа.

Совершенно иной результат имеет место при положительной отдаче от масштаба. В данном случае фирма-старожил пользуется относительным преимуществом в издержках, которые служат барьером входа для новичка. Функция издержек фирм будет иметь следующий вид: $C_i = cq_i + f$, где f – издержки входа. Чем сильнее эффект масштаба, тем больше f . Фирма-новичок осуществит вход, если прибыль как минимум покроет издержки (f). Для компенсации постоянных издержек входа при положительной отдаче от масштаба новичок будет стремиться минимизировать средние издержки и соответственно увеличивать объём выпуска. Увеличение выпуска приведёт к снижению цены, которая может опуститься ниже средних издержек новичка. Если новичок осуществит вход с небольшим объёмом выпуска, то его издержки могут оказаться слишком высокими, и производство окажется нерентабельным.

При увеличении f лимитирующий объём снижается благодаря положительной отдаче от масштаба. Если издержки входа очень низкие, стратегия предотвращения входа предполагает значительное расширение объёма выпуска, что может привести к чрезмерному снижению цены на продукцию старожила. В

связи с этим существует вероятность, что при небольшой величине f старожил предпочтёт допустить новичка на рынок.

Модель Штакельберга показывает, что фирмы, обладающие приоритетным правом первого хода, способны проводить стратегию ограничения конкуренции и сохранения рыночной власти. При этом выбор между стратегией предотвращения входа или допущения новичка на рынок зависит от эффекта масштаба и величины f .

Роль инвестиций в предотвращении входа

В развитие описанной выше модели лимитирующего выпуска большую популярность получила модель Штакельберга-Спенса-Диксита. В данной модели фирмы выбирают не объём выпуска, а мощность производства. Предположим, что на рынке однородную продукцию выпускают две фирмы: укоренившаяся и новичок. Объёмы выпуска фирм рассматриваются как мощности старожила и новичка ($k_{1,2}$). Модель предполагает двухстадийную игру: на первой стадии укоренившаяся фирма инвестирует в мощности (это невозвратные издержки), на второй стадии новичок принимает решение о начале выпуска продукции, исходя из k_1 . При этом новая фирма несёт издержки входа f . Зная функции наилучшей реакции новичка (условие модели Штакельберга, о котором говорилось в предыдущем разделе), укоренившаяся фирма может выбрать мощности, которые сделают вход потенциального конкурента невыгодным (т.е. $\Pi_2 = 0$). Кроме того, выполняется условие Сайлос-Лабини [65], т.е. $k_1 = \text{const}$ после входа. Инвестиции k в оборудование имеют стратегический эффект: укоренившаяся фирма, покупая оборудование, сигнализирует о намерении пользоваться им в будущем.

Стратегическое поведение старожила будет зависеть от постоянных издержек входа. При особо малой величине f фирма 1 предоставит вход фирме 2, так как в противном случае ей придётся понести чрезмерные издержки, которые, возможно, не будут компенсированы в дальнейшем. Данная модель демонстрирует, что успешность стратегии по предотвращению входа зависит как от действий укоренившейся фирмы, так и от величины издержек входа на рынок.

Приведённая модель синтезирует определённые допущения, методологию и выводы, которые были сделаны в работах Штакельберга [64], Спенса [62; 63] и Диксита [18; 19]. Как было указано выше, двухстадийная игра Штакельберга предполагала выбор фирмами объёма выпуска. Однако данная модель не давала ответов на важные вопросы: почему одна из фирм пользуется преимуществом первого хода? Почему объёмы выпуска обладают свойством достоверности? Модель получила новое звучание благодаря тому, что Спенс и Диксит интерпретировали переменную объёма выпуска в качестве мощности. Исходя из этого, преимущество первого хода появляется у фирмы 1 в связи с тем, что она приобретает технологию раньше или действует быстрее, чем другая фирма. В

свою очередь, мощности обладают свойством достоверности, так как подобного рода инвестиции относятся к невозвратным издержкам. Инвестиции в мощности имеют стратегический смысл, учитывая их долгосрочный характер, а выбор объёмов производства относится к тактическим действиям. Достоверность инвестиций в мощности позволяет старожилу использовать механизм установления лимитирующего объёма выпуска.

Помимо того, что Спенс и Диксит усовершенствовали модель Штакельберга, они также заложили фундамент развития теоретико-игровых методов анализа стратегических барьеров. Учитывая, что теоретико-игровые модели доминировали в теории отраслевых рынков в 1970-х – 1990-х гг., а методология изучения стратегического предотвращения входа построена на использовании этих моделей, то вполне объясним интерес научного сообщества к данной тематике в указанный период времени.

Маскин [44] расширил модель Спенса-Диксита, указав на значимость фактора неопределённости спроса и краткосрочных предельных издержек. Неопределённость заставляет старожилов выбирать более высокий уровень мощности для предотвращения входа. Это приводит к увеличению издержек, что снижает вероятность проведения политики предотвращения входа.

Расмусен [51] указал, что модель Штакельберга-Спенса-Диксита состоятельна только в том случае, если старожил сможет продемонстрировать, что в будущем он не будет стремиться к поглощению компании новичка. Если его действия окажутся недостоверными, то эффективность стратегии расширения производственных мощностей для предотвращения входа значительно снизится. Расмусен полагает, что в случае входа новичок придаёт меньше значения величине прибыли; в первую очередь его интересует сумма отступных, которые готова предложить укоренившаяся фирма для того, чтобы избавиться от новичка.

Багвелл [5] и Варди [67] отметили, что объём производственных мощностей старожила является практически ненаблюдаемым параметром для новичка и не оказывает влияния на его поведение, поэтому эффективность данного инструмента при проведении политики предотвращения входа является довольно низкой.

Модель стратегического предотвращения входа подтверждена эмпирическими исследованиями [15; 22; 36]. В частности, Дж. Куксон [15] на примере индустрии казино в США показал, что эффективная мера старожилов, предотвращающая появление нового конкурента, – это расширение производственных мощностей (в данном случае объектов инфраструктуры).

Временной аспект инвестирования

Временной аспект инвестирования для создания барьеров при входе на рынок представляет собой объект пристального внимания научного сообщества. Одна из важнейших моделей, учитывающих временную составляющую инве-

стирования, разработана Итоном и Липси [21]. Предполагается, что в отрасли действуют две фирмы. Для производства необходима одна единица капитала (например, завод), которая требует постоянных затрат f на единицу времени. Капитал действует в течение срока службы H (капитал не амортизируется, в момент H он исчезает). Капитал выступает в роли барьера входа на рынок. В период инвестирования (например, за время строительства завода), фирма не-

сёт постоянные издержки входа в размере $\int_0^H f e^{-rt} dt$ (r – ставка процента, определяющая величину дисконтирующего множителя) и поэтому не может покинуть рынок до окончания срока H , даже если на рынок входит другая фирма. Инвестиции выступают в роли невозвратных затрат, а H – мера обязательства.

Допустим, новичок принимает решение о входе. Чтобы это предотвратить, старожила необходимо осуществить капиталовложения до истечения срока H , в противном случае новичок может его опередить. Оптимальное время инвестирования составит $H - \Delta$, где Δ – бесконечно малый интервал времени, на который необходимо опередить потенциального конкурента. Тогда чистая дисконтированная прибыль укоренившейся фирмы с момента приобретения новой единицы капитала составит:

$$V = \int_0^\infty \Pi^M e^{-rt} dt - \left(\int_0^H f e^{-rt} dt \right) (1 + e^{-r(H-\Delta)} + e^{-r2(H-\Delta)} + \dots)$$

Первый интеграл представляет собой дисконтированный поток прибыли, второй интеграл – затраты на одну единицу капитала (первая скобка) и дополнительные затраты (вторая скобка).

Если старожила опередит новичок, то он может войти на рынок, занять доминирующее положение и получить монопольную прибыль:

$$V - \int_0^\infty \Pi^M e^{-rt} dt = V - \Pi^M \frac{1 - e^{-rH}}{r}, \text{ где } V - \text{приведённая прибыль новичка, а } \Pi^M \frac{1 - e^{-rH}}{r} - \text{его затраты на опережение старожила.}$$

Если объединить выражение прибыли новичка и старожила, то мы получим зависимость прибыли от инвестиций и времени:

$$\frac{\Pi^M}{f} = \frac{1 - e^{-rH}}{e^{-r\Delta} - e^{-rH}}$$

Вся прибыль тратится на накопление второй единицы капитала, поэтому старожил и его потенциальный конкурент не получают никакой прибыли. Даже если рынок монополизировать одна фирма, она не получит прибыли, так как находится под угрозой входа новичка. Результатом борьбы фирм является избыток капитала, что по определению не может представлять общественную ценность.

Помимо временной составляющей инвестиционного решения динамика входа в значительной мере зависит от времени реакции старожила на попытку новичка войти на рынок. Шварц [60] показал, что вход будет невыгоден (независимо от времени нахождения фирмы на рынке после входа), если укоренив-

шаяся фирма отреагирует с должной скоростью. Если старожила реагирует на вход новичка мгновенно, то после входа развернется конкуренция по Бертрону, и в равновесном состоянии цена будет равна предельным издержкам. В таком случае новичок не сможет окупить издержки входа, и укоренившаяся фирма установит монопольную цену. Дисконтированный поток прибыли новичка за весь период с момента входа до момента выхода составит:

$$V = \Pi_m \int_{t=0}^T e^{-rt} dt - rf \int_{t=T}^X e^{-rt} dt.$$

При сокращении времени t первое выражение (положительное) уменьшается, а второе выражение (отрицательное) увеличивается. Очевидно, что при особо малом t дисконтированный поток прибыли станет отрицательным, и новая фирма предпочтёт воздержаться от входа.

Модель двухстадийной конкуренции

Самая важная современная модель, описывающая особенности стратегического поведения, – это модель двухстадийной конкуренции, представленная в трудах Фуденберга и Тироля [27], а также Бьюлоу, Джинакоплоса и Клемперера [13].

Рассмотрим данную модель подробнее.

Предположим, что на первой стадии фирма 1 инвестирует в невозвратные активы (например, НИОКР, рекламу, программное обеспечение), которые влияют на её будущую прибыль. Обозначим стратегические инвестиции фирмы 1 в активы как k_1 . Равновесие, по Нэшу, на второй стадии будет зависеть от инвестиций фирмы 1 на первой стадии.

Рассмотрим ситуацию, когда фирмы конкурируют, выбирая объёмы выпуска продукции. Модель предполагает, что функции наилучших реакций обеих фирм имеют отрицательный наклон, то есть увеличение выпуска одной фирмы приводит к уменьшению остаточного спроса на продукцию соперника. Например, в результате стратегических инвестиций фирмы 1 в снижение издержек производства происходит увеличение выпуска и прибыли фирмы 1 при одновременном снижении выпуска и прибыли фирмы 2. В данном случае объёмы выпуска, которые выбирают фирмы, называются стратегическими субститутами.

Допустим теперь, что фирмы ведут ценовую конкуренцию. Тогда наклон функций наилучших реакций положителен: более высокая цена на продукцию первой фирмы приводит к повышению спроса на продукцию второй фирмы (товары являются субститутами), а более высокий уровень спроса позволяет второй фирме увеличить цену. Подобный вид конкуренции называется конкуренцией стратегических комплементов.

Для вытеснения фирмы 2 фирма 1 добивается снижения прибыли фирмы 2. Инвестиции делают фирму 1 «жесткой», если ей удастся снизить прибыль новичка, и «мягкой», если прибыль фирмы 2 остаётся положительной. На основе такой классификации Фуденберг и Тироль [27] выделили четыре типа равно-

весия, которые могут иметь место в зависимости от разделения на стратегические субституты и стратегические комплементы. Когда инвестиции делают фирму 1 «жесткой», а обе фирмы выпускают субституты, фирма 1 осуществляет сверхинвестиции, чтобы завоевать значительное конкурентное преимущество (равновесие *top dog*). Когда фирма является «жесткой», и конкуренция развивается вокруг комплементов, то для минимизации конкуренции фирма 1 недоинвестирует (равновесие *purpy dog*). Когда инвестиции делают фирму «мягкой», и фирмы конкурируют на основе субституты, то в целях повышения конкурентоспособности фирма 1 недоинвестирует (равновесие *lean-and-hungry look*). Наоборот, если мы имеем дело со стратегическими комплементами, то фирма 1 осуществляет сверхинвестиции (равновесие *fat cat*³).

Сценарий предотвращения входа зависит от «жесткости» и «мягкости» фирмы. Если инвестиции делают фирму 1 «мягкой», то её дополнительные инвестиции увеличивают прибыль новичка, что нежелательно для предотвращения входа. Поэтому фирма 1 выбирает стратегию недоинвестирования (*lean-and-hungry look*). Напротив, когда инвестиции делают фирму 1 «жесткой», оптимальная стратегия предотвращения входа заключается в увеличении объёма инвестиций или в сверхинвестициях (*top dog*).

Отдельное внимание в научной литературе уделяется динамическим моделям двухстадийной конкуренции [42; 38]. В этих моделях предполагается, что в случае стратегических субституты на рынке достигается более конкурентное равновесие (по сравнению со статическими моделями), под которым понимается установление более низкой цены и увеличение объёма выпуска. В частности, Цзюнь и Вивс [38] отмечают, что в рамках динамической структуры рынка фирмы сталкиваются с издержками, связанными с изменением объёма выпуска или цены (*adjustment costs*). При увеличении таких издержек (исследователи указывают, что изменение объёма выпуска сопряжено с увеличением издержек) старожилы менее склонны проводить политику стратегического предотвращения входа.

Примечательно, что представленные в данном разделе модели не дают однозначного ответа на вопрос о влиянии стратегических действий старожила на общественное благосостояние. С одной стороны, модели показывают, что недопущение входа ведёт к монополизации рынка, но в ряде случаев общественное благосостояние повышается благодаря тому, что фирмы не дублируют издержки входа *f*, тем самым не допуская растрату ресурсов, а также в результате снижения цены, увеличения объёма выпуска и активизации старожилом инвестиционной деятельности (такой результат может иметь место в рамках моделей Штакельберга-Спенса-Диксита и двухстадийной конкуренции). Возможны также случаи, когда инвестиции укоренившейся фирмы в создание репутации для предотвращения входа благотворно влияет на общественное благосостояние благодаря снижению уровня асимметрии информации на рынке.

³ Данная терминология (названия четырёх типов равновесия) введена Фуденбергом и Тиролеом [27].

Лимитирующее ценообразование

Концепция лимитирующего ценообразования имеет принципиальное значение для понимания специфики стратегического предотвращения входа фирм на рынок. Данная концепция нашла свое отражение в модели БСМ (название в честь авторов: Бэйн [6], Сайлос-Лабини [65], Модильяни [47]). Модель описывает установление укоренившейся фирмой цены на основе абсолютных или относительных преимуществ в издержках. Если эта фирма обладает абсолютными преимуществами в издержках, то она может назначить цену ниже средних издержек потенциального конкурента, но выше своих средних издержек. Тем самым фирма-старожил создаёт условия, при которых потенциальному конкуренту не выгодно входить на рынок. Однако для того, чтобы данное действие имело результат, должно выполняться условие Сайлос-Лабини: потенциальный конкурент осознаёт, что укоренившаяся фирма не изменит объём выпуска в следующем периоде. Если данное условие не выполняется, то потенциальный конкурент будет ожидать сокращения выпуска в следующем периоде и соответствующего увеличения цены, что позволит ему компенсировать затраты на вход. В этом случае вход не будет предотвращён. Условие Сайлос-Лабини сигнализирует об агрессивном поведении укоренившейся фирмы в случае входа новичка. В то же время подобная угроза должна быть достоверной, то есть отвечать интересам старожила. Иначе старожилу трудно повлиять на действия новичка.

Модильяни [47] выдвинул идею, укоренившаяся фирма, обладая относительными преимуществами в издержках, может выпустить объём продукции, который заполнит весь рынок. Данный объём окажется лимитирующим, так как цена упадёт до уровня, который не позволит потенциальному конкуренту получать положительную экономическую прибыль после входа. Подобная стратегия будет эффективна при выполнении условия Милгроста-Робертса: асимметричность информации о цене у старожила и у новичка. Поскольку потенциальный конкурент не знает, чем вызвано снижение цены, насколько это явление временное, и во избежание риска воздержится от входа.

Модель БСМ стала отправной точкой дальнейших исследований в области лимитирующего ценообразования и хищнического поведения фирм, в том числе стратегии грабительского ценообразования.

Согласно Ордоверу и Виллигу, под грабительским ценообразованием подразумевается «ответная реакция на действия соперника, влекущая за собой отказ от части прибыли, которая могла бы быть заработана в конкурентных условиях, в случае если бы соперник остался на рынке, ради вытеснения соперника и получения в последующем дополнительной монопольной прибыли» [48, с. 9]. Из определения следует, что в рамках стратегии грабительского ценообразования фирма идёт на временное сокращение цены для вытеснения конкурента, а впоследствии компенсирует недополученную прибыль посредством повышения цены до монопольного уровня.

Стратегию грабительского ценообразования можно представить в виде двухстадийной игры, в которую вовлечены фирмы 1 и 2.

На первой стадии потенциальный конкурент решает, стоит ли ему входить на рынок. В случае входа на рынок он понесёт невозвратные издержки входа f . Если потенциальный конкурент принимает решение не входить на рынок, то фирма 1 продолжает получать монопольную прибыль. Если новичок решает войти на рынок, то на второй стадии фирма 1 выбирает ценовую стратегию: допущение входа или ценовая война. Стратегия ценовой войны заключается в резком снижении фирмой 1 цены для вытеснения конкурента. При допущении входа достигается равновесие по Курно, и фирмы делят рынок. Если фирма 1 выбирает стратегию ценовой войны, то обе фирмы несут значительные убытки. В случае принятия новичком решения о входе на рынок, равновесие по Нэшу достигается при выборе стратегии допущения входа. Подобный исход игры базируется на результатах исследований Чикагской школы.

Хотя вышеприведенные выводы говорят о том, что укоренившиеся фирмы склонны применять стратегию ценового мира, в реальной бизнес-практике существует много примеров использования стратегии грабительского ценообразования.

«Сетевой эффект» Шерера [56] показывает, что стратегия грабительского ценообразования может быть применена для борьбы сразу с несколькими потенциальными конкурентами на разных рынках. Укоренившиеся фирмы могут демонстрировать агрессивную реакцию на одних рынках для устрашения потенциальных конкурентов на других рынках. Таким способом фирма закрепляет за собой репутацию воинствующего игрока.

Эти выводы были оспорены Зелтенем [61] в теоретико-игровой модели «сеть магазинов». По Зелтену, ценовой мир – это естественный результат игры, а применение стратегии грабительского ценообразования – всего лишь следствие ошибки. Из-за того, что процесс входа и принятия решения растянут во времени, нетерпеливая фирма зачастую пытается его ускорить, вступая в ценовую войну. Стратегия грабительского ценообразования не выгодна и не рациональна, но она может применяться под влиянием эмоций.

Крепс и Уилсон [41] показали, что даже при небольшом сомнении новичка в рациональности действий укоренившейся фирмы результат может быть совсем иным. Если новичок допускает, что старожил окажется «сумасшедшим» (*crazy*)⁴ и предпочтет ценовую войну допущению входа, то новичок может воздержаться от входа.

Эмпирические исследования последних лет подтверждают, что стратегия грабительского ценообразования имеет место в реальной бизнес-практике [15; 17; 29]. В частности, Гулсби и Сиверсон [33] проанализировали реакцию старожилов при угрозе входа низкотарифных авиакомпаний на рынке гражданских

⁴ Терминология, использованная Крепсом и Уилсоном [41].

перевозок США. Исследователи показали, что в ответ на угрозу входа и фактический вход низкотарифного перевозчика Southwest Airlines укоренившиеся фирмы в значительной степени снижают цену за авиабилет. К аналогичным выводам пришел и Тан [66]: фирмы-старожилы снижают среднюю цену за один квартал до входа низкотарифной авиакомпании на рынок, непосредственно во время входа, а также через квартал после входа.

Необходимо отметить, что в долгосрочной перспективе стратегия грабительского ценообразования оказывает негативное влияние на уровень общественного благосостояния в результате монополизации рынка. Антимонопольные органы большинства стран мира проводят необходимые мероприятия по мониторингу и недопущению применения фирмами стратегии грабительского ценообразования. Однако на практике выявление данной стратегии весьма затруднительно, так как ее трудно отличить от нормальной конкурентной борьбы.

Множество фирм на рынке

Как правило, при изучении теоретико-игровых моделей входа-выхода исследователи ограничиваются анализом взаимодействия двух фирм: старожила и новичка. Хотя данные модели позволяют в самом упрощенном виде смоделировать поведение фирм, в реальной жизни на рынке присутствуют более двух игроков. Бернхейм [10], Гилберт и Вивс [32] и Вальдман [69] обратили внимание на последствия предотвращения входа, когда на рынке функционирует более одной укоренившейся фирмы.

При анализе особенностей входа-выхода в условиях функционирования нескольких старожилов возникает резонный вопрос: является ли предотвращение входа общественным благом? В моделях, рассмотренных выше, предполагалось, что при предотвращении входа укоренившаяся фирма несёт издержки. Если на рынке действует несколько укоренившихся фирм (при этом предполагается некооперативное взаимодействие фирм, то есть они действуют исключительно исходя из собственных интересов), и только одна из них предотвращает вход, второй старожил будет получать от этого выгоду. Все фирмы предпочитают, чтобы вход нового конкурента был предотвращён, но ни одна из них не желает нести издержки. Если предотвращение входа является общественным благом, то укоренившиеся фирмы будут недоинвестировать, то есть каждая фирма будет полагаться на другого игрока.

Однако Гилберт и Вивс [32] показали, что может иметь место иной результат. Предположим, что укоренившиеся фирмы выбирают мощности, и вход новичка предотвращается при $K_1 + K_2 = K^6$, где K_1 и K_2 – производственные мощности фирм 1 и 2.

Допустим, что прибыль укоренившейся фирмы имеет вид

$\Pi_i = K_i(P(K^6) - c_0 - c)$, где $P(K^6)$ – обратная функция спроса, c_0 – первоначальные инвестиции, c – переменные издержки на единицу продукции. Учитывая,

что цена должна превышать совокупные издержки на единицу продукции, каждая фирма предпочла бы иметь наивысший возможный уровень капитала при заданной цене. Соответственно каждая фирма хотела бы внести максимальный вклад в предотвращение входа. В отличие от ситуации с общественным благом, фирмы осуществляют сверхинвестирование.

Ковенок и Рой [40] показали, что в случае, если фирмы производят дифференцированную продукцию, может иметь место недоинвестирование. Чем больше вклад фирмы-старожила в создание лимитирующего объёма выпуска, тем ниже цена. В результате старожил сталкивается с альтернативой: с одной стороны, увеличение доли лимитирующего объёма выпуска положительно влияет на прибыль старожила, с другой стороны, вызванное увеличением объёма выпуска падение цены негативно сказывается на прибыли. Когда второй эффект перевешивает первый, у фирмы-старожила пропадает стимул увеличивать вклад в создание лимитирующего объёма выпуска, что в конце концов выражается в недоинвестировании.

В целом, закономерности стратегического поведения нескольких старожилов и новичков на рынке могут быть рассмотрены в рамках моделей, описанных в настоящей статье. Однако в случае некооперативного поведения стратегия фирм-старожилов является неоднозначной. При ситуации с общественным благом фирмы будут недостаточно инвестировать, в противном случае, – чрезмерно инвестировать.

Стратегическое поведение: прикладное измерение

Широкое распространение получило изучение прикладного аспекта стратегического взаимодействия фирм в рамках вышеприведенных моделей, в особенности модели двухстадийной конкуренции. Рассмотрим наиболее популярные примеры.

Обучение на опыте

Внимание экономистов к феномену «обучение на опыте» привлекло исследование Алчиана [3]. На примере производства планеров и самолетов он заметил, что в военное время при неизменном уровне технологии производства и квалификации рабочих наблюдалось повышение производительности труда благодаря получению работниками дополнительного производственного опыта. Как правило, экономисты объясняют данный феномен зависимостью между совокупным объёмом выпуска и средними издержками, когда при увеличении объёма выпуска средние издержки имеют тенденцию к снижению, даже при отсутствии экономии на масштабе. Большой вклад в популяризацию концепции «обучение на опыте» внесли представители Консалтинговой группы Бостона (на примере 24-х видов продуктов в различных отраслях промышленности),

Либерман [43] (на примере химической продукции), Дик [17] (на примере полупроводников).

Модель двухстадийной конкуренции демонстрирует, каким образом данный феномен может быть использован для предотвращения входа новичков на рынок [25; 26]. Предполагается, что фирмы выбирают объёмы выпуска, то есть сталкиваются со стратегическими субститутами. Увеличение фирмой 1 объёма выпуска на первой стадии приведёт к снижению издержек на второй стадии, что позволит этой фирме захватить большую рыночную долю, а также ограничить возможность получения прибыли фирмой 2. Кроме того, снижение на второй стадии прибыли фирмы 2 делает фирму 1 «жесткой». Исходя из указанных предпосылок, в равновесном состоянии (*top dog*) фирма 1 осуществит сверхинвестирование (перепроизводство). Увеличивая масштаб производства на первоначальной стадии, фирма 1 снижает средние издержки и может установить цену, которая сделает невыгодным вход потенциального конкурента.

Исследование Жармина [37] продемонстрировало значительный стратегический эффект обучения на примере производства вискозы в США в 1920–1938 гг. Крупнейшие производители вискозы осуществляли сверхинвестирование в обучение для сдвига кривой обучения вниз, а также сокращения рыночной доли соперников в последующие периоды. Жармин также подтвердил гипотезу, что конкуренция среди производителей вискозы разворачивалась вокруг стратегических субститутов.

Издержки переключения

Согласно концепции издержек переключения Фаррелла и Шапиро [23], потребители склонны выбирать устоявшиеся бренды, так как в противном случае они вынуждены нести невозвратные затраты (например, на сбор информации о новой фирме). Издержки переключения могут также выступать в качестве инструмента стратегической конкуренции [39]. В последнее время данный феномен привлёк пристальное внимание экономистов.

Рассмотрим двухстадийную модель стратегического использования старожилем устоявшейся клиентской базы. Предположим, что на первой стадии старожил занимает доминирующее положение и привлекает новых потребителей, а на второй стадии на рынок входит соперник, который борется за устоявшуюся клиентскую базу фирмы 1. На второй стадии фирмы сталкиваются с конкуренцией по Курно.

Привлекая дополнительных потребителей на первой стадии, старожил может получить дополнительное стратегическое преимущество на второй стадии. Входящей фирме будет трудно переманить клиентов фирмы 1, так как в таком случае они понесут дополнительные издержки переключения. В результате конкуренция развернётся вокруг стратегических субститутов, а фирме 1 для предотвращения входа нового конкурента необходимо будет осуществить

сверхинвестирование (по сравнению с монопольным уровнем) для пополнения и сохранения клиентской базы.

Конкуренция фирм на нескольких рынках

Присутствие фирмы на одном рынке может влиять на её стратегическое положение на другом рынке, если оба рынка каким-либо образом взаимосвязаны. Бьюлоу, Джинакопос и Клемперер [12] продемонстрировали модель, которая предполагает конкуренцию фирмы 1 и 2 на первом рынке, и монополию фирмы 1 на втором рынке. Предположим, что конкуренция разворачивается вокруг объёмов выпуска, и издержки производства фирмы 1 зависят от совокупного выпуска на обоих рынках (производство характеризуется убывающей отдачей от масштаба). При увеличении спроса на втором рынке фирма 1 активизирует объём продаж на данном рынке, что приводит к росту предельных издержек и объёма выпуска на первом рынке. Фирма 2 в качестве реакции увеличит объём выпуска на втором рынке. Такое равновесное состояние (*pirry dog*) неблагоприятно для фирмы 1. Предположим теперь, что конкуренция разворачивается вокруг цен, и производство характеризуется положительной отдачей от масштаба. В таком случае увеличение прибыли фирмы 1 на втором рынке приведёт к снижению предельных издержек на рынке 2, что позволит старожилу проводить более агрессивную ценовую политику в отношении потенциального конкурента. Таким образом, оптимальность стратегии старожила определяется типом конкуренции (количественной или ценовой) между старожилом и новичком.

Распространение торговых марок

Данная стратегия предполагает размещение разнообразных брендов с тем, чтобы полностью занять рыночную нишу и тем самым сделать вход для новичка невыгодным [11; 35; 49; 50; 58]. Старожил способен предотвратить проникновение новичка на рынок посредством достоверной угрозы не изменять местоположение бренда и не выводить его с рынка. Ограниченная мобильность бренда делает издержки внедрения торговой марки невозвратными. Шмалензи [58] продемонстрировал последствия политики заполнения рыночной ниши торговыми марками на примере производителей готовых завтраков мюсли (с 1950 по 1972 гг.), Квирк и Форт [50] показали, каким образом осуществляется стратегическое предотвращение входа на примере развития спортивных лиг в США в XX в. Исследователи пришли к выводу, что распространение торговых марок представляет собой действенный инструмент монополизации рынка и требует особого внимания со стороны антимонопольных органов.

Боннано [11] на основе модели трёхстадийной игры пришёл к выводу, что для старожила может оказаться выгоднее предотвращение входа посредством стратегического выбора местоположения торговых марок. На первой стадии

старожил определяет количество и местоположение своей продукции. На второй стадии потенциальный конкурент определяет, стоит ли ему входить на рынок, и при положительном решении выбирает дизайн и локализацию торговой точки для реализации продукции. На третьей стадии фирмы вступают в ценовую конкуренцию. В итоге фирма 1 способна предотвратить вход и сохранить монопольную власть.

Группировка товаров

Как показывает модель Винстона [70], объединение двух или более товаров в одну группу для дальнейшей продажи по единой цене может иметь, в числе прочего, стратегическую подоплёку. Предположим, что фирма осуществляет продажи на двух рынках – А и Б; на рынке А она занимает доминирующее положение, на рынке Б конкурирует с другими фирмами. Предположим, что потребители покупают одну единицу товара на рынке А по цене ниже p и воздерживаются от приобретения товара по более высокой цене. Тогда фирма 1 не получит преимуществ от группировки товаров. Однако если фирма 1 стремится предотвратить вход фирмы 2 или побуждает последнюю покинуть рынок, то группировка товара может принести выгоду. Фирма 1 может осуществить сверхинвестирование в сокращение издержек (группировку товаров) для закрытия рынка Б. Используя терминологию Фуденберга и Тироля, старожил реализует стратегию *top dog* в рамках политики предотвращения входа. В связи с этим группировка товаров имеет стратегический эффект и позволяет укоренившейся фирме использовать преимущество доминирующего положения на одном рынке для закрытия другого рынка.

Реклама

Учитывая, что реклама оказывает определённое воздействие на спрос, укоренившиеся фирмы могут использовать расходы на рекламу (относятся к категории невозвратных издержек) в качестве инструмента стратегического предотвращения входа фирм на рынок. Благодаря увеличению расходов на рекламу фирмы-старожилы сигнализируют новичкам о готовности вступления в агрессивную конкуренцию в случае проникновения новой фирмы на рынок.

Балдани и Массон [8] утверждают, что рекламная кампания, проведённая укоренившейся фирмой накануне входа новичка на рынок, позволяет старожилу создать «гудвилл» (репутационный актив), что приводит к снижению объёма продаж входящей фирмы на каждый доллар, потраченный на рекламу. Однако Шмалензи [57] полагает, что может иметь место и другой результат. Если расходы на рекламу приведут к формированию лояльной клиентской базы (из числа потребителей, не приверженных бренду укоренившейся фирмы), то в случае входа новичка старожил с меньшей вероятностью будет стремиться снизить

цену, так как данный шаг приведёт к потере прибыли, которую он получает от своих потребителей. Это случай, когда новичок может войти на рынок и захватить незанятую нишу, не опасаясь агрессивной ценовой реакции со стороны старожила: типичный пример стратегии *lean-and-hungry-look*. В соответствии с данной стратегией для предотвращения входа новичка укоренившаяся фирма осуществит недоинвестирование в рекламу и сделает вход для новичка менее выгодным.

НАОКР

Проанализировав взаимосвязь между инвестициями в НАОКР и возможностью предотвращения входа новичка, Аталла [4] пришёл к выводу, что единственным оптимальным методом предотвращения входа для старожила является недоинвестирование в НАОКР.

Интересный подход к оценке влияния структуры конкуренции на инновационную деятельность представили Агион, Блум, Бланделл, Гриффит и Ховитт [1], предположив, что старожила, работающие с одинаковой эффективностью, под угрозой входа на рынок новичков увеличат инвестиции в НАОКР. В случае, если новичок опережает конкурентов по эффективности, будет наблюдаться сокращение инвестиций в инновации, результатом чего станет уход с рынка старожилов.

Вертикальная интеграция

Недопущение входа на рынок конкурентов может служить одним из мотивов вертикальной интеграции. Например, благодаря приобретению компаний-поставщиков ресурсов старожила может искусственно увеличить спрос на данный вид ресурса и, соответственно, цену на него, тем самым увеличивая издержки новичка [52; 53; 54].

Агион и Болтон [2], Матьюсон и Винтер [45], Фумагали и Мотта [28] пришли к выводу, что фирмы могут использовать эксклюзивные контракты для снижения конкурентоспособности соперников и предотвращения входа на рынок новичков. Агион и Болтон [2] выделили два основных элемента таких контрактов: цена контракта и штрафные санкции, которые будут наложены в случае нарушения контрактов.

Методология изучения стратегических барьеров входа на рынок построена на использовании теоретико-игровых моделей. По большей части исследователи применяют традиционные двухстадийные модели. Фундаментом всех теоретико-игровых моделей служит теория стратегического поведения, предложенная Шеллингом. Важнейшие условия эффективности

стратегии по недопущению конкурентов – это достоверность и наличие структурных барьеров. Чем выше барьеры, тем эффективнее стратегия. Результатом стратегий предотвращения входа является монополизация рынка, что в большинстве своём оказывает негативное воздействие на уровень общественного благосостояния. Однако в отдельных случаях может иметь место повышение общественного благосостояния в результате снижения цены, увеличения объёма выпуска, а также более оптимальному использованию ресурсов.

Исследования в области стратегического поведения компаний по недопущению на рынок новичков ведутся по нескольким направлениям: выявление общих принципов и критериев стратегического поведения, изучение методов стратегического предотвращения входа фирм на рынок, с фокусом на инвестиционной политике (с опорой на модели Штакельберга-Спенса-Диксита и двухстадийной конкуренции). Внимание исследователей привлекает концепция лимитирующего ценообразования (на основе модели БСМ и грабительского ценообразования). Большинство исследований ориентировано на моделирование реакций двух фирм, однако в последнее время актуальным стало изучение взаимодействия трёх и более фирм. Отметим тенденцию к активизации прикладных, эмпирических исследований – при том, что теоретический базис рассматриваемой проблематики был сформирован в 1970–1990-х гг., учитывая активное развитие и доминирование теоретико-игровых моделей в теории отраслевых рынков в данный период времени. Актуальны исследования теоретических аспектов функционирования множества фирм, взаимодействия игроков на нескольких рынках, а также стратегического взаимодействия фирм на электронных торговых площадках.

Список литературы

1. Aghion P., Bloom N., Blundell R., Griffith R., Howitt P. Competition and Innovation: an Inverted-U Relationship // *The Quarterly Journal of Economics*. 2005. Vol. 120, No. 2. Pp. 701 – 728.
2. Aghion P., Bolton P. Contracts as a Barrier to Entry // *American Economic Review*. 1987. Vol. 77. Pp. 388 – 401.
3. Alchian A.A. Reliability of Progress Curves in Airframe Production // *Econometrica*. 1963. Vol. 31. Pp. 679 – 693.
4. Atallah G. Entry Deterrence through Fixed Cost Reducing R&D // *Rivista di Politica Economica*. 2007. Vol. 97. No. 4. Pp. 49 – 78.
5. Bagwell K. Commitment and Observability in Games // *Games and Economic Behavior*. 1995. Vol. 8. No. 2. Pp. 271 – 280.
6. Bain J.S. Barriers to New Competition. Cambridge: Harvard University Press, 1956. 329 p.
7. Bain J.S. Industrial Organization. New York: John Wiley & Sons, 1968. 643 p.
8. Baldani J., Masson R.T. Economies of Scale, Strategic Advertising and Fully Credible Entry Deterrence // *Review of Industrial Organization*. 1984. Vol. 1. Pp. 190 – 205.
9. Baumol W., Willig R. Fixed Cost, Sunk Cost, Entry Barriers and Sustainability of Monopoly // *Quarterly Journal of Economics*. 1981. Vol. 96. No.3. Pp. 405 – 431.
10. Bernheim D. B. Strategic Deterrence of Sequential Entry into an Industry // *The RAND Journal of Economics*. 1984. Vol. 15. No. 1. Pp. 1 – 11.
11. Bonanno G. Location, Choice, Product Proliferation and Entry Deterrence // *Review of Economic Studies*. 1987. Vol. 54. Pp. 37 – 46.
12. Bulow J., Geanakoplos J., and Klemperer P. Holding Idle Capacity to Deter Entry // *Eco-*

13. Bulow J.I., Geanakoplos J.D., Klemperer P.D. Multimarket Oligopoly: Strategic Substitutes and Complements // *Journal of Political Economy*. 1985. Vol. 93. No. 3. Pp. 488 – 511.
14. Caves R., Porter M. From Entry Barriers To Mobility Barriers: Conjectural Decisions and Contrived Deterrence to New Competition // *Quarterly Journal of Economics*. 1977. Vol. 91. No. 2. Pp. 247–261.
15. Cookson J.A. Anticipated Entry and Entry Deterrence: Evidence from the American Casino Industry, 2015. 57 p. URL: <https://www.aeaweb.org/conference/2015/retrieve.php?pdfid=1215>
16. Demsetz H. Barriers to Entry // *American Economic Review*. 1982. Vol. 72. No. 1. Pp. 47 – 57.
17. Dick A.R. Accounting for Semiconductor Industry Dynamics // *International Journal of Industrial Organization*. 1994. Vol. 12. No. 1. Pp. 35 – 51.
18. Dixit A. A Model of Oligopoly Suggesting a Theory of Barriers to Entry // *The Bell Journal of Economics*. 1979. Vol. 10. No. 1. Pp. 20 – 32.
19. Dixit A. Recent Developments in Oligopoly Theory // *The American Economic Review*. 1982. Vol. 72. No. 2. Pp. 12 – 17.
20. Dixit A. The Role of Investment in Entry Deterrence // *The Economic Journal*. 1980. Vol. 90. No. 357. Pp. 95 – 106.
21. Eaton B.C., Lipsey R.G. Exit Barriers are Entry Barriers: The Durability of Capital as a Barrier of Entry // *The Bell Journal of Economics*. 1980. Vol. 11. No. 2. Pp. 721 – 729.
22. Ellison G., Ellison S.F. Strategic Entry Deterrence and the Behavior of Pharmaceutical Incumbents Prior to Patent Expiration // *American Economic Journal: Microeconomics*. 2011. Vol. 3. No. 1. Pp. 1 – 36.
23. Farrell J., Shapiro C. Dynamic competition with switching costs // *RAND Journal of Economics*. 1988. Vol. 19. Pp. 123 – 137
24. Ferguson J. Advertising and Competition: Theory, Measurement, Fact. New York: Ballinger Publ., 1975. 204 p.
25. Fudenberg D., Tirole J. Dynamic Models of Oligopoly. New York: Harwood Academic Publishers, 1986. 96 p.
26. Fudenberg D., Tirole J. Learning by Doing and Market Performance // *Bell Journal of Economics*. 1983. Vol. 14. Pp. 522 – 530.
27. Fudenberg D., Tirole J. The Fat-Cat Effect, the Puppy-Dog Ploy and the Lean and Hungry Look // *The American Economic Review*. 1984. Vol. 74. No. 2. Pp. 361 – 368.
28. Fumagalli Ch., Motta M. Exclusive Dealing and Entry, when Buyers Compete // *The American Economic Review*. 2006. Vol. 96. No. 3. Pp. 785 – 795.
29. Gedge C., Roberts J.W., Sweeting A. A Model of Dynamic Limit Pricing with an Application to the Airline Industry // NBER Working Paper. 2014. 76 p.
30. Geroski P., Gilbert R., Jacquemin A. Barriers to Entry and Strategic Competition. New York: Harwood Academic Publishers. 1990. 98 p.
31. Gilbert R. Mobility Barriers and The Value of Incumbency // *Handbook of Industrial Organization*. 1989. Vol. 1. Pp. 476 – 535.
32. Gilbert R., Vives X. Entry Deterrence and the Free Rider Problem // *Review of Economic Studies*. 1986. Vol. 53. No. 1. Pp. 71 – 83.
33. Goolsbee A., Syverson C. How Do Incumbents Respond to the Threat of Entry? Evidence from the Major Airlines // *The Quarterly Journal of Economics*. 2008. Vol. 123. No. 4. Pp. 1611 – 1633.
34. Harrington J. Strategic Behavior and Market Structure // *The New Palgrave Dictionary of Economics*. London: MacMillan Press. 1987. 515 p.
35. Hay G. Sequential Entry and Entry-Detering Strategies // *Oxford Economic Papers*. 1976. Vol. 28. Pp. 240 – 257.
36. Huisman K.J., Kort P.M. Strategic Capacity Investment Under Uncertainty. Tilburg: Operations research, 2013. 36 p.
37. Jarmin R.S. Learning by Doing and Competition in the Early Rayon Industry // *RAND Journal of Economics*. 1994. Vol. 25. Pp. 441 – 454.
38. Jun B., Vives X. Strategic Incentives in Dynamic Duopoly // *Journal of Economic Theory*. 2004. Vol. 116. No. 2. Pp. 249 – 281.
39. Klemperer P. Competition when Consumers have Switching Costs: An Overview with Applications to Industrial Organization, Macroeconomics, and International Trade // *Review of Economic Studies*. 1995. Vol. 62. No. 4. Pp. 515 – 539.
40. Kovenock D., Roy S. Free Riding in Noncooperative Entry Deterrence with Differentiated Products // *Southern Economic Journal*. 2005. Vol. 72. No. 1. Pp. 119 – 137.
41. Kreps D., Wilson R. Reputation and Imperfect Information // *Journal of Economic Theory*. 1982. Vol. 27. Pp. 253 – 279.
42. Lapham B., Ware R. Markov Puppy Dogs and Related Animals // *International Journal of Industrial Organization*. 1994. Vol. 12. No. 4. Pp. 569 – 593.
43. Lieberman M.B. The Learning Curve and Pricing in the Chemical Processing Industries //

- RAND Journal of Economics. 1984. Vol. 15. No. 2. Pp. 213 – 228.
44. Maskin E.S. Uncertainty and Entry Deterrence // Economic Theory. 1999. Vol. 14. Pp. 429 – 437.
 45. Mathewson G.F., Winter R.A. The Competitive Effects of Vertical Agreements: Comment // American Economic Review. 1987. Vol. 77. Pp. 1057 – 1062.
 46. McAfee R.P., Mialon H., Williams M. What Is A Barrier To Entry? // American Economic Review. 2004. Vol. 94. No. 2. Pp. 461 – 465.
 47. Modigliani F. New Developments on the Oligopoly Front // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. No. 3. Pp. 215 – 232.
 48. Ordover J.A., Willig R.D. An Economic Definition of Predation: Pricing and Product Innovation // The Yale Law Journal. 1981. Vol. 91. No. 1. Pp. 8 – 53.
 49. Prescott E., Visscher M. Sequential Location among Firms with Foresight // Bell Journal of Economics. 1977. Vol. 8. Pp. 378 – 393.
 50. Quirk J.P., Fort R. D. Pay Dirt: The Business of Professional Team Sports. Princeton: Princeton University Press, 1992. 538 p.
 51. Rasmusen E. Entry for Buyout // Journal of Industrial Economics. 1988. Vol. 36. No. 3. Pp. 281– 299.
 52. Rey P., Tirole J. A Primer on Foreclosure // Handbook of Industrial Organization. 2007. Vol. 3. Pp. 2145 – 2220.
 53. Riordan M.H. Anticompetitive Vertical Integration by a Dominant Firm // American Economic Review. 1988. Vol. 88. Pp. 1232 – 1248.
 54. Salop S.C., Scheffman D.T. Cost-raising Strategies // Journal of Industrial Economics. 1987. Vol. 36. Pp. 19 – 34.
 55. Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 328 p.
 56. Scherer F. Industrial Market Structure and Economic Performance. Rand McNally College Publ., 1970. 576 p.
 57. Schmalensee R. Advertising and Entry Deterrence: An Exploratory Model // Journal of Political Economy. 1983. Vol. 91. Pp. 636 – 653.
 58. Schmalensee R. Entry Deterrence in the Ready-to-Eat Breakfast Cereal Industry // Bell Journal of Economics. 1978. Vol. 9. Pp. 305 – 327.
 59. Schmalensee R. Sunk Costs and Antitrust Barriers to Entry // American Economic Review. 2004. Vol. 94. No. 2. Pp. 471 – 475.
 60. Schwartz M. The Nature and Scope of Contestability Theory // Oxford Economic Papers Supplement. 1986. Vol. 38. Pp. 37 – 57.
 61. Selten R. The Chain-Store Paradox // Theory and Decision. 1978. Vol. 9. No. 2. Pp. 127 – 159.
 62. Spence A.M. Entry, Capacity, Investment and Oligopolistic Pricing // The Bell Journal of Economics. 1977. Vol. 8. No. 2. Pp. 534 – 544.
 63. Spence A.M. Investment Strategy and Growth in a New Market // The Bell Journal of Economics. 1979. Vol. 10. No. 1. Pp. 1 – 19.
 64. Stackelberg von H. Market structure and equilibrium. Berlin, London: Springer, 2011. 134 p. (Transl. by D. Bazin, L. Urch and R. Hill).
 65. Sylos-Labini P. Oligopoly and Technical Progress. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 206 p.
 66. Tan K.M. Incumbent Response to Entry by Low-Cost Carriers in the U.S. Airline Industry. 2011. URL: <http://ssrn.com/abstract=2006471>. 32 p.
 67. Vardy F. The Value of Commitment in Stackelberg Games with Observation Costs // Games and Economic Behavior. 2004. Vol. 49. Pp. 374 – 400.
 68. von Weizsäcker C.C. A Welfare Analysis of Barriers To Entry // The Bell Journal of Economics. 1980. Vol. 11. No. 2. Pp. 399 – 420.
 69. Waldman M. Noncooperative Entry Deterrence, Uncertainty, and The Free Rider Problem // Review of Economic Studies. 1987. Vol. 54. Pp. 301 – 310.
 70. Whinston M. Tying, Foreclosure and Exclusion // American Economic Review. 1990. Vol. 80. No. 4. Pp. 837 – 859.

Об авторе:

Денис Анатольевич Селиверстов – аспирант кафедры прикладной экономики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: DENIS_FP@mail.ru.

STRATEGIC ENTRY DETERRENCE MODELING: LITERATURE REVIEW

D.A. Seliverstov

DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-209-232

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The prime focus in this article is on key findings concerning theoretical aspects of strategic behavior by incumbents to deter market entry of new firms. The author summarizes main lines of scientific research in the topic which give an insight into the patterns of the incumbent's impact on the behavior of the entrants, the entry deterrence instruments and the consequences of these actions.

Today the free entry markets are considered to be a rare phenomenon. The market entry of new firms is associated with significant entry costs, which allow the incumbents to take advantage of their dominant position and derive positive economic profits. In case of entry threat by potential competitors the incumbents take strategic actions aimed at deterring entry and preserving their dominant position. Among the most efficient strategic actions one can emphasize the erection of additional barriers to entry for the newcomers through producing the limit output and price, investments in sunk assets, capacity expansion and product differentiation. Meanwhile by taking strategic actions the incumbents are not always trying to affect the entrant's costs and profit directly, they often aim at changing the entrant's expectations regarding future intentions of the incumbents to preserve dominant position.

Key words: strategic behavior, market entry, entry deterrence, limit output, entry barriers, sunk costs, competition, two-stage games, entrant, incumbent firm.

References

1. Aghion P., Bloom N., Blundell R., Griffith R., Howitt P. Competition and Innovation: an Inverted-U Relationship. *The Quarterly Journal of Economics*, 2005, vol. 120, no. 2, pp. 701 – 728.
2. Aghion P., Bolton P. Contracts as a Barrier to Entry. *American Economic Review*, 1987, vol. 77, pp. 388 – 401.
3. Alchian A.A. Reliability of Progress Curves in Airframe Production. *Econometrica*, 1963, vol. 31, pp. 679 – 693.
4. Atallah G. Entry Deterrence through Fixed Cost Reducing R&D. *Rivista di Politica Economica*, 2007, vol. 97, no. 4, pp. 49 – 78.
5. Bagwell K. Commitment and Observability in Games. *Games and Economic Behavior*, 1995, vol. 8, no. 2, pp. 271 – 280.
6. Bain J.S. *Barriers to New Competition*. Cambridge, Harvard University Press, 1956. 329 p.
7. Bain J.S. *Industrial Organization*. New York, John Wiley & Sons Publ., 1968. 643 p.
8. Baldani J., Masson R.T. Economies of Scale, Strategic Advertising and Fully Credible Entry Deterrence. *Review of Industrial Organization*, 1984, vol. 1, pp. 190 – 205.
9. Baumol W., Willig R. Fixed Cost, Sunk Cost, Entry Barriers and Sustainability of Monopoly. *Quarterly Journal of Economics*, 1981, vol. 96, no. 3, pp. 405 – 431.
10. Bernheim D.B. Strategic Deterrence of Sequential Entry into an Industry. *The RAND Journal of Economics*, 1984, vol. 15, no. 1, pp. 1 – 11.
11. Bonanno G. Location, Choice, Product Proliferation and Entry Deterrence. *Review of Economic Studies*, 1987, vol. 54, pp. 37 – 46.

12. Bulow J., Geanakoplos J., and Klemperer P. Holding Idle Capacity to Deter Entry. *Economic Journal*, 1985, vol. 95, pp. 178 – 182.
13. Bulow J.I., Geanakoplos J.D., Klemperer P.D. Multimarket Oligopoly: Strategic Substitutes and Complements. *Journal of Political Economy*, 1985, vol. 93, no. 3, pp. 488 – 511.
14. Caves R., Porter M. From Entry Barriers To Mobility Barriers: Conjectural Decisions and Contrived Deterrence to New Competition. *Quarterly Journal of Economics*, 1977, vol. 91, no. 2, pp. 247 – 261.
15. Cookson J.A. Anticipated Entry and Entry Deterrence: Evidence from the American Casino Industry, 2015. 57 p. Available at: <https://www.aeaweb.org/conference/2015/retrieve.php?pdfid=1215>
16. Demsetz H. Barriers to Entry. *American Economic Review*, 1982, vol. 72, no. 1, pp. 47 – 57.
17. Dick A.R. Accounting for Semiconductor Industry Dynamics. *International Journal of Industrial Organization*, 1994, vol. 12, no. 1, pp. 35 – 51.
18. Dixit A. A Model of Oligopoly Suggesting a Theory of Barriers to Entry. *The Bell Journal of Economics*, 1979, vol. 10, no. 1, pp. 20 – 32.
19. Dixit A. Recent Developments in Oligopoly Theory. *The American Economic Review*, 1982, vol. 72, no. 2, pp. 12 – 17.
20. Dixit A. The Role of Investment in Entry Deterrence. *The Economic Journal*, 1980, vol. 90, no. 357, pp. 95 – 106.
21. Eaton B.C., Lipsey R.G. Exit Barriers are Entry Barriers: The Durability of Capital as a Barrier of Entry. *The Bell Journal of Economics*, 1980, vol. 11, no. 2, pp. 721 – 729.
22. Ellison G., Ellison S.F. Strategic Entry Deterrence and the Behavior of Pharmaceutical Incumbents Prior to Patent Expiration. *American Economic Journal: Microeconomics*, 2011, vol. 3, no.1, pp. 1 – 36.
23. Farrel J., Shapiro C. Dynamic competition with switching costs. *RAND Journal of Economics*, 1988, vol. 19, pp. 123 – 137.
24. Ferguson J. *Advertising and Competition: Theory, Measurement, Fact*. New York, Ballinger Publ., 1975. 204 p.
25. Fudenberg D., Tirole J. *Dynamic Models of Oligopoly*. New York, Harwood Academic Publ., 1986. 96 p.
26. Fudenberg D., Tirole J. Learning by Doing and Market Performance. *Bell Journal of Economics*, 1983, vol. 14, pp. 522 – 530.
27. Fudenberg D., Tirole J. The Fat-Cat Effect, the Puppy-Dog Ploy and the Lean and Hungry Look. *The American Economic Review*, 1984, vol. 74, no. 2, pp. 361 – 368.
28. Fumagalli Ch., Motta M. Exclusive Dealing and Entry, when Buyers Compete. *The American Economic Review*, 2006, vol. 96, no. 3, pp. 785 – 795.
29. Gedge C., Roberts J.W., Sweeting A. A Model of Dynamic Limit Pricing with an Application to the Airline Industry. *NBER Working Paper*, 2014. 76 p.
30. Geroski P., Gilbert R., Jacquemin A. *Barriers to Entry and Strategic Competition*. New York, Harwood Academic Publ., 1990. 98 p.
31. Gilbert R. Mobility Barriers and The Value of Incumbency. *Handbook of Industrial Organization*, 1989, vol. 1, pp. 476 – 535.
32. Gilbert R., Vives X. Entry Deterrence and the Free Rider Problem. *Review of Economic Studies*, 1986, vol. 53, no.1, pp. 71 – 83.
33. Goolsbee A., Syverson C. How Do Incumbents Respond to the Threat of Entry? Evidence from the Major Airlines. *The Quarterly Journal of Economics*, 2008, vol. 123, no. 4, pp. 1611 – 1633.
34. Harrington J. Strategic Behavior and Market Structure. *The New Palgrave Dictionary of Economics*. London, MacMillan Press Publ., 1987. 515 p.
35. Hay G. Sequential Entry and Entry-Detering Strategies. *Oxford Economic Papers*, 1976, vol. 28, pp. 240 – 257.
36. Huisman K.J., Kort P.M. *Strategic Capacity Investment Under Uncertainty*. Tilburg, Operations Research Publ., 2013. 36 p.
37. Jarmin R.S. Learning by Doing and Competition in the Early Rayon Indus-

- try. *RAND Journal of Economics*, 1994, vol. 25, pp. 441 – 454.
38. Jun B., Vives X. Strategic Incentives in Dynamic Duopoly. *Journal of Economic Theory*, 2004, vol. 116, no. 2, pp. 249 – 281.
39. Klemperer P. Competition when Consumers have Switching Costs: An Overview with Applications to Industrial Organization, Macroeconomics, and International Trade. *Review of Economic Studies*, 1995, vol. 62, no. 4, pp. 515 – 539.
40. Kovenock D., Roy S. Free Riding in Noncooperative Entry Deterrence with Differentiated Products. *Southern Economic Journal*, 2005, vol. 72, no. 1, pp. 119 – 137.
41. Kreps D., Wilson R. Reputation and Imperfect Information. *Journal of Economic Theory*, 1982, vol. 27, pp. 253 – 279.
42. Lapham B., Ware R. Markov Puppy Dogs and Related Animals. *International Journal of Industrial Organization*, 1994, vol. 12, no. 4, pp. 569 – 593.
43. Lieberman M.B. The Learning Curve and Pricing in the Chemical Processing Industries. *RAND Journal of Economics*, 1984, vol. 15, no. 2, pp. 213 – 228.
44. Maskin E.S. Uncertainty and Entry Deterrence. *Economic Theory*, 1999, vol. 14, pp. 429 – 437.
45. Mathewson G.F., Winter R.A. The Competitive Effects of Vertical Agreements: Comment. *American Economic Review*, 1987, vol. 77, pp. 1057 – 1062.
46. McAfee R.P., Mialon H., Williams M. What Is A Barrier To Entry? *American Economic Review*, 2004, vol. 94, no. 2, pp. 461 – 465.
47. Modigliani F. New Developments on the Oligopoly Front. *Journal of Political Economy*, 1958, vol. 66, no. 3, pp. 215 – 232.
48. Ordovery J.A., Willig R.D. An Economic Definition of Predation: Pricing and Product Innovation. *The Yale Law Journal*, 1981, vol. 91, no. 1, pp. 8 – 53.
49. Prescott E., Visscher M. Sequential Location among Firms with Foresight. *Bell Journal of Economics*, 1977, vol. 8, pp. 378 – 393.
50. Quirk J.P., Fort R.D. *Pay Dirt: The Business of Professional Team Sports*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1992. 538 p.
51. Rasmusen E. Entry for Buyout. *Journal of Industrial Economics*, 1988, vol. 36, no. 3, pp. 281 – 299.
52. Rey P., Tirole J. A Primer on Foreclosure. *Handbook of Industrial Organization*, 2007, vol. 3, pp. 2145 – 2220.
53. Riordan M.H. Anticompetitive Vertical Integration by a Dominant Firm. *American Economic Review*, 1988, vol. 88, pp. 1232 – 1248.
54. Salop S.C., Scheffman D.T. Cost-raising Strategies. *Journal of Industrial Economics*, 1987, vol. 36, pp. 19 – 34.
55. Schelling T. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1981. 328 p.
56. Scherer F. *Industrial Market Structure and Economic Performance*. Rand-McNally College Publ., 1970. 576 p.
57. Schmalensee R. Advertising and Entry Deterrence: An Exploratory Model. *Journal of Political Economy*, 1983, vol. 91, pp. 636 – 653.
58. Schmalensee R. Entry Deterrence in the Ready-to-Eat Breakfast Cereal Industry. *Bell Journal of Economics*, 1978, vol. 9, pp. 305 – 327.
59. Schmalensee R. Sunk Costs and Antitrust Barriers to Entry. *American Economic Review*, 2004, vol. 94, no. 2, pp. 471 – 475.
60. Schwartz M. The Nature and Scope of Contestability Theory. *Oxford Economic Papers Supplement*, 1986, vol. 38, pp. 37 – 57.
61. Selten R. The Chain-Store Paradox. *Theory and Decision*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 127 – 159.
62. Spence A.M. Entry, Capacity, Investment and Oligopolistic Pricing. *The Bell Journal of Economics*, 1977, vol. 8, no. 2, pp. 534 – 544.
63. Spence A.M. Investment Strategy and Growth in a New Market. *The Bell Journal of Economics*, 1979, vol. 10, no. 1, pp. 1 – 19.
64. Stackelberg von H. *Market structure and equilibrium*. Berlin, London, Springer Publ., 2011. 134 p. (Transl. by D. Bazin, L. Urch and R. Hill).

65. Sylos-Labini P. *Oligopoly and Technical Progress*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1962. 206 p.
66. Tan K. M. Incumbent Response to Entry by Low-Cost Carriers in the U.S. *Airline Industry*, 2011. 32 p. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2006471>.
67. Vardy F. The Value of Commitment in Stackelberg Games with Observation Costs. *Games and Economic Behavior*, 2004, vol. 49, pp. 374 – 400.
68. von Weizsäcker C.C. A Welfare Analysis of Barriers To Entry. *The Bell Journal of Economics*, 1980, vol. 11, no. 2, pp. 399 – 420.
69. Waldman M. Noncooperative Entry Deterrence, Uncertainty, and The Free Rider Problem. *Review of Economic Studies*, 1987, vol. 54, pp. 301 – 310.
70. Whinston M. Tying, Foreclosure and Exclusion. *American Economic Review*, 1990, vol. 80, no. 4, pp. 837 – 859.

About the author:

Denis A. Seliverstov – PhD student of Applied Economics Department, MGIMO-University. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: DENIS_FP@mail.ru.

A NEW GENERATION DRAWS THE LINE: HUMANITARIAN INTERVENTION AND THE “RESPONSIBILITY TO PROTECT” TODAY

Milos Rastovic

Duquesne University, Pitsburg, USA

Book review: Chomsky N. A New Generation Draws the Line: Humanitarian Intervention and the “Responsibility to Protect” Today. Boulder: Paradigm Publishers, 2012. 176 p. The book under review examines controversial norm of “humanitarian intervention”. It clearly demonstrates that the norm was used selectively and with different arguments in various situations. Noam Chomsky has managed to present a fair and balanced account of positive and negative aspects of humanitarian interventions as well as provide thought-provoking policy recommendations for improving human rights protection.

Key words: humanitarian intervention, national interest, agenda-setting, human rights protection.

The book is an expanded edition compiled from Noam Chomsky’s articles, lectures, and the book *The New Military Humanism*. Noam Chomsky, Professor Emeritus at the Massachusetts Institute of Technology (MIT), is a prolific and prodigious writer famous throughout the world for his studies of linguistics and politics.

Chomsky’s provocative book examines the nature of Humanitarian Interventionism after the Cold War. For Chomsky, “the new era” in international relations was opened by NATO’s bombing of Serbia on March 24, 1999. Tony Blair, British Prime Minister, claimed that “the new generation draws the line” fighting for “values” where “the brutal repression of whole ethnic groups will no longer be tolerated” [1, p. 1]. Fighting for human rights and “principles and values” became privilege only to be exercised by “the enlightened states” or the so-called “the international community.”

For the author, “the new era” is an unprecedented historical moment when national sovereignty was disregarded in the name of human rights and “principles and values.”

By highlighting the “leading principles” of “the new era,” Chomsky evaluates both positions: proponents and skeptics of “the new era.” This evaluation is based on such criteria as the estimate of foreign and military aid which “the international community” proposes and how they respond to atrocities in the world. His analysis is the result of his exhaustive empirical and theoretical work, and distinctive methodology. He uses a wide range of sources to research inconsistent strategies used in similar situations. For example, military aid and diplomatic support had been given to Turkey during the Kurdish resistance which entailed mass atrocities with no demands for assurances about human rights. Why was “the international community” less concerned about “protecting Kurds in Turkey” yet watchful regarding the protection of Kosovars? For Chomsky, the proponents of “the new era” do not offer credible reasons for this “inconsistency.”

One of the crucial questions posed is why “the international community” did not intervene militarily in East Timor as they had in FR Yugoslavia? Chomsky considers three officially proposed reasons for bombing FR Yugoslavia: “ensuring the stability of Eastern Europe,” “thwarting ethnic cleansing,” and “ensuring NATO’s credibility.” He argues that the third reason is most credible because from the standpoint of the global powers, only they ensure the “stability” of the region. In other words, the region can be “stable” only if it serves the global power interests. In both cases, in East Timor where NATO did not intervene, and in FR Yugoslavia, where NATO had intervened, the consequences were tragic. In two subsequent chapters, he investigates applications of “values and principles” to study both cases of East Timor and Kosovo.

In East Timor, the situation became worse after the referendum on August 30, 1999 when the majority of the population voted for independence. As a result, atrocities conducted by the Indonesian army (TNI) sharply increased. Unlike the case of Kosovo, there was no War Crimes Tribunal set up by “the international community.” Chomsky exposes the ambiguity of “the international community,” and investigates the reasons for NATO’s action/inaction in both cases. The author’s findings are valuable for every researcher to observe the connection between military, business, and geo-strategic goals. Chomsky argues that the Indonesian army was supported and trained by the US and its allies. For this reason, “the enlightened West” was blind to victims in East Timor.

In the case of Kosovo, the West needed the War Crimes Tribunal to justify 78 days of bombing Serbia. In order to validate its airstrikes against Serbia, which occurred without approval of the UN Security Council, NATO searched for Serbian war crimes immediately when they came into contact with troops in Kosovo. In contrast, the United Nations civilian police had not enough sources and support to investigate atrocities in East Timor. Chomsky states, that it was important that the records about these atrocities in East Timor “remain hidden” [1, p. 61]. Based on his research and evidence, the NATO bombing of FR Yugoslavia was followed by a substantial “escala-

tion of atrocities and ethnic cleansing.” The cause of the mass refugee crisis was the bombing, not the reverse. The author gives us a review of events leading up to the bombing, in which he concludes that there were not any substantiated reports enough to be a motive for the bombings. Furthermore, he stressed that “the international community” did not want to develop diplomatic options for solving the problem of Kosovo because NATO would lose its own role in international relations.

From Chomsky’s standpoint, the only benefit gained by bombing Serbia were those accrued by Western militaries and NATO by confirming their own “credibility” and domination in the Balkan region. He concludes that the world has only two choices regarding the use of force: either to follow the UN Charter or something better, or the great powers will do what they want guided by their interests and profits.

However, the most intriguing question posed: how can universality of human rights only be applied in cases which are useful for the interests of the “enlightened countries,” who took a responsibility to protect human rights in “the new era?” This inspirational book offers a different guise to this question and exposes the darker side of “humanitarian interventions,” which remain well-scrubbed from public surface.

Like in his other books, he demonstrates the wisdom of a philosopher and exactness of a linguist in order to reveal the truth about international relations and fuel a discussion about the uses and abuses of power inside it. The book is written in accessible and clear language and will be interesting not only to scholars, but to a general audience as well. It is an important contribution to political science, and an essential reference for policy makers. The book sparks readers to rethink different aspects of international relations with deeper understanding of the world in which we live. As Chomsky proclaimed, “it makes good sense to struggle for a better world, but not to indulge in pretense and illusion about the one in which we live today” [1, c. 141].

References

1. Chomsky N. *A New Generation Draws the Line: Humanitarian Intervention and the “Responsibility to Protect” Today*. Boulder: Paradigm Publishers, 2012. 176 p.

About the author:

Milos Rastovic – a scholar-in-residence at Duquesne University in Pittsburgh (USA), a journalist for the American Srbobran, a contributor to Politics and other newspapers. 600 Forbes Ave, Pittsburgh, PA 15282, USA. E-mail: rastovicm@duq.edu.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРОВОДИТ ЧЕРТУ: ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ЗАЩИТЕ» СЕГОДНЯ

М. Растович

DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-233-236

Университет Дюкейн

Рецензия на книгу: Н. Чомского «Новое поколение проводит черту: гуманитарная интервенция и «ответственность по защите» сегодня». Боулдер: Парадигм Паблишерз, 2012. 176 с.

В данной книге рассматриваются основные этапы формирования новой практики международного права, которая известна как «гуманитарная интервенция». Автор книги исследует, какая аргументация использовалась для легитимизации вмешательств и каковы были альтернативы в то время. Книга наглядно демонстрирует, что приверженцы гуманитарной интервенции по-разному реагировали на ситуации одного типа. Рецензент делает вывод о том, что автор представил сбалансированный анализ позитивных и негативных аспектов гуманитарных вмешательств, а также сформулировал продуманные рекомендации по вопросам политики в области защиты прав человека.

Ключевые слова: гуманитарное вмешательство, национальные интересы, формирование повестки дня, защита прав человека.

Список литературы

1. Chomsky N. A New Generation Draws the Line: Humanitarian Intervention and the “Responsibility to Protect” Today. Boulder: Paradigm Publishers, 2012. 176 p.

Об авторе:

Милош Растович – исследователь Университета Дюкейн (Питтсбург, США), журналист. 15282, США, штат Пенсильвания, Питтсбург, Форбс авеню, 600.
Email: rastovicm@duq.edu.

ПО СЛЕДАМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СОФИИ

Н.С. Гусев

Институт славяноведения РАН

Рецензия на книгу, посвященную русской эмиграции в Софии, её следу в истории и облике болгарской столицы: Р. Михнева, К. Грозев, Г. Рупчева «"Малката Русия" на жълтите павета». София: Камея Груп ЕООД, 2016. 246 с.

Ключевые слова: русская эмиграция, Болгария.

Долгие годы проблематика «белой» эмиграции являлась табуированной в научной литературе СССР и стран советского блока. В последние десятилетия эта тема стала активно разрабатываться, однако исследований, посвящённых русским изгнанникам в Болгарии, сравнительно мало. «"Маленькая Россия" на жёлтой брусчатке» дополняет и расширяет наше знание этого вопроса. Жёлтой брусчаткой вымощен центр болгарской столицы, она является одной из визитных карточек Софии, одним из элементов, создающих городское пространство. Это название авторы выбрали совершенно не случайно. Традиционно научные работы построены по проблемно-хронологическому принципу. Р. Михнева, К. Грозев и Г. Рупчева пошли иным путём: главы их книги посвящены конкретным улицам либо же учреждениям, история которых была связана с русской эмиграцией и шире – с Россией.

Стоит признать, что Болгария после Первой мировой войны являлась глубокой провинцией Европы, известные политики и деятели культуры использовали её лишь как перевалочный пункт на пути в Париж, Берлин, Прагу и т.д. Однако выходцев из России в Софии было предостаточно. Так, здесь функционировало и боролось с агентами ОГПУ отделение РОВС (с. 91–106), действовали русские гимназии и частный университет (с. 111–133), эмигранты даже создали собственный театр, получивший имя «Ренессанс». Кроме того, во главе столичной пожарной службы в 1923–1944 гг. стоял родившийся в Киеве Ю.П. Захарчук,

в 1940 г. приехавший на тушение этого самого «Ренессанса» (с. 181–186). Сложившаяся ситуация ярко иллюстрирует масштаб присутствия русских в Софии: пожар в театре, созданном русским, был ликвидирован под руководством русского. Повлиял приезд эмигрантов и на облик горожанок. Первое время софийки даже ревновали своих мужей, глазеющих на русских красавиц, разодетых, по мнению патриархальных болгарок, развратно. Но затем и они потянулись за европейской модой (с. 178).

Наибольшее влияние эмигранты оказали на Софийский университет (ныне – СУ им. св. Климента Охридского). Здесь работали историки Н.П. Кондаков и П.М. Бицилли, литературовед М.Г. Попруженко, философ Н.С. Трубецкой, публицист и юрист П.Б. Струве и многие другие. Значительная часть русских учёных по истечении срока контракта в три года покидала Болгарию, отправляясь в более известные университеты. Самым коротким оказалось сотрудничество с СУ И.А. Бунина. Его кандидатура была утверждена Академическим советом университета, но за то время, пока он находился в Софии, с будущим лауреатом Нобелевской премии приключились две неприятности. Сначала он, задержавшись в гостях у писателя Ст. Чилингирова, опоздал на мероприятие, где произошёл теракт, что и спасло Бунина от гибели. Затем в отеле у него украли драгоценности, в том числе и золотые медали Академии наук. В конечном счёте, пробыв в болгарской столице 20 дней, Иван Алексеевич решил ехать далее – в Париж (с. 151–152).

Подобные личные истории делают книгу более живой и увлекательной, перед читателем предстаёт целый калейдоскоп трагедий и успехов русских эмигрантов в Софии. Необходимо отметить, что в своём содержании «Маленькая Россия» пересекается с работой отечественного историка В.И. Косика «Софии русский уголок» [1], но это вызвано ограниченным набором персонажей. К тому же рецензируемая книга – совершенно иной взгляд на проблему – взгляд болгар со всеми вытекающими последствиями. Где-то это даже и приукрашивание фактов общей истории двух народов. Так, авторы утверждают, что на месте нынешнего болгарского посольства находился монастырь, в котором были созданы условия для творчества митрополита московского Киприана, болгарина по происхождению (с. 33). Однако там находилась лишь деревня, где глава церкви провёл свои последние годы, основал и поныне существующий храм. Вдобавок символичность этого факта для истории взаимоотношений России и Болгарии дезавуируется расположенными там же зданиями представительств КНДР, Румынии и Венгрии. Иногда в книге деликатно умалчиваются отдельные факты, связанные с периодами противостояния Софии и Петербурга. Рассказывая об одном из символов памяти о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – храме-памятнике Александра Невского, авторы указывают, что он был освящён в 1924 г. (с. 42), хотя забывают упомянуть, что его строительство закончилось в 1912 г., но последовавшие Балканские и Первая мировая войны осложнили отношения с Россией вплоть до того, что некоторое время собор носил другое имя.

Также недостатком книги является большое количество опечаток, иногда даже курьёзных (например, Ф.И. Шаляпин превратился в «Шалапяна» (с. 201)), небрежностей (так, перечисляя клир русской церкви св. Николая Чудотворца часть священников названа по именам, а часть, вопреки традиции, – лишь по фамилиям (с. 61). Тем, что имена не сохранились, это объяснить нельзя, поскольку в дальнейшем они упоминаются (с. 223)).

К достоинствам структуры книги стоит отнести большое количество иллюстраций, пояснений, что делает чтение более лёгким и интересным. Однако некоторые из исторических справок кажутся избыточными, не относящимися к теме и разрывающими ткань повествования, к примеру, это очерк состояния масонства в России начала XX в. (с. 69–70), биография А.Ф. Трепова (с. 73–76), история борьбы окружения Николая II с Г.Е. Распутиным (с. 84–85).

Книга оставляет приятное впечатление, если учитывать её научно-популярный характер. Авторы, несомненно проделали серьёзную и важную работу не только собрав материал, но и сумев его преподать в интересной и новаторской форме. Возможно, книгу (с учётом устранения недостатков и адаптации) стоило бы перевести и на русский язык. Тогда она смогла бы послужить прекрасным путеводителем для русских туристов в Софии, позволяя им увидеть за безжизненными зданиями и мостовыми судьбы своих соотечественников, вынужденных покинуть родину после революционных потрясений 1917 г.

Список литературы

1. Косик В.И. Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2008. 236 с.

Об авторе:

Никита Сергеевич Гусев – к.и.н., научный сотрудник Института славяноведения РАН. 119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А. E-mail: gusevns@gmail.com.

FOLLOWING RUSSIAN EMIGRATION TO SOFIA

N.S. Gusev
DOI 10.24833/2071-8160-2017-5-56-237-240

The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Review of the book on Russian emigration to Sofia. It traces the history and influence of Russian immigrants on the capital of Bulgaria. Mikhneva R., Grozev K., Rupcheva G. *"Little Russia" on the yellow paving stones*. Sofia: Kameia Grup EOOD, 2016. 246 p.

Key words: Russian emigration, Bulgaria.

References

1. Kosik V.I. *Sofii russkii ugiok. Ocherki so stikhami o russkikh, pokinuvshikh Rossiuiu posle oktiabr'skoi revoliutsii 1917 goda i posledovavshei za nei grazhdanskoi voiny* [Russian area of Sofia. Essays with poems about Russians who left Russia after the October revolution of 1917 and the subsequent civil war] Moscow: PROBEL-2000, 2008. 236 p. (In Russian).

About the author:

N.S. Gusev – PhD in Historical Sciences, researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 32-A Leninskii prospect, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: gusevns@gmail.com.